МОЛДАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Факультет психологии и педагогических наук

Л.М. АНЦИБОР

Макиавеллизм в структуре современного психологического знания: проблемы теории и методологии анализа

Монография

Кишинэу – 2014
CEP USM

CZU

Монография рекомендована к публикации Ученым Советом
Молдавского государственного университета

Рецензенты:
БУКУН Н.И. – доктор хабилитат психологических наук, профессор,
зам. директора по науке Института педагогических наук (г. Москва)
ГУТОРОВ В.Г. – доктор философских наук, профессор, заведующий
кафедрой теории и философии политики факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета

В монографии обсуждается доктрина государственного деятеля, историка и философа Никколо Макиавелли, которую называют обычно макиавеллизмом. Макиавеллизм характеризует тот уровень, на котором индивиды защищают или используют подход, устанавливающий эффективное преимущество ценности непосредственного действия, минующего этику и мораль. Макиавеллизм стал поддающимся измерению свойством личности, отражающим, помимо всего прочего, способность и готовность индивидов принимать непосредственное участие в манипуляции, обмане и отстраненном стратегическом резонерстве. В книге поясняется, что, согласно этой доктрине, высшим законом политики является успех. Макиавеллистская личность обращается к манипулятивной стратегии социального взаимодействия и индивидуалистичному стилю, основанному на использовании других людей в качестве инструмента для собственного преуспеяния. Для такой личности характерны знание человеческой природы, циничное и манипулятивное отношение к ней. В целом макиавеллизм «определяет» мораль как «поведенческий код». Этот термин можно использовать либо описательно, либо нормативно, признавая его как потенциально двусмысленный по значению.

Обложка – **Wojtek SIUDMAK**

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

ISBN

© Л.М. Анцибор, 2014
© CEP USM, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. Макиавеллизм как психологический феномен: исторический аспект 15

1.1. Многоликий Макиавелли**:** историко-психологический портрет 18

1.2. Макиавелли и реализм 30

1.3. Враждебность к метафизике 35

1.4. Макиавелли против макиавеллизма: психология, этика, политика 57

1.5. Макиавеллистская традиция в истории социально-политической мысли 72

Глава 2. Проблемы психологической интерпретации термина «макиавеллизм» 90

2.1. Парадоксы учения Макиавелли о поведении человека 90

2.2. Теоретико-методологические аспекты изучения феномена макиавеллизма в психологии 98

2.3. Основные принципы операциональной аналогии в исследовании феномена макиавеллизма 115

2.4. Современные интерпретации термина «макиавеллизм» 128

2.5. Макиавеллизм как психологическое свойство личности 138

Глава 3. Макиавеллизм и эволюция концепции личности в зарубежной психологии 154

3.1. Пути исследования макиавеллизма в психологии 154

3.2. Эволюция концепции личности в психологии и феномен макиавеллизма 156

3.2.1. Проблема личности в советских психологических школах и взгляд на природу человеку в учении Макиавелли 156

3.2.2. Представления Макиавелли о человеке и концепции личности в западной классической психологии 166
3.3. Перспективы исследований макиавеллизма в свете современных достижений в области психологии 190
3.3.1. Расширение рамок теории личности и возможности изучения феномена макиавеллизма..... 190
3.3.2. Макиавеллизм и психология человеческого бытия 200

Глава 4. Теоретические подходы исследования макиавеллизма в психологии..... 210
4.1. Социально-психологический подход в изучении феномена макиавеллизма 210
4.1.1. Изучение макиавеллизма как качества, необходимого лидеру..... 211
4.1.2. Макиавеллизм как фактор имморализма..... 230
4.2. Клинико-психологический подход при изучении макиавеллизма личности 240
4.2.1. Макиавеллизм как индивидуальная особенность личности и критерий успешности психосоциальной адаптации..... 240
4.2.2. Исследование макиавеллизма как индивидуального стимула личностных и социальных дисфункций 245
4.3. Макиавеллизм как эволюционно стабильная стратегия 251

Заключение..... 256

Библиография..... 267

Введение

Никколо Макиавелли можно считать основоположником современной политической психологии и наиболее ярким предшественником современной психологии личности. Проблема исследования феномена макиавеллизма как свойства личности, формы лжи и манипуляции в системе социально-психологической адаптации, несмотря на давнюю традицию, до сих пор не получила должного изучения. Между тем, следует заметить, что интерес к данной теме в последние годы значительно возрастает в контексте изменения социально-экономических условий, сложной перестройки общественного сознания, формирования жизненных, моральных ориентиров и идеалов молодежи. Об этом свидетельствует существенное увеличение числа публикаций на данную и смежные с ней проблемы: А.К. Акименко [8], Э.Аронсон, Э.Пратканис [22], Д. М. Баткин [24], Н.Букун, Л.Анцибор [41], В.Г. Грачев И.К., Мельник [58], Е.Л. Доценко [70], Б.И. Дубровский [72], М.С. Егорова [74], О.О. Жданова [75], Р. Жоуле [285], В.В. Знаков [84], И.А. Ильин [86], И.Н. Калуцкая [91], С.Г. Кара-Мурза [95], М.Ю. Коноваленко [100], Р.Кристи [239] Ф.Гайс [263], А.Д. Ларина [110], М.А. Одинцова [136], А.Н. Поддьяков [143], А.В. Прокофьев [146], И.Раку, Н.Букун, И.Негурэ [333], В.И. Рутенбург [155], Е.Т Соколова, Г.А. Иванищук [164], А.Н. Тарасов [170], Р.О. Хлодовский [180], Р.Чалдини [185], В.П. Шейнов [191], Ю.В. Щербатых [196], П.Экман [197], А.Уббель [279], Д.С. Уилсон [370], Ж.В. Фемия [252], М.Шляхтицкий [307] и др.

Осмысление феномена макиавеллизма и тесно связанного с ним феномена обмана, манипуляции как инструментов дезориентации в пространстве нравственных норм особенно актуально в условиях информационного общества, быстрого развития технологий «троянского обучения»*. Однако в научной литературе на сегодняшний день практически отсутствует системное и комплексное исследование данного феномена с точки зрения взаимосвязи философии и политической, социальной и психологической наук. Термин «макиавеллизм» обязан своим происхождением учению итальянского политического мыслителя и государственного деятеля, выдающегося представителя эпохи Возрождения флорентинца Никколо Макиавелли (1469-1527). Однако данное понятие далеко не тождественно его учению, которое в основ-

---

* Троянское обучение – скрытое обучение другого субъекта тому, что для него невыгодно, вредно, опасно, но соответствует интересам организатора обучения. Понятие образовано от метафоры «троянский конь».

ном изложено в трактатах Макиавелли «Государь» (1513 г., издан посмертно в 1532 г.) и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» [27]. Среди других его сочинений, которые дополняют идеи, сформулированные в данных трактатах, следует отметить «Историю Флоренции» (1520–1525 гг., издана в 1532 г.), комедию «Мандрагора» («Mandragora»,1518 г., поставлена и издана в 1524 г.) и «Золотой осёл» («Dell' Asinod'Oro», 1516–1517гг.), перевод басен Плавта «Бельфагор» и «Андриа» (1518 г.), трактат «О военном искусстве» (1519–1520 гг.), «Рассуждение о способах упорядочения дел во Флоренции после смерти герцога Лоренцо» (1520 г.), составленное по настоянию папы Льва X, «Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливетто да Фермо, сеньоро Паоло и герцога Гравина Орсини», «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки» (1520 г.), «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны» и др.

«Государь» (некоторые переводчики используют название «Монарх», иногда «Принц») чаще всего рассматривался не с точки зрения его логической и научной ценности, а в основном с моральной. В 1546 году среди участников Тридентского собора был распространён меморандум, где было сказано, что макиавеллиевский «Государь» написан рукой сатаны. Начиная с 1559 года все сочинения Макиавелли были включены в первый «Индекс запрещённых книг».

Самой известной попыткой литературного опровержения Макиавелли был труд Фридриха Великого «Антимакиавелли», написанный в 1740 году. Он отмечал: «Я дерзаю ныне выступить на защиту человечества от чудовища, которое желает его уничтожить; вооружившись разумом и справедливостью, я осмеливаюсь бросить вызов софистике и преступлению; и я излагаю свои размышления о «Государе» Макиавелли – главу за главой, – чтобы после принятия отравы незамедлительно могло бы быть найдено и противоядие».

Среди первых серьёзных критиков-комментаторов и интерпретаторов Макиавелли были Томмазо Кампанелла и Жан Боден. Последний сходился с Макиавелли во мнении, что государство являет собой вершину экономического, социального и культурно-исторического развития цивилизации.

Исторически современному термину «макиавеллизм» предшествовал термин «макиавеллист», который впервые в печатном виде появился в 1581 году в произведении французского политического писателя Н.Фрументо «Финансы», а затем в 1589 году этот же термин появляется в Англии в одном из трактатов Т.Нэша. Первым же, кто запустил в обращение слово «макиавеллизм» для обозначения политики, которая *пренебрегает нравственными правилами и считает всякое средство дозволенным, как скоро оно ведет к желанной цели*, был французский политический теоретик И.Жантийе, который

в 1589 году издал трактат «Анти-Макьявелли». Именно с его «легкой руки» это слово укоренилось в литературе и в обществе и установилось мнение, будто Макиавелли в своих сочинениях возвел в теорию политику виновников Варфоломеевской ночи.

Создавался этот трактат в условиях кровавых захватнических и религиозных войн (вспомним сказанное до Макиавелли, но вполне макиавеллистское «убивайте всех, Господь на небесах отличит истинно верующих от еретиков»), а также при обстоятельствах личной судьбы автора столь скандально известного трактата «Государь» [155], [14], [68], [207], [10], [32]. Его обвиняли в безнравственности и рассматривали как дурного советчика монархов, но он был только откровенен до цинизма и рисовал свою «монархию» такой, какой она на самом деле была. Недаром Ф.Бэкон говорил, что «мы должны быть благодарны Макиавелли и другим подобным писателям, которые открыто и ничего не замаскировывая изображали то, как люди обычно делали, а не то, как они должны были делать» [213].

Понимание смысла и контекста, в котором были сформулированы основные положения учения Макиавелли, позволяет глубже вникнуть в суть его учения, однако это не объясняет его полностью. Основная заслуга Н.Макиавелли состоит в том, что он не признаёт априорных истин, абстрактных принципов, не признает авторитета как критерия истины, а провозглашает новый метод – **опыт**, и закладывает научную основу (**методологию**) для изучения **человека как социально-психологической единицы** анализа культурно-исторического процесса.

Сочинения Макиавелли свидетельствовали о начале новой эры в развитии политической философии Запада: размышления над проблемами политики, по его убеждению, должны были перестать регулироваться нормами богословия или аксиомами нравственности. Это был конец долгой эпохи господства и влияния философии блаженного Августина: все идеи и вся деятельность Макиавелли созидали во имя «Града Человеческого, а не Града Божьего». Политика уже утвердила себя самостоятельным объектом исследования – искусством создания и усиления института государственной власти [89].

Воззрения, приписываемые Макиавелли, не могли не возбудить всеобщего интереса и любопытства. В случае с флорентийским мыслителем, приписываемые ему взгляды «зажили» самостоятельной жизнью и обросли такими известными ответвлениями, как «макиавеллизм» и «антимакиавеллизм». С Макиавелли произошло то, что не раз происходило и с другими в истории человечества. Макиавеллизмом, как пишет Ф. Де Санктис, назвали то, что в его учении было второстепенным, относительным, а основное, бесспорное и нетленное, забыли [65].

Таким образом, на создание однозначно отрицательного образа Макиавелли повлиял ряд факторов. В первую очередь на этот «образ» работала тогдашняя католическая церковь, деятелей которых он беспощадно критиковал, считая их источником порока (современные оценки ее деятельности того периода тоже далеки от благостных). Во-вторых, на критику со стороны церкви наслаивались затем более поздние работы политологов, например – «Диалог Макиавелли и Монтескье в аду, или Политика Макиавелли в XIX столетии» М. Жоли (1864) [10] и др.

Критики XIX в. унаследовали в основном от своих предшественников воззрения на Макиавелли как на писателя, считавшего «всякое средство дозволенным, как скоро оно ведет к желанной цели». Однако для истории науки интереснее сочинения тех писателей, которые заметили, что суждения некоторых критиков о его теории противоречат воззрениям Макиавелли и не согласуются с общим смыслом его политического учения. Так, например, поступает Амело де ла Гуссе [207], когда опровергает мнение, будто Макиавелли был атеистом, или что он был приверженцем тирании. Другие стараются защитить Макиавелли от предъявляемых ему обвинений, однако увлекаются настолько, что рассуждения уводят их в противоположную крайность. Существуют и другие мыслители, так называемые «мягкие макиавеллианцы» (К.К. О'Брайор), которые выдвигают на первый план его героические республиканские пристрастия и патриотические чувства. Однако одним из самых замечательных последователей Макиавелли до́лжно считать его современника, великого итальянского историка Ф.Гвиччардини [323]. Он не только не считает политические советы Макиавелли безнравственными, но, напротив, находит их вполне разумными и целесообразными, и весь тон его воззрений свидетельствует о том уважении, с которым он относится к своему знаменитому современнику, с которым он состоял в переписке. Последующие писатели должны были считаться с этими противоположными воззрениями и, стараясь примирить их, глубже вникать в учение Макиавелли, обращая внимание на существовавшие исторические условия, воссоздавая место и время, определившие его политические убеждения, а также тип личности самого автора теории.

Так что же сделал Макиавелли для Италии, и за что впоследствии потомки, вопреки столь резким высказываниям в его адрес со стороны ученых, на памятнике, воздвигнутом в его честь в Церкви Санта-Кроче во Флоренции (1787 г.), выбили надпись: «*Имя его выше всех похвал*», или «*Никакая эпитафия не выразит всего величия этого имени*» (*см. рис. 4*). По всей видимости, имя этого великого мыслителя значимо не только для самой Италии, если его идеи вызывали такую острую и длительную дискуссию в истории человече-

ства, которая периодически то затихает, то вновь активизируется на протяжении уже пяти столетий кряду.

Отвечая на первый вопрос, отметим, что когда Италия представляла собой, по словам Данте, «в суровой буре судно без кормила», Макиавелли заявил о том, что нужно *соединить воедино разъединенные национальные части Италии*. Одна из главных целей жизни Н.Макиавелли – независимость родной Флоренции в период постоянных и зачастую успешных нападений на нее со стороны сопредельных стран, превращение ее в сильное государство. Макиавелли вводит в научный понятийный аппарат слово «Родина» вместо существовавших в средние века понятий «верности» и «подданства». Отбросив всё сверхъестественное, он возводит в основу жизни человека понятие «Родины» и определяет назначение Человека на земле. Первейший долг человека, как считает Макиавелли, – это патриотизм, забота о славе, величии и свободе Родины, а не папы и императора.

Ответить же на второй вопрос не так просто. Во-первых, необходимо ответить на вопрос, ***кто*** мог справиться с такой задачей, и, во-вторых, ***как, каким способом*** этот кто-то может решить столь сложную задачу. Тем самым, в своих трактатах Макиавелли ставит вопрос о ***Государе*** (*princeps)*, который лишь благодаря своей ***Доблести*** (*virtus*) может соединить воедино эти рассыпавшиеся национальные части его Родины.

В своих политических трактатах Макиавелли преследовал практическую цель и поэтому стремился, во-первых, снабдить своих соотечественников такими советами, которыми они могли бы руководствоваться в реальной жизни. Поэтому он не мог указать лишь на **цель**, к которой *должны* стремиться его соотечественники, а должен был также указать на **средства**, с помощью которых эти цели *могли бы быть достигнуты*. Если же он указывает на средства, то должен считаться и с реально существующими *отношениями*, т.е. считаться с существующим на данный момент политическим состоянием дел в государстве. Во-вторых, когда Макиавелли развивает своё учение о **нравственности** и рассуждает о *наилучшем государственном устройстве,* он выставляет напоказ те положения, которые отличаются чистотою и возвышенностью убеждений. Однако говоря о политических средствах, он поневоле нисходит к среднему уровню нравственности, характерному в то время для большинства его современников. Лишь в определенном случае (учитывая уровень развития общества) он предлагает именно такие «советы», на которые не решился бы политик, пребывающий в совершенно иной нравственной атмосфере. Лишь с помощью *сильной власти,* с точки зрения Макиавелли, государь может создать такое могучее централизованное государство, в рамках которого возможна гражданская жизнь и любая общественная инициатива.

В сочинениях Макиавелли речь идет, прежде всего, о **«прагматике»,** о стратегии и тактике получения и достижения власти в формирующейся новой политико-экономической реальности, а не о власти в целом. В историю же он вошел в большей степени как мыслитель, который во весь голос провозгласил человечеству, что «*для достижения цели человек не пренебрегает никакими средствами, вплоть до аморальных»*. Тем не менее, учение итальянского мыслителя основывается на глубоком психологическом **реализме** и, в частности, на обоснованном им следующем фундаментальном тезисе: природа создала людей такими, что они могут желать, чего угодно; между двумя полюсами – желаемым и действительным – возникает опасное напряжение (неудовлетворенность), способное надломить человека, сделать его завистливым, коварным или жадным. Учение Макиавелли основано на глубоком знании социально-психологических *закономерностей поведения человека*.

Таким образом, основная характеристика творчества Макиавелли – не циничный аморализм, а «гуманистический патриотизм», который, однако, не может считаться безупречным, поскольку предполагает, что индивид может быть принесен в жертву Родине и в этом смысле человеческая личность утрачивает свою самоценность [180]. Поэтому нравственные оценки этой ситуации всегда будут неоднозначны, и деятельность Макиавелли у кого-то вызовет неприятие, отторжение, возмущение, у кого-то – уважение и восхищение, а у кого-то – сочувствие.

В целом, в теории Макиавелли находит своё отражение процесс укрепления светского государства, избавлявшегося от теократии, характерной для периода, в котором жил и творил мыслитель. Лишь позднее, уже последователям Макиавелли стало понятно, что то государство, за которое он так ратовал в своё время, уже само начинает всё «прибирать к рукам». Однако Макиавелли не был первым, кто говорил о *социальных противоречиях* как об одном из основных элементов жизни общества. До него на это указывали Платон и Аристотель, однако он был первым из европейских мыслителей эпохи модерна, кто предпринял попытку увязать процессы, происходящие в обществе, с его политической системой. Но Макиавелли указал еще и на то, что средствами, которыми власть приобретается, могут быть как оружие, так и счастье или доблесть. Все эти разнородные случаи предполагают и различные пути для утверждения власти.

Известно, что одними из составных компонентов политической деятельности являются категории правды, лжи и обмана. В отношении данной проблемы в философии и в психологии также существуют различные точки зрения. В западной культуре на одной и той же морально-правовой почве – признании *необходимости соблюдения прав человека*, зародились два диаме-

трально противоположных взгляда на природу лжи и обмана. Ложь обычно рассматривается как одна из форм насилия над обманываемым человеком, как нарушение прав личности [222], [263]. Например, Иммануил Кант отвергал любую ложь на том основании, что «ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права» [93]. Артур Шопенгауэр, напротив, доказывал необходимость высказывания абсолютно не соответствующих истине утверждений в ситуациях неоправданного вмешательства во внутренний мир личности [194]. В начале 90-х годов XIX в. с критикой позиции Канта выступает уже Вл.Соловьев (трактат «Оправдание добра»). И в настоящее время, хотя с момента опубликования кантовского эссе прошло более двухсот лет, по его поводу продолжается ожесточенная полемика (*см. журнал «Логос», 2008, №5*). Современные западные психологи опираются на философскую традицию, которая наиболее ясно выражена в определении Гуго Гроция: «Ложь в собственном смысле слова есть намеренная, связанная с желанием обмануть неправда, которая отнимает или ограничивает у ближнего возможность суждения, на которую он, согласно молчаливому соглашению, имеет естественное право. Ложь предосудительна, потому что несовместима с правами того, к кому она обращена» (цит. по: [290]).

Как и ранее, так и теперь в этой полемике выражается отношение не просто к самому эссе Канта, вдохновленного в том числе и идеями Макиавелли, а к фундаментальным проблемам морали, экзистенциальным проблемам человеческого бытия и взаимоотношений между людьми. Суть полемики – жесткое противостояние:

- тех, кто считает принцип «Не лги!» абсолютным нравственным законом, не допускающим исключений;
- тех, кто считает, что ценой соблюдения принципа «Не лги!» не может быть жизнь невинного человека [21].

Правдивость в обычных условиях и ложь для предотвращения покушений на жизнь и свободу со стороны активно атакующего зла представляют собой не правило и исключение, а вытекают из единого морального принципа, более фундаментального, чем правило «не лгать» [145], [305], из нравственных запретов более высокого системного уровня, обеспечивающих:

- поддержку и развитие положительной кооперации между людьми и
- ограничение тех, кто развивает негативную кооперацию [157].

В целом эта полемика раскрывает фундаментальные, непримиримые по целому ряду ключевых позиций мировоззренческие противоречия, причем не только между сугубо теоретическими представлениями о *должном*, но и представлениями о том, какие нравственные принципы должны

служить людям *ориентирами* для выстраивания поведения в реальных жизненных ситуациях и оценки реальных поступков. Этим и объясняется многообразие направлений исследований феномена макиавеллизма в современной психологии.

Известно, что различные формы девиантного поведения, как и психологические аспекты манипуляции, лжи и обмана, обусловлены политическим и социальным контекстом, которые можно рассматривать как внешнюю среду, как социально-политическое пространство, оказывающее прямое и косвенное влияние на структуру и проявление многообразных форм такого поведения. Ложь, как и манипулятивные установки, играет существенную роль в адаптивном поведении человека. Частота, характер, направленность лжи, также, как и манипуляции, связаны с предпочитаемыми стратегиями поведения, определяемыми в некоторой степени макиавеллистскими свойствами личности.

В современной психологической науке существует ряд определений макиавеллизма, каждое из которых освещает одну из граней этого понятия. Среди них обнаруживается общее положение о том, что у человека существует некая **склонность** к определенной «модели поведения», которая основывается, во-первых, на ***убеждении*** субъекта в том, что при общении с другими людьми ими можно и даже нужно манипулировать [84], [82], [83]. Это положение согласуется с представлением Альфреда Адлера о характере как совокупности устойчивых качеств личности, в которых внешне проявляется и посредством которых реализуется её индивидуальный жизненный стиль. Макиавеллизм личности предполагает также наличие определенных **навыков** – умения манипулирования, основанного на ***знании*** объекта манипуляции. Эта часть определения отражает общую исследовательскую установку о значении когнитивной составной (интеллекта и опыта) в процессе эволюции человека.

Макиавеллизм можно определить как сложное, многогранное, порой противоречивое социально-психологическое явление, систему взглядов, способ управления не только государством, но и способ взаимодействия лидера с народом, с подчиненными и конкурентами в организации, а также как модель межличностного взаимодействия людей, стратегию поведения с другим человеком, не только как с «недругом» или «врагом», но и как с товарищем, коллегой, но не с другом, так как последнее предполагает полное раскрытие и доверие к другому. Можно предположить, что макиавеллизм личности, как и манипулятивность, с которой данное понятие тесно соприкасается, может быть определен в качестве стратегии поведения, основанного на эгоизме, склонности к проявлению «зла», а не «добра», т.е. ***разрушительного***,

деструктивного поведения. Он может быть также и ***созидательным*** – основанным на разумности, стремлении к плодотворной деятельности в различных областях жизнедеятельности людей (управленческая деятельность, бизнес и др.).

Следует также заметить, что макиавеллист как личность, определяющая для себя манипуляцию другими людьми в качестве наиболее эффективной стратегии достижения своих целей, может находиться в группе риска. В литературе по специальности высказываются предположения, что субъекты с высокой степенью выраженности макиавеллизма отличаются коммуникативной ригидностью, низкой эмпатийностью, игнорированием психологических особенностей партнера, отсутствием адаптивной гибкости (способности найти удовлетворительные варианты поведения при различных ситуациях), т.е. именно теми чертами личности, которые, как утверждают исследователи, способствуют развитию стресса и усложняют преодоление трудных жизненных ситуаций. Высказывается также предположение о том, что так называемый макиавеллистский интеллект является одной из эволюционно стабильных стратегий поведения, способствующих адаптации и выживанию в новых, нестандартных условиях.

Таким образом, природа феномена макиавеллизма личности, так же, как и его первоисточник – учение Макиавелли, на основе которого он был сформирован, обнаруживает в себе больше **противоречий**, чем согласованности. Оно отражает сформулированное Э.Фроммом фундаментальное положение, которое можно считать *базовым* и *универсальным* и для других известных теорий личности, т.е. объективным свойством жизни человека является ***экзистенциальная дихотомия.*** Словом «дихотомия» Фромм обозначает объективно присутствующие в жизни человека двухальтернативные противоречия между разными сторонами действительности, которые воспринимаются им как проблемы, требующие разрешения, а понятие «экзистенциальная» указывает на то, что эти дихотомии присущи самой природе его жизни [94]. Второе положение, которое выделяется в современных экзистенциальных направлениях психологии при изучении феномена макиавеллизма, относится к разряду сущностных характеристик человека – это ***позиция человека*** по отношению к этому свойству. В работах Э.Фромма особенности *содержания* обозначены им как схема ориентации и поклонения, а особенности *формирования* этой позиции определяют нормальность и аномальность личности.

Следовательно, целью данного исследования является анализ сущности и мировоззренческих границ «макиавеллизма» в структуре современного психологического знания (философии, политических, социальных и психологических наук). Более конкретно это можно сформулировать следующим

образом: изучить взаимосвязь теоретических представлений о данном феномене с позиции современных эмпирических результатов исследования феномена макиавеллизма как свойства личности и как стратегии поведения при социально-психологической адаптации для выявления возможностей формирования мировоззренческого, нравственного иммунитета у социального субъекта к воздействию манипулятивных технологий влияния на его сознание при применении макиавеллистских стратегий поведения в межличностных отношениях.

Для достижения цели исследования предстоит решить следующие задачи: во-первых, изучить наследие самого Макиавелли, рассмотреть контекст, в котором была создана его теория, а также комментарии, интерпретации его текстов исследователями из различных областей знания (философии, политологии, этики и психологии). Для осознания истинного смысла учения Макиавелли необходимо изучение его трудов как систематического целого – как политических трактатов, статей, выступлений, донесений с мест боевых действий, так и художественных произведений – пьес и стихотворений, а также писем, которые он адресовал разным людям. На основании такого подхода попытаемся воссоздать его взгляд на мироустройство и на природу человека, оценить его вклад в понимание сущности и природы человека, в процесс становления его как зрелой, здоровой личности, сопоставить эти выводы с современными представлениями о природе человека в психологических теориях личности и с результатами эмпирического исследования так называемого макиавеллиста. Во-вторых, раскрыть содержание основных теоретических подходов к исследованию феномена макиавеллизма и социально-психологической адаптации личности, систематизировать научные представления о феномене лжи и манипуляции. И, в-третьих, проанализировать состояние вопроса в научной литературе о макиавеллизме личности как одной из форм девиантного поведения и оценить значение «Мак-фактора» в процессе становления и формирования зрелой, психически здоровой личности.

Первая группа задач связана с осуществлением ретроспективного социально-философского анализа основных конструктов, теорий и концепций в интерпретации макиавеллизма. Вторая группа задач заключается в психологическом анализе внутриличностных свойств, определяющих склонность человека к проявлению манипулятивного поведения, посредством определения сущности макиавеллизма личности. Третья группа задач основывается на необходимости определения психосоциальных границ феномена манипуляции людьми как отправной точки в разработке концепции формирования ценностно-смыслового, мировоззренческого иммунитета социального субъекта к воздействию технологий манипулирования.

ГЛАВА 1. Макиавеллизм как психологический феномен: исторический аспект

Считается психологической аксиомой, что люди, не умеющие остановить поток пессимистических образов, не могут избавиться от проблем. Спонтанная «негативная визуализация» приводит в действие разрушительные силы – как внутри человека, так и проецируясь вовне, в окружающий мир. Возможно, этот образ «пессимиста» и его «негативное мироощущение» накладывают определенный негативных отпечаток и на восприятие имени Никколо Макиавелли, на интерпретацию его текстов и на понимание содержания самой его теории. Однако весь жизненный путь мыслителя демонстрирует обратное, несмотря на все «опасности и тревоги» [124; с.7], которые выпали на долю этого мужественного человека: он до конца своей жизни оставался пламенным патриотом своей Родины и верил в силу государства.

Некоторые биографы Макиавелли высказывают сожаление о том, что осталось так мало достоверных образов, портретов великого мыслителя, что лик одного из величайших людей Италии и Европы не увековечила кисть большого мастера – ведь их было так много вокруг него во все моменты его жизни. С Леонардо да Винчи он даже был лично знаком.

Трудно представить себе Макиавелли юным, с гибким телом и со свежими красками на лице, с искрящимися глазами и беззаботным смехом, готовым на любую сумасбродную проделку. Однако воссоздать образ великого мыслителя позволяют нам, во-первых, его наследие, во-вторых, его биографические данные, в-третьих, те немногочисленные образы, которые сохранились во времени. Каким же он был на самом деле – остаётся лишь представлять себе и дорисовывать его лик исходя из сохранившихся образов (*см. рис. 1, 3*) и описаний.

Однако, несмотря на сложившийся стереотип восприятия наследия Макиавелли, картина мира, которую он нам представляет, вовсе не является негативной, она лишь реалистична по своей природе. Он видел жизнь такой, какой она была, чуждый грёз и иллюзий. Как вполне справедливо отметил по этому поводу современный психолог А.А. Гостев, «для выживания человечества нужно изменение современных ипостасийных представлений о мироздании, о социально-политико-экономических реальностях». Далее он подчеркивает, что это очень ответственное дело, ибо «светлые мысли о будущем всегда рождали много крови невинных людей». При этом он ука-

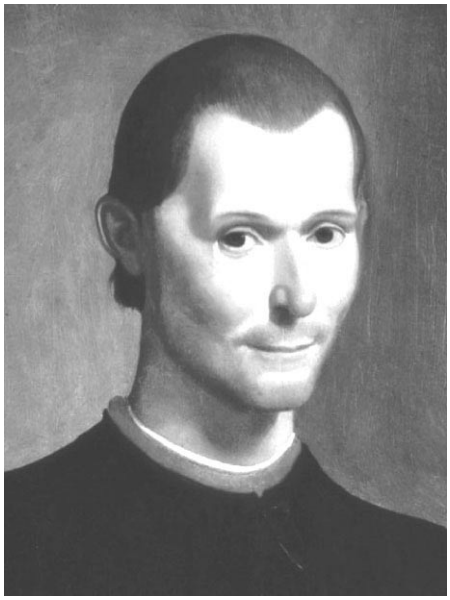

Рис. 1. Портрет Николло Макиавелли (воспроизведен по приложению к изданию «Discoral» 1540 г.).

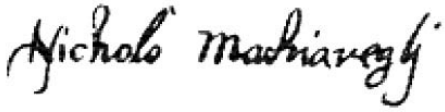

Рис. 2 Подпись Никколо Макиавелли.

Рис. 3. Статуя Николло Макиавелли у входа в галерею Уффици во Флоренции.

Рис. 4. Надгробие Никколо Макиавелли.

зывает на «деструктивность далеких от реальности оптимистических иллюзий, прельщающих человека» [56, с. 278-279].

Возможно, люди невзлюбили Макиавелли именно за то, что он так откровенно показал им их истинное лицо, вскрыл иллюзорность их мировосприятия. Частично правы те, кто говорит о том, что Макиавелли присущ пессимистический взгляд на мир. Если обратиться к тексту самого автора, который пишет, что «история множеством примеров доказывает, что всякий устраивающий общежитие и вводящий в нем законы должен исходить из того предположения, что люди *дурны* и что они *дают простор злобе своего сердца* каждый раз, как только им представляется случай беспрепятственно проявлять ее» [123, с. 134], то все сомнения на этот счет исчезают. В то же время он считает, что «среди людей, *достойных похвалы*, достойнейшими являются родоначальники и устроители религий, затем основатели республик…к ним добавляются образованные люди,…всем прочим людям, которым несть числа, снискивают в разной мере хвалу их ремесло и искусство», и напротив, «подлежат позору и осуждению люди, разрушающие религии, разлагающие царства и республики, враждебные доблести, учености и прочих искусств, приносящих пользу и честь человеческому роду, каковы нечестивцы и насильники, невежды, бездельники, подлецы и ничтожества» [124; с. 128]. Рассуждая о существующем противоречии между «величием человека» и его «значением в истории человечества», он заключает, что для формирования *образца для подражания* в последующих поколениях ни один человек никогда не будет таким безумным или таким мудрым, таким дурным или таким добрым, чтобы из двух противоположных человеческих качеств не похвалить «достойное похвалы» и не «осудить достойное порицания» [124]. Тем не менее, как замечает Макиавелли, все люди, ослепленные ложным благом или ложной славой, склонны сознательно или неосознанно принимать сторону тех, кто заслуживает скорее порицания, чем похвалы. Располагая возможностью сохранить в веках свое доброе имя, установив республику или царство, они обращаются к тирании, не замечая при этом, какие бесчестья, позор хулы, опасности, тревоги она им сулит, лишая тем самым себя надежды на славу, почет, безопасность, мир и спокойствие души [123].

В заключение отметим следующее: как гласит одно из правил манипулятивной техники (которое напрямую связывают с именем самого Макиавелли), слово и даже суждение, вырванное из контекста, могут полностью исказить смысл высказывания. У Макиавелли же факты изложены таким образом, что они подкрепляют и объясняют друг друга, и описываются они в той же последовательности, в какой наблюдаются в природе и в истории.

Таким образом, для формирования адекватного образа личности мыслителя и понимания истинного смысла его учения необходимо изучить биографические данные о Макиавелли не только с точки зрения его личной жизни и его окружения, но и события, свидетелем которых он явился сам, а также мысли, которые он успел изложить в разнообразных источниках.

1.1. Многоликий Макиавелли: историко-психологический портрет

Итальянский Ренессанс для тех, кто изучает политику, олицетворяет единственный человек – Никколо Макиавелли [14], [252], [190] и др. Как мыслитель он отображает *противоречия* этой возвышенной «главы» человеческой истории. Ренессанс явился свидетельством великолепных изваяний и достижений в искусстве, литературе и политической мысли, в то же время он запомнился как период разнузданного политического насилия, наиболее заметным «политическим деятелем» которого был Чезаре Борджа. В память о нём на мраморном могильном камне высечены слова: «Здесь покоится тот, *кого боялись все*, ибо держал он в руках своих мир и войну».

Макиавелли, как и Чезаре Борджа, кажется узлом противоречий и определенно вызывает диаметрально противоположные реакции у тех, кто размышляет над его наследием. Общеизвестно, что его имя стоит за всеми сложными интригами и коварством, которые мы связываем с итальянским Ренессансом. Тем не менее, всегда были и так называемые «мягкие макиавеллисты» (К.К. О'Брайор). Для них Макиавелли был, по сути, гуманистом и демократом, чьи противоположные высказывания можно объяснить как заблуждения, неискренность, или тем, что они полны скрытого смысла. Однако в чем сходятся все исследователи, так это в том, что работы итальянского мыслителя обладают большой исторической ценностью. Эта ценность определяется не только значимостью его работ для теории и практики политических и социальных наук, но также и для философии, этики и психологии. Во-первых, Макиавелли стал интерпретатором политики Ренессанса для последующих веков, но в большей степени он заслуживает признания в качестве основателя современной политической мысли. Он заложил основы философии истории и международного права, указав своим преемникам некую отправную точку. Область, в которой они замыкаются, – это политика и история. Конечно, эти понятия не новые, как и многие философские понятия они вырабатываются веками. Возможно поэтому идеи Макиавелли и не показались современникам ни новыми, ни слишком дерзкими, поскольку в них сформулировано то, о чем все смутно

«догадывались». Макиавелли же вывел их в сферу сознания, сделал *предметом* размышления и познания.

Никакая политическая наука и политическое искусство невозможны, если они не опираются на знание предмета, с которым им предстоит иметь дело, то есть на знание ***человека как отдельной личности*** и ***человеческого коллектива.*** Поскольку в основе поведения человека лежит противоречие между его желаниями и способностями удовлетворять их, существует несоответствие между целью и средствами. Вот почему политическая наука, или искусство управлять и руководить людьми, опирается на точность, ***сформированность цели*** и ***действенность средств***. В этой согласованности таится секрет той интеллектуальной энергии, которая делает великими людей и нации. ***Логика правит миром*** – на это указал нам Макиавелли. Позднее, через пару веков, другой великий писатель, Ф.М. Достоевский, добавит к этому еще и то, что «***спасёт*** этот мир красота***»*** («Идиот», 1868). Таким образом, Никколо Макиавелли может быть объектом поношений и осуждений, но никто не считает, что его можно игнорировать.

Поскольку нет и не может быть научной идеи без её творца, то очевидно, что у каждого ученого как человека есть личная жизнь, история его жизни, которая накладывает свой отпечаток и на предмет его исследования.

Никколо Макиавелли родился во Флоренции 3 мая 1469 года. Он происходил из древней, но обедневшей тосканской семьи, которая играла выдающуюся роль в политической жизни города на протяжении более двух веков. Италия его юности характеризовалась рядом налагавшихся друг на друга методов правления – недемократических и даже явно тиранических. Во Флоренции – наиболее культурном и динамичном городе-государстве, политическая власть находилась в руках олигархии, управляемой семьей Медичи. Хотя номинально правление было республиканским, право голоса было ограниченным, а выборы контролировались кругом богачей.

Отец Макиавелли, Бернардо, был юристом. Он был уличен в неуплате налогов и объявлен банкротом. В соответствии с законом, ему запрещалось заниматься юридической практикой. Однако он начал практиковать нелегально, предоставляя значительные скидки тем, кто, как и он, столкнулся с бременем безденежья. Иногда он подрабатывал в качестве репетитора. Еще одним источником дохода было небольшое поместье, но и на эти деньги невозможно было дать сыну достойное образование [169].

Предки Макиавелли постоянно удостаивались чести занимать самые высокие должности в республике, и его отец Бернардо сделал все, чтобы приобщить своего сына к великим традициям его родного города. Благодаря тому, что еще до появления Никколо на свет, его отец успел собрать

значительную библиотеку, юный Макиавелли смог прочесть много книг по истории и литературе. Воображение болезненного, живущего в нужде и лишенного общения мальчика было захвачено чудесами Древнего Рима, в то время как реальная действительность являла ему совсем иную картину жизни.

Так, например, в 1478 году Никколо видел, как обезумевший народ гнался по улицам за членами семьи Пацци и их сторонниками, как висели в окнах Дворца Синьории в лиловой рясе архиепископ Сальвиати и совсем голый, с окровавленной ногой Франческо Пацци. Улюлюкавшая внизу толпа наблюдала за тем, как два связанных человека, свисая из открытого окна, тщетно цеплялись друг за друга в последней надежде спасти себе жизнь. В то время как неподалеку, из собора, доносился вой толпы, раздиравшей на части оставшихся в живых заговорщиков*. Якопо Пацци был повешен спустя два дня и похоронен в Санта Кроче, затем его тело было вынесено из церкви и закопано где-то под её стенами. Но и оттуда его вырыли, а впоследствии мальчишки, захлестнув труп за шею веревкой, волокли его по городу, подтащили к собственному дому, громко крича, чтобы «отворили хозяину», затем бросили в реку Арно. Маленький Никколо был свидетелем всего происходившего и слышал разговоры об этом не только от очевидцев, но, возможно, и от самих участников всего этого кошмара.

Итак, картина, которая предстала перед взором девятилетнего мальчугана, могла послужить неким *импрессингом* (Эфроимсон) его дальнейшего развития и повлиять на формирование личности Никколо. Возможно, в дальнейшем это также индуцировало его интерес и тягу к знаниям в области истории, философии и политики.

Исходя из представлений о роли импрессинга в жизни одаренного человека, можно предположить, что эти впечатления детства привили ему именно такой – *суровый до жестокости взгляд на мир*, который так сильно возмущал его оппонентов. Эти же образы могли сформировать и его первичную установку – что именно следует «*считать хорошим, а что скверным*». Как показывает в своей работе «Генетика гениальности» В.П. Эфроимсон [59], ведущая роль в развитии дарований выдающегося таланта в огромной мере определяется социальными факторами, которые преломляются через социобиологические явления в форме импрессинга. Затем в силу избирательной восприимчивости индивидуальности к действительности, эмоциональные факторы мощно воздействуют на формирование типа личности. Из этих событий, которые произошли на его глазах так быстро и сопрово-

---

* Пацци подготовил заговор, имевший своей целью убийство Лоренцо и его младшего брата Джулиано во время пасхальной мессы.

ждались такими немыслимыми актами насилия, Макиавелли вынес первый свой урок, ставший началом его «политического образования»: «***поступай с другими так же, как они поступили с тобой, но сделай это первым, и сделай это решительно!»***

Второй урок его «политического образования» можно сформулировать следующим образом: «***только единая Италия может противостоять мощи французов!***». Толчком для этого послужило чувство стыда за опозоренный родной город, которое испытал молодой Никколо в 1494 году, когда стоял среди молчаливой толпы, в то время как Карл VIII с триумфом шествовал по улицам Флоренции с высоко поднятым копьём, так как после смерти Лоренцо Великолепного, Медичи, лишившись власти, бежали из города.

Детство и юность Макиавелли совпали со временем господства во Флоренции Лоренцо Великолепного (1472—1492), под покровительством которого флорентийская образованность переживала блестящую пору своего развития. Согласно духу своего времени, он получил гуманистическое образование. Макиавелли посетил лишь несколько публичных лекций. Однако это были лекции знаменитых ученых-гуманистов, которые на тот момент пытались представить Флоренцию авангардом европейской мысли. Типичным представителем таких ученых был поэт и гуманист Полициано, протеже и близкий друг Лоренцо Великолепного. Впоследствии он восполнил своё образование чтением древних, по преимуществу латинских писателей. Именно книги по истории сформировали для Никколо *идеал*, к которому надо стремиться. Поэзия Полициано и Данте вдохновила Макиавелли на то, что он стал превращать флорентийский говор в прозу, совмещая официальный язык с повседневным, и тем самым обнаружил в себе талантливого прозаика. Впоследствии это помогло ему не только в качестве средства изложения своих мыслей, но и позволило раскрыть новый способ познания – размышления о реальности, *рефлексию опыта.*

Как было принято в те времена, после посещения публичных лекций молодые ученые подолгу задерживались на площади Пиацца делла Синьория. Там они спорили, обсуждали то, что услышали на лекции и обменивались последними новостями, не гнушаясь и сплетнями. Безмятежный молодой человек с запоминающимся взглядом был вскоре замечен. Колкая ирония, остроумные замечания (особенно по отношению к священнослужителям), редкая интуиция не оставили никого равнодушным. Как отмечает Пол Стретерн, именно на это он и рассчитывал – боролся за свое место под солнцем (и практически не понимая этого, заново «создавал себя») [58, с. 12]. В то время он находился на нижней ступени социальной лестницы,

но знал, что он лучше других. Вскоре Макиавелли закрепил за собой статус *лидера.* Он осознал, что для того чтобы преуспеть, нужно было *завоевать популярность*. Макиавелли нашел путь к каждому, будь то с помощью жалости, уважения или любопытства. Только самые проницательные из его друзей могли разглядеть *за улыбающейся маской холодное сердце*. Его улыбка служила лишь маской, за которой скрывались высокомерие и тщеславие. «Холодное сердце» – это редкое явление среди горячих, пылких, *темпераментных южных и юных* кровей Флоренции эпохи Ренессанса, но Макиавелли понял, что лидер должен обладать умением скрывать свои истинные чувства. Возможно, в связи с этим в современных исследованиях феномена макиавеллизма появились работы, целью которых стало изучение проблемы лидерства и таких свойств личности так называемого «макиавеллиста», как эмпатия, нарциссизм, а позднее и таких особенностей сценарного поведения, как «жертва» и различные формы проявления виктимности.

В целом, Никколо Макиавелли получил достойное по тому времени образование: он изучал классику и научился читать и писать по-латыни, не приобретя, однако, особенной репутации ученого или человека, культурно утонченного. Мало что известно о раннем периоде его жизни. Ему было 25 лет, когда в 1494 г. произошло первое вторжение французов в Италию. С этого момента Флоренция вступила в бурный период своей истории. В том же году флорентийцы подняли восстание, чтобы вернуть свои древние свободы, изгнав семью Медичи из Флоренции и провозгласив «настоящую республику». Тем не менее, возвращение к более демократическим практикам предыдущего века не привело к гражданскому спокойствию. В течение следующих четырех лет город попал под власть жестокой риторики и религиозного фанатизма Джироламо Савонаролы – доминиканского монаха, стремящегося очистить нравы и мораль путем публичных нападок на роскошь и коррупцию и натравливания бедных на богатых. Пока люди прислушивались к нему, он был всемогущим, но вскоре все устали от его суровых и *сеющих вражду* воззваний. В ходе сложной фракционной борьбы Флорентийская Синьория ополчилась на Савонаролу, и он был сожжен живьем на костре (и еще раз Макиавелли стал свидетелем чудовищного зрелища).

После драматического ухода Саворолы и восстановления более уравновешенного правления, Макиавелли, не достигнув еще 30-летия, был назначен вторым секретарём республики. Вскоре после этого ему были предоставлены дополнительные полномочия в качестве секретаря влиятельного комитета, известного как «Diecidi Balia» («Десятка за свободу и мир»), как их иногда высокопарно называли, или, что более реалистично, «Десятка за

войну» («Комитет десяти»). Что-то в холодной, умной, хитрой личности Макиавелли определенно привлекло отличавшегося умеренными взглядами правителя Содерини. Один из самых успешных биографов Макиавелли Виллари описывает двадцатидевятилетнего Макиавелли как довольно не располагавшую к себе, но вместе с тем пробуждавшую огромное любопытство личность: стройная фигура, глаза – бусинки, темные волосы, маленькая голова, орлиный нос и плотно сжатые губы. И все же всё в нем говорило о том, что он тонкий наблюдатель, обладает острым умом, хотя не из тех, кто может влиять на людей. Виллари упоминает «саркастическое выражение лица», «атмосферу холодного расчета» и «не знающего границ воображения» [цит. по 169].

Макиавелли мог производить впечатление скользкой личности, но вместе с тем он был чрезвычайно верен. Это в сочетании с беспристрастным интеллектом было редким качеством в непредсказуемом, полном лжи мире итальянской политики. По-видимому, Содерини увидел в Макиавелли человека, способного трезво оценивать ситуацию.

Война была главной заботой возрожденной республики. Иностранные армии безнаказанно вторгались в Италию. Испанцы медленно «сжимали кольцо» вокруг Неаполя. Французы сновали по всей стране. Немцы и шведы тоже «присутствовали» на поле брани, зачастую на блага иностранных казначеев, но иногда и от имени Священной Римской империи. Папство пыталось объединить города Центральной Италии. Одновременно, в гуще «больших» войн Флоренция была втянута и в бесконечную «малую» войну по возращению Пизы, «ускользающей» из-под Флорентийского господства. Исследователи сходятся в том, что вступление французов в Италию явилось поворотным пунктом в истории Аппенинского полуострова. Хрупкий баланс между пятью итальянскими главными государствами – Папским Римом, Неаполем, Венецией, Миланом и Флоренцией, был нарушен. Слабые в военном отношении, эти карликовые государства никогда серьезно не угрожали существованию друг друга или же способу правления. Войны велись обычно наёмниками, не отличавшимися энтузиазмом, жертвы были небольшими, а крупномасштабные разрушения редкими. Французские и испанские войска привели к опустошению Италии, обнажив тем самым хрупкую природу сложных политических манёвров и способы ведения войны, как на «шахматной доске». Битвы стали жестокими и кровавыми. Если раньше на оккупацию маленькой деревни уходили месяцы, то теперь целые города захватывались за дни и даже часы. Флоренция, которой служил Макиавелли, стала уязвимой и постоянно находилась в опасности. Едва способная подчинить Пизу, она не имела никаких шансов противостоять мощным ино-

странным войскам и в результате была вынуждена «купить» протекцию французов.

Макиавелли провел 14 лет на государственной службе. Помимо написания бесценных мемуаров своим хозяевам по различному кругу вопросов, он исполнял и многочисленные дипломатические миссии либо в местах, контролируемых Флоренцией, либо при правительствах других государств. Складывалось впечатление, что он получал удовольствие от всех этих дипломатических споров, которые воспринимались как нормальное явление, были неким «аккомпанементом» войны для периода Ренессанса. Знаменитый макиавеллиевский стиль прозы, своеобразная манера выражения, полная циничных и острых афоризмов, служила «валютой» итальянской дипломатии. Однако будучи на службе, он не находил времени для серьёзных, систематических теоретических размышлений. Именно в это время он скопил тот «материальный» запас, которым впоследствии воспользовался сполна: достаточное количество наблюдений и фактов, позднее подробно изложенных им и проанализированных в его знаменитых работах. Например, его оценка личности Чезаре Борджа, образа действий герцога, была основана на личных наблюдениях. Позднее, уже при изложении своих мыслей в трактате «Государь», он выступает не только в качестве наблюдателя и исследователя, но и в качестве политика, предлагающего государственным мужам практические советы, но везде или воздерживается от оценки разбираемых им политических средств, или прямо высказывает свое отвращение к ним, но нигде его нельзя упрекнуть в том, что он восхищается этими методами, хотя сама личность Борджа и вызывает у него восхищение. Макиавелли замечает, что, обозревая действия герцога, он не находит того, в чём можно было бы его упрекнуть. Ибо, имея великий замысел и преследуя высокую цель, Борджа не мог действовать иначе: лишь преждевременная смерть Папы Александра VI и собственная его болезнь помешали ему осуществить свои намерения. Таким образом, тем, кому необходимо в новом государстве обезопасить себя от врагов, приобрести друзей, побеждать силой или хитростью, внушать страх и любовь народу, а солдатам – послушание и уважение, иметь преданное и надёжное войско, устранять людей, которые могут или должны навредить; обновлять старые порядки, избавляться от ненадёжного войска и создавать свое, являть суровость и милость, великодушие и щедрость и, наконец, “вести дружбу” с правителями и королями, так чтобы они с учтивостью оказывали услуги либо воздерживались от нападений, – всем им не найти для себя примера более наглядного, нежели деяния герцога [124, с. 54 - 72].

В качестве главнокомандующего папской армией князь Валентино с наслаждением совершал свои грязные подвиги, когда при этом присутствовал флорентийский эмиссар. Макиавелли зачарованно наблюдал, как его манёвры завлекали некоторых из его мятежных подчиненных на мирную конференцию: он приглашал их на банкет отпраздновать восстановленную дружбу, а когда они прибывали, безоружные и без охраны, захватывал их и убивал. Макиавелли был также и в Чезано, когда Борджа уехал, оставив за собой на городской площади расчленённое тело и окровавленным рядом ножом. Это было тело Рамиро д' Орко, его преданного слуги в Романье, к которому местные жители питали ненависть, так как он карал несогласных самым жестоким образом.

Когда князь стремился «впечатлить» толпу или «заработать» политические дивиденды, его преданные друзья были не в бóльшей безопасности, чем его заклятые враги. И, несмотря на то, что в целом методы Борджа вызывали у Макиавелли неприятие, в своих донесениях он отмечал эффективность его брутальной виртуозности. Позднее Борджа разъяснял, что государственные деятели *могут извлекать полезные правила* из такого его поведения. В то же время из официальной переписки Макиавелли явствует, что ненадёжность герцога обладала, с его точки зрения, и своими недостатками, т.е. периодически приносила «горькие плоды». Автор «Государя» не раз также говорил о том, что Борджа воспользовался «фортуной» (например, будучи сыном Папы). Поэтому, когда Борджа плохо закончил, Макиавелли не выразил никакого удивления. Единственно, чем он по-настоящему восхищался, так это тем, что тот призывал солдат со своих территорий, а не брал наёмников, которые были и дороги, и нелояльны.

После трёхлетних усилий Макиавелли, наконец, убедил флорентийское правительство в принятии такого же подхода к решению вопроса об «армии», когда он стал ответственным за организацию национальной милиции. Так что в последние 6 лет служения республике к его первоначальным обязанностям добавилась должность типа современной должности министра обороны. Однако такая схема действий обладала слабой стороной, поскольку в милицию призывали крестьян из «Contado» – *людей без политических прав и без материальной заинтересованности в успехе буржуа*. Тем не менее, в 1509 г. Пиза пала, а милиция Макиавелли могла претендовать на определенную долю долгожданного триумфа.

Зададимся же вопросом: а насколько эффективен был Макиавелли в качестве слуги народа? У историков нет на этот счет однозначной оценки. Например, некоторые утверждали, что сам Макиавелли был недостаточно «макиавеллианцем», для того чтобы стать хорошим дипломатом и по ха-

рактерологическим особенностям, и по темпераменту. Личность, прославившаяся тем, что провозгласила «действенность» лицемерия и обманов, обычных в реальной, повседневной жизни, сама не была способна скрывать своих истинных чувств. Макиавелли порой называли даже несколько «туповатым» в смысле тактичности. Другие считали (чаще всего его современники), что, несмотря на историческую репутацию «беспристрастного» наблюдателя и «трезвого» объективного реалиста, его взгляды на мир и на мироустройство являлись якобы неким выражением скрытых и нереализованных желаний и предубеждений (в духе современного психоанализа). По всей видимости, и его начальство было того же мнения, так как никогда не позволяло ему вести «сложные» переговоры, т.е. такие переговоры, которые могли бы вызвать «рознь». Однако для той службы, которую исполнял Макиавелли, – служение Отечеству, некоторые его так называемые «***немакиавеллиевские добродетели»*** были даже полезны. Несмотря на то, что Макиавелли считал, что человечеством в первую очередь движет «своекорыстие», сам он не был подвержен этому пороку и был абсолютно предан флорентийскому государству. Он противостоял любой возможности самообогащения за счет общества, и это в то время, когда использование государственной службы для личной выгоды было совершенно «обычным» делом.

Итак, в Макиавелли ценили, во-первых, его *любовь к Родине*, как сам он её называл, и, во-вторых, его *интеллектуальные способности.* Вызывали восхищение его ум, способность к анализу событий, происходящих в государстве, а также его способность четко, ясно, понятно излагать факты. По замечанию С.Англо [209], те, кто читал его донесения и комментарии, были поражены его способностью отмечать основные политические условия страны, где он бывал, его обобщениями множества тщательно изученных деталей. Рассуждая о теоретических трудах Макиавелли, Ф.де Санктис отмечал, что «в небольшой книжке автору удалось сконцентрировать всю историю средних веков, сделать из неё замечательное преддверие к задуманной им истории Флоренции» [123, с. 650]. Свои рассуждения он тоже рассматривал как факты интеллектуальной жизни. Многие из этих «интеллектуальных фактов» стали фразеологизмами: например, «привести в соответствие с принципами», или иронические высказывания о «безоружных пророках» или о том, что «благополучие людей пресыщает, а несчастье сокрушает», или «людей следует ласкать или истреблять». Подобных изречений у Макиавелли множество. Для писателей, пытавшихся ему подражать, это был неиссякаемый источник мудрости. Таким образом, при анализе этих противоречивых мнений и исторических свидетельств можно заклю-

чить, что Макиавелли всё же был *успешным дипломатом* и управленцем, как бы порой ни хотели представить его в ином аспекте некоторые из его соотечественников или современные интерпретаторы.

Однако каким бы мы ни считали Макиавелли, успешным или нет, но в 1512 г. его карьера на государственной службе преждевременно завершилась. И фортуна, как он сам говорил, отвернулась от него. К концу этого года французы вследствие объединенной вооруженной атаки папских и испанских армий утратили почти всю власть к югу от Альп. Флоренция оказалась в одиночестве перед лицом Папы Юлия II, требовавшего смещения «gonfaloniere Piero Soderini». Этим требованиям было отказано, и тогда испанская армия перешла в наступление. Когда же она атаковала Прато – флорентийский протекторат, милиция Макиавелли отреагировала на это вторжение, как «испуганные кролики», самовольно оставив город на жестокое разграбление. Режим Содерини, который к тому времени становился всё более непопулярным, был полностью дискредитирован. Медичи настояли на его отставке. Содерини исчез с политической арены, а Конституция была радикально изменена. Медичи вернулись к власти под протекторатом испанцев. Республики больше не существовало, а за всем этим последовала и отставка самого Макиавелли. Он был лишён всех постов и выслан из Флоренции. Однако с помощью 1000 золотых флоринов он всё же добился права оставаться на флорентийской территории. Но на этом неудачи Макиавелли не закончились, и случилось самое худшее из того, что он только мог предположить сам.

В начале 1513 г. был раскрыт заговор против Медичи. До комичности бездарные «конспираторы» составили список «возможных сторонников» своего будущего правления, и при этом ещё и оставили его на «видном месте». К несчастью для Макиавелли, его имя оказалось в этом списке. В связи с подозрением об участии в заговоре, имевшем целью свержение Джулиано Медичи, он был лишен своего положения, гражданства (публично опозорен), оштрафован на две тысячи флоринов (фактически разорен). Спустя четыре месяца он был арестован, брошен в Баргелло – печально известную в городе тюрьму, и подвергнут пыткам на дыбе*. Не обладая крепким телосложением, Макиавелли тем не менее выдержал четыре таких пытки и ни в чём не сознался. Впоследствии он даже с гордостью говорил: «Я достойно вынес пытку и уважаю себя за это». Но здесь кроется и «лукавство»: на самом деле он ничего не знал, и признаваться ему было не в чем. Однако тот

---

* Запястья жертвы связывали за спиной, поднимали её вверх, а затем отпускали, и жертва падала со всей силы вниз.

факт, что он вынес эту жестокую пытку и не пал духом, говорит о его силе духа. Когда же дело передали в суд, приговор оказался не столь жестоким. Поскольку всё же над ним «довлело» подозрение, Медичи не проявляли никакого желания возродить его политическую карьеру, несмотря на то, что другие функционеры республики вернулись на госслужбу.

«Есть люди крупные и яркие, есть люди крупные, но не яркие; есть люди некрупные, но яркие; есть люди много крупнее своих дел; есть люди, гораздо более мелкие, чем их дела» [198, с. 11]. Автор этих слов В.П. Эфроимсон, слегка подшучивая над собой, причислял себя к последней группе. Возможно, так мог сказать о себе и Макиавелли, если бы успел подвести некий итог своей жизни: ведь ему было всего 43 года, когда его жизнь, как ему тогда казалось, была полностью разрушена.

Макиавелли переехал в загородный дом в семи милях к югу от города и всеми силами старался примириться со своей вынужденной отставкой. Именно эта потеря для дипломатии и стала *приобретением* для потомков. Всё то, что Макиавелли наблюдал у того или иного политического деятеля, с которым его сводила судьба, в чем он сам участвовал в качестве дипломата, позволило ему проанализировать и обобщить основные реалии политического действа в своём теоретическом исследовании, а позднее изложить в своём трактате. Эта «несчастная душа» всё еще продолжала следить за политическими делами с некой болезненной тоской отвергнутого «любовника». Как пишет сам Макиавелли, обычно по вечерам он одевался в изысканную одежду и проводил время в компании античных авторов, чьи тексты он «поглощал» для вдохновения и самопроверки своих выводов. Несмотря на навязанный ему образ жизни (или даже «благодаря» этому), он преуспел в создании двух классических произведений – образцов политической мысли: трактата «Государь», завершенного в 1513 г., и «Размышления о первой декаде Тита Ливия», написанного с 1513 по 1517 г. Напечатаны они были лишь спустя 4 года после его смерти. Возможно, ничего из этого не было бы написано, если бы не эта вынужденная отставка и изоляция от бурной светской и государственной жизни. Созерцание и размышления требуют уединения: именно *это* судьба, о которой столько говорил сам Макиавелли, и преподнесла ему. Всё же в 1520 г. он возобновил попытку снискать расположение семьи Медичи и, наконец, добился успеха в виде поручения от кардинала Джулио де Медичи. Впоследствии он написал «Историю Флоренции», которая была опубликована в 1527 г., в год его кончины.

В заключение отметим, что в биографии Макиавелли можно обнаружить некие «пробелы»: в частности, в 1512 г. с появлением Медичи он был

удален из общественной и государственной жизни Флоренции. Но что значит пробелы в работе, если ты творишь на века? А именно так и творил Макиавелли, реализовав себя (несмотря на то, что сам он так не считал) как подлинный дипломат и политик. В его жизни наступил новый период. Как позиционировал себя сам Макиавелли, он есть практик, а не ученый, однако прославился он всё же в основном своим трактатом «Государь», напечатанным уже после смерти автора в 1532 г.

Всю свою жизнь он находился в гуще реальных политических событий, поэтому и учение его носит в большей степени практический характер. В предисловии трактата – посвящая «*его светлости Лоренцо деи Медичи*», он пишет: «Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в безвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета» [124, с. 7]. Поэтому основной вывод его учения и прозвучал так откровенно вызывающе – «для того, чтобы должным образом управлять государством, правитель должен забыть о нравственности». Парадокс же заключается в том, что тут же он ставит и второй вопрос – а «можно ли править, не придерживаясь моральных устоев и оставаясь при этом нравственным человеком?».

Если обратиться к истории науки, то, пожалуй, нетрудно убедиться в том, что все фундаментальные проблемы поразительно часто решались в результате появления блестящей идеи, родившейся в мозгу одного человека. Сказанное в равной мере относится и к науке о политике. Несмотря на то, что основателем политики как науки считается Аристотель, Макиавелли можно назвать родоначальником политической науки в эпоху модерна. Даже если не всегда соглашаешься с его доводами, а читая его, иногда возмущаешься отсутствием нравственного чувства, то всегда удивляешься силе его ума и широте его взглядов. Возникновение нового в науке – это блестящее подтверждение положения о том, что *перенесение принципов* одной науки (например, истории) в другую (политологию) сопровождается крупным рывком вперед. А если этот рывок происходит еще и в области такого знания, которое еще не существует в качестве самостоятельной науки, например, в психологии, то очевиден факт, что размышления Макиавелли поставили человечество перед лицом фундаментальной и вряд ли поддающейся решению проблемы – *о природе и сущности человека,* заведомо находящихся в состоянии противоречия.

Перенесение принципов требует, помимо большой и при этом нетрафаретной эрудиции, также одержимости идеей и готовности идти на риск – что

в полной мере было присуще этому великому человеку и патриоту. Однако воспроизвести своеобразие и величие личности Макиавелли – политика, дипломата, драматурга, – вырывая его из окружающей среды, невозможно, поэтому далее рассмотрим развитие учения Макиавелли и представлений о феномене макиавеллизма в историческом аспекте.

1.2. Макиавелли и реализм

Макиавелли часто рассматривают как *типичного человека* эпохи Возрождения – человека светского и в то же время являющегося поклонником античности. Если что и не вызывает никаких сомнений, так это крайне полемичный смысл и значение итальянского Возрождения. Во-первых, основной вопрос состоит в том, насколько оригинально данное культурное движение, каково его значение, побуждение и пр.? Большинство экспертов согласны с тем, что начало Ренессанса относится к середине 1300-х годов (со стихов Франческо Петрарки) и завершается спустя некоторое время после смерти Рафаэля Санти (1520 г.) и Тинторетто, Якопо Робусти (1594 г). По словам влиятельного историка и мыслителя Якоба Буркхарда, это был отличительный период в человеческой истории [228]. Черты этой эпохи, выделенные Буркхардом и его последователями, включают *рационализм, индивидуализм* и оценку *возможностей*, *способностей* человека. В то время как средние века стали синонимами варварства и удушающей религиозности.

Эпоху Возрождения изображали как внезапный и бурный расцвет всех видов духовной деятельности. Традиционное изображение средневековья и Ренессанса стало, таким образом, некой противоположностью между «тьмой» и «светом». В конце концов, углубленные сведение о средневековой жизни, а также понимание сути происходящего в тот период, бросало вызов обычным стереотипам. Например, историки обнаружили, что подражание античным образцам, предположительно ставшим причиной культурного возрождения в XIV-XV веках, было уже знакомой темой в XII веке во Франции, где школа Шартре способствовала возрождению латыни. Так, в течение этого периода обучение, письмо и разговорный язык использовали латынь и были качественно улучшены за счет появления университетов, объединения школ, соборов и монашеских учебных центров. Первый университет был основан в Париже, вскоре за этим еще один в Оксфорде. Всё большее число людей стремились к грамоте и развитию латинской классики, что выражалось в увеличении количества рукописей из монашеских скрипторий, а также из светских производственных центров. Кроме того, многие университеты Северной Европы стали «форумом» возрождения

аристотелевой логики и применения её к богословским проблемам. Еще задолго до эпохи Возрождения христианство отличалось прочным «фундаментом» – связью разума и веры.

Столкнувшись с очевидным опровержением средневекового невежества и мракобесия, некоторые ученые зашли так далеко, что стали даже утверждать, будто бы «Ренессанс – это лишь более поздняя стадия процесса, начавшегося раньше» [237]. Тем самым все идеи, связанные с этим якобы «золотым веком», были уже представлены в поздней средневековой мысли.

История действительно является непрерывным процессом, и разделять его на отличительные фазы знания, накладывая искусственные категории на поток событий и идей, дело совсем нелегкое и неблагодарное. Невозможно, например, найти *некую* временную точку, где «заканчивается» средневековье и «начинается» Ренессанс. И всё же чтобы не впасть в упрощение значимости учения Макиавелли (именно в духе Макиавелли – строгое чередование фактов, являющихся одновременно причиной и следствием), ради придания последовательности нашим размышлениям, мы должны искать некую интеллектуальную демаркационную линию между этими двумя периодами. Рассуждать о Ренессансе как о периоде, в котором творил великий мыслитель, значит навязывать некую *произвольную схему* некой исторической реальности, основанную на априорных рассуждениях. И всё же то, чего следует придерживаться в интерпретации истории, так это признать, что история – это бесконечность отдельных фактов, которые необходимо *организовать* в некоторую упорядоченную *систему* и сделать их тем самым *доступными* для исторического анализа.

Итак, Ренессанс и средние века являются идеальными типами в смысле Вебера. Как и все идеальные типы, они не являются точными *отражениями* реальности, но в процессе абстракции они запечатлевают нечто **существенное** о той реальности, которую отображают. Как напоминал Маркс, «***качественные*** преобразования могут возникнуть в результате накопления ***количественных*** изменений, то есть различия в *степени* стали различиями в *роде»*.

Несмотря на то, что в этот период не было никаких интеллектуальных потрясений, именно Италия XIV века стала первой из свидетелей появления такой формы мысли, как ***«гуманизм»***. Это последнее представляет собой фундаментальное изменение в *мировоззрении* человека, в восприятии им жизни и мира в целом [214]. Краткое исследование этой новой **парадигмы** поможет оценить оригинальность учения Макиавелли и значение его трудов. Основной вопрос состоит в том, против *чего восстали* гуманисты? Но вначале следует ответить на вопрос о том, каково было видение *мира* в средневе-

ковье? Во-первых, оно было телеологическим. Для того чтобы понять вещь, – утверждали философы-схоласты – мы должны вернуться к первому принципу и показать, каким образом она выявляется из этого принципа.

Итак, самый первый принцип – это источник всего сущего. И он есть Бог, «вечный двигатель» Вселенной («бесстрастный руководитель»). Именно Он является основным «источником движения», который, однако, на данном этапе находится на «отдыхе». Далее он передает свою силу сначала «вещам», которые находятся рядом с ним, – высшим *небожителям*. Затем эта сила от них уже постепенно нисходит в наш собственный *земной мир*. Но здесь уже, на земле, мы не найдем того совершенства, которое присутствует у небожителей. Высший мир, мир небожителей, сотворён из неувядаемого, нетленного вещества – *эфира,* и движение этих тел вечно. В нашем же мире все подлежит *разложению* и порче. Таким образом, существует резкий разрыв между ***высшими*** и ***низшими*** мирами. В этих мирах вещества не состоят из одного и того же и не подчиняются одним и тем же законам движения. В то же время эта множественность вещей крепится некой «золотой цепью» – все вещи, духовные и материальные, «хоры ангелов» и «человечество», органическая природа и материя – все они связаны этой «золотой цепью» у изножия Бога.

Главное единство мироздания, однако, предполагает строгую иерархию. Чем дальше находится вещь от Творца, от источника всего сущего, тем меньше её степень совершенства, или *этическая ценность*. Тот же принцип предполагается в структурах политической и социальной жизни. В религиозной сфере также можно обнаружить церковную иерархию: от папы на самом верху до кардиналов, епископов, архиепископов, вплоть до низшего звена духовенства. В государстве высшая власть, полученная от Бога, сосредоточена у императора, делегирующего власть подчиненным князьям, герцогам и другим вассалам. Феодальная система также является точным изображением и двойником общей иерархической системы. Она является одновременно и выражением, и символом универсального космического порядка, установленного божественной мудростью. Поэтому людям следует повиноваться своим земным правителям, хотя преданность Богу является первичной. Люди должны понимать, что земная жизнь – это не более чем подготовка к вступлению в Царство Небесное. «Вселенная» рассматривается как большая аллегория, продуманная система соответствий, где различные части связаны друг с другом не столько причинно, сколько *символически*. Таким образом, мировоззрение простых людей, также как и учёных мужей, к тому времени было неоднозначным и его можно представить следующим образом:

- ***теологическое*** – все создания управляются целью;
- ***холистическое*** – всё органическое связано со всем остальным;
- ***иерархическое*** – космические и социальные порядки дифференцируются в зависимости от степени «чистоты», или «близости к Богу;
- ***статическое*** – Божий план, как и сам Бог, вечен и неизменен;
- ***потустороннее*** – человеческий дух «подпитывается» внутренней жизнью, центр которой находится за пределами земного Града и плотского человечества.

Жизнь и её суть были оторваны от реальной действительности, от земных, материальных и практических проблем. Такая установка на мир порождает и особый взгляд на действительность – в целом, «очернение» всего земного, и политического в частности.

Древние греки, как и римляне, понимали политику как *творческую деятельность*, которая преобразует реальность и позволяет человеку выполнять его предназначение. В то время как для средневековых христиан политика носила *поверхностный* характер, функции которой заключались лишь в том, чтобы обуздывать аппетит «падшего человека» и обеспечивать его послушание и подчинение воле Божьей. Преобладающий этос*, подчеркивая бренность всего земного, призывал верующих принять свой жребий в этой жизни, чтобы отвергнуть земные занятия и вместо этого искать награду Небесную через молитву и *созерцание*. Стремление к светским почестям и славе, уважение к своей родине, наслаждение человеческим телом или природным миром – всё это не одобрялось и считалось греховным, отвлекающим от поисков вечного спасения. Так почему же эти ментальные установки изменились в период возрождения?

Один из возможных ответов (факторов, объясняющих данное явление) заключается в том, что культурные преобразования связаны с параллельно происходящими изменениями в обществе, с изменением социально-экономических условий и преобразованием политических институтов того времени. Чтобы понять этот постепенный отход от средневекового мыш-

---

* Первоначально под «этосом» понималось привычное место совместного проживания, дом, человеческое жилище, птичье гнездо, звериное логово. В последующем оно стало по преимуществу обозначать устойчивую природу какого-либо явления, обычай, нрав, характер. Так, в одном из фрагментов Гераклита говорится, что «этос» человека есть его божество. Такое изменение смысла поучительно: оно выражает связь между кругом общения человека и его характером. Отталкиваясь от слова «этос» в значении «характер», Аристотель образовал прилагательное «этический», для того чтобы обозначить особый класс человеческих качеств, названных им этическими добродетелями.

ления к новому стилю, необходимо исследовать все эти факторы – условия культурно-социальной жизни, в которых находилась Италия, так называемая «колыбель» эпохи Возрождения.

Итак, средневековая культура была преимущественно феодально-церковной, т.е. общество было основано на аграрной (землевладельческой) экономике. В этом отношении Италия не была типичной страной. Даже во времена Римской империи земли тут были густонаселенными. Городская жизнь не была полностью разрушена даже варварскими нашествиями. Феодализм в Италии, как замечает Д. Плумб, был «посажен», но он глубоко не «укоренился» [328]. Ядром социально-политической жизни в ней был *город*, а не замок. Наличие городского пролетариата, а также географическое положение

Италия служила неким идеальным связующим звеном между Северной Европой и другими развитыми общественными формациями Восточного Средиземноморья. Это означало, что торговля и промышленность могли процветать там как нигде лучше. Социальный идеал феодализма – упорядоченное, градуированное, неизменное и неизменяющееся общество – стал, таким образом, в условиях быстроразвивающейся капиталистической среды неким анахронизмом. К началу XIV века Флоренция уже демонстрировала многие черты буржуазного общества:

- экономику, характеризовавшуюся рисками и спекуляцией, резкими колебаниями доходов;
- высокую степень социальной мобильности;
- гибкость социального взаимодействия;
- открытый и толерантный культурный климат («процессы над еретиками» происходили уже не так часто);
- правительство, состоявшее в основном из купцов, банкиров и промышленников, и др. [226].

Таким образом, все эти факторы придают уникальность итальянской социальной ситуации. Но основное заключается в том, что Священная Римская империя, предписания которой теоретически распространялись на все города-государства Северной Италии, в данном случае оказалась неспособной контролировать другую сторону Альп. Во времена, которые отдельные исследователи называют «после Данте» (1265-1321), она уже перестала оказывать реальное влияние (т.е. демонстрировать свою власть) на столь благонадёжных когда-то итальянцев и создала особые социально-политические условия для зарождения новых идей о человеке и теорий о мироустройстве.

1.3. Враждебность к метафизике

Как известно из истории науки, для того, чтобы возникла одна – единственная мысль из тысячи и именно такая, которая разграничивала бы «гениальное» от «обыденного», её автору недостаточно обладать лишь высоким интеллектом и напряженной активностью. Помимо стремления к совершенству, требуется еще и поддерживающий его социальный спрос. Этот еле «проступающий» социальный заказ, или некий внешний стимул, виден пока лишь автору идеи, другим он пока недоступен. Возможно, Макиавелли как раз и «ощутил время эпохи» намного раньше других, вызвав тем самым недовольство и непонимание современников.

Разрушение средневековых традиций и представлений позволило в конечном итоге Макиавелли развить свои взгляды на мироустройство. Однако, как известно, ни один *изолированный* мыслитель не в состоянии *изменить реальность коренным образом*, каким бы великим он ни был. Всё, что в его силах, – это укрепить формирующиеся тенденции или же изменить некие модели поведения посредством их «кодификации». Но самым эффективным способом является придание новым, вызревающим в обществе тенденциям определенной теоретической формы в виде новых идей, концепций и постулатов, т.е. рефлексирование того, что другие лишь смутно понимают, но пока не осознают полностью.

«Политика» как столкновение противоположных сил была именно той *реальностью*, с которой столкнулся Макиавелли. Он её не выдумал, он в ней находился – и это был его личный опыт. Он также не являлся тем единственным человеком современной ему Италии, одновременно *восхищавшимся античностью* и *не чуждым мирских ценностей*. В целом, подобное было присуще всем гуманистам, жившим и творившим ещё задолго до него. Именно это последнее и смущает многих толкователей трудов Макиавелли, т.е. влияние среды было столь велико, что они готовы интерпретировать его тексты лишь с точки зрения контекста. Так, Алан Гилберт утверждает, что трактат «Государь» явился просто неким «обобщающим» трудом, так как похожие по содержанию и по стилю трактаты уже были некогда написаны в жанре «книг-советов» для монархов [265]. В частности, он пишет, что «литературный стиль, в котором написан «Государь», возник еще в средние века, и он остаётся столь же популярным в эпоху Возрождения». Однако с этим утверждением не согласился бы другой исследователь, литературный критик Ф.Де Санктис, который среди других заслуг Макиавелли подчеркивает именно то, что «от Макиавелли пошла итальянская проза, … сознательное отношение к жизни, раздумье о жизни». Как рассуждает далее Де Санктис, Макиавелли тоже «живет в гуще событий, участвует в них,

разделяет страсти и чаяния своего поколения», но когда «момент действия остался позади, сидя один над книгами Ливия и Тацита», он находит в себе силы отойти в сторону и спросить общество, в котором живёт: «Что ты из себя представляешь? Куда идёшь?» [123, с. 636].

А.Гилберт всё же соглашается с тем, что форма изложения трактата «Государь», его логическая структура и даже «главы-заголовки» у Макиавелли несколько иные и уже соответствуют речевым формулам и *практикам жизни*. Но, похоже, Гилберту и в голову не могло прийти то, что Макиавелли мог использовать этот установленный христианский жанр именно с целью *ниспровержения*. Нетрадиционные «послания» особенно отвратительны, если они представлены обычным способом. Например, эротический рисунок в молитвеннике произведет, скорее всего, бóльшее впечатление, чем в порножурнале. В этом и таится опасность контекстного анализа. *Оригинальность* мыслителя может легко утратиться в неустанной «охоте» на предшественников. Таким образом, для понимания *содержания* идеи необходимы более подробные исследования и тех *способов,* с помощью которых эти идеи были изложены. Макиавелли отошёл от традиционных зеркальных принципов литературы, но как именно – в этом состоит основной вопрос. Именно эту задачу – поиск отличительного в способе изложения мыслей у Макиавелли, год спустя после опубликованной статьи своего тезки поставил перед собой другой исследователь – Френсис Гилберт* [266]. Средневековый подход к жанру, утверждает он, был типичен для Эгидио Колонна** – одного из самых влиятельных аристотеликов конца XIII века. Автор полемизировал сугубо *дедуктивно,* исходя из *общих* предложений и предположений о природе Вселенной. В соответствии с его стилем мышления, вся земная жизнь человека согласуется с жизнью за её пределами, из чего он также *определяет место государя,* занимаемое им в этом мире. Следовательно, государь является посредником между Богом и человеком, и все атрибуты его правления должны вытекать из этого последнего положения. Так, государь не должен быть нацелен на приобретение *чести*, *власти* и *богатства*, вместо этого он должен стать *примером* для своих подданных, следуя принципам «естественной» ***справедливости***. С одной стороны, утверждает Ф.Гилберт, гуманисты не имеют ничего общего с Колонной. С другой стороны, как и для Эгидия, наградой для хорошего правителя является его возвышенное положение в будущем мире, а, как известно, для гуманистов наградой была *слава*.

---

* Френсис Гилберт – профессор университета Лондона (Professor of Behavioral Health/ Continuing Education)

**Философ Эгидий Колонна, 1246–1316 гг.

Именно гуманистам мы обязаны также появлением новой **методологии исследования**. Речь идёт о том, что доказательствами (доводами), к которым они прибегали в подтверждение своих мыслей, стали *исторические примеры*, а не некие *абстракции* и *теоретические рассуждения*. Несмотря на то, что эти примеры были взяты из античности, из истории Древнего Рима, тем не менее, изучение работ о «Государе», написанных гуманистами, выявляет ряд черт, сходных со средневековой концепцией. Как и средневековые авторы, продолжает Ф.Гилберт, гуманисты пытались описать некоего идеального государя (принца) [266]. И во всех этих случаях *качества* этого отдельного «образца» определялись *нереалистичными* чертами ни с точки зрения общечеловеческих, ни тем более с точки зрения политических реалий. Например, такой возможности, как управление «врожденной» (естественной) *справедливости*. Известно, что способности поддержания мира у принца Кватраченто были ограничены, как и у его средневековых двойников. Следовательно, некий «строптивый» и в то же время «гуманный» король (принц) так и остаётся лишь «*идеалом*».

Итак, в гуманистическом «каталоге атрибутов», наравне с духовными (религиозными) свойствами, в перечне качеств личности, необходимых Государю, появились и сугубо «мирские» (светские) качества. В иерархии «ценности качества» такие характеристики, как «magnificentia» и «majestas», заняли определенноё положение, место. Первый тип качеств, вобрав в себя все их преимущества и недостатки, был рассмотрен именно с прагматической точки зрения «эффектов». Скажем, «Liberatitus»* рассматривался ими не с точки зрения, как он «сам по себе хорош», но также и как «средство» консолидированной власти правителя. Позднее Ф.Патрицци (1412-1494) и Дж.Понтоно (1426-1503) задались вопросом о том, могут ли добродетели «принца» отличаться от добродетелей «простых граждан». Однако эти вопросы не были восприняты достаточно серьёзно другими учёными и тем самым не послужили основой для того, чтобы впоследствии выработать «***теорию политической необходимости***». Несмотря на то, что у предшественников Макиавелли были уже сформированы свои взгляды на политическую мораль, всё же гуманисты не восприняли традиционную «идентичность» между идеальным Государем и идеальным Человеком. В их теоретических размышлениях нет реальной оценки «*борьбы за власть».* У них не представлены также достаточно убедительные аргументы в пользу «*цели»*, определяющей политическую жизнь. Тем более не указывается на то, что цель эта *эгоистична.*

*Liberatitus –термин, характеризующий щедрость императора, раздающего деньги и земли после завоевательного похода, принесшего богатую добычу, и отпразднованного триумфа.

Анализ трактата «Государь», выполненный Кватроченто, так и остался заключенным в христианские рамки, где столь понятна цель человека – «достижение благодати», и где рациональный ход действий всегда морален и продиктован естественным законом [266, с. 462]. Макиавелли же действительно логически адаптировал структуру изложения мысли в трактате к обычной литературной форме изложения в жанре «книги-совета», но он «убрал» с портрета принца (государя) все следы *идеализированной* личности. Тем самым, обычные христианские проблемы уступили место государственным соображениям. В переопределении понятия «**virtus»** Макиавелли показал некую «девиантность» личности принца. Для гуманистов же понятие *virtus*, по сути, эквивалентно значению понятия «добродетель», как мы её сейчас понимаем – *нравственное добро*, указывающее на гуманную, разумную, мудрую форму правления. Для Макиавелли *virtus* в большей степени ассоциируется с некой *естественной* (природной) силой, включая в себя такие понятия, как «амбиция», «драйв», «мужество», «энергия», «сила воли» и «проницательность». Макиавелли соглашается с гуманистами в том, что государь должен олицетворять «*virtus*», но при этом он показывает, что такая личность отнюдь не гармонична [124, с. 61-63). В описании различных свойств личности, которой присущ «*virtus*», обнаруживается противоречивость и дисгармония, которая и была установлена современными эмпирическими социально-психологическими и клинико-психологическими исследованиями данного феномена (*см. гл. 4*).

В самом деле, латинский термин *virtus* (с его коннотациями патриотизма, мужества и смелости) напоминает *virtus* в специальном смысле Макиавелли, однако он этим не исчерпывается. Выведя «virtus» государя из обычного «каталога христианских добродетелей», Макиавелли ограничивает поведение государя только политической необходимостью. Возможно, в этом и проявляется его «подрывная» деятельность, как и использование для доказательства своих мыслей *исторического метода*. Как и для гуманистов, целью, поставленной Макиавелли, было «адаптировать» классическую мудрость к реалиям жизни, к проблемам того времени. Это являлось аксиомой для мыслителей Ренессанса. Классические произведения преподносят нам урок и чему-то нас учат. Древний Рим в этом отношении обладал уникальным статусом «о*бразца*». Но ошибка гуманистов заключалась в том, что они были уверены в том, что римские тексты содержат «*вечные*» нравственные и этические принципы. В то время как цель «классики» – научить нас извлекать примеры «*добра»* и «*зла»*, отличать *эффективные формы* поведения от *неэффективных*. Заслуга Макиавелли

заключается именно в том, что он стремился к тому, чтобы «извлечь» из прошлого урок, а не просто его воспроизвести. Смысл этого урока, как хотел нам его «преподать» Макиавелли, был лишь «прагматического» характера и не содержал в себе выраженного «морального» оттенка. Например, если он и был готов одобрить «жестокость», «подлость» и «обман», то лишь потому, что усматривал в политике одну из форм деятельности, "неоговоренную" в правилах, нормах поведения, т.е. вербально не оформленную в «принципах». Эта деятельность не была «оформлена» в специально оговоренных трактатах по управлению, тем более она не была представлена в «христианских добродетелях» и не была описана в религиозной литературе. Таким образом, эти действия Макиавелли представляют собой решительный отказ от традиций, которые и вызвали впоследствии такой шквал обвинений в его адрес, и противоречивых «интерпретаций».

Средневековые философы постоянно цитируют высказывания св. Павла о том, что «всякая власть происходит от Бога». Гуманисты до Макиавелли также признают, по крайней мере «на словах», что государство имеет *божественное* происхождение. Однако Макиавелли не идёт даже на такую уступку. Возможно, поэтому его сравнивали с Коперником. То, чего Коперник, его современник, достиг в области космологии, Макиавелли достиг в области политики, и это признают многие. Польский астроном заменил космологическую систему Аристотеля, где отсутствует разделение на «высший» и «низший» миры. То же самое сделал и Макиавелли. Во Вселенной, утверждает он, нет некой привилегированной «точки». То есть, в физическом мире существуют те же самые законы и принципы «справедливости», которые должны присутствовать и в политике. Ведь не просто же так, лишь для красоты слова (именно этого он хотел избежать – «я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких-то внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и услащать свои сочинения») [123, с. 51], Макиавелли использует в своих работах фразы и аналогии абсолютно натуралистического или медицинского характера. Ссылки на «естественную необходимость» или «естественную трудность» часто встречаются у него в тексте, когда он анализирует «политические силы» [124, с. 14]. При описании того или иного состояния, он выбирает такие выражения и сравнения, как «растение», «корень» [124, с. 26] и др. Порой он увлекается настолько, что сам не замечает, насколько его взгляд на природу государства принимает ярко выраженный натуралистический характер. При описании социальных феноменов он прибегает к «натуралистическим» понятиям – «рождение»,

«рост», «упадок» и «смерть». Позже у Л.Н. Гумилева* при описании исторических процессов в теории этногенеза мы также сталкиваемся со следующей схемой зарождения этноса: толчок – подъем – перегрев – упадок – затухание [61].

Конечно, иногда у Макиавелли можно усмотреть противоречие между детерминируемым *натурализмом* и утверждением о том, что виртуозный политик может решительно *предопределять* события. Если всё уже предопределено, пусть и не Божественной, но природной силой, то возникает вопрос – как же политик может всё переопределять? Макиавелли отвечает на этот вопрос также в духе натурализма. Однако здесь уже намечаются иные факторы – ***социального характера.*** Например, Макиавелли видит политического деятеля в качестве «врача», который использует свои навыки, чтобы изгнать плохие «соки» из политического «тела». «Врач» всеми силами стремится восстановить общественное «здоровье», несмотря на то, что этой социальной системе предопределены, как и человеческому телу, распад и гниение [124, с. 14-15].

Таким образом, можно сказать, что множественные ссылки Макиавелли на природу не несут в себе даже намёка на *имманентную цель* или *замысел Божий*. Природа, характер человека составляют для него реальный, практический и даже эмпирический вопрос. Ведь, когда политические философы-гуманисты до Макиавелли определяли, например, «природу человека», они даже не пытались сказать, *как* человек ведет себя на самом деле, они лишь хотели донести до нас идею о том, какова имманентная *цель* человека, для чего он создан, и что же такое *судьба*. Некоторые историки в манере, напоминающей Гилберта, пытались затушевать это различие между Макиавелли и его предшественниками, отнеся его мысли к традиции аристотелевского республиканизма, господствовавшего во флорентийской политической науке во времена Кватроченто. Республиканцы, или гражданские гумани-

---

* В работе «Этносфера: История людей и история природы», которая создавалась Л.Н. Гумилевым в течение десятилетий, начиная с 1966 г., но опубликована она было лишь в 1993 году, уже после смерти автора. Он пишет, что «любая живая система, будь то этнос или организм, развивается единообразно. Внезапно в ней появляется некоторое количество людей, наделенных пассионарностью–пассионариев. Природа пассионарности интерпретируется им как микромутация, меняющая что-то в гормональной системе организма, и тем самым она создаёт новый поведенческий признак. Отдельные особи во всей популяции мутируют по-разному. Как инстинктивные, так и пассионарные импульсы лежат в эмоциональной сфере, а так как вся психическая деятельность охватывает и сознание, значит, в области сознания можно обособить деление пассионарных импульсов, направленных либо на сохранение жизни, либо на её пожертвование во имя иллюзии. Для удобства Гумилёв обозначает их как жизнеутверждающие импульсы со знаком плюс, а импульсы «жертвенные» – со знаком минус.

сты, позаимствовав у Аристотеля телеологический взгляд на добродетель, настаивали, во-первых, на том, что человек по своей природе – это *политическое животное*, которое достигает исполнения желаний через деятельность, посвященную общему благу. Во-вторых, что город основан на дружбе в соответствии с правилами гражданского гуманизма. Вещи создаются и распределяются сообща, а не только на основе обмена товарами или взаимной защиты. «Поставщики» такой философии, по словам Дж.Покока, изображали социальную жизнь человека как «универсальность участия», где отдельные люди «встречались» в гражданстве, чтобы проводить время и наслаждаться универсальной ценностью – действовать ради общего блага [329, с. 6-7].

В таком идеальном партнерстве всех граждан *только* политическое животное может быть по-настоящему *хорошим человеком* [329, с. 74] (*курсив наш - Л.А*). Таким образом, контекстуальные комментаторы, интерпретируя идеи Макиавелли с прагматической точки зрения, не оспаривают оригинальность его идей, но при этом они минимизируют их значение [329, с. 173]. В этом отношении К.Скиннер еще более прямолинеен: он заявляет, что в утверждениях Макиавелли просматриваются взгляды обычного республиканизма и что флорентиец не только защищает традиционные республиканские ценности, но он это делает к тому же *традиционным способом* [349]. Зададимся же вопросом, а так ли это на самом деле?

Хотя Макиавелли и сочувствовал республиканизму, он едва ли упоминает Аристотеля и никогда не определяет политику в преобразующих или эмоционально окрашенных терминах. Что касается города, основанного на дружбе, Макиавелли явно отклоняет это утверждение как *утопическое*. В работе «История Флоренции» он даже предупреждает о том, что те, кто представляют себе возможным существование «*объединенного сотрудничества*» без расхождения во взглядах, или «недоброты» между людьми, совершают ошибку [123]. Возможно, если не считать, что все мыслители оказались в ловушке «исторического и интеллектуального контекста», трудно будет не прийти к выводу, что аристотелевский способ анализа был совершенно чужд Макиавелли. Он нигде не говорит о человеке, который ставит перед собой цель *духовного* характера. В средние века к этой идее чаще всего прибегали для оправдания власти церкви и государства и *пассивности масс*, для которых Богом было предписано *послушание* и *отрицание* всего земного. Хотя гуманисты и отвергали средневековое «унижение» земной жизни, они всё же были верны Аристотелевской теологии и прибегали к тем же дедуктивным методам, что и теологи. Они поднимали те же вопросы: какова сущность человека, какие у Бога планы на человека и пр. В целом,

им были присущи те же предубеждения, а именно, о том, что моральные истины могут быть выведены лишь из веры. Гуманистам, которые были слишком благочестивы, также, как и всем остальным, трудно было принять эмпирическую, прагматическую точку зрения на реальность. Человек для них являлся лишь *частью* Вселенной. Цели, в том числе и трансцендентные, представлены в той же плоскости: они уже присутствуют во Вселенной до человека, а ему лишь необходимо их оттуда «взять». Макиавелли, напротив, признаёт, что у человека есть, присущи ему *собственные цели*. Область политики и способы её «реализации», механизмы её действия – это всего лишь «ухищрения» человека на пути к достижению своих собственных целей и их реализация.

В дальнейшем мы более подробно рассмотрим воззрения Макиавелли на природу и сущность человека с психологической точки зрения, сейчас же отметим, что основная идея, которую стремился донести до нас Макиавелли, заключается в том, что человек – это масса *ненасытных желаний*: «люди по своей природе могут желать, чего угодно, но не всего могут добиться; желание приобретать всегда превышает их силы, отсюда и проистекает и неудовлетворенность тем, что есть, и стремление к большему. Вот чем объясняется переменчивость всех людских судеб; попытки увеличить своё состояние, а также удержать уже приобретенное, порождают вражду и войны, а они, в свою очередь, ведут к возвышению одних государств и к упадку других» [123, с. 181].

Не обязательно соглашаться с этой точкой зрения и принимать на веру то объяснение, которое он нам предлагает по этому вопросу – «почему человек ведет себя именно так, как он себя ведёт, а никак иначе?», но интереснее проследить именно ход его мыслей по этому поводу. Например, христиане и аристотелевские философы посчитали бы такое поведение отклонением от *естественного* «добра», однако Макиавелли стремится к тому, чтобы донести мысль о том, что необходимо именно ***«правильное»,*** а не «любое» *другое* функционирование *политической единицы*, позволяя, тем самым Человеку достичь своего ***потенциала как нравственного*** существа. Для этого, считает ученый, необходимо создать определенный *тип среды*. То есть, некое «совершенное общество» – такое, где человек сможет «процветать».

Рассуждая о природе человека, Макиавелли имеет в виду не то, каков человек есть в данный момент, а в большей степени то, каким он *становится,* т.е. кем он может стать в результате того или иного образа жизни, а в конечном итоге – каков его внутренний *потенциал*. Природа Человека – это не то, что можно лишь описать или представить себе, она определяется той *реальностью,* в которой живёт человек. Он есть то, что представляют

собой его действия и поступки, его реальные проявления в жизни, «практика жизнедеятельности», как позднее её назовут ученые, или «социальные условия» и «межличностные отношения».

Люди – это «политические животные», лишь в том смысле, считает Макиавелли, что они нуждаются друг в друге как в **средстве удовлетворения своих желаний**. Например, *слава* не может быть достигнута в отсутствии публичного признания. Аналогично, доступ к редким материальным ценностям требует *власти* над другими. Скрытой формой проявления такой власти является возможность ***манипулировать мыслительными процессами*** других людей. Несмотря на то, что Макиавелли относится к «общему благу» как к «цели» государства, он всё же имеет в виду скорее ***моральную цель***, нежели какую-либо другую, так как именно такая цель предоставляет гражданам возможность для выживания, безопасности и счастья. Он не настолько наивен, чтобы верить в то, что жители возлюбленной им Римской республики действовали в своё время ради «общего блага» [123, с. 173-176].

То, что спасло их в той стране, где они искали применения своим силам и где они могли удовлетворить свои потребности, часто за счёт других, то, что спасло их от социального разложения, был, как считает Макиавелли, вовсе не массовый дух альтруизма, а скорее всего это была «любовь к Отчизне». Именно она сподвигла их к готовности идти на компромисс в реальной, практической ситуации, там, где это было необходимо [123, с. 145-147].

Вселенная для Макиавелли управляется не «здравым смыслом». Структура этой реальности, в основном, – бессмысленная система «физических движений». Единственный естественный закон, который он упоминает в своих трудах, – это закон «физической необходимости». Он не ссылается на существование некоего «идеального порядка» или на доктрину, которая указывала бы человеку на то место, которое он должен занять в «великой цепи бытия». Он также не говорит о том, что человечество движется к определенной цели или же к любому другому отдаленному событию. Он вроде бы и не имеет представления о «человеческом развитии» или о «прогрессе человечества» в поисках целей, предписанных Богом или Природой. Как отмечает И.Берлин, даже его теория о циклических «возвратах» и «повторениях» в истории не «гарантирована» им в прямом смысле метафизики [220, с. 37]. Скорее всего, такие явления, как «*corsi»* и *«ricorsi»*, возникают у него случайно. Хотя циклические перемены и необходимы, как считает Макиавелли, и они всё же следуют по «неизменному согласованию» (т.е. не случайны), всё же они не *запланированы* ни одним существом и не следуют какому-либо фиксированному *проекту*. Используя повсеместно слово «случайность»,

Макиавелли хочет донести до нас мысль о том, что эти циклы имеют место из-за естественных (натуральных) наклонностей (способностей) людей, которые проявляются именно в группах людей, а не из-за того, что существует некая «сущность» или «конечная цель», которая управляет обществом или отдельным индивидом [124, с. 129-134]. Таким образом, он вводит в понятийный аппарат науки такое понятие, как ***«человек социальный».***

Согласно анализу наследия Макиавелли, проведенному Берлиным, «оригинальность» Макиавелли вряд ли можно преувеличить, ибо идея о том, что существует закон, который не только регулирует движение Солнца и звёзд, но и предписывает *должное поведение* всем живым существам, не рассматривалась ранее другими мыслителями. Центральным положением в его доктрине является видение им беспристрастности Природы или Разума, Космической цели или Божественного создателя, чья сила наделила все вещи и существа, каждого из них, *специфическими* функциями. Эти функции являются элементами одного гармоничного целого и реализуются в каждом отдельном случае по-своему. Макиавелли совершил «атаку» на общую философскую тенденцию поместить всё сущее в некий унифицированный «уродливый образец». В дальнейшем эти идеи были развиты различными формами рационализма – «религиозного» и «атеистического», «метафизического» и «научного», «трансцендентального» и «натуралистического», и уже после смерти Макиавелли стали преобладающими в современной западной философии. Мысль, что некое «абстрактное рассуждение» или божественное «откровение» могли бы предоставить возможность доступа к «секретам» Вселенной, была для Макиавелли некой «анафемой». Хотя нельзя считать, что в этом отношении Берлин был абсолютно прав, характеризуя идеи Макиавелли о перспективах развития как беспрецедентные [220]. Например, наследие Древнего Рима свидетельствует о том, что древние философы отдавали предпочтение «фактическому» (практическому) над «метафизическим», где идеал является в виде *неизменного, вечного* и *совершенного* мира, неких *универсальных* форм развития. Однако эти идеи не были поддержаны другими мыслителями. В то время считалось, что существует некий импульс «парить» над неизменным и вечным миром. В ответ же на это (такую картину мира) римляне выразили враждебность и к созерцательной жизни в целом. У Макиавелли же эта «враждебность» вызвала также определенную ответную реакцию, но уже не в виде лишь эмоциональной реакции, как у них, а иного характера – интеллектуального, т.е. он привёл эти идеи к определенному *логическому* завершению, к определенному выводу и заключению. Макиавелли также не искал, как это делали боль-

шинство мыслителей того времени, значения «потока вне потока» [281], а как раз наоборот: он был первым пророком «гуманизма», позволившим Человеку самому, помимо религии, разработать естественный, натуральный закон, которому всё в природе подчинено. Этот закон действует как для земных, так и для внеземных объектов. Макиавелли распространяет действие этого закона также и на взаимоотношения людей.

Люди, по Макиавелли, объединяются или же становятся врагами, так же, как воды объединяются в реки и разделяются руслом, а тела падают на землю и пр. Как и природа, история человечества не содержит в себе никакого потустороннего смысла, она циклична и представляет собой лишь процесс бесконечно повторяющихся событий. Стремление людей к *константности* и *универсальности,* к *моральным истинам*, зарождающимся по воле Божьей, или в чистом Разуме, как считает Макиавелли, основывается на фатальном "***непонимании"*** человеком сути происходящего. В истории нет никаких стандартов, и то, что мы называем «абсолютными законами» – лишь реликты традиционной метафизики, где изобретение человека подается как изобретение Бога. Такие понятия, как «справедливость», «хороший» или «плохой», являются конвенциональными и происходят из экзистенциальных потребностей человека, живущего среди других людей, в общине, утверждает мыслитель. Они являются результатом естественной ***необходимости***, а не естественного закона, они существуют лишь потому, что необходимы для выживания человека, а не потому, что они являются наследием от Бога (как говорится в Библии), или вписаны в «природу человека» (как говорят аристотелевцы), или «наследственны» (как сказали бы современные ученые). «Хорошее» поведение – просто хорошее поведение, которое пользуется одобрением, потому что долгий опыт учит людей, что последствия такого поведения, как правило, *полезны*, а «плохое» поведение, наоборот, – просто поведение, которое вызывает неодобрение, потому что опять же многолетний опыт учит людей, что его последствия, как правило, *вредны.* И понятие «справедливость» также возникает из страха человека «выстрадать» зло от чужих рук. Это понятие относится к набору правил и принципов, которые развиваются из «озабоченности», и нет никаких причин, по которым они не должны были бы различаться по содержанию у одной цивилизации (нации) по сравнению с другой, если по форме выражения они иные [123, с. 102-108]. Поэтому для Макиавелли ***закон – это некая внешняя вещь, она не передана Богом «смертным»*** и ***не воссоздана им в бессмертном образе*** (образце). Этот закон не вытекает также из некой абстрактной «морали», «цели», которая присуща природе человека. Закон – это не что иное, как определенный вид

«команды», «правила», «нормы», укоренившейся в *силе* (великого человека – государя) или же в *умении* этой силы управлять жизнью людей.

Обычно Макиавелли предлагает альтернативные пути и независимо от объекта предоставляет возможность выбора определенных «схем», «способов» и «методов» взаимодействия. Например, он пишет, что новый государь, который желает быть «абсолютом», должен изменить всё: грабить богатых, разрушать старые города и переселять население в новые места. И тут же предупреждает – «эти методы очень жестоки и враждебны любому образу жизни, не только христианскому, но и человеческому; и любой человек должен избегать этого и желать жить частной жизнью, а не как король, принесший такие разрушения людям». Тем не менее, он *предлагает* человеку некий «полезный» принцип, который тот не желает (или не хочет) принять в качестве главного способа для создания блага. Это свидетельство взято из «Рассуждений» Макиавелли. В «Государе» Макиавелли прежде чем предложить некий технический совет, создаёт определенные *моральные установки*. Однако эти установки в некоторой степени вступают в противоречие с его «правилами-советами». Как явствует из главы «О том, за что людей, в особенности государей, восхваляют или порицают», он соглашается, что *было бы* весьма похвально для государя обладать всеми теми качествами, которые обычно считаются хорошими; тем не менее государь, если он хочет сохранить власть, то он должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением исходя из надобности [123, с. 92-93].

Аналогично в главе «О том, как государи должны держать слово» Макиавелли говорит о том, что для государя похвально *держать слово* и быть лучше *прямолинейным*, чем хитрым в сделках. Но поскольку эти «хорошие» государи будут уничтожены в мире, полном злых людей, говорит Макиавелли с некой *моральной нейтральностью*, нужно учиться “сатанинскому” искусству ***выживания*** в неблагоприятных обстоятельствах. «Мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово, и умел, кого нужно, «обвести вокруг пальца»; такие государи, в конечном счёте, преуспели куда больше, чем те, кто ставит на честность» [123, с. 97-98].

Будут ли его советы использоваться для добрых или для злых дел, это не просматривается. Хотя эти отрывки и подтверждают тезисы Б.Крока [241], но они не являются типичными для Макиавелли. Довольно часто он покидает мир «чистой техники» и утверждает, что определенные направления действий должны приветствоваться, потому что они продиктованы необходимостью повышения *благосостояния общества*.

В том случае, когда на кону «восстановление порядка» и «безопасность общества», обычные *«пороки»* могут стать политической добродетелью, а обычная «*добродетель*» может привести к политическому краху. В политике, продолжает он, мы не можем прочертить некую *демаркационную линию* между «моральной добродетелью» и «моральным пороком»*:* эти две вещи в обыденной жизни часто меняются местами. Иронизируя по поводу политической необходимости и реальных социальных условий жизни обычных людей, Макиавелли имеет в виду нечто большее, а именно – «Истину». В поэтической форме эту истину Шекспир выразил в образе брата Лоренцо в трагедии «Ромео и Джульетта». Основной вывод этого парадокса описан Макиавелли, в образе Чезаре Борджа. Жестокие меры были необходимы ему для того, чтобы избавить Рим от «чумы» мелких тиранов, которые довели население до жалкого рабства. Борджа считался «жестоким», тем не менее его жестокость реформировала Римскую империю, объединила её и «восстановила порядок», пишет о нём Макиавелли. Таким образом, заключает он, его можно считать более «добрым», нежели тех флорентийцев, которые во избежание применения по отношению к ним насильственных и репрессивных мер позволили воинственным фракционерам в Пистоле «разрушить» мир и «процветание» в городе. «Жестокие» по характеру государи, готовые прибегать к «грубым действиям», чтобы поддерживать лояльность с целью объединения людей, были, по сути, более «милосердными» по результатам своих деяний, да и с точки зрения морали, заключает он, по сравнению с теми государями, которые «будучи слишком сострадательными, допускали беспорядки, которые вели к убийствам и грабежам». «Беспорядки», продолжает Макиавелли, всегда наносят «*вред всему обществу*», тогда как смертные казни по приказу государя носят «*индивидуальный*» характер [123].

Рассмотрим еще один тезис – оценку правильности действий по «*знаку мотива»,* побуждающего к действию, или же по конечному *результату* этого действия. Итак, Макиавелли по этому поводу выдвигает следующие рассуждения: в действиях всех людей, особенно государей, нет апелляционного суда, их судят по ***результатам.*** Игнорируя крайнюю необходимость в государственной прозорливости, правитель, проповедующий только мир и добрую веру, превращается во врага и того и другого. В свете новой данности, о которой было сказано выше, проблема с виду религиозно-метафизической плоскости о «*сопротивлении злу»* приобретает морально-практический вопрос о верных, правильных, необходимых и достойных путях этого сопротивления. Она заключает в себе и вопрос о способах *оценивания* «действий государя» – по результату действия или по интенции – мотиву, цели действия

государя. Этот же критерий распространяется и на оценку значимости, правильности той или иной «социальной теории», которую люди стремятся воплотить в жизнь. Ведь у нас нет такой возможности – как «постановка эксперимента» с социумом, «экспериментирование с социальной действительностью», эксперимент возможен лишь в естественных (точных) науках.

Точку зрения по данному вопросу Макиавелли излагает в работе «Рассуждения», защищая Ромула после того, как он убивает своего брата Рема. Этот акт был *необходим*, говорит Макиавелли, поскольку высшая власть при образовании нового Римского государства должна была быть сосредоточена в руках *одного* человека. Такое было «возможно» лишь для успеха данного «предприятия» (образования нового государства), следовательно, это «возможно» (имеет значение) и для «общего блага» – заключает он. Ни один мудрый человек, или «умный», как настаивает он, никогда не осудил бы правителя за такие *чрезвычайные* действия, направленные на *благо общества*. Наоборот, когда ***поступок обвиняет*** его**,** то и ***эффект обвиняет*** последнего. Когда эффект хорош, он всегда «извинит» поступок, ибо тот, кто применяет насилие, чтобы «испортить», не равен тому, кто применяет насилие, чтобы «исправить» ситуацию. В таком случае первый должен быть осужден, а второй – ставим знак вопроса (?). То, о чем говорит Макиавелли, – это действие, которое позднее было названо социальными психологами «эффектом так называемых “грязных рук”». Другими словами, Макиавелли стремится донести до нас мысль, идею о том, что в *некоторых ситуациях*, обстоятельствах, «руки» фактически остаются «чистыми». То есть, «прибегать к жестокости» в поисках «достойной цели» – это не обязательно плохо. В своих наблюдениях и рекомендациях он не «tormente»*, «на ты» с плохой совестью, а наоборот, он хочет исключить саму идею о «плохой» совести в отношении политических лидеров любого ранга. Установив, что Макиавелли был *конвенционалистом***,* перейдем к вопросу о

---

* Le tormente (от итал. – бури, снежные вихри, в мн..ч.), легендарный таинственный воин в маске, путешествующий по сказочному миру Валоран и вызывающий на бой самых сильных бойцов.the mysterious masked Йордл Истребитель (Yordle Luchador)(Luchador по испански - истребитель).

**Основная идея конвенционализма встречается уже в античности (задача астрономии – «спасти явления, представляемые планетами») и в эпоху Возрождения (инструменталистская интерпретация теории Коперника). Современный конвенционализм берет начало в работах Э.Маха, П.Дюэма и в наиболее явной форме – Анри Пуанкаре. Согласно Пуанкаре, основные положения любой научной теории не являются ни синтетическими истинами *a priori*, ни отражением реальности *a posteriori*. Они суть соглашения, единственным абсолютным условием которых является непротиворечивость. Выбор тех или иных положений из множества возможных диктуется практическими соображениями: потребностью в максимальной простоте теорий и необходимостью успешного их использования. При появлении более эффективных конвенций, старые – отвергаются.

том, насколько вероятно рассматривать его как *гедониста*, считавшего, что *удовольствие* – единственная вещь, хорошая сама по себе, и что все вещи, действия и ценности, которые мы считаем хорошими, такими же и остаются, пока они доставляют удовольствие. Макиавелли, конечно, предвосхитил Джереми Бентама, который рассматривал людей как «существа аппетита» [218], ищущих удовольствия и избегающих боли. Иначе говоря, душой человека, его психикой правит не разум, так как его функции сводятся лишь к функции «советника» и «помощника».

В свою очередь, *утилитарианцы* приписывают внутреннюю ценность переживанию удовольствия и удовлетворению как таковому, не акцентируя внимания на том, кто именно это переживает. Макиавелли так же, как и поздние утилитарианцы, считает *счастье* главной целью общества, хотя он и связывает это не с «удовольствием» как таковым (по крайней мере, не так явно), а с «порядком» и «процветанием». Тем не менее, Д.Бентам [218], рассматривая общество в целом, связывает удовольствие с материальным процветанием и личной безопасностью: удовлетворение аппетитов, в конце концов, может быть доведено до максимума там, где достигнуты такие условия.

Эндрю Бреннан считает, что индивидуальные природные существа (чувствующие или нет, одушевлённые или неодушевлённые) не были созданы кем-нибудь, ради выполнения какой бы то ни было цели, и поэтому не содержат в себе некую «внутреннюю функцию» (то есть функцию вещи, которая является частью своей сути или требований, желаний человека) [224]. Он говорит, что такой подход служит поводом считать, что с индивидуальными природными сущностями не до́лжно обращаться как с *инструментами*, тем самым приписывая им эту «внутреннюю ценность». Более того, Бреннан считает, что этот же моральный подход применим к природным экосистемам, так как они также лишены внутренней ценности.

С точки зрения В.Крона, Макиавелли также относится к традиционным добродетелям как «утилитарианец», а не как «христианин». Он не соглашается с тем, что эти добродетели, будучи по сути ценными, должны быть отставлены, но их надо игнорировать тогда, когда на «кону» интересы государства [242].

Рассуждения из трактата «Государь» свидетельствуют о том, что по Макиавелли о действиях всех людей, а не только принцев, монархов и государей, судят, в конечном итоге, по *результату*. Душевное состояние человека, то, *что* он желает и *почему* он этого желает, – всё это не оказывает влияния и не должно влиять на наше мнение о достоинстве или низости данного поступка. Христианская, а также светская (классическая) нравственность пред-

писывала людям не только совершать «правильные действия», но и делать их по «правильной причине», по нравственному побуждению. Лишь внешнее соответствие/несоответствие моральному закону было недостаточным основанием для того, чтобы судить и оценивать тот или иной поступок как нравственный или безнравственный. Для того, чтобы можно было говорить о «*добродетельности*» и судить о человеке как о добродетельном, мы должны желать ***быть*** им, а ***не только казаться.*** В общем виде можно сказать так: чтобы другие думали о нас так же, как мы думаем о себе, считали нас тем же, кем мы считаем себя сами. В гуманистической этике Эрик Фромм, в свою очередь, определяет высший жизненный, объективный и универсальный интерес в том, чтобы ***жить или быть живым*** [173]. Жить или быть живым означает, по Фромму, прежде всего существование человека именно в качестве человека или, в философских терминах, существование человека в соответствии с его сущностью (*более подробно см. гл. 3*).

Мотивы, побуждающие нас к совершению поступка, который впоследствии будет назван «нравственным», должны быть социально приемлемыми, одобряемыми обществом, благими, честными и искренними. Макиавелли же судит об этом несколько иначе. Для этого, считает он, необходимо взглянуть на поступок со стороны соответствия моральному закону, даже если кто-то «насмехается» над ним. В таком случае внешнего соответствия достаточно для проявления «христианской добродетели». Те, кто видит и слышит его (государя), должны стать людьми сострадания, людьми доброй веры, честными людьми, добрыми и религиозными. Макиавелли добавляет, что если у государя действительно есть эти качества, и он ведет себя согласно им, то он найдет их «губительными». Такое заключение очевидно: фактическое владение этими качествами является препятствием к эффективному правлению. Кажется, что Макиавелли всесторонне девальвирует «атрибуты», столь дорогие для христиан. Добродетели, такие как «сострадание», «доброта», «честность» и «добросовестность», не хороши сами по себе, или потому что они отличаются божественным одобрением; они хороши до тех пор, пока они вносят вклад в благосостояние государства. Так и напрашивается вывод (который и сделали большинство интерпретаторов Макиавелли) – они там (в социальных институтах), ***чтобы ими манипулировали, а не чтили их.***

Когда Макиавелли восхищается, хвалит добродетели Древнего Рима, он делает это в рамках тех практических благ, которые они приносят. Например, римляне, благодаря своему героизму, гордости и силе тела и духа защищали Отчизну от внешних врагов, которые стремились обратить их в рабство, или же против внутренних преступников, доводивших общество

до анархии. Этот воинственный дух также порождал «динамизм масс» – желание завоевывать другие народы, а это могло быть удовлетворено лишь через развитие «технологий» и сложных «форм организации». Славные достижения римлян отражали и формировали «милитаристскую» и «героическую» систему ценностей – «добродетелей». Но они же и побуждали к «слабости» людей перед лицом агрессора, к пассивному «безразличию» к радостям жизни. Римляне, по выражению Макиавелли, «осветили» мир своей цивилизацией, в то время как христиане вновь «погрузили» его во тьму. Таким образом, он предпочитал римлянина – ***человека «действия***», по сравнению с «***созерцающим человеком***» средневековья. Это было бы естественно благоприятно для республиканской формы правления. Граждане, как считает Макиавелли, должны обладать «общественным духом», они должны быть уверены в себе, а не быть жалкими и униженными. Если большинство или *достаточное количество* людей соответствует этим стандартам, тогда диктаторское правление будет и не желательным, и не необходимым. Ранее, при обсуждении антиутопизма Макиавелли, отмечалось, что он предпочитал «республиканизм» именно ввиду практических преимуществ, которые он привносит в общество, а не ради него самого. Но самое главное заключается в том, что республиканизм помог человеку осознать свою *сущность* и таким образом помог ему вести «хорошую жизнь», в моралистическом аристотелевском смысле. Инструментальный подход Макиавелли к тому, что считалось «абсолютным идеалом», более подробно мы обсудим далее. Но вначале нам необходимо проанализировать его отношение к двум основным ценностям, которые обычно связывают с республиканизмом – это «***верховенство закона***» и понятие «***свободы***».

Согласно М.Вироли [365], Макиавелли рассматривает «верховенство закона» как основную черту гражданской и политической жизни, и когда он говорит о «верховенстве закона», он всегда имеет в виду «верховенство *справедливых* законов» или законов, которые и справедливы, и разумны. По мнению М.Вироли, Макиавелли считал, что «хорошо организованная республика» должна соблюдать с наивысшей непреклонностью принципы ***законного порядка***. Даже если преступник «самый злобный человек», и он совершил самые «гнусные преступления» против республики, все равно его законные права должны быть соблюдены. Именно в таком смысле мы обычно и понимаем верховенство закона как в качестве необходимой составляющей юстиции, абсолютной ценности, которую нужно сохранять во что бы то ни стало.

Но понимал ли Макиавелли «верховенство» закона именно так? Хотя он определенно осознавал, что в общественной жизни нужно следовать «законным процедурам», за исключением крайних случаев. Он обнаружил,

сделал очевидным то, что «верховенство закона» в этом смысле не обязательно должно совпадать со «справедливостью». В трактате «Рассуждения» он защищает ту практику обвинения или осуждения, которую мы справедливо связываем с понятием «тоталитарного режима». Он показал, что таким «обвинениям» можно придать общественную и институциональную форму, которая может быть включена в рамки законного порядка. Ибо если гражданина казнят в соответствии с обыденными процедурами, то это не приведет к каким-либо беспорядкам в республике, даже если это и было сделано «неправильно». Заключительного доказательства вины в данном случае не потребовалось бы. Оправдание этой «неблагопристойной практики» – сугубо утилитаристское. Для того чтобы избежать «волнений», необходимо, чтобы республика предоставила «отдушину», выход коллективному гневу против одного гражданина «законными» способами. Другим благоприятным для республики эффектом является то, что из чувства страха быть обвиненными горожане не будут уже предпринимать никаких попыток, направленных против государства, а если всё же и предпримут, то они тут же будут уничтожены. На этом остановимся и предоставим возможность рассуждать на эту тему в специальной литературе.

Когда Макиавелли размышляет о «безопасности Родины», то он ограничивает сюда «вход» любым соображениям о «***справедливости***» и «несправедливости», о «***милосердии***» или «жестокости», о «***достойном***» или «недостойном». Для него противоположностью верховенства закона является *анархия*, а не деспотизм. Цель «законных процедур» (что в Америке называют «законным порядком») – обеспечить скорее *коллективную безопасность*, нежели *справедливость. «*Верховенство закона», обеспечиваемое таким образом, не является моральным императивом, а лишь *способом* добиться «наивысшего счастья для наибольшего количества», если использовать знаменитое выражение Д.Бентама [218]. То же самое можно сказать и об идее Макиавелли «о свободе». Не будучи философом, флорентийский секретарь никогда не предлагал системного анализа того, что он подразумевает под понятием «свобода». Однако при рассмотрении его отношения к верховенству закона становится понятным, что его представления «о свободе» не предполагают права «несогласного меньшинства» или лиц, отрицающих привычные принципы. В то время он еще не связывал «*свободу» с* ***правом мыслить*** или ***говорить*** то, что хочешь. Хотя, судя по его работам, в принципе он был не против свободы слова, основанной на том, что лучшая политика, скорее всего, выявляется через *рассмотрение всех имеющихся альтернатив* и точек зрения. Более того, по складу своего характера и образу жизни он склонялся к идее «живи и дай другим пожить», конечно, пока

это не касается общественной безопасности. Но он не желал придать этим «преференциям» статус права, поскольку был убежден, что там, где общество коррумпировано эгоизмом и трусостью, неограниченная терпимость и дебаты просто «самоубийственны». Свобода была для него, скорее всего, лишь условным благом, нежели абстрактным понятием. Рассмотрим более подробно, что же он имел в виду в данном случае. Ответ на этот вопрос потребует от нас некоторых умозаключений, сделанных из разбросанных отрывков, где Макиавелли использует этот термин.

Итак, Макиавелли говорит «о свободе» в связи с вопросом о том, что государство как социальный институт ничем не обязано другому государству. Институт государства свободен, он более независим по сравнению с порабощенными жителями этого государства, подчиненными власти государя. Однако в основном он использует понятие «свобода» в смысле свободного *образа жизни,* т.е. описывает тип свободы, определяя его буквально в «республиканском» смысле слова. Учитывая всё это, можно заключить, что «свободные люди» не могут подчиняться «прихотям» иностранцев и что они могут жить по тем законам, в отношении которых граждане этого государства *свободно выразили свое согласие.* В данном случае, из сопоставления «свободных» людей и тех, кто «зависит от других», мы можем заключить, что для него индивидуум свободен тогда, когда он живет в *свободном обществе* и зависит не от воли другого индивидуума, а лишь от *закона*. Следовательно, понятие «свободы», по Макиавелли, влечет за собой неограниченный поиск самостоятельно выбранных целей. Он не говорит в аристотелевской манере, что мы свободны только тогда, когда наша деятельность обусловливается осознанными и «глубочайшими человеческими» целями (в современном варианте «общечеловеческими ценностями»). В таком случае он отвергал бы саму предпосылку идеи о существовании некой ***сущности человека***. Таким образом, вопрос о ***личной свободе*** – это не вопрос о личной независимости, ограниченной лишь гражданской ответственностью, которые прописаны в законах. Согласно Макиавелли, люди не оценивают свободу «ради самой свободы», они хотят жить в безопасности и преследовать самостоятельно выбранные цели без чувства страха. Обычная «выгода», исходящая из *свободного образа жизни*, проистекает из того, что человек хочет свободно наслаждаться своими вещами, без подозрений, страха за своих жену и детей и не опасаясь за свою жизнь и своё благополучие**.** Отношение к свободе у Макиавелли – инструментальное, т.е. он рассматривает её как способ существования в нормальных обстоятельствах, или как возможность «максимизировать общественную полезность» (Бентам), которую человек часто использует себе во благо. Как же это может быть осуществлено?

По мнению Макиавелли, вовлечение народа в процесс управления – это один из аспектов свободного образа жизни, который создаёт возможность для формирования справедливых законов и обеспечения политической стабильности в обществе. Но это осуществимо лишь при одном условии – если люди не подпадут под коррупционные или раболепские образцы поведения. Под понятием «хорошего» правительства Макиавелли имеет в виду республиканское правительство. Он также высказал идею, которая позднее стала обычной «либеральной мудростью», а именно: что свобода ведет к материальному процветанию. Среди его левоцентристских почитателей сложилась легенда, что он был противником приобретательства. Действительно, он как-то высказал мысль о том, что «самая полезная вещь», которую можно извлечь из свободного образа жизни, это то, что граждан можно и должно держать в бедности. «Богатство» может сделать людей мягкими и самодовольными, оно создаёт благоприятные условия, реальные финансовые возможности для процветания коррупции, и оно же поощряет «эгоизм» и поддерживает «эгоцентризм». Осуществляется же это за счет общественного блага. В другом случае, когда он клеймит жадность, его называют социалистом. Но скорее всего, это проистекает не из идеи об идеалистической любви к равенству, а из уверенности Макиавелли в неизбежности войны, а жадные люди, как известно, не спешат жертвовать средства на какие-либо дела, в том числе и на оборону Родины. Тем более что такого понятия, как «Родина», во времена Макиавелли не существовало, а существовали понятия «верности государю», «подданства».

Макиавелли не предлагал социальных реформ, однако он не считал необходимым поддерживать «неравенство в благосостоянии». Несмотря на то, что сам он постоянно сетовал по поводу отсутствия финансовых средств, он любил роскошь и мог при возможности наслаждаться ею. Он вовсе не был Савонаролой, а его «вспышки» пуританизма в большей степени вызваны его негодованием по поводу собственного относительного обнищания, нежели истинным презрением к деньгам. Однако личные мотивы для Макиавелли – не повод нарушить логику рассуждения. Эта неумолимая логика восхищала и вдохновляла многих его последователей, интерпретаторов и читателей.

Нижеприведенный отрывок из «Рассуждения» свидетельствует, что задолго до Адама Смита он предвосхищает идею о том, что ***частное приобретение – это источник богатства всей нации*** [163], поэтому оно должно быть поддержано государством. Ибо, как считает Макиавелли, «все города и провинции, в которых живут свободно, получают большие прибыли. Богатые увеличивают их в большем количестве. Ибо каждый увеличивает это

и ищет возможности приобрести вещи, которыми он будет, по его мнению, наслаждаться, приобретя их» [123, с. 176-181]. Из этого следует, что при конкуренции люди думают не только о частных, но и об общественных преимуществах, при этом и те, и другие процветают. Макиавелли не сомневается в том, что «богатство лучше бедности» и что «богатство – одно из благ», причисленных к свободному образу жизни. Но он не соглашался с тем, что этот образ жизни подходит всем, независимо от условий жизни того или иного народа. Как и любая другая «благодетель», ценность свободы, как он её понимает, не является благом сама по себе, она есть «благо» лишь до тех пор, пока способствует счастью человека и благу всего общества. Под счастьем человека понимается способность индивидуумов удовлетворять в обществе свои материальные и социальные (амбициозные) потребности. Является ли это гедонизмом в классическом бентмовском [218] смысле, трудно сказать, но то, что это достаточно близко к его пониманию в смысле утилитаристской интерпретации, кажется логически последовательным. Всё это проистекает из его враждебности к метафизике. Об этом также свидетельствует его противоречивое отношение к тому, что именно является достойным, а что противоположно. Макиавелли действительно проводил различия между общественным и частным поведением, но он это делал не так, как Крок [241, с. 59-66]. В основном это отличие состояло в двух разных способах достижения этого счастья: люди одержимы одной целью, и цель эта морально оправдана. Например, в личных взаимоотношениях, по Макиавелли, человек должен придерживаться обычных моральных стандартов, поскольку расположение близких нам людей (добрая воля) должно восприниматься как *должное*. Сам он, несмотря на некоторые «вольности», был всегда предан своей семье и друзьям, он заботился по мере возможности об их благополучии. В этом отношении его можно назвать истинным утилитаристом – всяким, кто считает необходимым подчиняться моральным правилам, которые полезны обществу, даже в том случае, когда это поведение, в соответствии с общепринятыми правилами, может в определенных обстоятельствах навредить («вызвать больше зла, чем добра»).

Несмотря на то, что правила утилитаристов остаются всё ещё конвенциалистскими (о правилах судят исходя из возможности максимизировать счастье), их моральные суждения обычно будут частично совпадать с суждениями деонтологических моралистов. Это объясняет то, почему Макиавелли так часто использует термины «добро» и «зло» в христианской манере. Каждый, кто в своих личных отношениях не подчиняется моральным соглашениям, выдержавшим испытание временем, и кто угрожает «хрупкому» социальному равновесию, не заслуживает ничего, кроме упрека. Одна-

ко сфера действия политики, область её применения, отличается от частной жизни человека – это, как её порой называют, «джунгли». В данном случае фетишистская преданность традиционным моральным правилам приведет к обратному – к противостоянию счастью, а значит – к несчастью. Когда Макиавелли заявляет, что все люди плохие, он, на самом деле, относится к человеку с точки зрения его политической деятельности – в контексте, где естественные связи, основанные на привязанности или сочувствии, прерываются. Правитель, который действует так, как будто он окружен своими «возлюбленными», тогда как он на самом деле окружен «хищниками», хлебнет горя и, возможно, разрушит стабильность своего государства. Как «опекун» общественного интереса, он должен вести себя как действующий утилитарист, который не отступит перед актами предательства, обмана, несправедливости, жестокости и другими подобными проявлениями, но при условии, *если* есть необходимость приумножить или сохранить «величайшее счастье для наибольшего количества». Как правило, утилитаристы так и действуют (подчеркнем, что это современный термин, который Макиавелли не использовал) с целью «вернуть нравственность» на землю. В данном случае имеет значение не приверженность к трансцендентным нормам или божественно обозначенным целям, а максимизация эмпирически установленного благополучия.

Итак, можно утверждать, что Макиавелли предвидел возможность становления светского государства, очищенного от средневековой концепции «вечности», он верил в возможность существования некоего государства, основанного на практике жизнедеятельности людей, неких реальных целях, которые могут быть воплощены в жизнь. Избегая абстрактных «универсалий», он прославляет *активный* и *независимый* дух, который может создавать этот (внешний) мир. Поведение человека, по Макиавелли, не предопределяется и не принуждается трансцендентными силами, не ограничивается некими абстрактными нормами; у него всё сводится к *человеческому измерению* – к страстям, желаниям и устремлениям. Тем самым, Макиавелли предлагает нам историю без тайн, историю как ряд определенных событий, реальных фактов и опыта.

В заключение отметим, что Макиавелли отдаёт предпочтение наблюдаемому явлению и конкретному факту, опыту, а не абстрактным и воображаемым феноменам. Именно это лежит в основе его теории реализма. Политика, как и этика, должна апеллировать к реальному миру – к определенному пространству и времени. В этом, по Макиавелли, «ключ к счастью». Однако идеалисты и моральные абсолютисты не могут согласиться с тем, что «идеалы» – это не более чем необязательные «дополнения» к жестким

условиям конкурентной жизни, что политика – это лишь «стратегическое» применение силы и обмана, а нравственность сводится к поиску практических «преимуществ». Для таких мыслителей учение Макиавелли – это «дорога к гибели». Этот жесткий и грубый «вердикт», который они выносят Макиавелли и его учению, может быть истинным (верным) и справедливым, а может быть и ложным (неверным) и несправедливым. Дискуссии, споры и рассуждения мыслителей по данному вопросу до сих пор продолжаются. Но то, что очевидно всем и находится за пределами обсуждения, так это макиавеллистский ***метод познания действительности:***

- исторический анализ – это не абстрактные общие суждения, силлогизмы, а научные рассуждения – строгое чередование фактов, являющихся одновременно *причиной и следствием*;
- эмпирический метод – истина есть сущее, «правда настоящая», поэтому искать её нужно лишь посредством *опыта*, сопровождаемого наблюдением, путём рационального (разумного, объективного) изучения фактов.

В целом, такой способ изучения мира можно обозначить как ***действенный способ*** взаимоотношения человека с миром и с Другим.

1.4. Макиавелли против макиавеллизма: психология, этика, политика

Я убежден в том, что величайшее благо, которое может быть принесено и которое больше всего угодно Богу, – это то, что делается ради своего отечества.
Н. Макиавелли (Речь о реформе Флорентийского государства).

Учение Макиавелли постигла та же участь, что и основной вывод, который вынесли из его учения все последующие поколения исследователей – «цель оправдывает средства». Это крылатое выражение затмило весь смысл его учения и придало личности Макиавелли вовсе нелицеприятный облик. Постоянно тиражируемый и раздробленный на многочисленные «цитаты» и нелицеприятные интерполяции, этот образ был идентифицирован с фигурой хитрого и злого человека, который в погоне за властью не гнушается для достижения своей цели никаких средств и методов воздействия на своих подданных и противников. Какова же цель *извращения смысла учения о политике великого флорентийца?* Вероятно, *как можно дольше держать народ в невежестве,* поскольку в этом состоянии им *легче управлять.*

Со времени написания знаменитого труда «Государь» («Князь») прошло уже более 500 лет, но до сих пор он вызывает серьезные споры и размышления философов, ученых и политиков. Бесстрашие логических выводов автора не только смущало современников, но уже много веков мучает политиков и моралистов. Макиавелли и «зло» по-прежнему являются практически синонимами. Однако Макиавелли не был злодеем, и его политическая философия соприкасалась со злом только в том отношении, что она была лишь чрезвычайно реалистична.

Негативная реакция характеризует скорее нас, а не Макиавелли. Выдвинутая им теория и философия управления государством была изначально задумана как научная, а это означает, что в ней не было места для сантиментов и сострадания. Возможно, именно поэтому поздние интерпретаторы отдельным пунктом выделяют положение о том, что Макиавелли якобы «отделяет политику от морали», хотя сам он нигде об этом не говорит. Цель, которую преследовал Макиавелли, вовсе не была обусловлена стремлением к классификации исторических событий и фактов с точки зрения моральной оценки поступков выдающихся людей. Если исходить из современной классификации типов морального поведения, предложенной Р.М. Айдиняном [6], любой приводимый Макиавелли поведенческий акт можно отнести к тому или иному типу морального поступка: эгоистического, эгопрагматического, альтеронейтрального, эгоальтеропрагматического, альтеропрагматического, альтруистического и безрассудного.

Созданный Макиавелли шедевр «Государь» – единственная работа, благодаря которой его всегда будут помнить. Эта книга адресована правителям и повествует о том, как следует управлять государством. Если вы управляете государством, утверждает Макиавелли, ваша основная задача – удержать власть в своих руках и управлять государством с максимальной выгодой для себя. И далее он объясняет, как поступать, используя яркие примеры из истории, избегая при изложении фактов проявления сентиментальности. ***Никаких проявлений мягкости характера*** – так гласит его формула.

Начиная с 1877 г., когда появилось новое исследование Виллари «Machiavellie il suo tempo», и до сегодняшнего дня высказывается предположение о том, что понять истоки и смысл его политической теории можно лишь в том случае, если мы осознаем и поймем время, в котором жил и творил мыслитель. «Мудрые люди, – отмечал Макиавелли, – очень справедливо и не зря говорят, что желающий предвидеть будущее должен обратиться к прошлому, потому что все события в мире во всякое время могут быть сопоставимы с подобными же им в старину» [124, с. 454].

Политическая философия Макиавелли лишь косвенным образом отражает его жизнь и обстановку, его окружавшую. Основная заслуга итальянского мыслителя заключается в том, что его теория основывается не только на событиях, свидетелем которых он явился сам, но и на том, что он сопоставляет их с историческими фактами: «деяния великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрестанным изучением дел минувших» [124, с. 7].

В «Государе» Макиавелли развертывает перед читателем картину культурного быта Италии в эпоху Возрождения. Известно, что много лет подряд он активно участвовал в политической жизни Италии эпохи Ренессанса. Излагая биографию Макиавелли в связи с историей его времени, исследователи стараются показать, *как* постепенно слагались его политические воззрения под влиянием пережитых им событий и впечатлений, полученных им на протяжении его продолжительной служебной карьеры.

Анализ работ флорентийского секретаря выявляет, во-первых, то, что его политическая доктрина – это не что иное, как поиск ответа на вопрос: как *должно* быть устроено государство, чтобы оно не страдало теми недугами, которыми была заражена Флоренция того времени. Основные вопросы, которые волнуют мыслителя, – это какова ***воспитательная задача государства,*** каковы условия, которые благоприятствуют развитию гражданских добродетелей, развитию морали и нравственности.

Согласно Макиавелли, Мир – это не гармоничный порядок, созданный любящим Творцом, но хаос сил, враждующих с человеком – самой беспомощной тварью из всех, живущих на земле. Плачем приветствует он этот мир страданий, отвратительным хрипеньем заканчивает свое жалкое существование. Природа вооружила всех животных орудиями борьбы, один человек рождается беспомощным [121, п. VIII, Ст. 40-41]. И если он чем-нибудь превосходит остальных тварей, так это – своими непомерными желаниями, которые даны ему лишь на то, чтобы *страдать и мучиться*. Звери своим чутьем умеют отличать «полезное» от «вредного». Один человек бесцельно бродит и нигде не находит себе убежища [121, Ст. 19]; его страсти не дают ему покоя и гонят его в смрадные и злачные места [121; Ст. 20]. Животные удовлетворяются немногим, люди же боятся бедности и ищут богатства, которое закрывает им путь к добру [121, Ст. 22]. Животные удовлетворяют свои страсти лишь настолько, насколько того требует природа; человек же погрязает в сладострастии и любуется пороком [121, Ст. 31]. Звери питаются тем, что им посылает небо, человек же посылает гонцов во все части света и ныряет на дно океана, чтобы насытить свою утробу [121, Ст. 34.].

Природа *изощрила человеческие способности*, наделила человека гибкими членами и даром слова, но она же и влила в человека яд тщеславия и алчности [121, Ст. 44]. Природа наделила человека потребностями и влечениями, но лишила его средств удовлетворять их. Изощренные способности человека – причина его страданий, богатство человека – источник его нищеты и бессилия [121, Ст. 39]. Человек – это не царь природы, а самое жалкое и беспомощное существо, но у него есть общее со всеми животными – *чувство самосохранения*. Это чувство заставляет его бороться с природой, и чем беспомощнее человек, чем необузданнее его страсти, тем отчаяннее его борьба за существование.

Сознавая свое бессилие в борьбе с природой, человек стал искать союза с себе подобными. Люди, жившие первоначально разрозненно, стали сближаться между собой, дабы общими силами отражать общих врагов. Так возникло государство [123, с. 102-108]. Обнаружив в общежитии средство отражать внешних врагов, человек обратился к борьбе с самим собою, со своими страстями. Пока люди жили разрозненно, ничто не побуждало их сдерживать свои страсти. Соединившись же в *государство*, люди поняли, что эти страсти – враги всякого общежития, и что внутренний мир может быть обеспечен лишь тогда, когда люди откажутся от исключительного преследования своих эгоистических стремлений и в интересах мирного общежития обуздают свои страсти. Из этой борьбы людей со своими страстями возникли *нравственность* [123, с. 102-108] и *религия* [123, с. 131-137], обуздавшие человеческие влечения. Зло, выражавшее беспомощность человека среди враждебного ему мира и необузданность его страстей, породило добро и его плоды – ***государство, нравственность, религию***. Но добро порождает новое зло. Забывая уроки прошлого, люди разрушают творения рук своих и легкомысленно стирают с лица земли все то, что в поте лица своего отвоевали их предки [121, Песнь V.Ст. 30—31, 34—35]. Они не могут идти в ногу со временем и изменяют свои мнения о нем [29, с. 235]. Людские аппетиты ненасытны, ибо природа вкладывает в них желание всех вещей, но судьба редко позволяет этому осуществиться. Отсюда проистекает вечное недовольство, бродящее в умах, и пресыщение тем, что доступно [124, с. 236].

Люди не удовлетворяются приобретенными благами, их алчность ненасытна, они стремятся расширить свои границы. Государства поглощают чужие владения и тем самым уготовляют себе погибель [124, с. 10-14]. Сильные, побеждая слабых, изнуряют свои силы и, в свою очередь, становятся добычей сильных. Одно государство основывает свое величие на развалинах другого лишь для того, чтобы, обессилев в борьбе, уступить место следующему. Так чередуются величие со слабостью, а возвышение государ-

ства становится причиной его упадка [124, с. 18-19]. Но не только алчность и властолюбие государей снимают с мест целые народы, лишают родины жителей той или иной местности. Другой вид войн заключается в том, что население так умножается, что для всех не хватает пищи [124, с. 259], и люди отправляются искать себе новое пристанище в чужой стране. Те, которые, в свою очередь, выросли среди благоустроенного общежития и не испытали изменчивости судьбы, забывают, какой ценой достигались блага, которыми они пользуются [123, с. 129-134]. Затем покой, наступающий в государстве, в котором процветает нравственность и уважается религия, порождает праздность и довольство, а *праздность и довольство – это источник пороков* [121, Ст. 27—28, 32—34.]. Таким образом, покой, который отвоевали себе люди, учредив религию и нравственность, является причиной нового зла, разрушающего государство. Так зло порождает добро, а добро – зло, и одно является причиной другого [121, Ст. 32—34], [123, с. 415-417].

Но не только люди разрушают созданное ими. Существует еще другая сила, врывающаяся в область, которую отвоевал себе человек. Это – ***сила судьбы***. «Если как следует присмотреться к делам людским, то можно увидеть, что по воле небес часто происходят события, которые невозможно предотвратить» [123, с. 325]. Однако судьба, по Макиавелли, – это не имманентная миру сила, которая управляет им по определенным, неизменным законам; это и не фатум, которому бы слепо подчинялись люди. Судьба, как ее понимает Макиавелли, – какая-то стихийная сила, вмешивающаяся в дела людей лишь в эпохи брожения, в эпохи всеобщих переворотов. Макиавелли сравнивает ее с рекой, которая, обратившись в бурный поток, заливает собой целые долины, срывает деревья и жилища, смывает землю с одного места и наносит ее на другое. И как река постепенно входит в свои берега, так и для людей снова наступают времена, когда они не испытывают превратностей судьбы и могут свободно направлять ее течение по своему произволу [124, с. 85-88]. Так и судьба, преследуя какие-то свои особенные цели, ослепляет людей и руководит ими, совершенно независимо от их свободной воли. Таким образом, судьба не есть фактор, постоянно присущий мировым явлениям, она *лишь порой* нарушает естественное течение событий.

Но и там, где движущей силой является судьба, человек не утрачивает *безусловно* своего значения. Макиавелли «заставляет» человека играть ***роль орудия судьбы***, исполнителя ее предначертаний. Когда судьба хочет совершить великие дела, то она избирает человека, имеющего достаточно ума и мужества, чтобы понять благоприятность условий и воспользоваться ими. Когда же судьба хочет совершить какой-нибудь важный переворот, тогда

она также выставляет передовых людей, которые должны содействовать ей, произвести этот переворот. «Таковы прихоти судьбы, которая, желая свершить грандиозные дела, избирает человека, наделенного такой доблестью и таким величием духа, что он умеет распознать предоставленные ему возможности. Точно также, подготавливая великие бедствия, судьба подыскивает людей, им способствующих» [123, с. 327]. «Из всех исторических сочинений явствует, что люди могут приноравливаться, но не противоборствовать; могут плести ее сети, но не обрывать их» [123, с.328].

Однако человек может и должен вступать в борьбу с судьбой. Макиавелли не случайно сравнивает действие судьбы с рекой, внезапно выступившей из берегов. Этим же сравнением он пользуется, дабы выяснить, что люди имеют в своем распоряжении также и средства, могущие предупреждать вредные последствия вторжения судьбы. Как можно плотинами и каналами предупреждать разлитие реки, так и судьба лишь там проявляет свою власть, где нет силы, способной оказать ей сопротивление [124, с. 325-328].

Кроме судьбы, действующей порывами, Макиавелли признает существование еще одной силы, которую он тоже иногда называет судьбой, но которая имеет уже иное значение. «Все же никогда не стоит отчаиваться, ибо цели её от всех укрыты, и бредет она окольными и неведомыми путями, поэтому никогда не следует терять надежду и опускать руки, какие бы беды и несчастья ни случались» [123, с. 328]. Он называет эту силу ***счастьем***, когда она благоприятствует людям, и ***несчастьем***, когда она становится им поперек дороги. Эта сила есть не что иное, как стечение случайных обстоятельств, слагающихся помимо воли людей. Хотя везде у Макиавелли проглядывает воззрение, по которому все, что не относится к физической природе, есть создание человека, тем не менее, изучая историю, он не мог не заметить, что многое в политической и общественной жизни народов не может быть объяснено одним этим фактором. И вот, чтобы выйти из затруднения, он приписывает все то, что не может быть объяснено свободной волей людей, вмешательству судьбы.

Сила судьбы обратно пропорциональна силе людей. Там, где человек свободно проявляет свои способности, там область, в которой хозяйничает судьба, ограничена [124, с. 328-332]. Там же, где люди слабосильны и вялы, там судьба держит их в своих руках (Dove gliuo mini hanno poca virtù, la fortuna di mostra assai la Poten zasua).

Великие люди, говорит Макиавелли, остаются такими же, какими они и были ранее, вне зависимости от того, как бы счастье ни колебалось; и когда судьба меняется, возвышая их или унижая, они остаются верны себе, сохраняют бодрость духа и свойственный им образ действий, так что всякий

видит, что судьба не имеет над ними власти. Иначе поступают *бессильные люди*: они пьянеют от счастья и делаются тщеславными, приписывая все доставшиеся им случайно блага добродетелям, которых они никогда и не знавали [124, с. 428-431]. Таким образом, счастье и несчастье не стесняют деятельности великих людей: они идут прямо к своей цели, не рассчитывая на счастье и не смущаясь несчастьем. Счастливое стечение обстоятельств имеет для них значение лишь настолько, насколько оно предоставляет им удобный случай к приложению своих сил и умений. «Итак, каждому из этих величайших мужей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье» [124, с. 24].

Но иногда вмешательство судьбы облекается в форму, более доступную человеческому уму, т.е. время от времени, говорит Макиавелли, происходят перевороты, производимые или людьми, или небесами. К последним должно причислить чуму, голод, наводнения. «Что такие явления бывают, в этом, я думаю, – говорит Макиавелли, – сомнения быть не может как потому, что рассказами о них наполнены исторические повествования, так и потому, что действие их выразилось в забвении прошедшего, и, наконец, потому, что они лежат в порядке вещей» [123, с. 255].

Вмешательством судьбы Макиавелли объясняет и те перевороты, которые наступают в известные промежутки времени и разрушают все результаты предшествующего исторического развития. Эти перевороты уничтожают не только все выработанное человеком, но и изглаживают самую память о прошлом. Та горсть людей, которые остаются в живых после всеобщего крушения, не принадлежат к носителям того порядка, который был выработан предшествующими поколениями. Поэтому эти люди и не могут служить последующим звеном между отжившим человечеством и долженствующим народиться вновь. Они даже не способны хранить память о прошлом, ибо это прошлое отошло в вечность, не успев даже задеть их. Но хотя они и не несут на себе следов стертого с лица земли порядка, они, тем не менее, имеют природу, общую всем людям, они всё же несут в себе тот источник, из которого вылился разрушенный строй. Несмотря на всеобщее разрушение, зло с корнем не вырвано, ибо это зло заложено в самом человеке. История человечества не есть, следовательно, прогрессивное движение, разложение старого, нарождение новых сил и их развитие. Люди не способны к усовершенствованию; они даже не способны устоять на том уровне, на котором застает их естественное состояние, они лишь спускаются все ниже со ступеньки на ступеньку, пока испорченность их не достигнет крайних размеров, и новый переворот не очистит мир от накопившейся людской злобы.

Итак, природа ничего человеку даром не уступает, и он вынужден отвоевывать каждую пядь земли, каждый кусок хлеба, вести неустанную и отчаянную борьбу с природой и с себе подобными. Лишь ценою такой борьбы он может достигнуть цели своего существования и удовлетворить свои потребности. В догосударственном быту человек следует правилу: ***цель освящает средства***. Но человек постепенно преодолевает сопротивление, оказываемое ему природой, и заставляет ее служить своим интересам. За борьбой с природой следует мир, и тогда человек в своих отношениях к внешней природе перестает следовать этому правилу. Он не проводит более дней и ночей в беспорядочной погоне за добычей, не топчет лугов, не убивает первого попавшегося ему зверя, не опустошает леса и поля, а удобряет пашни, приручает зверей, бережет лес, орошает луга и собирает жатву: человек лелеет природу, природа кормит человека.

Мир с природою научает человека ***дорожить и миром с себе подобными.*** Соединившись в общежитие, люди создают средства, которые позволяют им достигать его целей с наименьшей тратой времени и труда. Достичь этих целей можно лишь в том случае, если не прибегать к действиям, противоречащим интересам отдельных членов союза. Тем самым они вводят законы и учреждения, которые освящают эти средства, и грозят наказанием всякому, пользующемуся иными средствами. Эти законы и учреждения устанавливают такой общественный порядок, который делает излишним заставлять человека при необходимости соблюдать эти правила, прибегать к суровым и жестоким мерам. Тем самым они позволяют каждому человеку удовлетворять свои интересы, не мешая при этом и Другому достигать того же.

Таким образом, люди создают среди внешнего *нецелесообразного* мира – *искусственный* и *целесообразный.* К такому целесообразному порядку правило «цель освящает средства» неприложимо, ибо тут целям общежития соответствуют **законные средства.** Но с течением времени это соответствие между целями и средствами нарушается. Потребности и вместе с ними *цели общежития изменяются*, средства же, воплотившись в форму законов, учреждений, нравственных правил, религиозных верований, остаются без изменения. Общественный порядок перестает быть целесообразным, и правители и граждане для удовлетворения вновь возникших потребностей вынуждены нарушать освященные временем правила. В такие *эпохи революций безнравственные действия неизбежны*, ибо лишь ценою суровых и жестоких мер, нарушающих интересы отдельных лиц, может быть введен новый целесообразный порядок. Именно в такие эпохи общественных кризисов правило «цель освящает средства» снова вступает в силу.

Но и при таких исключительных условиях государственной жизни это ***опасное правило*** не применяется безусловно. Не всякая цель освящает любое безнравственное средство. Суровые и жестокие меры можно извинить лишь в том случае, если эта цель *необходима в интересах общего блага*, лишь в таком случае она может быть достигнута ценою таких суровых мер. Макиавелли порицает государственных людей, пренебрегающих нравственными соображениями для достижения власти и славы, но извиняет тех, которые, имея в виду исключительно общее благо, были вынуждены прибегать к жестоким мерам. Он противопоставляет Цезаря Ромулу: первый своим пренебрежением правами народа разрушил римскую свободу, второй своими суровыми мерами положил основание величию Рима.

Нравственная цель, согласно Макиавелли, не оправдывает всякого безнравственного средства. Жестокие меры могут быть оправданы лишь в том случае, если добро, купленное ценою этих мер, превышает причиненное ими зло. Когда политическому деятелю предстоит одно из двух – решиться на жестокую меру и этим причинить непосредственное зло меньшинству или же отказаться от этой меры и дать развиться общественному недугу, могущему заразить все общество и погубить его, то он должен принести в жертву интересы меньшинства интересам большинства, следуя известному правилу: «из двух зол до́лжно выбирать меньшее». Вместе с тем Макиавелли предупреждал, что нельзя никогда давать простора злу из-за какого-нибудь добра, если добро легко может быть уничтожено злом. Даже если в эпохи общественных кризисов и дозволено прибегать к жестоким мерам, то при нормальном течении общественной жизни всякая незаконная деятельность опасна. Он предостерегает государственных деятелей об опасности следовать правилу – «цель освящает средства».

Макиавелли развивает мысль о том, что в благоустроенной и неиспорченной республике правители не имеют ни повода, ни возможности творить зло, что все цели общежития могут быть достигнуты законными средствами и что безнравственный поступок, могущий оказаться полезным в тирании, сам себя наказывает в неиспорченной республике [123, с. 32-36; 175-180].

Те ученые, которые возмущаются безнравственностью политической доктрины Макиавелли, рассуждая об отношении политики к морали, берут в основу критики его теории о власти именно это положение – «цель оправдывает средства». При этом они упускают из виду именно то, что является наиболее важным в его теории – целостность, диалектику и объективность. Любая сентенция Макиавелли подтверждена реальным поступком, событием, историческим фактом, в то время как его критики *утверждают*, что цели политики не должны противоречить морали, но при этом они *допуска-*

ют, что государственные люди, преследуя свои цели, вынуждены прибегать к средствам, несовместимым с предписаниями абсолютной морали. Однако они не подкрепляют этих положений теми доводами, к которым прибегает Макиавелли.

Возможно, это различие в аргументации объясняется тем, что данные исследователи являются приверженцами *телеологического подхода*, в то время как Макиавелли отрицает целесообразность мирового порядка. Таким образом, автор «Государя» оправдывает безнравственные средства в политике *несовершенством общественного* порядка и отсутствием законных средств для достижения необходимых целей общежития. Ученые, убежденные в целесообразности всего существующего, вынуждены прибегать к самым отчаянным уловкам, чтобы объяснить факт, не увязывающийся с их миросозерцанием.

Мир, согласно учению телеологов, есть создание разумного существа, устроившего Вселенную в соответствии с известной целью и согласно этой цели. Поскольку в этом мире нет ничего случайного, каждое явление есть необходимая составная часть мирового плана и предназначено служить конечной цели мироздания. Но если в мире все разумно и целесообразно и во всем проявляется разумность Творца, то и само *зло должно быть добром* и содействовать осуществлению изначально предначертанного плана. Такое объяснение зла есть необходимое следствие телеологического миросозерцания, для которого все, что существует, разумно и поэтому должно преклоняться перед злом и видеть в нем необходимый элемент целесообразного порядка.

Таким образом, если Макиавелли отрицает разумность мироздания и видит в ***государстве учреждение, созданное людьми для борьбы против зла и способное до известной степени смягчить людские страдания***, то политики-телеологи объясняют необходимость прибегать к безнравственным средствам, подсобной роли зла в мировом порядке. Например, Блунчли в свое время стремился оправдать безнравственные средства в политике рассуждениями о том, что зло имеет в мире лишь преходящее значение [34]. Зло, согласно его учению, есть необходимая составная часть нравственного порядка и существует лишь для того, чтобы содействовать торжеству добродетели. В этом смысле можно говорить о дурных средствах, служащих благим целям. В таком случае проступок отдельного лица осуждается *частной моралью*; рассмотренный же в связи с общим ходом политического развития, он нередко выступает как необходимое звено в общей цепи событий, содействовавших усовершенствованию государственной жизни. При рассмотрении «зла» с этой точки зрения, оно перестает быть злом и

становится добром. Несуразность данного рассуждения очевидна. Блунчли оправдывает политика, который не руководствуется правилами *абсолютной морали,* обязательными для частного лица, тем, что политик вынужден действовать через людей и на людей. Поэтому он должен иметь в виду не идеального человека, а считаться с недостатками людей и уметь стать на средний уровень народного менталитета. Между тем частное лицо может вести созерцательную жизнь, удалиться от соблазнов суеты и углубиться в самого себя. Таким образом, человек может соблюдать строгие правила абсолютной морали, лишь ведя жизнь отшельника, а деятельность среди людей вынуждает политика приноравливаться к нравственному уровню большинства. В таком случае непонятно, почему нельзя на том же основании оправдывать и безнравственные поступки частных лиц, вынужденных действовать на поприще практической деятельности?

Иначе объясняет отношение политики к нравственности Б.Н. Чичерин, формулирующий свое мнение следующим образом: политику невозможно подвести под точку зрения безусловной нравственности, точно так же, как нельзя приложить к государству абсолютное право [85]. Над тем и другим господствует высшая цель политической жизни – общее ***благо***. Эта цель сама по себе есть начало нравственное, но она не всегда может быть достигнута безукоризненными средствами. От частного лица можно требовать, чтобы поступки его были безупречны, ибо цель, которую он себе полагает – это личное счастье. Но счастье не есть непременная и необходимая цель, она должна подчиняться высшим требованиям. Таким образом, частное лицо должно жертвовать своим счастьем в пользу своего личного достоинства, и благоденствие народа нельзя приносить в жертву абсолютной строгости нравственных правил.

В политике верховный закон есть общее благо (salus populi suprema lex), для спасения отечества приходится иногда жертвовать всем. Правитель не может уклониться от деятельности, он обязан управлять государством, избирая тот путь, который возможен [124, с. 22; 86]. Если цель должна быть достигнута, то позволительно в случае крайности прибегать к таким средствам, которые не оправдываются нравственностью. В данном случае проявляется столкновение двух начал, при котором нравственный закон не может иметь притязаний на безусловное владычество.

Но если во имя общего блага дозволительно жертвовать нравственными соображениями лишь потому, что за счет такой жертвы может быть куплено благо народа, перевешивающее нарушение интересов отдельных лиц, то почему, спрашивается, это соображение пользы применимо лишь в области общественной жизни и не способно оправдать безнравственных

поступков частных лиц? Если уж встать однажды на точку зрения *пользы*, то непонятно, почему эта точка зрения уместна лишь в сфере политики? В частной жизни каждого человека существуют такие же необходимые цели, как и в политике, ради достижения которых, исходя из соображений пользы, можно оправдать известные средства, несовместимые со строгими правилами морали. То, что служит спасению государства для народа, может оказаться, например, для семьи сохранением жизни отца, который ее содержит. В данном случае вопрос о дозволительности безнравственных средств сводится к вопросу о *степени важности тех целей*, во имя которых прибегают к безнравственным средствам. В таком случае будет непоследовательным утверждать, что такие цели существуют только в политике.

Государство само по себе цели не имеет: оно не что иное, как средство, с помощью которого люди удовлетворяют потребности, заложенные в них природой. Не люди существуют для государства, а государство для людей. Потребность общими силами защищать общие интересы соединила людей в общежитие. Созданное всеми и для всех государство и должно служить интересам всех: Цель государства – общее благо [123, с. 191-196]. Но по силам ли такая задача государству, как его понимает Макиавелли? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны ознакомиться с его взглядами не только на мироустройство в целом, но и на природу человека.

Макиавелли признает, что в человеке уживаются самые разнообразные влечения, которые в «силу необходимости» и управляют его деятельностью [29, с. 384]. В то же время человек не обладает врожденными нравственными понятиями, т.е. он лишен всякой внутренней силы, которая сдерживала бы его влечения и направляла бы их в нужное для общества русло. Влечения человека возбуждаются внешними впечатлениями и проявляются тем сильнее, чем сильнее и чувствительнее полученный извне толчок. Хотя люди и *хвалят заслуживающее похвалу, а хулят заслуживающее хулу,* тем не менее бóльшая часть из них, ослепленных ложным счастьем или ложной славой, чаще всего преднамеренно или невольно вступают на путь тех, которые заслуживают более порицания, нежели похвалы. Если деятельность людей направляется влечениями, возбуждаемыми внешними случайными обстоятельствами, то эта деятельность не может быть ни устойчивой, ни последовательной. Поэтому людей нетрудно убедить в чем-либо, но нелегко поддерживать их в этом убеждении – «ибо… нрав людей непостоянен, и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно» [124, с. 24].

Люди непостоянны по самой своей природе, и лишь законы в состоянии обуздывать их страсти. Напрасно говорят писатели, будто *народ непо-*

стоянен: неустойчивость есть недостаток, присущий всем людям, и *князь, не сдержанный законами, еще изменчивее толпы* [124, с. 224-229]. Если же мы видим, что люди перестают иногда колебаться между различными чувствами и стремительно преследуют известную цель, то это объясняется не настойчивостью и последовательностью, а тем, что какой-либо **внешний толчок вызвал в них с особенной силою известное влечение**, которое всецело и овладевает ими. Если, например, что-нибудь угрожает людям опасностью, то их охватывает чувство страха, и безотчетно отдаваясь ему, они направляют всю свою деятельность к устранению этой опасности. Люди, заключает Макиавелли, не имеют власти над своими страстями и в стремлениях и желаниях не умеют соблюдать чувства меры. Так, например, люди в своем стремлении завоевать себе свободу увлекаются до того, что угрожают свободе других, и ту же самую несправедливость, против которой они только что вооружились, причиняют другим, как будто, прибавляет он, нужно обижать или быть обиженным [124, с. 201].

Это неумение сдерживать свои страсти, действовать спокойно и обдуманно нередко бывает причиной того, что деятельность людей, направленная на известную цель, остается постоянно неудовлетворенной. Этим же объясняется и то, что люди бранят настоящее, хвалят прошлое и с надеждой глядят в будущее, не руководствуясь при этом никакими разумными мотивами [124, с. 236]. Эта ограниченность способностей человека, с одной стороны, и неуёмность его желаний – с другой, порождают неуверенность в своих силах, которую проявляет человек во всех своих действиях. Русская поговорка: «блудлив, как кошка, труслив, как заяц», вполне применима к человеку, каким изображает его нам Макиавелли. Благодаря этой прирожденной трусости человека, в нем легко возбуждается и поддерживается чувство страха, которое является одним из главнейших мотивов человеческих действий [124, с. 233]. Люди из-за своей трусости, говорит Макиавелли, мстят за мелкие обиды; когда же им наносятся чувствительные обиды, то у них недостает мужества отомстить за них. Сравнивая любовь со страхом, Макиавелли замечает, что последнее чувство постояннее, и поэтому советует своему князю воздействовать на людей не любовью, а страхом: «свирепость зрелища одновременно удовлетворяет и ошеломляет народ» [123, с. 29].

Согласно Макиавелли, в человеке преобладают дурные влечения. «Люди, – отмечает он, – более склонны к злу, чем к добру» [123, с. 146]. Про них можно вообще сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, трусливы и корыстолюбивы [5; 96]. Но как бы ни были разнообразны эти влечения, они связаны одним общим мотивом. И

этот мотив – эгоизм. ***Эгоизм*** – отличительная черта человеческой природы; из него проистекают все человеческие влечения, среди которых Макиавелли отводит первое место корыстолюбию [123, с. 100-101, 349-372] и властолюбию [123, с 311-314]. Страсть к приобретению земных благ у имущих так же сильна, как и у неимущих; и человек, имеющий столько же, сколько и всякий другой, не владеет спокойно, а стремится приобретать новые блага, принадлежащие другим. Человек, таким образом, до такой степени своекорыстен, что смотрит даже с завистью на тех, которые не имеют над ним никакого преимущества. ***Зависть*** преследует человека повсюду, и нет такого положения, которое могло бы удовлетворить его. Макиавелли неоднократно указывает на зависть как на один из главнейших мотивов человеческой деятельности [123, с. 311-314, 334-336, 233].

Если люди до такой степени дорожат земными благами, что не могут смотреть на ближнего без того, чтобы в них не зародилось желание завладеть тем, чем он владеет, то всякое действие, лишающее их тех благ, которые принадлежат им лично, должно возбудить в них еще бóльшие страсти. Человек, как нам представляет его Макиавелли, крайне чувствителен ко всякой наносимой ему обиде и никогда не примирится с человеком, нарушившим его личные интересы. Чувство мести настолько сильно в людях, что, отдаваясь ему, они готовы жертвовать всем, даже теми благами, которыми они всего более дорожат [124, с. 323-325]. И любовь, являясь одним из главных движителей человеческой деятельности, есть не что иное, как чувство, обусловленное эгоистической природой человека, плата за полученные благодеяния [124, с. 36-41]. Каким же образом могут эти эгоисты, соединившись в государство, отказаться от исключительного преследования своих личных интересов и сделаться носителями общего блага? Макиавелли не избегает этого вопроса. Напротив, он постоянно имеет в виду несоответствие между природою людей и обязанностями, которые возлагает на них жизнь в государстве. Всё его политическое учение есть не что иное, как ряд правил, имеющих целью указание тех средств, с помощью которых это несоответствие может быть сглажено. И средства эти заключаются в обуздании своекорыстных влечений людей и в привитии гражданам нравственных качеств, которые сделали бы их способными служить общему благу. Но возможно ли обуздать своекорыстные влечения людей и заставить их действовать на благо общее?

Люди действуют хорошо лишь тогда, когда их влечения сдерживаются и направляются разумной силой. Люди делают добро только по необходимости, но там, где существует полная свобода выбора и можно поступать, как хочешь, там сразу начинаются смуты и беспорядки [124, с. 109]; там, где свобода их ни в чем не стеснена, там возникают замешательство и беспоря-

док. Этой стороной человеческой природы и должны воспользоваться основатели и организаторы государства. Они должны устроить государственную жизнь таким образом, чтобы внешняя сила воздействовала на людей и заставляла их действовать лишь в направлении, полезном общежитию. Эта сила, ввиду крайней впечатлительности и неустойчивости человеческой природы, должна быть, во-первых, *силою принудительной*, во-вторых, *постоянно воздействующей* на людей. Она должна быть мечом Дамокла, висящим над головами граждан и напоминающим им об их обязанностях. Очевидно, что такой силой не обладает ни школа, ни церковь. Как бы хороши ни были правила, которые прививает человеку воспитание, они не в состоянии развить в человеке нравственной устойчивости: сталкиваясь с соблазнами жизни, поддаваясь влиянию новой среды, человек изменяет правилам, вложенным в него воспитанием. В главе 42 из «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», имеющей название «О том, как легко люди поддаются порче», Макиавелли показывает, насколько легко «развратить людей и переиначить их природу, как бы они ни были до того благонравны и воспитаны в добрый правилах» [124, с. 196]. Но и религия, пока она действует на людей путем проповеди, с его точки зрения, бессильна обуздать страсти людей. Лишь тогда, когда она является политическим орудием в руках государства, или когда она говорит устами вооруженного пророка, она перестает быть гласом, вопиющим в пустыне [124, с. 131-139]. «Вооруженные пророки побеждают, а безоружные гибнут», – говорит Макиавелли [123, с. 24]. Сила, долженствующая обуздать страсти людей и воспитать в них гражданские добродетели, может заключаться лишь в условиях государственной жизни. Только эти условия, среди которых постоянно вращается гражданин и которые действуют на него с неотразимой силой, могут заставить его отказаться от исключительного преследования своих личных интересов. Только государство обладает авторитетом, способным сдерживать страсти людей и направлять их влечения на благую цель. Влечения людей сами по себе не вредны: они становятся таковыми лишь тогда, когда им дается полный простор и когда их не направляет и не регулирует разумная сила, сознательно стремящаяся к благой цели [124, с. 22-25]. Одно и то же влечение является то рычагом для великих гражданских подвигов, то источником безрассудных и гибельных поступков. Задача государства в борьбе с человеческими влечениями – сдерживать эти влечения там, где они могут иметь лишь вредные последствия, и давать им волю там, где они могут служить стимулом плодотворной деятельности.

Таким образом, Макиавелли рассматривал политические вопросы не с односторонней точки зрения практического политика: он изучал явления

государственной жизни в связи со всеми влияющими на них условиями. Он не только не отрицал морали, а напротив, считал нравственные требования обязательными для политика и видел в гражданских добродетелях главное основание общежития. Он с неумолимой логикой доказывал развращающее влияние деспотизма на народные нравы. Именно в республике он видел государственную форму, которая может примирить противоположность общественных интересов, обеспечить материальное благосостояние народа и указать этому народу путь к нравственному просветлению. Отсюда следует, что «всякий вид общежития, будь то религиозный культ, царство или республика, ни в чем так не нуждается, как в восстановлении своего первоначального авторитета, сохранении добрых порядков или достойных людей, которые могли бы об этом позаботиться, чтобы не пришлось ожидать воздействия сторонней силы» [124, с. 343].

Таким образом, по Макиавелли, три основополагающих понятия: ***Родина – Добродетель – Слава,*** составляют основу мироустройства. Эти понятия формируют нравственную основу социального взаимодействия, которая негласно должна регулировать нормальное функционирование общества.

1.5. Макиавеллистская традиция в истории социально-политической мысли

«История Флоренции» – это инновационный труд, в котором Макиавелли избегает стиля хроники и старается изложить исторические события в причинно-следственной связи, вложив их в теоретические «рамки». В 1521 Макиавелли опубликовал «Искусство войны», не восхитившее, однако, последующие поколения, поскольку, как замечает С.Англо [209], она в большей степени была военной теорией и мало что имела общего с военной практикой.

Работая над «Размышлениями», он также одновременно написал незаконченную этическую поэму «L'Asino» из восьми глав – сатирическую картину упадка флорентийских нравов, и комическую пьесу под названием «La Mandragora». Последняя была хорошо воспринята некоторыми литературными критиками. Его перу принадлежат также карнавальные песни, стансы, серенады, сонеты, канцоны, но все они страдают сухостью. Стих его граничит с прозой, он маловыразителен, образы банальны и неизящны [65]. Но несмотря на это во всех его произведениях, и в прозе, и в поэзии, появляются признаки ***нового человека***, наделенного небывалой глубиной мысли и наблюдательностью. Как замечает известный итальянский литературный критик и философ Ф. Де Санктис, Макиавелли предстаёт перед нами в

большей степени как критик, а не поэт. Он не является человеком, который самозабвенно сочиняет и фантазирует, подобно Людовико Ариосто, а тем, кто пристально наблюдает за собой, даже когда страдает и с философским спокойствием изрекает суждения о своей судьбе и о судьбах мира [209].

Хотя поэтические и драматические произведения мало что добавляют и проясняют в отношении макиавеллиевской мысли относительно его политических взглядов, однако они помогают понять, во-первых, источник «вдохновения» так называемых современных «технологов от манипуляции» и, во-вторых, восстановить его «картину мира», которая во многом определила его взгляды на природу человека, общество, власть и правителя. Эти идеи, мысли и представления о монархе и его роли в истории были продолжены в современных исследованиях по проблеме «лидерства».

В своих пьесах, где Макиавелли выступал уже не как дипломат, дающий рекомендации по защите государственных интересов руководителю государства, а как писатель, выражающий личное, пристрастное отношение к происходящему, он вкладывал макиавеллиевские высказывания («Цель – вот что надо иметь в виду при всех обстоятельствах», «Хорошо то, что приносит добро наибольшему числу людей и чем наибольшее число людей довольно») в уста явно отрицательных персонажей. Возможно, этим он хотел выразить истинные свои пристрастия и выделить свои предпочтения, как бы предвидя последующую полемику интерпретаторов других его текстов.

С точки зрения специалистов, проза XIV в. лишена органичности, внутренней логики, в ней много чувства и воображения, но мало рациональности. В прозе же XVI века наблюдается стремление «выпятить» какое-то суждение, выражением этого явился «период». Однако присутствие множества союзов, членов предложения, вводных слов плохо скрывают внутреннюю «пустоту». Однако такой пустотой страдает в большей степени не интеллект авторов, а как справедливо замечает по этому поводу Ф. Де Санктис, совесть, сознание, зараженное безразличием и скепсисом [209]. Вот почему все «силы ума направлены на внешнее украшательство. Самые пустые вопросы трактуются с той же серьёзностью, что и важные, ибо писателю безразлично, какова тема, серьёзна она или пуста. Это серьёзность лишь кажущаяся, она сугубо формальна и посему риторична: душа остаётся глубоко безразличной» [123, с. 652]. Макиавелли же пишет простыми предложениями, избегая каких бы то ни было «украшений». Он не «описывает», и не «доказывает», а повествует. Он разрушает не только литературную форму, но и форму как таковую. Для него *значимо содержание*, а *не форма*. Точнее – форма сама представляет собой вещь в её «истинной конкретности», т.е. в том виде, в каком она существует в сознании человека

или в материальном мире. Это относится к любому объекту – материальному, рациональному или нравственному понятию.

Политическая теория, благодаря которой Макиавелли приобрёл известность, содержится в основном в двух трудах – «Государь» и «Размышления». Значение же этих работ не исчерпывается лишь тем, что в них заложены основы политической науки, в них присутствует философия (размышления о природе человека, об отношениях между людьми, об истории человечества, об этике и др.). В конечном итоге, в них присутствует и психология человека, которая в то время, как уже отмечалось, еще не существовала в качестве самостоятельной науки.

Непрекращающаяся философская, этическая, политическая и сегодня уже можно включить в этот список – психологическая полемика начинается с публикации трактата Макиавелли «Государь». Среди ученых и философов до сегодняшнего дня так и нет согласия относительно того, «что́ же именно он хотел нам сказать». Исследователи наследия Макиавелли постоянно сталкиваются с множеством противоречивых интерпретаций и реакций на его высказывания, что заставляет порой удивляться: об одном и том же человеке идет речь. Порой возникает ощущение, что комментаторы рассматривают великого флорентийца сквозь призму своих собственных ценностей и установок. Ненависть и резкое осуждение соседствуют с неограниченным энтузиазмом и мягкой похвалой. Первоначально доминировало осуждение идей, изложенных Макиавелли в трактате «Государь». В частности, в литературе, посвященной анализу его теории, присутствовал лишь «праведный» гнев религиозных деятелей, а также «фальшивый» гнев «критиканов» любого толка. В климате растущей религиозной горячности он был запрещён как дьявольский катехизис. Мало кто сможет преувеличить «неистовство», с которым ранние христиане принимали идею о том, что Макиавелли «советует» правителям использовать обман и жестокость, что он защищает форму политики, в которой обычные моральные законы и стандарты этического поведения – это всего лишь ловушки для «дураков». Естественно, что для общества, которое рассматривало отношения между его составными частями как управляемые «справедливостью» и «освещенные Церковью», все эти мысли были шокирующими. Факт того, что политик мог выйти из-под контроля «христианства», наивысшего из обязательств, объединяющего людей и государства, был *официально* невообразим. Естественно, то, что разврат и пьянство были довольно обычными *на практике,* католическая доктрина, как и новая протестантская вера, знала, но правители переступать границы библейской нравственности не могли, и даже в том случае, если это и было им *позволительно*, и то лишь в крайнем случае,

в особых ситуациях. Так, спрашивается, кто же придерживается двойных стандартов – Макиавелли или официальные институты власти, некоторые мыслители и просто обыватели?

Макиавелли был первым, кто обсуждал политические дела столь откровенно и хотя бы без так называемого "*ритуального подчинения"* «великим» и «священным» правилам. Он был первым мыслителем, возвысившим «аморальный прагматизм» до «желаемого принципа». Одно из первых осуждений трактата Макиавелли вышло из-под пера Кардинала Регинальдо Пауло, который в своей апологии напал на «Государя» как на «сатанинское пособие» для грешников. В дальнейшем (с 1559 г.) все труды Макиавелли были осуждены Римской Церковью и помещены в список запрещённых. Но у католиков не было монополии на осуждение Макиавелли. Протестантские богословы, особенно французские гугеноты, также были шокированы его политическим цинизмом и атаковали его в печати. Ссылки на «убийственного Макиавелли» были многочисленными в Елизаветинской английской литературе. Везде – в графических работах, в пьесах Шекспира, Джонсона и Марло, он был изображен как «профессиональный изобретатель уловок и мошеннических трюков» для жуликов и бандитов. В театральных постановках Елизаветинского театра он был персонажем, воплощающим хитрость и жестокость. Итак, на создание мифа о «макиавеллизме», как о технике манипулирования с помощью обмана, жульничества и вероломства, были брошены все «силы», все инструменты государственной власти – пресса, искусство, образование и религия.

Бесспорно, труду немецкого ученого Моля «Die Machiavelli Litteratur» принадлежит первое место не только по полноте информации об учении Макиавелли, его добросовестному и беспристрастному отношению к политической доктрине, но и к личности флорентийского секретаря [115]. В этом труде немецкий ученый собрал целый ряд исследований, библиографических указаний, биографических данный, отзывы и мнения о Макиавелли как о политическом писателе. В свою очередь, это позволяет нам воссоздать условия и образ жизни личности такого выдающегося человека, который на протяжении нескольких веков «будоражит умы» как ученых, философов, так и простых людей.

К концу же XVIII века в адрес Макиавелли стали раздаваться более благоприятные суждения. Его стали рассматривать как непризнанного и непонятого «поборника свободы и мира», а истинный смысл основного его трактата «Государь» сводили к обнажению «злобной двуличности тиранов». «Он лишь притворялся, что учит королей, – объявил Руссо, – на самом деле он *учил людей*». Как истинный республиканец, под личиной «советника ко-

ролей» он пытался избавить людей от опасностей деспотизма; он осуждает князей, которые обманом или силой отнимают у народа свободу.

Рост романтического национализма добавил новое измерение в эту контринтуитивистскую теорию. Так, Иоганн Гердер, ранний пророк германского единства, заявил, что «Государь», “далеко” не будучи ужасным гидом для политических преступников, был объективным изучением политики Италии XVI в. с позиции патриотической надежды спасти свою осажденную страну от нечестивого союза иностранных оккупантов, местных коллаборационистов. На самом деле некоторые его советы были шокирующими, но контекст требовал «сильного лекарства». Такой взгляд на проблему не лишен основания. В век появления независимых государств Италия Макиавелли была не только подвержена прихотям иностранных правителей, но и разделена на ряд взаимно антагонистических юрисдикций.

Финальной главе «Государя» обычно не придают особого значения именно те, кто делает акцент на авторском цинизме Макиавелли. Но возможно именно этот трактат побуждает Лоренцо, принца Медичи, изгнать варваров с итальянской земли и спасти Италию. «…Пусть после стольких лет ожидания Италия увидит наконец своего избавителя. Не могу выразить словами, – пишет Макиавелли, – с какой любовью приняли бы его жители, пострадавшие от иноземных вторжений!» [124, с. 91] Используя язык страсти, схожий с языком поздних итальянских патриотов, Макиавелли сокрушается по поводу такого состояния разрушения своей страны – без законов, раздробленная, разграбленная. Макиавелли требует возрождения древнего римского духа. Не секрет, что эти чувства помогли вдохновить националистическое движение, известное как «Risorgimento», по мере продвижения Италии к освобождению и объединению в 1870 г. Таким образом, Макиавелли стал героем итальянского национализма, идеалистическим выразителем свободы своей страны и стал, тем самым, примером всех политических добродетелей. «Сатанинский злодей стал образцом справедливости».

К XX веку эти утверждения начали постепенно оспариваться теми, кто видел в нём «отстраненного», бесстрастного ученого, описывающего политическое поведение таким, какое оно и есть на самом деле. Эрнст Кассирер [236], например, провозгласил его «Галилеем от политики, применявшим индуктивные методы к социальному и историческому материалу». Влиятельная вариация этой интерпретации была выдвинута Бенедетто Кроче [241], который утверждал, что Макиавелли понимал политику как чистую власть и технику – утилитаристскую форму деятельности, стоящую отдельно от обычных моральных норм и управляемую своими собственными четкими законами. Таким образом, задача политического аналитика, как её

видел флорентийский секретарь, была в том, чтобы раскрыть эти законы, а не изгонять их с помощью «святой воды».

Идеям Кроче о том, что Макиавелли отделил политику от этики, был придан интересный оборот в 1953 г. Чарлзом Синглтоном [348]. Он утверждал, что Макиавелли развил концепцию государства как некое произведение искусства. Великие государственные деятели, которые основали и затем управляли человеческими ассоциациями, представляются им в качестве художника, создающего образ человека наподобие скульптора, создающего свои произведения из мрамора и глины. Политики, таким образом, покидают «поле этики» и входят в «поле эстетики». По Синглтону, оригинальность Макиавелли заключается в том, что он представляет нам политическое действие как «*форму*» [348]. Форму того, что Аристотель называл «создание», т.е. придание некой формы материи, внешнему миру как неэтическому артефакту, объекту красоты, использование её «снаружи от создателя» (в этом случае особенная организация человеческих дел), а не как «исполнение», т.е. действие, которое определяет действующую силу и выражает, таким образом, моральные цели правильной жизни. Государь у Макиавелли также – художник, а сам он похож на ученого-экспериментатора, находящего свою лабораторию либо на современной арене политической борьбы, либо в истории. Как настоящий ученый, он интересуется конкретным событием, так как оно помогает ему раскрыть некий ***общий принцип***. Но для того, чтобы поддерживать научную перспективу, Макиавелли должен интерпретировать политические действия как художественные устремления (попытку навязать свою волю внешней материи) и избегать всех спекуляций о моральной пользе актеров/художников или их роли в драме спасения.

Мало кто воспринимал Макиавелли как ученого. Для Антонио Грамши [269], известного итальянского марксиста, он был истинным «politico inatto», т.е. активным политиком, воплощавшим мысль в действие. С его точки зрения, политика для Макиавелли была преобразующей творческой деятельностью, целью которой было мобилизовать итальянскую нацию против феодальной аристократии, папства и их наемников. Его государь таким образом – это антропоморфный символ новой и прогрессивной коллективной мысли. Грамши сравнивает «макиавеллизм» с политической технологией «марксизма», поскольку оба они выбирают в качестве основного направления в попытке изменить мир – политический курс на отмену традиционных идеологических *ограничений*.

Для других же исследователей XX века, например, для Герберта Баттерфильда [231], теория Макиавелли страдала в равной мере как отсут-

ствием исторического смысла, так и нехваткой эмпирической дисциплины. Несмотря на то, что цель, которую он перед собой ставил, была достаточно благородной – построить науку государственного управления, он упрекает его в том, что Макиавелли был настолько погружен в наследие Древнего Рима, что выводил свои политические принципы в манере *априори* из классических тезисов относительно человеческой природы или исторического процесса.

В исследовании Маурицио Вироли [362] Макиавелли представлен как краснобай, чей метод изучения политической реальности был скорее интерпретативным и историческим, а не научным. Писал же он свои труды лишь для того, чтобы «уговорить», «восхитить», «сподвигнуть», т.е. побудить к действию. И далее он задается вопросом: а в этом ли состоит цель истинного ученого?

Со временем прежние интерпретации не исчезают, а Вироли, следуя по стопам Квентина Скиннера [349] и Джона Покока [329], защищает идею о том, что якобы Макиавелли являлся свободолюбивым республиканцем, который воспринимал политику не как игру власти и своекорыстия, а как возможность сохранения некоего общества людей, основанного на справедливости и общем благе. Скиннер развивает эту идею: «Макиавелли представляет беззаветную защиту традиционных республиканских ценностей». Согласно Пококу, аристотелевская концепция *гражданской добродетели* предполагает, что человек выполняет свою главную задачу, лишь действуя в мире как *гражданин*, принимая участие вместе с другими гражданами в решении тех задач, которые направлены на распределение общего блага.

По Макиавеллли, человек – это политическое животное, а Республика – это форма, в которой человеческое существо развивает свою добродетель. Венедито Фонтана [256] придает образу Макиавелли легкий марксистский налёт – и со временем его стали воспринимать как поборника *свободы* и *самоуправления*. Несмотря на то, что по зову времени стало модным «образ Макиавелли» интерпретировать как выразителя идеала свободы и справедливости, некоторые комментаторы до сих пор с этим положением не согласны. Харвей Мансфилд [310], например, высмеивает такого рода интерпретации и предположения о том, что на самом деле Макиавелли не был истинным «макиавеллиянцем», и он особенно презрительно относится к попытке Скинера [349] и Покока [329] изобразить флорентийца как защитника традиционных ценностей своего родного города.

Макиавелли по Н.Масфильду [310] был храбрым новатором, поставщиком безнравственности и богохульства, который не рассматривал респу-

бликанизм и тиранию как антонимы. Политика, как он понимал её, была борьбой за власть, целью которой было скорее обеспечить порядок, чем справедливость. Христиане, которые запрещали его, понимали это очень хорошо. Н.Мансфилд является последователем Лео Штрауса [357], чьи «Мысли о Макиавелли», опубликованные в 1958 г., выражают язвительный упрёк всем тем, кто хотел спасти «старину Ника» от его зловещей репутации, происходящей из отзывов его современников, а также исходящей с Елизаветинских времен об ужасах «сатанинского Макиавелли». Принимая Елизаветинский тон, Штраус [357] провозглашает себя приверженцем старомодного и обывательского мнения, согласно которому Макиавелли был «учителем зла». Что касается его защитников, которые предпочитают самые изощренные оправдания его дьявольским высказываниям, то они, с его точки зрения, стали жертвами коррумпирующей доктрины «моральной относительности». Марк Хауллинг [280], отрицая методы расследования Штрауса [357] и его «наивный морализм», также атакует попытки реабилитировать Макиавелли как сочувственный символ в мифологии либерализма и в трактовке других гуманистических убеждений. Он не был хорошим либералом или же зарождающимся социалистом, но он был «язычником с лихвой», великим ниспровергателем гуманистических традиций, которые ввели в моду переоценку ценностей, в которой то, что называлось добродетелью – христианской или стоической, отныне считается «моральным разложением», а то, что считалось пороком, становится «добродетелью». Он стал неким «моральным кодексом», который возвысил «героизм и насилие» вместо «мягкой добродетели» просвещенных профессоров.

Несоответствие суждений Макиавелли о целях и способах, средствах достижения этих целей с первого взгляда вызывает реакцию отторжения и неприятия, поэтому нуждается в объяснении. В связи с этим следует прежде всего отметить, что Макиавелли не был истинным (скрупулёзным) философом, как, скажем, например, Гоббс или Локк. Он не рассматривал проблему системно и не строил сложных теоретических конструкций, он также не развивал существующие до него теории о политической власти и об обязательствах политиков, которые они должны взять на себя; он не проявлял в целом особого интереса к анализу политических концепций. Поиск определений и абстрактных обобщений был чужд его типу личности и складу ума, в большей степени он был поглощен миром «частностей». Его заботили, скорее всего, *практические* принципы государственного управления. В этом отношении прав был Вироли [362], говоря, что работы Макиавелли отображают краснобайское желание убедить и увлечь свою аудиторию. Как и положение других флорентийцев, социальное по-

ложение Макиавелли вынуждало его использовать определенные правила *риторики:* выразительные обороты речи и неискренние, порой ироничные высказывания, обращения к ценностям и потребностям, интересам слушателей и читателей. Всё это присущее его современникам, было свойственно и Макиавелли. Естественно, что для него они стали такими же привычными техниками, как и для всех остальных. В те времена никто и не ожидал, что любой из провозглашенных *постулатов* является буквальным выражением *убеждений автора*. Естественно, что у слушателей возникает определенная установка на избирательность воспринимаемой информации, некая степень сомнения в истинности намерений, представлений самого автора этих высказываний. Они как бы «позволяют» ему некие риторические уловки и «напыщенные» выражения. В таком случае возникает вопрос – был ли он «злым советником тиранов», если все делают «правку» на «одно – пишем, другое – в уме». Или же он всё-таки являлся свободолюбивым республиканским идеалистом? Стал ли он в конечном итоге объективным ученым, или же являлся страстным защитником итальянского единства? А может быть, он был просто «антикваром», поглощенным Древним Римом? Оказывается, что все эти противоположные образы Макиавелли частично соответствуют его явно несовместимым посланиям, высказанным в двух его главных работах – «Государь» и «Рассуждения». Например, в трактате «Государь» он даёт советы, как заполучить абсолютную власть и держать своих соплеменников в рабстве, в равной степени как «хорошим», так и «плохим» правителям, так как он представляет мир политики в виде джунглей, где нет реальности, а есть только ***власть***, и власть эта – *награда* за «безжалостность», «жестокость» и «хитрость». В таких джунглях государь (князь, король, принц) – это тиран, и такие республиканские идеалы, как «справедливость», «свобода», «равенство», в таком случае мало что значат.

В лучшем случае – это всего лишь некие приятные фантазии, которые можно использовать, чтобы «замаскировать» применение грубой власти. В отношении народа –такое же противоречивое высказывание: то они *легковерны* и *пассивны*, а с другой стороны, Макиавелли считает необходимым добиться их поддержки и использовать в качестве противовеса предательской знати, которая занята постоянными интригами. Отсюда следует, что трактат «Государь» можно рассматривать в качестве некого «путеводителя» для честолюбивых деспотов. В другой же работе – «Рассуждения», Макиавелли выступает в качестве спокойного республиканца и напоминает нам о своей *бескорыстной верности*, его реальной, практической службе Флорентийской Республике. В этом труде он уже дает советы горожанам и руководителям, как следует сохранить свободу и как

избежать разложения общества. **Самоуправление**, заявляет он, это самая верная гарантия безопасности и процветания общества, поскольку обычно интересы *большинства* и *государя* – противоположны. При этом он добавляет, что народ как *коллектив* более стабилен и в большей степени представляет интересы всех.

Однако следует отметить, что противоречия между работами «Государь» и «Рассуждения» в большей степени кажущиеся, чем реальные. Можно сказать, что первая является «очищенной» формой второй работы, и она выражает её суть, её квинтэссенцию. Несмотря на то, что общая «атмосфера», настроение и направленность варьируют в этих двух трудах, но оба они в равной мере демонстрируют приверженность автора к определенным *ценностям*. Именно из-за этих «ценностей» Макиавелли и стал так печально известен. В основном они сводятся к тому, что для политических целей можно использовать безнравственные средства. Они также указывают на истинную *веру* Макиавелли, т.е. правительство зависит от силы и вероломства, а не от общепринятых стандартов и великодушия. Такой вывод предполагает возможность избежать упрощенной дихотомии в интерпретации Макиавелли. Ведь можно быть республиканцем, не возводя «республиканизм» в абсолютный идеал. Аналогично, и «страстные убеждения» совместимы с приверженностью к эмпирическому методу. Поэтому не следует поддаваться соблазну навязывать *чистые формулы сложной системе*. Ключ к пониманию основ его теории лежит в осознании его отказа от «трансцендентности», другими словами – в его враждебности к экзистенциализму, к априорным идеям и целям, навязанным человеку Богом, абстрактным разумом или природой и описанным в форме «истины». Для Макиавелли не существует безусловных ценностей, ни общих норм, универсально действующих способов поведения, или же неких исторических реалий, отличающихся от наблюдаемых им качеств (атрибутов) индивидуумов или существующих паттернов поведения. Эта имманентность, или «мирской гуманизм», имеет два главных скрытых смысла: один ***методологический***, другой – ***содержательный***. Первый влечет за собой появление эмпирического метода, анализа наблюдаемых явлений: если мир не является некой *рациональной* конструкцией и если не существует *естественного* порядка в душе, нет *иерархии* в событиях жизни, тогда сфера чувств человека, его реальная, практическая деятельность – это единственный источник знаний. Ни самоанализ (обращение внутрь себя с целью самоисследования), ни дедукция от первоидеи не помогут понять этот мир. Признание такой гносеологической истины, как «если это то, что есть», убережет от создания партикуляристских привязанностей, например, к семье, стране, определенному кодексу ценностей и т.д.

Это то, что побуждает человека к поиску объяснения этим привязанностям в практике жизни и к поиску тех способов, которые помогут ему сохранить и приумножить их. Именно это и делал Макиавелли. Для него смысл политического анализа заключался в том, чтобы служить политическим целям, а не копить информацию для собственного блага. Вторым скрытым смыслом его мирского гуманизма был *политический реализм*.

Макиавелли стремился отбросить всякие иллюзии о политической жизни, снять «маску» как с реакционеров, так и с утопических мечтателей. В чем он был уверен, так это в том, что человек – это неисправимый прядильщик фантазий и иллюзорных образов, скрывающий от себя истинную природу событий. В своей основе политика – это столкновение определенных интересов и определенных выгод, борьба за преимущества, скрытые за вуалью эвфемизма. Из этого следует, что республиканизм был практическим *предпочтением*, укоренившимся в опыте, а не некой универсальной истиной, присущей человеческой природе или Божьему плану, предназначенному для человечества. Если же обстоятельства диктовали отклонение от республиканского пути, то он не находил причин, чтобы противостоять этому. Но как бы он не считал, не верил в то, что мораль превыше всего, в том числе и благосостояния общества, судил он о политических действиях только по их *последствиям*.

Понять историческое значение мыслей, изложенных в трактате Макиавелли, можно лишь в том случае, если рассматривать их в ключе антиэссенцинизма. Это и есть главная тема, из чего следует, что Макиавелли ввёл *новый способ* понимания политики. Классический и средневековый способы всегда основывались на том, что феномен политики рассматривался в свете совершенства человека, трансцендентального стандарта для измерения реальности. Макиавелли же отделил политику от любого другого вида высшей цели, поскольку считал, что все человеческие цели исходят из реальности, из практической необходимости. Благодаря этому современная политическая реальность приняла эмпирическую перспективу, отвергая всякие спекуляции о «воображаемых республиках» и о «совершенной справедливости». Вместо того политическая деятельность сосредоточилась на реальных потребностях и желаниях граждан. Целью политики стали реальные проблемы: облегчение страданий человека, усиление власти человека над природой или же обеспечение ему спокойного и процветающего существования. Макиавелли отдавал предпочтение человеку, у которого *есть принципы*, который способен на *самопожертвование,* а не человеку совести, разрывающемуся между общественным долгом и собственной совестью. С романтической тоской он смотрел на силу, великолепие и красоту жизни, присущей

античной культуре, а также на её принципы «mondana Gloria». Макиавелли провозгласил идеал нового Человека, в котором великолепие духа и сила тела соединялись для «героизма». Не проявляя ни малейшего признака сожаления или раскаяния, флорентинец порвал со спиритуалистической этикой христианства, резко осуждавшей естественные порывы чувств. Он рассматривал это как *ложное понимание послания Христа* и осуждал тех, кто интерпретировал религию согласно «праздности», а не «добродетели». При этом Макиавелли ценил религию, но только за её инструментальные качества. Его обязательство по отношению к религии было скорее культурным, чем доктринальным или эмоциональным. Христианская психология «греха» и «искупления» также отсутствуют в его главных трудах. Понятие «греха» у Макиавелли не имеет ничего общего с понятием греха как нарушения Божьих заповедей. Наоборот, грехи – это *политические ошибки*, часто совершаемые правителями, которые стараются подчиняться христианской этике, когда объективные обстоятельства требуют жестокости и обмана. Муки совести, ищущие искупления и успокоения, также не находят места в его космологии. Христианские добродетели, которые он осуждает, – это самоотречение, покорность и суетность. Это те добродетели, которые связаны с внутренним благом души, когда она борется с внутренними побуждениями («импульсами зла»). Слово «душа», как её понимали Платон и Аристотель, а позднее христианские теологи, отсутствует в «Государе» и «Рассуждениях». Они считали, что «душа» отличает человека от остальной природы, придавая ему особое достоинство. Однако если понятие «anima» (душа) не фигурирует в главных трудах Макиавелли, то «animo» (дух) используется им в смысле «боевой дух», или желание защитить себя, семью, родину и т.д. от потенциальных или настоящих врагов. Дух, таким образом, зависит от тела, физического состояния человека, тогда как душа переходит границы физического мира. Вновь Макиавелли указывает на то, что мы в первую очередь являемся ***объектами*** природы и поэтому эти объекты подчиняются законам природы и управляются природной ***необходимостью.*** В работах Макиавелли отсутствует также описание обычных христианских представлений о Божественном или о Дьявольском вмешательстве в земные дела. Он никогда не призывает сверхъестественную силу при решении земных вопросов. Тем не менее, Макиавелли осторожно упоминает о «фортуне», но и здесь он не исключает «свободную волю» перед лицом великих перемен и в вариациях моделей поведения за пределами человеческого воображения. Христианская идея о том, что мы должны кротко подчиняться судьбе, которую предначертал нам Бог, с его точки зрения является неправильным представлением, ослабляющим нас. Человек по существу свобо-

ден строить свою собственную судьбу в рамках определенной природной необходимости. В качестве примера приведём один совет Макиавелли о том, как объединить разделенный город, где фракционизм привел к насилию. Единственным логически обоснованным способом действия является вывод – «убить главарей мятежников». Но поскольку такие казни заключают в себе нечто от великого и благородного, то слабая республика, чьи лидеры ослаблены католическим образованием, посчитает это негуманным и невозможным [123]. Приведенный пример – это то снисхождение, которое проявили флорентийские правители по отношению к воинственным партиям в Пистоле. В том, где другие наблюдатели видели мудрость и христианское терпение, Макиавелли усматривал слабость, достойную осуждения. Он отделяет понятие «добродетель», присущую государям и правителям, от общепризнанного каталога христианских и классических добродетелей и стремится ограничить поведение государственных мужей исключительно соображениями государства. В «Рассуждениях» есть короткий, но значимый, с точки зрения понимания его основной мысли, раздел, который передаёт его «безразличие» к этическому лексикону, обычному в ранний период развития современной Европы. «Отечество защищают любым возможным способом, либо бесчестьем, либо со славой, где каждый размышляет о безопасности Родины». По этому поводу не должно быть никаких сомнений на счет «справедливости, или несправедливости, о милосердном или жестоком, о достойном или бесчестном» способе защиты [123], [124].

До Макиавелли реализм в общепринятом смысле являлся адаптацией естественных законов, или божьих законов к реалиям политической жизни. По определению Макиавелли, реализм означал, что христианская нравственность с дихотомией **добра** и **зла**, правильного и неправильного не имела места в политической жизни. Многие, принижая достоинства Макиавелли, изображали его как адвоката политической безнравственности. Более благородная интерпретация, выдвинутая Бенедетто Кроче [241], представляет его как защитника политической морали. Политика, так сказать, отвечает своей собственной логике, следует своим правилам и судит о действиях в соответствии со своими стандартами успеха или неудачи. Позаимствуем фразу из Ницше – «за гранью добра и зла».

Б.Кроче отмечал, что Макиавелли разрывался и мучился из-за необходимости творить зло ради добра [241]. Он в этом плане не отвергал правильность христианской морали и с неохотой соглашался с тем, что люди, наделенные государственной ответственностью, должны «пачкать свои руки» таким образом, что их никогда не оправдают в сфере частных отношений. Тезис Кроче стал чем-то вроде клише в литературе до конца 1960-х гг., когда

он был жестко оспорен Исайей Берлином [220]. Он указал, что как бы и ни был Кроче озабочен «демоническими потребностями власти» [241], идеи Макиавелли не выказывали таких мучений. Макиавелли не нужно было исключать мораль для того, чтобы быть «Макиавелли», ему просто нужно было утвердить принцип светской (языческой, атеистической) морали. Что бы там и не благоприятствовало интересам общества, оно и для язычника является морально хорошим. Поэтому государственные деятели-атеисты могут совершать макиавеллистские поступки с чистой совестью, т.к. они знают, что мораль на их стороне.

Моральный кругозор Макиавелли был греко-римским, а не христианским, скорее публичным и общественным, нежели частным и индивидуальным. Он не освобождал политику от морали настолько, чтобы ввести дифференциацию между двумя несовместимыми идеалами жизни и, таким образом, между двумя «моралями». Одни, например, ценят храбрость, мужество, силу, порядок и общественные достижения. Другие же ставят в основу жизни духовный мир, где идеалы благотворительности, милосердия, любви к Богу, прощения врагов, презрения к материальным благам мира и благословенный мир согласуются с высшей целью и оценкой. Одна мораль ориентирована на общественную жизнь и общее счастье, другая – на личную жизнь и спасение в будущем мире. Макиавелли, по Берлину [220], формально не осуждает христианскую мораль: те вещи, которые люди называют хорошими, на самом деле являются хорошими, а слова типа «хороший», «плохой», «честный», «нечестный» он использует именно так, как они в его время использовались в обычной речи. Макиавелли лишь говорит о том, что реальная практика христианских добродетелей, особенно в области деятельности правителей, делает невозможным построение стабильного, сильного и процветающего общества. Таким образом, он является одним из представителей зарождающихся плюралистов, вынуждающих нас выбирать между двумя видами целей, которые «в равной степени нравственны», но в то же время и взаимоисключающие, непримиримые. «Можно спасти душу, или можно основать, поддерживать и служить великому и славному государству», но не всегда и тому и другому одновременно. Другие же комментаторы отмечают, что противоположности между двумя моралями, по Берлину – христианской и языческой, являются неким упрощением, ибо нет моралистов после Сократа, которые простили бы тип поведения, который Макиавелли защищает в своих знаменитых политических трактатах. То, что древняя цивилизация дала ощутимую форму его ценностным преференциям, не подлежит сомнению: героизм и общественный дух прославлялись, а другие мирские идеалы христианства находили малую поддержку в языче-

ской религии. И всё же римский моральный кодекс никогда не санкционировал жестокость и обман в интересах политической власти. Макиавелли был избирателен в своём язычестве, восхвалял его активную и агрессивную сторону, в то же время высмеивал те элементы, которые абсолютно не совпадали с его ви́дением политики. Настойчиво или нет, но он хотел вернуть языческим ценностям их предфилософский и предплатоновский смысл. Когда Платон и Аристотель осуждали спартанский образ жизни и превозносили «vita contemplative», они ссорились с греческой культурой, которую унаследовали. Хорошие намерения были неуместны, поскольку единственным важным суждением, относящимся к человеку, было то, каким образом он выполняет отведенные ему *социальные функции*. «Хороший» для греков означало «хороший в чем-то» или хороший для «чего-то», а не хороший «сам по себе». Для нас же абсолютно нормально сказать: «государь хороший, но не храбрый». Во времена Гомера такая оценка была бы опровергнута как непонятное противоречие. *Добро по определению было равно успеху* – это уравнивание, которое жестко отрицалось более поздними языческими философами, включая Цицерона. Даже если тезис Берлина, считавшего языческую мораль монолитной, отвергаем, то точка зрения Кроче [241] о том, что Макиавелли отделяет сферу политической деятельности (инструментальные ценности) от морали (сфера первичных ценностей), всё еще остаётся недоказанной. Было бы странным для строгого логического стиля рассуждения и анализа, свойственного Макиавелли, *принимать универсальную законность христианской морали* и, тем не менее, называть её неприменительной к широкой сфере деятельности, к которой относится и политика. Следовательно, интерпретацию его высказываниям следует искать в чем-то другом.

Более правдоподобно выглядит идея о том, что христианский моральный закон к тому времени уже не соответствовал необходимости реальной практики жизнедеятельности людей. Практическая необходимость выдвигала новые критерии, становилась новым моральным императивом, поскольку её функцией было определение нового типа «добра». Едва ли Макиавелли можно назвать истинным философом-моралистом, в то же время мы находим у него проблески новой современной консеквенциалистской этики, где «благо целей превосходит благо средств». Это означало значительный отход от деонтологической этики христианства, где «благо поступка зависит от его соответствия универсальным моральным правилам». *Поведение* отделяется от *результата* поступка. Таким образом, *добродетельное поведение* может иметь отрицательные, вредные последствия. Спустя века Иеремия Бентам [218] уже стремится определить

добродетель относительно последствий. Конечно, он еще не объяснил эти новые способы рассмотрения соотношения морали-цели-последствия (результата). Возможно, такая сдержанность частично объяснима отсутствием у него некой технической стороны, способностью к философскому размышлению. Во времена, когда он писал свои труды, понятия сугубо рациональной этики еще были подтверждены диктату религии. Идея о том до́лжном, т.е. «какими должны быть вещи», всё еще оставалась тесно связанной с потусторонним миром, с божественным порядком. Наиболее значимой среди них была «мораль». Макиавелли не осмеливался открыто оспаривать это. Тем не менее, трудно отделаться от впечатления, что в его работах *идеальный правитель* как в классической, так и в христианской доктрине был заменён на простую «калькуляцию» соотношения *цели к средствам*. Некоторые могут посчитать анахронизмом рассматривать Макиавелли как отца-основателя философии утилитаризма, являющейся квинтэссенцией либеральной философии, связанной с «оптимизмом» XIX века, но, скорее всего, они будут неправы. Ментальность английского лавочника, которую, например, К.Маркс считал отражением бентамизма, имела прототип в итальянской городской жизни периода Ренессанса. В повседневной жизни у них доминировала привычка всё подсчитывать. Время считалось «драгоценностью», его нужно было потратить «с умом», а не попусту. Понятие «благоразумие» было обыденным словом, и многие писатели в этой связи развили четкий утилитаристский подход к жизни. До определенной степени они проповедовали новообращенную со времен эпикурейцев идею, что удовольствие – это главная составляющая человеческого счастья. Естественно, что Макиавелли мог быть вдохновленным (инспирированным) известным диалогом Лоренцо Валла «Об удовольствии» (1433). В этом диалоге один собеседник, представляющий автора, защищает этику потребления, где все действия основаны на подсчетах удовольствия и боли. Предвосхищая Бентама [218], Валл в своё время атаковал «пустоту» (бессодержательность) такой моральной правоты. Христианские добродетели, такие как «вера», «надежда» и «благотворительность», стали, таким образом, просто ***средствами*** для большего блага, «размещенного» в Божественной любви. Эта любовь есть изначальное удовольствие человека. А бессмертная душа, воплощенная на земле в образе «судьбы», унесёт его за пределы земного, в космос, вернет его в естественное состояние. Это был тип христианского гедонизма – «дом посередине», между церковным учением и чисто рациональной теорией утилитаризма. В своей стандартной форме эту теорию можно выразить как комбинацию двух принципов:

1) консеквенциалистский принцип правильности или неправильности действия, который определяется хорошим или плохим результатом, вытекающим из этого действия;
2) гедонистический принцип, что единственная вещь, хорошая сама по себе, – это удовольствие, а единственная вещь, плохая сама по себе, – это боль.

Поэтому для того, чтобы интерпретировать Макиавелли как утилитариста, мы должны, во-первых, поставить его в один ряд с этими двумя принципами. Однако вначале нам необходимо рассмотреть, был ли он истинным консеквенциалистом, и степень её выраженности. Макиавелли на самом деле советует правителям подсчитывать *расходы* и *выгоды* от своих действий. Преследуя свою цель, они должны быть готовыми к тому, чтобы солгать, предать, разорвать соглашение, использовать «верного слугу» в качестве «козла отпущения» и в случае необходимости уничтожить своих соперников. С другой стороны, кто-то считает, что «советы» Макиавелли принимают форму некоего *гипотетического* императива по Канту. В таком случае для «императива» не существует вопроса, является ли цель нравственной, хорошей, а лишь то, что необходимо сделать для того, чтобы её достичь. Например, если хочешь достичь **X**, то главное, чтобы ты сделал **Y**. Ведь Макиавелли не требует в обязательном порядке именно эту, и никакую другую цель. В тексте можно найти немало доказательств, подтверждающих это положение. Обычно он предлагает альтернативные пути, и независимо от поставленной перед собой цели, он снабжает нас необходимым выбором путей, схем действия и методов решения задачи.

Если бы Макиавелли обладал философской невозмутимостью Спинозы или пылкой фантазией Руссо, или если бы он мог «похвалиться» способностью творить как немецкие философы в тиши кабинета, вдали от мирской суеты и писать о *наилучшем* государственном устройстве, то он бы и не написал тех страниц, которые так возмущают его критиков. Но в своих политических трактатах он, во-первых, преследовал практическую цель и поэтому хотел снабдить своих соотечественников такими советами, которыми они могли бы руководствоваться в реальной жизни. Поэтому он не мог указать лишь на **цель**, к которой *должны* стремиться его соотечественники, а должен был показать **средства**, с помощью которых эти цели *могли бы быть достигнуты*. Если же он указывает на средства, то должен стать по необходимости и на почву реально существующих *отношений*, т.е. считаться с существующим на данный момент политическим состоянием дел в государстве.

Как позиционировал себя сам Макиавелли, он есть практик, а не уче-

ный. Всю свою жизнь он был в гуще реальных политических событий, поэтому и учение его носит в бóльшей степени практический характер. В предисловии трактата, посвящая его «*его светлости Лоренцо деи Медичи*», он пишет: «Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в безвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета» [124, с. 7].

Как оказалось, в действительности, в своей реальной земной жизни, как и в посмертной, он так и не был понят большинством из своего окружения. В то же время можно с уверенностью сказать, что весь интервал отпущенного ему на земле времени этот человек доказывал, что вектор его сознания направлен именно на очищение «духовной системы планеты» (А.Миндел). Упреки, вослед ему всех последующих поколений, были, в основном, в том, что он «отделил мораль от политики», а ради достижения цели провозгласил, что «допустимы любые средства, так как цель их оправдывает». Однако говоря о цели, он имеет в виду лишь одну конкретную цель – государственную, и при этом не некую идеальную, а практическую. Итак, он ищет не какое-то совершенное устройство сообщества людей, а пытается найти такие средства, с помощью которых «данный порядок вещей созидается и упрочивается», при этом он подчеркивает, что средства эти должны быть сообразны природе человека.

Таким образом, когда Макиавелли развивает своё учение о нравственности и рассуждает о *наилучшем государственном устройстве*, то он выставляет напоказ те положения, которые отличаются чистотою и возвышенностью убеждений. Однако говоря о политических средствах, он поневоле спускается на средний уровень нравственности, на котором находились в то время большинство его современников. Лишь в определенном случае (уровень развития общества) он и предлагает именно такие «советы», на которые не решился бы политик, живущий в совершенно иной нравственной атмосфере.

ГЛАВА 2. Проблемы психологической интерпретации термина «макиавеллизм»

2.1. Парадоксы учения Макиавелли о поведении человека

Исторически Макиавелли принято изображать тонким циником, считающим, что в основе политического поведения лежат выгода и сила и что в политике следует опираться на силу, а не на мораль, которой можно и пренебречь при наличии благой цели. Под **макиавеллизмом** понимается стиль политического поведения, не пренебрегающего никакими средствами ради достижения поставленной цели. Во многих современных психологических исследованиях так называемые «макиавеллисты» характеризуются как умные, смелые, амбициозные, доминирующие, настойчивые, эгоистичные, ригидные в коммуникативных взаимодействиях и пр. В качестве особенности макиавеллиста выделяется антигуманистическая направленность на рассмотрение другого человека как объекта, а не субъекта [84].

При ознакомлении с биографией Никколо Макиавелли возникает, однако, некоторое несоответствие между тем «образом», который сформировался на основе его трактатов, и «реальностью», то есть истинным смыслом его учения и особенностями личности самого автора этого учения. У некоторых наших современников, так же, как и у соотечественников Макиавелли, «история его жизни» вызывает искреннюю симпатию, у других же, разумеется, противоположные чувства. Такие же противоречивые чувства и мысли вызывают и его произведения у читателей и комментаторов текстов Макиавелли. Сам по себе этот парадокс уже представляет определенный интерес.

Исследователи отмечают, что в его работах (в частности, в трактате «Государь», «Рассуждения» и «История Флоренции») также обнаруживаются некоторые экзистенциальные, мировоззренческие противоречия. Например, утверждается, что в трактате «Государь» «реальная политика сильной личности обособлена от всякой морали, в том числе и от морали гуманистической». Однако если проследить за логикой самого текста, например, за той же последовательностью глав: «О новых государствах, приобретаемых оружием или доблестью» (гл.VI), «О новых государствах, приобретаемых чужим оружием или милостью судьбы» (гл.VII), «О тех, кто добывает государство злодейством» (гл.VIII), то возникает вопрос, где же именно он об этом говорит. Ведь речь идет лишь о том, как необходимо вести себя в

каждом отдельном случае. В первом случае он говорит, что «каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье» [124, с. 24]. Однако, при этом он предупреждает правителя о том, что «нет дела, коего устройство было бы труднее, введение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне – законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено продолжительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло, поэтому, опираясь на них, подвергаешь себя опасности» [124, с. 24]. Во втором случае следует, как советует Макиавелли, «обезопасить себя от врагов, … побеждать силой или хитростью…вести дружбу с правителями и королями, так чтобы они либо с учтивостью оказывали услуги, либо воздерживались от нападений» [124, с. 31-32]. В третьем же случае он подчеркивает, что жестокость жестокости рознь… жестокость хороша в тех случаях…когда её проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по возможности обращают на благо подданным [124, с. 35-36]. Но общий вывод, к которому приходит Макиавелли – это то, что нельзя называть доблестью убийство своих сограждан, измену друзьям, отсутствие верности, жалости, религии.

Дух и букву того, о чём Макиавелли писал, адресуясь к правителю государства полтысячелетия назад, следует с крайней осторожностью проецировать на современные межличностные отношения. Дело не только во временно́й отдалённости, но и в опасности неадекватного переноса идей и формулировок с макросоциального уровня отношений на микросоциальный, как справедливо замечают А.Н.Поддьяков и И.Н.Калуцкая, «для современной политологии здесь может быть меньше опасностей, чем для психологии» [91].

Итак, содержание понятия «макиавеллизм» формировалось и видоизменялось на основе *отдельных положений* из произведений флорентийского писателя, их толкований и *последующих напластований* на них идей многих мыслителей. Произведение, благодаря которому имя Макиавелли приобрело столь противоречивое и неоднозначное значение – «Государь», посвящено Лоренцо де Медичи. Само по себе это «посвящение» уже вызвало серьёзные дискуссии в специальной литературе. Выступая в качестве

советчика правителя, желающего оставаться у власти долго и успешно, Макиавелли допускает во имя великих целей *возможность* пренебрегать законами морали, использовать любые средства, быть беспощадным и вероломным в борьбе за власть. «Все вооружённые пророки, – провозглашает Макиавелли, – побеждали, а все безоружные гибли» [124, с. 24]. Но он не просто утверждает что-либо, а объясняет, почему это происходит, и подтверждает свои выводы фактами из истории (Моисей, Кир, Ромул, Тесей и фра Джираломо Савонарола). «Ибо, – далее пишет он, – нрав людей непостоянен, и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно» [124, с. 24].

Долгое время считалось, что «Государь» – это кодекс тирании, основанный на принципе «цель оправдывает средства», «победителей не судят», а доктрину автора назвали «макиавеллизмом». Давая советы Лоренцо Медичи, в которого Макиавелли искренне верил, как в будущего вождя флорентийского народа, *Макиавелли не был макиавеллистичен* – он давал другому советы, в действенность которых искренне верил сам и которые, как он считал, помогут Флоренции. Здесь не было того, что впоследствии было названо *макиавеллизмом второго порядка* – когда советы по макиавеллистскому поведению даются со скрытой макиавеллистской целью. Другое положение учения Макиавелли, за которое в дальнейшем оно было подвергнуто критике, – это его отрицательный взгляд на природу человека. Однако человек у него не просто окрашен в черно-белый цвет, а если использовать художественную терминологию – все цвета радуги присущи человеческой природе. Если же использовать научную терминологию, то в его рассуждениях можно обнаружить принцип действия «*единства и борьбы противоположностей»,* сформулированный в качестве принципа в философии уже намного позже после написания его трудов.

Воззрения, приписанные Макиавелли, не могли не возбудить всеобщего интереса и любопытства. Однако в случае с флорентийским мыслителем приписываемые ему взгляды, а именно то, что было второстепенным, относительным, зажили самостоятельной жизнью, а то, что было существенным, либо было не воспринято, либо просто забыто.

Таким образом, в многообразии точек зрения, которые можно обнаружить в литературе, посвященной Никколо Макиавелли и феномену «макиавеллизма», необходимо отыскать и проанализировать (понять, уже с точки зрения реалий нашей действительности) не только суть самой теории, но и информацию о личности самого автора теории, открыто проповедовавшего «безбожие и политическое коварство». Однако как показал анализ литературы по этому вопросу, вопреки получившему широкое распространение

представлению о циническом аморализме Макиавелли, он не был циником и осознавал **противоречия** между *общечеловеческой моралью* и *реальной политикой* как ***трагические***. Так велико расстояние от того, как протекает жизнь в действительности, до того, как до́лжно жить, размышляет Макиавелли, что человек, забывающий, что делается, ради того, что до́лжно делать, скорее готовит свою гибель, чем спасение. Ведь тот, кто хотел бы всегда исповедовать веру в добро, неминуемо погибнет среди столь многих людей, чуждых добра, заключает он [123].

Среди заслуг Макиавелли исследователи чаще всего выделяют тот факт, что он является одним из немногих деятелей эпохи Возрождения, кто в своих работах затронул вопрос о роли ***личности правителя***. Исходя из реалий современной ему Италии, он считал, что для блага его Родины лучше *сильный*, пусть и лишенный угрызения совести государь, чем соперничающие и слабые удельные правители. Государственный деятель – это человек, который умеет *соизмерять* свои силы, оперировать ими и подчинять их своим целям, и цели эти, вопреки толкователям, не личная выгода, а *величие Родины* и *благо Народа*. Тем самым основной вопрос заключается не в том, какие «средства» он использует для достижения своей цели, а каковы «цели», которые преследует этот человек.

Макиавелли также указывает на наличие определенной зависимости между социальной *структурой общества* и *формой государственного устройства*. В отличие от других мыслителей, в том числе и от великого Данте, который называл деяния республики чудесами Провидения, он не усматривал в республике никаких «чудес». Для него чудеса заключены в добрых порядках, правилах и законах, установленных в обществе, а решающую роль в этих реализациях он признает не за судьбой, а за добродетелью. Ему принадлежит следующий девиз, полный глубокого значения: «*Добрые порядки рождают счастливую судьбу, а она – удачу во всех начинаниях*» [123, с. 646].

Значимость цели и ответственность по отношению к процессу целеполагания и исполнения задуманного Макиавелли называет ***добродетелью***, так как ставить перед собой цель, заведомо зная, что ты не можешь или не хочешь её достичь, означает уподобиться «слабому существу» (в трактовке того времени – «женщине»). Он заложил основу новой эпохи – «мужественный принцип», согласно которому *сила заключается в уме, в значимости цели и действенности средств.*

Макиавелли противопоставлял античную доблесть христианскому смирению. В последнем он видел зло, делающее мир слабым и отдающее его во власть не встречающим сопротивления «негодяям». Неправильно интерпре-

тированная христианская религия делает человека пассивным, склонным к страданию, несопротивлению злу, принятию несправедливости. «Наша религия прославляет людей скорее смиренных и созерцательных, нежели деятельных. Она почитает высшее благо в смирении, в самоуничижении и в презрении к делам человеческим; тогда как античная религия почитала высшее благо в величии духа, в силе тела и во всем том, что делает людей чрезвычайно сильными. А если наша религия и требует от нас силы, то лишь для того, чтобы мы были в состоянии терпеть, а не для того, чтобы мы совершали мужественные деяния» [123, с. 194].

История, как воспринимает её Макиавелли, – это отнюдь не нагромождение случайных или предопределенных судьбой фактов, а неизбежное чередование *взаимосвязанных причин* и *следствий* – это результат действия сил, приведенных в движение мнениями, страстями и интересами людей. Управлять государством, считает Макиавелли, значит понимать силы, движущие миром, и осознанно регулировать их, а не уповать на Бога. Отсюда и вытекает, что государственный деятель – это человек, который умеет соизмерять эти силы, оперировать ими и подчинять их своим целям. Однако, как утверждает Макиавелли, поле деятельности политики, или искусства управления государством, – это не мир «этики», развивающийся по законам морали, а «реальный мир», существующий в конкретных условиях места и времени. Макиавелли поставил и дал психологически мотивированный ответ на вопрос о соотношении моральных норм и политической целесообразности.

Парадокс его учения заключается в том, что Макиавелли давал рекомендации по ведению внешней и внутренней политики, ориентируя своего, как бы мы сейчас сказали используя психотерапевтическую терминологию, «клиента», «пациента», «подопечного» на то, что любые средства хороши ради достижения поставленной цели. При этом он имеет в виду некую *неэгоистическую цель* – освобождение народа, в то время как часть этих рекомендаций – предлагаемые *средства* (например, о необходимости в ряде случаев жестоких расправ над малым числом подданных ради спасения большего числа), ужасны. Таким образом, вопрос следует поставить иначе – речь идёт не о «средствах» как таковых, а о «средствах по отношению к цели». Благородной или неблагородной может быть лишь **цель**, средства же так и остаются лишь средствами. В таком случае необходимо рассматривать данную проблему исходя из принципа деятельности. Тем более, что Макиавелли утверждал, что единственный источник знаний – это практическая деятельность.

Исходя из представлений об атрибутах (строении) *деятельности,* речь в данном случае идет не о целях действия, а о мотивах, побуждающих го-

сударя к тому или иному действию. Необходимо также проанализировать *ситуацию*, которая привела государя к *необходимости* обратиться к тому или иному ***действию***, прибегнув тем самым к определенному ***средству*** (способу действия). В таком случае речь идет не о соотношении категории «цель-средство», а о «***смысле*** и ***значении»*** деятельности человека**.**

Другой аспект изучения феномена макиавеллизма касается соотношения категорий *правды, истины, лжи и обмана*. Современный западный мир невозможно представить без существования законов, основанных на общепризнанных представлениях о порядке. В России, однако, как замечает В.В. Знаков [82], до сих пор живет убеждение, что справедливость, воплощенная в правде, может быть равноценным заменителем любых законов. Социально-психологические причины отрицания житейской ценности истины, противопоставления ее духовно-нравственным и социальным идеалам Н.А. Бердяев объясняет на примере одного сословия людей – интеллигенции. Он писал: «С русской интеллигенцией в силу исторического положения случилось вот какого рода несчастье: *любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине* …Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели её народу будет лучше житься, если люди будут счастливее, долой истину…» [30, с. 12].

Оборотной стороной такого отношения к истине и правде оказывается и снисходительное отношение ко лжи и вранью. Вот, например, как говорит об этом Ф.М. Достоевский: «Желание соврать, с целью осчастливить своего ближнего, ты встретишь даже и в самом порядочном нашем обществе, ибо все мы страдаем этою невоздержанностью сердец наших. Только у нас в другом роде рассказы; что у нас об одной Америке рассказывают, так это – страсть и государственные даже люди! Я и сам, признаюсь, принадлежу к этому непорядочному типу и всю жизнь страдал от этого. Друг мой, дай всегда немного соврать человеку – это невинно. Даже много дай соврать. Во-первых, это покажет твою деликатность, а во-вторых, за это тебе тоже дадут соврать – две огромные выгоды – разом Quediable! Надо любить своего ближнего» [69, с. 189].

Слово врать в русском языке «употребляется обычно в тех случаях, когда речь идет о чем-то малосущественном, незначительном [214, с. 187]. Иначе говоря, слово «вранье» употребляется для выражения социально и морально более нейтрального явления, чем умышленная ложь. Вследствие этого враньем иногда называют тривиальную, незначительную, безобидную, простительную ложь. В словаре В.И. Даля слову врать соответствуют следую-

щие значения: «…лгать, обманывать словами, облыжничать, говорить неправду, вопреки истине; говорить вздор, небылицу, пустяки; пустословить, пустобаять, молоть языком, суесловить; хвастать, сказывать небывальщину за правду» [64, с. 259]. В большинстве приведенных синонимов вранья подчеркивается не столько гносеологический, познавательный аспект намеренного искажения истины, сколько онтологический, *экзистенциальный,* характеризующий конкретные ситуации межличностного общения. Обычно это понятие используется тогда, когда нужно не оценивать истинность высказываний человека, а понять и оправдать его.

Вранье проявляется в конкретных ситуациях общения людей, и потому его причины обусловлены как социально-экономическими факторами, так и индивидуально-психологическими. Вранье представляет собой социокультурный феномен; в психологическом смысле вранье принципиально отличается от лжи. С точки зрения содержательного анализа понятий «вранье» нельзя отождествлять со словом «ложь». Психологическая структура лжи основана на сочетании трех семантических антиподов правды:

- утверждение говорящего не соответствует фактам;
- он не верит в истинность произносимого;
- собирается обмануть партнёра.

В.В. Знаков выделяет следующие отличительные признаки вранья [84, с. 370-372]:

1. Вранье – не дезинформационный феномен, а коммуникативный, это один из способов установить хорошие отношения с партнёром, доставить своей выдумкой удовольствие себе и другому.
2. Вранье не рассчитано на то, что «говорящему» поверят, в этом акте отсутствует намерение обмануть слушателя. Рассказывая небылицы, человек не рассчитывает на то, что кто-то в них поверит.
3. Вранье не предполагает унижения слушателя и получения за его счет какой-то личной выгоды.
4. Классическое вранье характеризуется тем, что враль получает нескрываемое удовольствие, наслаждение от самого процесса изложения небылиц. Вместе с тем во вранье всегда есть некоторый элемент самолюбования и самовозвеличивания: врущий человек хочет хотя бы на время стать объектом всеобщего внимания, почувствовать себя более значимым, ценным в глазах окружающих.
5. Стремление человека защитить свой внутренний мир от «несанкционированного вторжения», нежелание обнажать душу перед окружающими из боязни насмешек или проявления снисходительного отношения – достаточно серьёзный повод для вранья.

Таким образом, можем констатировать, что представления Макиавелли о поведении человека созвучны современным психологическим знаниям о внутреннем мире человека. С одной стороны – это проблема искажения (сознательного или неосознаваемого) человеком фактов при передаче сообщений другим. Прежде всего, это переструктурирование и схематизация прошлого опыта, проявляющегося в процессах памяти, мышления и понимания. Истинное вспоминание при воспроизведении не тождественно точному «снимку» прошлого. Как показано в исследовании В.В. Нурковой, в практике судопроизводства вспоминание допрашиваемого представляет собой подобие «карты», которая достраивается и меняется в зависимости от ситуации воспроизведения, инструкции, целей, эмоционального состояния и его мотивации [135]. Такие же неосознаваемые субъектом психологические механизмы лежат в основе понимания собственной произнесенной неправды, лжи, обмана. Например, человек искренне верит в собственную ложь, либо, узнав о своем заблуждении, не признаётся в нём, так как ему стало неловко от своей лжи.

С другой стороны, проблема изучения феномена макиавеллизма тесно связана с тем, *как* человек поступает, совершает те или иные действия исходя из достоверности или из сознательного искажения (ложь, обман, вранье, неправда) фактов. Советский психолог Алексей Николаевич Леонтьев подчеркивал, что деятельность – это особая целостность [113]. Она включает различные компоненты: мотивы, цели, действия. Их нельзя рассматривать порознь, они образуют систему. Образ, действие, мотив, отношение, личность – все эти психологические категории образуют внутренне связанную систему, включающую внутреннюю психологическую подоплеку в широкий социальный контекст. Выдающийся психолог Лев Семенович Выготский научное объективное изучение сознания также понимал как продукт общественно-исторического развития человека, как отражение объективного и субъективного мира, сложившегося в процессе трудовой деятельности и общения [50]. Сознание трактовалось Л.С. Выготским как сложное *системное и смысловое образование*, в формировании которого центральную роль играет речь, ***слово***. Он различал *значение* как объективно сложившуюся устойчивую систему обобщений, стоящую за словом, и *смысл* как индивидуальный, субъективный аспект значения. Возможно, Макиавелли согласился бы с трактовкой его текстов с точки зрения современного психологического знания.

2.2.Теоретико-методологические аспекты изучения феномена макиавеллизма в психологии

Несмотря на сложность и противоречивость интерпретации учения Макиавелли, большинство исследователей сходятся в одном – это глубокий социальный и психологический реализм. Теория Никколо Макиавелли основана на знании социально-психологических закономерностей поведения человека: во-первых, он показал, что миром правят не сверхъестественные силы, не случай, а человеческий дух, развивающийся согласно *законам*, которые органически ему присущи; во-вторых, он впервые вывел в качестве предмета научного исследования *социального человека*; в-третьих, абсолютным, существенным в макиавеллизме является Человек, рассматриваемый как самостоятельное, независимое существо, в природе которого заложены как его *цель,* так и *средства.*

В основу новой эпохи Макиавелли положил принцип мужественности, согласно которому сила заключается в уме, в значимости цели и серьезности средств. В своих работах («История Флоренции», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь») он создает теорию нового общественного и политического устройства и тем самым закладывает основы для формирования того, что впоследствии было названо политической и психологической науками.

Макиавелли утверждал, что никакая политическая наука, искусство управления невозможны, если они не опираются на знание предмета, с которым им предстоит иметь дело, то есть на «знание человека». Знание это основано на понимании механизмов поведения человека, т.е. побудителей к деятельности, его интеллектуальных возможностей и устремлений. Впоследствии в научной психологии, которая сформировалась как отдельная, самостоятельная наука, спустя несколько столетий после создания учения Макиавелли, они были названы мотивационно-потребностной, когнитивно-познавательной и ценностно-смысловой сферами психики человека. Как показано в дальнейших психологических исследованиях, между ними существует тесная взаимосвязь, поэтому основной принцип, по которому должны строиться современные исследования феномена макиавеллизма в психологии, – это **системный анализ**.

При изучении истории Н.Макиавелли постоянно рассматривает *человека в его взаимодействии с миром*. Он создает своего рода образец исследования, построение научного знания, которое должно опираться на принцип **объективного изучения взаимовлияния биологического и социального** в природе человека. Однако предоставленное Макиавелли описание человека нельзя однозначно отнести к такому представлению о развитии человека,

которое существует в разнообразных современных теориях двухфакторной детерминации.

Представления мыслителя о мироустройстве в некоторой степени соответствуют **гомеостатической модели** развития психики человека, выводящей любые проявления активности организма в ходе эволюции из стремления к достижению равновесия исходя из *принципа активности*. Идеи Макиавелли о возникновении неадаптивных неутилитарных проявлений поведения человека, возникающих в системе и обеспечивающих её историческую изменяемость, особенно в критических непредвиденных ситуациях, указывают на то, что мыслитель рассматривает человека в качестве активного элемента развивающейся системы. Само ядро такого понимания развития, эволюции системы, может быть передано следующим образом: «Процесс жизни есть не уравновешивание с окружающей средой…, а преодоление этой среды, направленное не на сохранение статуса или гомеостаза, а на движение в направлении родовой программы, развития и самообеспечения» [33].

Рассуждения Макиавелли о власти, морали, доблести и мужестве в большей степени соответствуют ***антропоцентрической парадигме***. Не в смысле, изолирующем человека из системы природы и общества, а напротив, делающем их, по замечательному выражению В.П. Зинченко, «живым знанием», которое только и способно удержать и воспроизвести саму возможность человеческой реальности во всей её полноте и целостности [79].

Как уже отмечалось ранее, Макиавелли считал, что для общества лучше сильный, пусть и лишенный угрызения совести государь, чем добрый, но слабый из-за неуверенности в себе человек, вечно раздираемый внутренним конфликтом. В специальной литературе о проблеме лидерства эта проблема рассматривалась, как правило, в аспекте политическом или духовно-религиозном. По мысли Платона, у идеального правителя власть соединяется «с разумением и рассудительностью». Для Конфуция благородный правитель «в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желании не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток». Перспективная типология лидерства была предложена Лао-цзы, по мнению которого лучший вождь – тот, которого «народ не замечает», на втором месте – тот, которого «народ обожает», на третьем месте – тот, которого «народ боится» и на последнем – тот, кого «ненавидят» [цит. по 96].

Непреходящую ценность трактата Макиавелли составляет не столько его энциклопедичность, сколько предложенная в нем система знаний об обществе и государстве на определенном этапе развития. В этом труде представлена целостная система, как бы мы сейчас назвали «управления госу-

дарством». В частности, он представил нам образ государя, для которого его личная власть – не благо само по себе, а средство достижения определенной политической цели (например, объединение и усиление государства). Правитель, согласно Макиавелли, должен учитывать главные стимулы человеческой активности (стремление к имущественным благам) и – «благодаря умению отгадывать сокровенные желания человеческой души» – господствовать над людьми. В соответствии с философией истории Гегеля, в деяниях великих лидеров «субстанционально содержится» историческая необходимость; они – «доверенные лица мирового духа». По Ницше стремление к лидерству – естественное стремление человека, помехой которому видится мораль, это «оружие слабых», истинный лидер вправе ее третировать, чтобы она «не висела у него гирей на ногах». Волюнтаристское понимание лидерства в буржуазном обществоведении развивали Карлейль и Эмерсон. Для Тарда подражание последователей лидеру – основной закон социальной жизни [цит. по 96].

В 1970-х годах советские исследователи чаще всего анализировали буржуазные социологические и социально-психологические теории лидерства элит «массового общества» в противопоставлении их марксистской точке зрения о социальном руководстве при социализме. В начале 90-х годов в ряде статей некоторые из них (в частности, Г.К. Ашинин и др.) пересмотрели некоторые свои оценки существующих теорий лидерства. В работе «Макиавелли: технология эффективного лидерства» А.И. Кравченко развернутой подборкой соответствующих цитат из первоисточника обосновывает положение о том, что великий итальянский мыслитель четко изложил принципы эффективного руководства в своем труде «История Флоренции» [105]. Эти положения таковы:

- авторитет лидера коренится в поддержке сторонников, для которых он должен быть образцом справедливости;
- подчиненные должны знать, что они могут ожидать от своего руководителя и понимать, что он в свою очередь ожидает от них.

На основании этого Никколо Макиавелли может по праву считаться родоначальником концепций европейского менеджмента.

Во второй половине (60-70 гг.) прошлого столетия американские социальные психологи Р.Кристи и Ф.Гайз ввели понятие «макиавеллизм» в психологическую науку. В работе «Исследование макиавеллизма» они первоначально ставили перед собой цель исследовать, какими же характеристиками должен обладать человек, который эффективно может контролировать других – управлять и руководить ими [239]. Именно эти характеристики макиавеллиста и стали отправной точкой дальнейших психологи-

ческих исследований данного феномена. Ряд исследователей, изучавших феномен лидерства с 1980-х гг. до настоящего времени, рассматривали макиавеллизм именно в этом ключе. В результате анализа они выявили ряд характеристик, свойственных политическим лидерам, и, как показали результаты исследований, среди этих черт неизменно присутствовал макиавеллизм [346] и др.

Неумолимая логика Макиавелли доказывает, что если человек *слабоволен*, то можно сказать, что ум его дремлет. В таком случае человек не знает, чего он хочет, он полностью во власти своего воображения и своих страстей. По мнению Ф.Перлза, основателя гештальттерапии, неврозы возникают вследствие повышенной сосредоточенности человека на средней зоне (или зоне фантазии, которая представлена продукцией психического мира – мыслями, фантазиями, чувствами, отношениями и пр.) за счет исключения из сознания внутренней и внешней зон. Такая тенденция уводит человека из реальности в фиктивный мир обращенности в прошлое или проецирования в будущее, в то время как спонтанная деятельность организма протекает в настоящий момент, «здесь и сейчас». Выпадая из реальности, индивид теряет непосредственную связь с миром и оказывается во власти призраков. Таким образом, для нормального развития, например, в терапии, необходимо возвратить субъекта в текущий момент, ибо «нет ничего, кроме того, что есть здесь и теперь. Теперь есть настоящее … Прошлого уже нет. Будущее еще не наступило» (Ф.Перлз) [цит. по 183, с. 181].

Согласно теории гештальтпсихологии, люди организуют информацию таким образом, что наиболее значимые и актуальные её аспекты занимают центральное место (как бы становясь фигурой), а менее важная информация отступает на задний план (служит словно фоном), в качестве фигуры периодически может выступать какая-нибудь потребность. Подобная деятельность организма феноменологически представляет собой непрерывный процесс саморегуляции. Этот процесс и приводит к формированию фигуры, или гештальта. Возможно, одна из причин спора между Макиавелли и его критиками, помимо всех прочих, заключается в том, что для Макиавелли в качестве фигуры выступало понятие «Родины», в то время как у его оппонентов – «цель, которая оправдывает средства».

Само понятие «гештальт» можно определить как некое целое, которое нельзя изменить без его разрушения. Слово «гештальт», немецкое по происхождению, означает форму, организацию или конфигурацию. По мнению Вольфранга Келера, автора гештальтпсихологии, окружающий нас мир также организован [294]. Важно осознавать, что мы воспринимаем ***организованное целое, а не сумму его частей.***

Поэтому Макиавелли говорит о том, что «для блага Родины можно использовать неблаговидные средства», но он *не оправдывает* неблаговидные «средства вообще», которые используются, пусть и во имя благой цели. Даже напротив, мыслитель осуждает князей, которые обманом или силой отнимают у народа свободу. Но коль скоро они добиваются своего, *лишь в таком случае* он им показывает, каким образом они должны удерживать эту власть. Ведь их цель – не защита родины, а сохранение княжеской власти, однако князь может заботиться о себе, *только заботясь о государстве*. Интересы общества – это одновременно и его интересы. Также и в отношении свободы. Ее он предоставить не может, но может дать добрые законы, которые охраняли бы честь, жизнь, имущество граждан. Князь (государь, правитель, лидер) должен заручиться благоволением народа, *держа в узде и господ, и смутьянов*. Правь подданными, но не бей их до смерти, старайся их изучить и понять, не будучи ими обманут, а сам их обманывая, заключает мыслитель [124, с. 25-32; с. 61-64].

Далее он продолжает, что поскольку люди обращают большое внимание на внешнюю сторону явлений, князь обязан о ней заботиться и даже против собственной воли должен *делать вид*, что он набожен, добр и милосерден, что он покровитель искусств и талантов. Пусть он не боится, предупреждает Макиавелли, что его разоблачат, люди по природе своей «простодушны и доверчивы». Самое сильное чувство, на которое они способны, – это страх, поэтому князь должен стараться, чтобы его «не столько любили, сколько боялись». Главное, чего он должен опасаться, это «ненависти и презрения» [124, с.64].

В современной психологии идеи Макиавелли о человеке вообще и о личности государя в частности нашли плодотворное воплощение в формировании различных научных направлений, таких как психология личности, психология лидерства и психология субъекта. Феномен макиавеллизма рассматривается еще в социальной психологии, психологии управления и в психологии понимания как проблема взаимодействия на основе взаимопонимания людей, а также как проблема соотношения категории истины и правды.

Выдающийся советский психолог-философ Сергей Леонидович Рубинштейн указывал на то, что истина преломляется через внутренний мир человека, его жизнь, переживания и действия. Преломляясь, она переходит в убеждения субъекта, определяющие его поведение. С этой точки зрения определение истины может быть соотнесено лишь с человеком: существование истины возможно только для человека, познающего бытие, только соотносительно с ним [150, с. 331]. Точно так же проблема познания исти-

ны выступает не как обособленный гносеологический аспект изолировано взятого отношения человека к бытию. Это отношение также опосредуется человеческими добродетелями и пороками в познавательное отношение к бытию. В отношение к истине вплетается отношение к другим людям. При этом «*истина* – это не только правдивость, но и *правда, справедливость*, способность принять то, что есть (на самом деле), смотреть в глаза действительности, вскрывать её» [152, *курсив наш – Л.А.*].

Макиавелли придерживался правила: «Не славословить свою страну, а говорить ей правду». Дать ей почувствовать, сколь глубоко её падение, чтобы она устыдилась и чтобы это послужило для нее уроком. «Когда бы не было ясно, как божий день, что тогда царили добродетели, а ныне порок, я бы, – писал он, – выбирал более сдержанные выражения. Но коль скоро это явствует со всей очевидностью, я буду откровенно говорить о нынешних временах, дабы молодёжь, сии строки прочитав, могла бы бежать пороков и взять себе за образец времена прошлые. Ибо долг добрых людей учить других тому, что сами они из-за превратностей судьбы или безвременья не могли осуществить, дабы кто-нибудь из молодых, наиболее угодных небу, мог сие содеять» [123, с. 661]. Исходя из сказанного, следует считать это как послание не только сознательное, но и бессознательное, как делегирование смыслов и значений, предназначенных не только современникам, но и потомкам, давая им возможность «прочитать себя», подвергнуть глубинному анализу не только фрагменты истории своей страны, но также своей индивидуальной психоистории.

В предисловии к трактату «Государь» мыслитель пишет: «Обыкновенно, желая снискать милость правителя, люди посылают ему в дар то, что имеют самого дорогого или чем надеются доставить ему наибольшее удовольствие, а именно: коней, оружие, парчу, драгоценные камни и прочие украшения, достойные величия государей. Я же, вознамерившись засвидетельствовать мою преданность Вашей светлости, не нашел среди того, чем владею, ничего более дорогого и более ценного, нежели познания мои в том, что касается деяний великих людей, приобретенные мною многолетним опытом в делах настоящих и непрестанным изучением дел минувших» [123, с. 51]. Этот труд он посвятил Медичи: «Никколо Макиавелли – его светлости Лоренцо деи Медичи», за что впоследствии его не раз упрекали. Но кто знает, может если не был бы он вынужден отойти на время от «дел практических», а затем «добиваться милости» великих мира сего, не было бы и трактата «Государь».

В конечном итоге, кому бы ни посвятил мыслитель свой труд или как бы ни воспринимали его впоследствии потомки, называя трактат кодексом

тирании, или манипуляцией второго уровня, или же призывом к борьбе за новое мироустройство (названое впоследствии «демократией»), в целом вся его жизнь и деятельность отражают мечту о *добродетельном лидере*.

Добродетель государя он понимает не по-римски, подразумевая лишь физическую силу, энергию, толкающую его на великое самопожертвование и на великие дела. Самое главное – это то, что он выделяет некую составляющую интеллектуально-личностного потенциала, связанную с продуктивными решениями (ум), вкладывая в это понятие новый взгляд на природу свободы воли человека, ассоциируемый с таким понятием, как *неопределенность* в принятии морального решения сложной нравственной проблемы.

Здесь мы подходим к такой методологической проблеме, которая в психологии оказывается связанной с проблемой методологических заимствований, рассмотренных в отношении принципов дополнительности и неопределенности, сформулированных в науке лишь в первой трети XX века, которая изменила физическую картину мира вследствие раскрытия закономерностей микромира при формулировании квантовой теории. Обращение к принципу «неопределенности» в психологии обусловлено необходимостью в конкретно-научных целях, связанных с переосмыслением психологической причинности и *понимания свободы* человека при решении нравственных проблем и действиях в сложном изменяющемся – неопределенном – мире. Избегание неопределенности (степень толерантности по отношению к ситуации и двусмысленности, в том числе, контроль за агрессией и проявлением эмоций) Герт Хофстед [177] выделяет в качестве одного из ценностных измерений, по которому можно сравнивать культуры и которое определяет *социотипическое поведение личности* (А.Г. Асмолов [23]. Данное направление исследований способствовало размышлениям в теоретическом мире психологии о том, что может быть противопоставлено таким принципам, как принцип «системности» и принцип «детерминизма». Дискуссии о критериях прогресса и регресса в современной психологии имели такое продуктивное следствие, как «новые постановки вопросов на старые темы» [102].

В 70-80 гг. прошлого столетия А.Н. Леонтьев, рассуждая о предпосылках и основании жизни личности в обществе, дает такую схему детерминации поведения, из которой следует, что понятие «личность», во-первых, включает в себя *место* и *позицию* человека в системе общественных связей [113].

У Николло Макиавелли в этом отношении можно обнаружить некий «социальный портрет» народных масс, или плебса, а также описание оптиматов, или господ, князей, папства, французов, немцев, испанцев, отдельных людей и народов. Мыслитель предоставляет нам столь подробное описание

различных типов и групп людей, что исследователи до сих пор черпают в нём вдохновение для размышлений о социально-психологических процессах, природе и сущности человека.

Во-вторых, А.Н. Леонтьев указывает на то, что при описании «личности» необходимо учитывать то, ***ради чего*** и ***как*** использует человек врожденное ему и приобретенное. У Макиавелли ответ на этот вопрос звучит так: человек совершает тот или иной поступок ради *собственного блага* либо ради блага своей *Родины*. Вторая часть этого вопроса у мыслителя прозвучал настолько шокирующе, что вызвала жаркие дискуссии, не затихающие и по сей день. Спор, в основном, сосредоточился вокруг его крылатого выражения «цель оправдывает средства». Однако у Макиавелли эта фраза вплетена в определенный контекст, который и объясняет смысл того, что он под этим подразумевает, а как известно из современных техник психоманипуляции, фраза или слово, вырванные из контекста, становятся средством манипуляции. Возможно, поэтому Макиавелли первым бы высказался против современного варианта так называемого «макиавеллизма».

Основной тезис учения Макиавелли можно сформулировать следующим образом: в основе характера поведения человека лежит такая общая для всех людей черта, как то, что они не знают предела своим желаниям, а достаточной способностью осуществить их они не обладают. Следовательно, существует некое несоответствие между целью поведения и средствами достижения этой цели. Для того чтобы выжить, человеку необходимо найди такое разрешение этого противоречия, которое не разрушило бы его жизнь, а наоборот, способствовало бы росту человека как Личности, так и всего Человечества. Таким образом, Макиавелли обратил внимание исследователей на три специфические особенности мира человеческой личности, а именно – *труд, долг* и *мораль*. Тем самым, он вплотную подошел к истине, отмеченной известным советским психологом С.Л. Рубинштейном: человеческая личность в целом формируется через посредство своих отношений к другим людям [150]. Лишь по мере того как у человека устанавливаются человеческие отношения к другим людям, он сам формируется как человек [152]. Другой тезис учения Макиавелли – это то, что по природе своей человек является существом социальным. Он – первый среди мыслителей, кто выделил в качестве предмета исследования *социального человека*. Значит, как бы это ни парадоксально прозвучало в контексте данного учения (Макиавелли о человеке: корыстолюбив, труслив, тщеславен, алчен и пр.), человек – это *моральное существо*. Эразм Роттердамский, характеризуя добродетель, подчеркивал, что она заключается не в том, чтобы не иметь «похоти», а в том, чтобы победить её [102]. Макиавелли в «Рассуждениях» отмечает:

там, где все земли и страны полностью свободны, все граждане, соревнуясь друг с другом, заботятся как о частных, так и об общественных интересах, и что общее их благосостояние на диво растет [123].

Вступая в обществе в новую систему отношений, человек обретает новые системные качества, которые только и образуют действительную его характеристику. Помним, что личность включает, во-первых, психологическую составляющую, когда субъект рассматривается в системе деятельностей в обществе, и, во-вторых, – социальную, когда он рассматривается в системе объективных отношений общества как их «персонификации». Здесь мы подходим к одной из фундаментальных методологических проблем – к вопросу о механизмах психического развития, понимаемого в диалектическом материализме *как единство* и *борьба противоположностей*. У Макиавелли это противостояние представлено как вечная борьба человека с ненасытными своими аппетитами. Человеческому духу свойствен стимул (мотив), который беспрерывно побуждает его к действию и движет тем самым историческим процессом. Вот почему люди никогда не успокаиваются на достигнутом, переходят от одного честолюбивого желания к другому, сначала защищаются, потом нападают, и чем больше у человека есть, тем больше ему хочется. Желаниям людей нет предела, но как их осуществить, они не знают, тем самым появляются замешательство и нерешительность. Люди, согласно Макиавелли, «не умеют быть ни совсем хорошими, ни вовсе дурными» [123]. То же противостояние он обнаруживает и в человеческом обществе, где существует лишь два класса: класс имущих и неимущих, богатых и бедных. История человечества есть не что иное, как вечная борьба между теми, кто имеет, и теми, кто не имеет. Различные политические системы – это попытки достигнуть равновесия между классами. Следовательно, по Макиавелли, там, где есть «господа» или привилегированные классы, там не может быть свободы.

В целом, в своих работах мыслитель описывает зарождение первых признаков, которые уже во времена свободного рынка XVII-XIX вв. взрастили новый тип людей. Лишь в XX веке Эрих Фромм, выдающийся немецкий социальный психолог, представитель Франкфуртской школы, определил их «*овладевающими*», или людьми с *эксплуататорской ориентацие*й. Именно такой тип людей провозгласил право силы и рационализировал указание на законы природы, заставляющие выживать сильнейшего. Любовь и порядочность были названы слабостью, размышление – занятием трусов и «дегенератов» [177].

Эксплуататорская ориентация человека несет очень конкретные *экзистенциальные идеи*, которые придают ему необходимую энергию и силу.

По мнению Г.С. Абрамовой, их можно точно вычленить и сформулировать примерно так:

1. Человек – это разумное животное. Кто сильнее, тот и умнее.
2. Смысл жизни – выживание любой ценой.
3. Другие – это не Я, с ними можно делать то, что «Я хочу».
4. Другие не могут помешать мне делать то, что я хочу [1 с. 41].

Обесценивание другого человека, восприятие его только по принципу полезности, скрывает для лиц с эксплуататорской ориентацией их собственную незначимость для самих себя. Ориентируясь в избытке на полезные свойства других, они упускают свои собственные возможности. Пользуясь плодами чужого труда – чужими идеями и предметами, даже чужими чувствами, они не способны быть продуктивными по отношению к собственному «Я» [177].

Еще более жестко эксплуататорская (овладевающая) ориентация выступает в области распределения усилий для достижения цели. Усилия эксплуататора при этом всегда минимальны, но цель или результат оказываются принадлежащими ему – обман, воровство становятся необходимыми на этом пути. Обесцененные другие люди не воспринимаются как ценность и целостность, у них нет лиц – они «не-Я», и этого достаточно для принятия решений о воздействии на них. Такой тип человека был назван «манипулятором», его также еще называют и «макиавеллистом», так как именно Макиавелли впервые описал различные типы характера этого «нового» зарождающегося типа человека. В его описании наравне с активной, сильной, деятельной и целеустремленной стороной личности существует и обратная её сторона, попирающая права другого человека. Попирающая либо жестко, посредством напора, в агрессивной форме, либо пассивно – через дефензивность.

Дефензивный человек – не авторитарный, не склонный командовать, а наоборот, защищающийся, «поджимающий хвост» в той обстановке, где агрессивный «оскаливается». Дефензивному человеку хочется жить спокойнее, жить там, где меньше ответственности, где меньше ранящих душу встреч с уверенными в себе людьми [42].

Исходя из классификации Э.Фромма, к типу личности так называемого макиавеллиста и манипулятора можно также отнести и *«обменивающий»* тип характера с *рыночной ориентацией*. Рыночная ориентация характера начинается с восприятия себя как товара, а собственной ценности как меновой. Тем самым, успех человека зависит не только от его знаний и умений, но и от того, как он сумеет их продать. Это существенно влияет на его же самооценку, которая становится зависимой не от собственных способностей человека, а от цены на них.

Если изменчивость рынка выступает мерилом ценности человека, чувства собственного достоинства и самоуважения разрушаются, так как у человека не оказывается необходимого «психологического материала» для интегрирования своей личности, для восприятия себя как автономного и независимого существа, идентичного самому себе. Тем самым, изучение феномена макиавеллизма соприкасается вплотную с такой предметной областью психологии человека, как экзистенциализм.

Экзистенциальный план анализа феномена макиавеллизма предполагает анализ порождения опыта, имеющего смысл для субъекта. Экзистенциально ориентированные психологи предпочитают специфические детали обобщенным признакам, а индивидуальные, например, характерологические отличия людей – их сходству и подобию. Их исследования нацелены на поиск не столько фактов, событий, явлений, сколько смысла, который они имеют для субъекта. Это не означает, что в данном случае психологи сосредоточены исключительно на интрапсихических проблемах и поэтому отказываются от обращения к объектам и людям, окружающим субъекта.

Главное для них – определить, как испытуемый структурирует свою идентичность в соответствии с системой конструктов, отражающих субъективное отношение «Я – мир». Иначе говоря, как замечает В.В. Знаков, цель заключается в выявлении *ценностно-смысловой* позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на формирование смысла фактов, событий и т.д. [82].

По этому поводу Никколо Макиавелли говорит о том, что смысл жизни человека заключается в *труде,* и самый большой враг цивилизации – это безделье. «Дворянами именуют тех бездельников, что живут в довольстве на доходы от своих владений, не заботясь ни об обработке земель, ни о каком другом способе добывать средства к существованию. Они оказывают пагубное воздействие во всех провинциях, но особенный вред наносят те, кто помимо имений владеют еще и замками и имеют подданных, которые им повинуются. Людей этих двух категорий великое множество в королевстве Неаполитанском, Римской области, в Романье и в Ломбардии. Вследствие чего в сих провинциях никогда не было политической жизни, ибо люди такого сорта – заклятые враги цивилизации» [123, с. 662].

Итак, Макиавелли рассматривает человека в процессе его жизни, в реальных условиях и ситуациях человеческого бытия. Он говорит, что люди совершают свои действия не по некой абстрактной схеме, а решают конкретные задачи. Задачи, которые им выдвигает сама жизнь в разнообразных общественно необходимых формах. Тем самым не задача, как таковая, или человек сам по себе, а именно «человек и его проблема» направляют актив-

ность субъекта на поиск оптимальных путей её решения. *Стратегия человека* может проявляться в стремлении избегать трудностей, в установке на их преодоление, в ориентации на внешние опоры или с расчетом на собственные силы. Тем самым, саморегуляция не всегда осуществляется объективно оптимальным и субъективно удобным образом. Поддерживать определенный уровень активности можно двумя способами: перенапряжением всех сил, что ведет к утомлению, падению активности, и за счет эмоционально-мотивационного подкрепления (психологически легкого и удобного способа). Не следует, однако, думать, указывает К.А. Абульханова-Славская, что возможности совершенствования саморегуляции безграничны и что все её уровни предваряются только сознательно [3]. Ряд процессов и способов действий из первоначально *сознательных* и произвольно регулируемых превращаются в *неосознаваемые.* В психологической системе саморегуляции есть не только гибкие, но и жесткие связи. Неудивительно, таким образом, появление еще одного направления исследования в проблемной области изучения феномена макиавеллизма – это клиническо-психологический подход (*см. в главе 3.2*.).

Итак, в своих трудах Николло Макиавелли представляет нам человека не с точки зрения статичной созерцательности средневековья или идеалистического спокойствия Возрождения, он описывает *современного Человека*, который активен, и действуя, он добивается своей цели. Он впервые обратил также особое внимание исследователей на личность *государственного деятеля* – государя, умеющего соизмерять силы реального, а не идеального, иллюзорного мира, реально существующего в определенных условиях *места* и *времени*. Тем самым, Макиавелли ставит вопрос о ***Государе*** (*princeps)*, который лишь с помощью сильной власти и благодаря своей ***Доблести*** (*virtus*) может создать такое могучее централизованное государство, в рамках которого возможна гражданская жизнь, общественная инициатива. Сильная личность не только хочет, но и *может* оперировать этими силами, подчинять их своим целям, так как она знает законы, по которым развивается человеческий дух и природа. Следуя логике Макиавелли, искусство руководить людьми опирается на точность цели и действенность средств достижения этой цели. Именно в этой *согласованности* таится секрет той интеллектуальной энергии, которая делает великими людей и нации. Макиавелли на реальных фактах истории показывает, как под воздействием *разума* растет и *мужество* человека.

В XX веке Ролло Мэй, ведущий представитель американской экзистенциальной школы, указывает на то, что мужество – это «настойчивость творить совместно с другими, но при условии, если мы умеем выражать свои

собственные аутентичные идеи». Если мы добровольно откажемся от шанса участвовать в формировании будущего, то мы «потеряем существенное свойство человечества – возможность сознательно влиять на развитие общества. Тем самым мы капитулирует перед слепой машиной истории и потеряем шанс на создание в будущем эгалитарного и гуманного общества», заключает Р.Мэй [131, с. 8].

Макиавелли осуждает тех князей, которые обманом или силой отнимают у народа свободу, но коль скоро они добиваются своего, то должны уметь и удержать эту власть. Мыслитель лишь показал государю, каким образом он этого может достичь в реально существующих условиях общественной жизни, а не то, как это должно быть в неком идеальном обществе. По словам Аристотеля, все люди от природы стремятся к приобретению знаний и материальных благ. Инстинкт собственности является врожденным для человека, «трудно выразить словами, сколько наслаждения в сознании того, что нечто принадлежит тебе, ведь свойственное каждому чувство любви к самому себе не случайно, оно внедрено в нас самой природой» [цит. по 186, с. 437].

С этой точки зрения платоновский проект идеального государства, предполагающий отмену частной собственности и коренное преобразование общественно-политической жизни, произволен, надуман; он решительно противоречит человеческой природе и естественному процессу возникновения государства, а стало быть неосуществим. Излишне говорить, замечает Ф.Х. Кессиди, что попытка «реализации той сверхзадачи, какую поставил перед собой Платон, потребовала бы применения сверхнасилия» [186, с. 437].

Ввиду того, что его Родина погрязла в пороках, Макиавелли призывает *спасителя*. Он убежден в том, что упорядочить государство должен один человек, в то время как управлять им должны все. Макиавелли выделил такую особенность в поведении государя, что если полагаться на одну только «львиную» силу, то успешно управлять людьми он всё равно не сможет. В делах государственных нужна еще и «лиса», иными словами – необходима осторожность, под которой он понимает ум, расчет и даже хитрость, одним словом – умение оперировать теми *реальными силами*, которые движут не только поведением людей, но и целыми государствами.

В его произведениях обнаруживается мир жесткой логики. Идеалом для Макиавелли является ясный ум, не замутненный никакими элементами сверхъестественного, а в качестве «героя» у него выступает человек, который понимает законы природы, оперирует ими и делает их своими орудиями. Таким образом, Макиавелли приходит к выводу, что достойна похвалы

или осуждения может быть лишь *цель*. Если она достойна осуждения, то он первый поднимет голос протеста во имя рода человеческого. То есть, мораль ответственности по Макиавелли, заключена в цели, а не в средствах. Что же касается средств, то они не хороши лишь тогда, когда ими не умеют или ими не желают пользоваться, т.е. тогда, когда человек невежествен или слаб духом (слабоволен).

Все эти характеристики и свойства личности были присущи лишь некоторым государственным деятелям, но обычному человеку из народа обладать такими свойствами, как самостоятельность, решительность и рассудительность, не обязательно. Это даже возбраняется с точки зрения христианства. Макиавелли, как один из представителей гуманизма как специфической системы воззрений, которая в эпоху Возрождения становится самостоятельным идейным движением, утверждает полную принадлежность человека к земному миру и провозглашает свободу человеческой личности, выступая против религиозного аскетизма, за право человека на наслаждение и удовлетворение своих потребностей. Мыслитель считает, что неправильно понятая католическая религия делает человека более склонным к страданию, чем к действию. Именно она сделала человека способным в большей степени «переносить оскорбления, нежели мстить за них». (Agere et pati formi aromanum est). Эту мысль в свое время подметил также А.Ф. Лосев, размышляя о смыслах жизни: «вся жизнь человеческая и животная жизнь есть сплошная жертва, вольная или невольная». Наша философия должна быть философией Родины и Жертвы, а не какой-то там отвлеченной, головной и никому не нужной «теорией познания» или «учением о бытии или материи» [118].

Идея жертвы пронизывает собой все религии, как древнего, так и нового мира. Например, в Древней Греции жертва называлась «*pharmaco*s», т.е. осознавалась, в сущности, как целительное средство. Но это слово означает и «*изверг*», т.е. извергнутых из общества, избавляя, тем самым его от скверны дезинтеграции (например, «козел отпущения»*). Противоречия и противодействия раздирают сообщество на части, тогда как «жертва» притягивает к себе разнонаправленные векторы насилия и словно впитывает его в себя. Таким образом, жертва обеспечивает мир внутри общности – состояние, которое не способен создать ни один смертный [134].

В данном случае речь идет об особом роде манипуляции, игровой и социальной роли «жертвы». Разыгрывая роль «жертвы», причиняя себе мни-

---

*Архетип «Козла отпущения» представлен в мифологии, фольклоре, библейских сюжетах. Древние евреи раз в году как бы передавали все свои грехи особому животному – козлу, которого потом отпускали в пустыню на верную гибель. Вместе с ним якобы уходили все проблемы жителей данного населенного пункта.

мые страдания, человек порой так вживается в эту роль, что теряет себя в её пространстве, но при этом он получает от окружающих поддержку, внимание, покровительство и даже любовь – ведь всегда найдется «добрая душа», стремящаяся оказать помощь.

В зарубежной психологии феномен «жертвы» рассматривается в рамках психоанализа. С точки зрения психоанализа, в обычной жизни любого человека возникают те или иные эмоционально напряженные и негативные ситуации, переживание которых приводит к личностным нарушениям, неприятностям, отрицательным аффектам, деструкции. В российской психологии роль «жертвы» рассматривалась с точки зрения установки, понятие которой было введено еще в середине прошлого столетия Д.Н. Узнадзе и его школой. Установка – это неосознаваемое состояние, возникающее под воздействием как объективных (действительность), так и субъективных (потребности личности) факторов [175]. Возникновению и развитию установки «жертвы» могут способствовать ситуации критических перемен, трудные жизненные ситуации, последствия перемен, которые так часто сопровождают человека в современном обществе, отношение государства, нереализованные многочисленные потребности, надежды, связанные с этими потребностями, и т.д.

По поводу вопроса «Никколо Макиавелли и религия» следует отметить, что мыслитель восстает не против религии вообще, а напротив, он с большим уважением высказывается о людях, чтущих высокую мораль – он даже восхваляет величие, милосердие, набожность и прочие добродетели, и выступает против смешения власти светской и духовной. Он восстает против принципа, которого придерживалось средневековье: «цепляться за земную жизнь как за самое существенное – грех, а добродетель состоит в отрицании земной жизни и в созерцании потусторонней».

Развивая эту идею в современном контексте, российский психолог А.А. Гостев предупреждает об опасности искажений в познании духовных смыслов бытия в святоотеческой православно-христианской традиции. «Глубочайший духовных опыт православной аскезы помогает принять закономерности в борьбе души человека с иллюзиями мира и с фантазиями о «небесном». Знание о закономерностях прелести жизни обозначает слепоту на размывание нравственных ориентиров, помогает понять, что нравственный релятивизм … оказывается далеко не безобидным для души человека. Постмодернистские «зеркальные осколки» не являются голограммами Истины и уводят человека от познания мироздания и своего места в нем» [56, с. 438]. Поэтому неадекватность познания нравственно-

духовных смыслов надо рассматривать как болезнь, угрожающую не только отдельным самосовершенствующимся личностям, но она имеет качество всеобщности, а потому угрожает идеологиям и мировоззрениям. Она несет опасность в упор не видеть возрастание зла и проявление его в новых формах, в том числе искусно замаскированных.

Макиавелли обладает той же практичностью, проницательностью и бдительностью, или вигильностью (*vigilance*, готовность «бдить» – как характеристика готовности к решениям в любой момент), которые восхваляет и которыми восхищается в правителях Древнего Рима. Он обладает умением понимать людей и события, способностью к целенаправленному созданию и передаче сообщения со скрытым смыслом для избирательного понимания другими. Практический склад его ума не позволяет ему предаваться иллюзиям, как это было свойственно многим так называемым «кабинетным философам». Всё это удерживает его в рамках *возможного*, то есть той реальной, деятельной жизни, которую человек проживает «здесь и сейчас». Но не в том смысле, как это понимают представители гештальтпсихологии, а с учетом краткосрочной перспективы, приоритета собственных интересов, т.е. выиграть «здесь и сейчас».

В произведениях Макиавелли воображения наблюдается меньше, чем рассудка, отсюда его практицизм, граничащий с цинизмом. Возможно, поэтому и в отношении морали Макиавелли превозносит мораль вообще *(абсолютную мораль)*, в то время как в обыденной жизни, по свидетельству его биографов, он перешагивал через неё. Он всё же был «дитя своего времени». Однако он отдаёт себе отчет в том (в противном случае не было бы и его сатирических произведений и др.), что без нравственных основ, без соблюдения норм морали невозможно построить государство, созданное людьми именно для борьбы со злом. То государство, к которому все так стремятся и которое способно до известной степени смягчить страдания людей.

Никколо Макиавелли не утверждает мысль о разделении понятий «мораль» и «нравственность», но в его трудах просматривается зарождение первых ростков этой идеи. Идея о вечном «споре добра и зла», о «высшем нравственном императиве», о «позволительности зла ради спасения добра», столь откровенно прозвучавшая в его трудах, в последующие века дала благоприятные всходы именно благодаря спорам и дискуссиям мыслителей сначала в рамках философии, этики, политологии, а уже позднее– и в психологии. Если мораль подразумевает наличие внешнего оценивающего субъекта (другие люди, общество, церковь), т.е. мораль социально

обусловлена и всегда соотносится с определенной группой, с её предписаниями и нормами, то нравственность имеет универсальный и безусловный характер, т.е. она не является продуктом договорённостей или соглашений. Нравственность не выражается в конечных, конкретных нормах и формах поведения. Видимо поэтому Макиавелли и уповает на *сильного* во всех отношениях этого слова государя. Сильного духом – значит не только волевого, умного, но и *нравственного*, и такой государь может появиться даже в несовершенном государстве.

В большинстве же своем критики унаследовали от своих предшественников воззрение на Макиавелли как на писателя, считавшего всякое средство дозволенным, как скоро оно ведет к желанной цели. Макиавелли обвиняли в аморализме самого примитивного толка, которого было предостаточно не только в эпоху Возрождения, но и во все последующие века. А.Ф. Лосев объясняет это как естественное следствие эгоистических устремлений личности, которая перестала чувствовать над собой давление абсолютной божественной воли, карающей и дарующей благодать, и которая в духе нового мировоззрения стала рассматривать потребности своей низшей натуры достойными внимания и удовлетворения [117].

Итак, ввиду двойственности характера интерпретации первоисточников («Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «История Флоренции» и др.) и смещения в понимании того, что описано «как реальность», и того, чего «хотелось бы» иметь на самом деле, в современных психологических исследованиях проблемы макиавеллизма обнаруживаются такие же противоположные тенденции. Это объясняется также тем, что в самом тексте различных работ Макиавелли (например, «Государь» и «История Флоренции») обнаруживаются противоположные взгляды, которые и приводят в замешательство некоторых исследователей – «так что же на самом деле хотел сказать нам Макиавелли?». Между тем главный тезис, который он выносит на обозрение читателя, – это *реальное общество, в котором живут реальные люди.* Он представляет человека – реального, которому присуще ***всё живое***, а не как абстракцию или некое идеальное существо. Как одного из представителей «Века разума», его волнует вопрос о человеке: его месте в обществе и мироздании. Он также пытается определить добродетели и пороки, наклонности и странности, нравственные искания и падения людей. Представления Макиавелли о двойственности человеческой природы в дальнейшем поддерживали и развитием теоретического знания не только в философии, но и в области психологического знания.

2.3. Основные принципы операциональной аналогии в исследовании феномена макиавеллизма

Согласно макиавеллиевой логике, *добродетель* – это характер, воля, а *порок* – непоследовательность, боязливость, колебания. Бесспорно, что урок из этой сентенции, сформулированной в столь общем виде, могут извлечь все – и добрые люди и плуты. Поэтому неудивительно, что одни считают учение Макиавелли и его основной труд «Государь» сводом законов для тиранов, а другие – кодексом свободных людей. Видимо поэтому почти всегда исследователи данного феномена априорно выбирали одну из установок – поиск положительных или отрицательных особенностей макиавеллистов.

В первом случае макиавеллизм определяется как модель поведения, включающая манипуляцию другими посредством коварства, хитрости, обмана и оппортунизма, центральным мотивом которой является усиление власти и контроля. Во втором же случае ограничиваются лишь описательной характеристикой макиавеллистов: они «очаровательны, являются хорошими лидерами и достигают больших успехов в бизнесе» [318].

При описании макиавеллистской личности ученые также прибегают к характеристикам, содержащим как положительные, так и отрицательные особенности**.** Такое противоречивое описание наблюдается в психологической литературе и при определении понятия «макиавеллизм». Макиавеллизм – это «убеждение субъекта в том, что при общении с другими людьми ими *можно и даже нужно манипулировать»:* эту часть определения можно отнести к социально неодобряемому поведению. Макиавеллизм также предполагает «наличие у личности конкретных *навыков и умений* манипулирования»: эту часть определения можно отнести к положительному явлению, необходимому человеку для успешной деятельности. Интенсивные эмпирические исследования на протяжении последних десятилетий в области изучения феномена макиавеллизма в психологии показали, что понятие это – неоднозначно и противоречиво по природе своей и по форме проявления. Изучение этой проблемы выстраивается на основе вроде бы абсолютно противоположных тенденций, однако все они логически согласованны с теоретическим наследием Макиавелли. В целом, в настоящее время исследования проводятся в рамках трех направлений: социально-психологического, клинико-психологического и эволюционного, с обозначением еще двух тенденций.

Одну из этих тенденций можно охарактеризовать как поиск положительных особенностей макиавеллистов, или как *критерий успешности психосоциальной адаптации*, в рамках которой макиавеллизм характеризуется как *свойство личности, присущее лидеру*, а вторую – как поиск отри-

цательных свойств макиавеллиста, или как индивидуальную особенность, приводящую к *личностным дисфункциям*, и *фактор иммoрализма*. Эти две тенденции основаны, во-первых, на установках исследователей, которые и определяли, в контексте каких психологических феноменов в дальнейшем исследовался данный феномен и как, в конечном итоге, он оценивался. Во-вторых, они отражают сложность самого предмета изучения – феномена макиавеллизма, в котором находит своё отражение представление о двойственности человеческой натуры.

Известно, что человек – существо не только многостороннее, многомерное и сложноорганизованное, но в то же время являющееся и бесконечной реальностью. Реальность эта обусловлена не столько природными и социальными особенностями человека, сколько в большей степени культурно-историческим контекстом его проявления. Это отразилось также на восприятии трудов Макиавелли и на определении термина «макиавеллизм личности». Известно, что идеи Макиавелли в своё время не показались его современникам ни новыми, ни слишком дерзкими, поскольку в них было сформулировано то, о чем все смутно догадывались, но мало кто решался сказать об этом вслух. В процессе интерпретации феномена, впоследствии названного «макиавеллизмом», комментаторы его трудов вкладывали также своё содержание, порой диаметрально противоположное. Таким образом, в процессе изучения интересующего нас феномена исследование должно строиться по принципу «многоуровневой системы разнопорядковых свойств, что свойственно системному анализу» [116].

Кроме того, следует учитывать тот факт, что в ходе истории возникают и варьируют ценностные ориентации, идеологии, мифы, которые то выступают по отношению друг к другу как противоборствующие, то сливаются друг с другом, создавая новые значения и смыслы. Следовательно, в рамках анализа социально-психологических представлений о природе феномена макиавеллизма необходимо учитывать *контекст* как родовых, национальных и межнациональных, так и социально-экономических отношений. Макиавелли даёт четкие указания на этот счет, например, «как управлять городами или государствами, которые до того, как были завоеваны, жили по своим законам» [124, с. 62-63] и др.

В сфере индивидуальных символов человека необходима некая система, позволяющая его сознанию, эмоциям и нравственности обладать определенной константой, способствующей сохранению чувства личности, целостности «Я». Со времен Л.Леви-Брюля [111] научными изысканиями установлено, что «человеческое сознание гетерогенно – оно складывается из различных по происхождению составляющих» [167].

Во-первых, оно зависит от ***условий жизни*** и особенностей сложившихся форм реализации человеческого духовного потенциала. То есть, истина о человеке как социальной единице (родовом индивиде), о человеке как личности может быть раскрыта объективно лишь через исследование его прошлого – *истории человечества*, его сегодняшнего дня и предвосхищения будущего развития человеческого рода. Макиавелли также в своих трудах, описывая события, свидетелем которых он сам являлся, постоянно сопоставляет их с известными фактами из истории человечества. Во многих его высказываниях звучат «отголоски древней мудрости» и обращение к будущему – «в назидание молодому».

Во-вторых, при изучении феномена макиавеллизма следует учитывать, что общественное сознание, как и ***индивидуальное,*** гетерогенно. Наряду с научным знанием в нем заключены и житейские представления, *социальные стереотипы*, характеризующиеся той или иной степенью истинности, в нем присутствуют также *суеверия и предрассудки*. Последние также передаются из поколения в поколение и отражают определенные исторические национально-культурные формы общественного сознания. Например, в *сравнительно-культурной* психологии изучение личности чаще всего сводится к анализу взаимосвязей между отдельными, изолированными личностными конструктами и культурными переменными.

Причины такого положения с точки зрения ряда авторов заложены в приверженности «западной» модели человека с её априорной *дифференцированностью* – суммой личностных черт, иерархией потребностей и мотивов и т.п. [27]. В разных культурах сравниваются такие считавшиеся стабильными характеристики личности, как мотивация достижения, тревожность и т.п. Весьма многочисленны исследования локуса контроля, т.е. качества, характеризующего склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности либо внешним силам (экстернальный, или внешний локус контроля), либо собственным способностям и усилиям (интернальный, или внутренний локус контроля) и др. По такому же принципу строятся и современные исследования феномена макиавеллизма.

В-третьих, при построении программы исследования феномена макиавеллизма следует также учитывать тот факт, что определенные ***формы деятельности*** небольших социальных групп порождают свои специфические, только им присущие «конфигурации» сознания людей, реализующих эту деятельность. Так, например, известно, что работники отделов кадров и руководящие работники, либо тренер спортивной команды, отбирающий игроков, или следователь, ведущий дознание, официанты и шоферы такси – все они обладают своей системой значений, организующихся в «эта-

лоны» и «стереотипы» и образующих тем самым некую категориальную сетку, сквозь призму которой они выделяют в ситуации, в другом человеке значимые для их деятельности признаки. Причем эта система значений не обязательно эксплицирована в словесных понятиях, но она может быть «задана в системе образов, правил поведения» [141]. Например, понятие чести, долга и другие этические категории также имеют свою когнитивную представленность, которую Дж.Келли назвал «личностными конструктами» [287]. В проблеме исследования феномена макиавеллизма это особенно важно, так как его понимание и интерпретация руководителем организации существенно отличаются от тех, которые ему дают учитель, художник или домохозяйка.

Конструкты как концепты отражают внутренний мир человека и определяются в большей степени не объективной реальностью, а функционированием конкретного языка. Так В.В. Колесов предлагает следующую шкалу нравственных ценностей для русского этнического сознания, для которого *совесть* («то, что соведает один Бог» важнее *чести* («части, исходящей от окружающих людей, то есть понятие корпоративного), *стыд* («что студит душу», то есть внутреннее ощущение) сильнее *срама* (то есть позора перед людьми), а *святость* (как внутреннее состояние) неизмеримо выше *геройства* (как внешнего поведения) [98, с. 123].

Самосознание индивида, осознание им жизненных целей и мотивов, характера его отношений с другими людьми также входит в этот интегральный уровень регуляции личности. В расширяющемся взаимодействии субъекта и объекта отражается структура последнего, а в соответствии с ней складывается новое и совершенствуется уже возникшее в психологическом строе индивида, поэтому базовые процессы развития Человека, как нам их представляет Макиавелли – взаимодействие и отражение, – также следует рассматривать с точки зрения такой парадигмальной установки, как **гносеологизм**.

Следующее, на что следует обратить внимание при организации исследования феномена макиавеллизма, это то, что субъект согласует систему своих личных качеств (чувств, мотивации, воли) с системой объективных условий и требований решаемой задачи с учетом своих индивидуальных особенностей (возможностей и недостатков). Мотивационные образования детерминируют состояние индивида и особым образом организуют психические явления, тем самым они придают им функциональное назначение, определяют место в динамике поведения. «Полет мысли, смелость и самостоятельность в принятии решений, отвага и неустрашимость в действиях, умение безотчетно отдаваться идее, пренебрежение к предрассудкам – все это дается лишь человеку, в

котором возобладала сильная страсть. Страсть – это тот рычаг, который движет человеком и воодушевляет его к великим подвигам. Не будь страстей, человечество остановилось бы в своем развитии», – так высказывается Эльвециус (Гельвеций), вдохновленный идеями Макиавелли о природе человека [274].

Другим принципом построения исследовательской программы феномена макиавеллизма является процессуально-**динамический,** или **функциональный** принцип, позволяющий изучать мотивационную динамику личности, включающий процессы опредмечивания потребностей, символизации неосознаваемых влечений и предметной категоризации мотивов.

Еще одна характеристика человека как субъекта деятельности, которую необходимо учитывать при изучении феномена макиавеллизма, – это его *позиция.* Позиция проявляется как «комплексная характеристика психологических режимов деятельности в соответствии со способностями, состояниями, отношением субъекта к задаче, стоящей перед ним, а также со стратегией, тактикой её решения, т.е. объективной динамикой деятельности (событиями и фрагментами)» [2, с. 306].

Развитие активности субъекта как творца своей жизни закономерно предполагает признание им других людей как *равноправных субъектов*, обладающих теми же правами, что и он сам. Тактику поведения определяет позиция человека в системе межличностных отношений, при которых неизбежно возникают противоречия между личными интересами и желаниями других людей. Исходное условие человеческого общения с точки зрения этики и психологии предполагает доверие к другому человеку, способность личности говорить и отстаивать истину. Позиция правды «должна давать простор для личного выбора и потому исключает ложь во имя сглаживания расхождений в отношениях и общении – это отсутствие притворства, готовность разрешить противоречия и мужественно идти на них» [2, с. 231-232].

Двойственность личности приводит ко лжи, к затушёвыванию противоречий, к стремлению выдать свою позицию за общую, маскировке истинных целей и намерений. Это неизбежно приводит к двойственности поведения. Такой способ установления и сохранения отношений при его внешней гладкости оборачивается моральными издержками, раздвоением или деградацией личности. Поэтому отстаивание правдивых отношений есть утверждение личностью этического в жизни, в способе общения с людьми. Речь идет не просто о «соблюдении» этических норм и идеалов в поведении, а об «отстаивании» подлинно нравственных отношений. Следовательно, считать трактат «Государь» однозначно – «кодексом тиранов», а Николло Макиавелли – вдохновителем имморализма можно лишь в случае

предвзятой интерпретации. Ведь главным его лозунгом было: «Говорить Родине правду!», а в таком случае «на зеркало неча пенять, коли рожа крива». Несогласие с очевидностью мало волнует лишь человека с однонаправленностью интересов, для которого типична фраза Гегеля, сказанная в ответ на указание некоторого несоответствия его философской теории действительности: «Тем хуже для действительности».

При построении теории анализа феномена макиавеллизма следует учитывать тот факт, что системный подход не всегда способен обеспечить решение специально психологических проблем [199], поэтому изучение данной проблемы предполагает анализ и с точки зрения ***личностного подхода***. Многие аспекты этого подхода связаны с постановкой целей и созданием отражающих образов: например, «Собеседник лжив или правдив», «Я хочу здоровья или денег», «Все люди хороши или плохи» и т.д. То, что человек считает своими *жизненными целями* – карьера, духовные искания и др., может быть лишь средством достижения каких-либо более глубоко спрятанных целей.

А.В. Брушлинский считает, что развитие и проявления человека как субъекта является и сознательной, и бессознательной активностью [38]. Поэтому человеку следует ответить на вопрос, для чего нужно то, что он хотел бы иметь, поразмышлять о степени *истинности целей/желаний* (с минимизацией влияния фактора социальной престижности), рассмотреть цели с точки зрения ***нравственно-психологических принципов***. Связано это с «высшими устремлениями сердца», заботами о благополучии, о соответствии целей смыслу жизни и т.д. Как считает А.А. Гостев, можно годами обманываться относительно целей, которые на самом деле вредят «сущностному Я» [56]. Каждый должен определиться, зачем он живёт (чтобы служить людям, наслаждаться жизнью и т. д.) и в соответствии с этим определить, чего он реально хочет, помня о высшем нравственном критерии.

В философско-психологической литературе (П.А. Флоренский, Л.С. Выготский, М.М. Бахтин, М. Мид, Д.С. Брунер, В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов, Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев, А.А. Гостев, Н.Букун, Е.Т. Соколова, А.Паниш и др.) творчески-созидательный характер жизнедеятельности личности человека обосновывается его многообразием связей и отношений со всем универсумом человеческой культуры [153], [50], [25], [129], [36], [81], [35], [158], [56], [164], [227] и др. Именно поэтому при изучении феномена макиавеллизма одним из наиболее сложных и противоречивых моментов является категоризация «правды/истины» и «справедливости/заботы». Реализовать данное направление исследований возможно

посредством такого методического аспекта решение этой проблемы, как рефлексия ***опыта*** и ***интуиция***.

Личностное содержание встроено в пространство природного и социального мира как транссубъектное, как производное от исторического взаимодействия и суммирования деятельностей множества исторических субъектов. Оно представляет собой в высшей степени сложную совокупность общественно-исторических норм и ценностей человеческого общежития, рефлексированных в живых образцах культуры. Люди могут как-то оценить свой опыт, но при этом они опасаются неправильной самоинтерпретации. Обычно считается, что правильную интерпретацию сопровождает легкое чувство. Тяжелое же чувство говорит «о непопадании в цель». Однако, исходя из положения о роли и значении «психологических защит», можно сказать и обратное: чем труднее интерпретация, тем более важная информация скрыта в интерпретируемом образе. «Чувство легкости» служит знаком возможного пребывания в иллюзорности и тогда «тяжелое чувство» становится *позитивным знаком* следования в более правильном направлении самопознания, указывая на то, что затронута некая значимая информация. При этом следует помнить и о положительном значении защитных механизмов осознания образа-Я. Тем самым, «тяжелые чувства» могут быть сопротивлением как осознанию чего-то полезного, так и вхождением в информацию, деструктивную для человека.

Критерий «легкости» и «приятности» образа, как пишет А.А. Гостев, может свидетельствовать о пребывании человека в состоянии «прелести», а люди в прелестном состоянии *утрачивают способность осознавать свои заблуждения* [56]. Для различения прелести как минимум необходимо знание о ее существовании [12]. В этом плане вспомним мысль выдающегося американского психолога У.Джемса о том, что образы дают некие «психические обертоны» к главному содержанию сознания [66].

Советский теоретик психологии А.Н. Леонтьев рассматривает индивидуальное сознание как систему значений, в единстве с другими образующими – чувственной тканью и личностным смыслом [113]. Подчеркивается двойственная природа значения: оно выступает и как единица *общественного* сознания, и как образующая *индивидуального* сознания. Представление о значении как единице общественного сознания, кристаллизующей совокупный общественный опыт, относится в первую очередь к его разным понятийным формам, к формам фиксации общечеловеческих знаний, основанных на представлении Л.С. Выготского о знаковой опосредованности высших психических процессов [50]. Развивая данные положения, В.П. Зинченко в структуру сознания включает бытийно-действенный (биодина-

мическая ткань и чувственная ткань образа) и рефлексивно-созерцательный слой (значение и смысл) [79].

Понятие ***смысла*** выражает укорененность индивидуального сознания в бытие человека, в то время как ***значение*** выражает её подключенность к общественному сознанию. Смысл связывает значение с реальностью самой жизни человека в этом мире, с её мотивами и ценностями. Смысл создаёт пристрастность человеческого сознания. При решении человеком сложных жизненных задач наблюдаются и противоположные, и циклически совершающиеся процессы, состоящие в означивании смыслов и осмыслении значений. Означить смысл – значит *задержать реализацию* программы действий, мысленно проиграть её, продумать. Осмыслить значение – означает *извлечь урок* из осуществленной программы действия, взять её на вооружение или отказаться от неё, начать искать новый смысл и в соответствии с этим строить программу действия. Именно эти два процесса Макиавелли демонстрирует нам с такой виртуозностью в свои трудах, когда речь идет о том, как поступил или должен был бы поступить государь. Проблема поиска означивания смысла соприкасается также с такой темой, как *принятие решений*, разработки которой происходят особенно интенсивно в психологии познания и психологии личности.

Эпоха постмодернистских течений включает в круг наиболее острых и актуальных проблем моральное развитие, становление нравственного самосознания личности. В зарубежной психологии это направление представлено исследованиями моральной регуляции выбора, в частности на материале дилемм, сталкивающих *ценности* и *смыслы* разного плана и уровня. Экспериментально проверяются модели когнитивной регуляции выбора [97], [105], поставлены проблемы личностной регуляции выбора [7], [101], [44]. Однако является ли это выбором между *мотивами* или процессами актуалгенеза личностных *возможностей* человека в выборе, или моральным выбором – это всегда нечто большее, чем проявление интеллектуальных возможностей или мотивационно-смысловых предпочтений. **Моральный выбор** совершает полноценная личность, обладающая самосознанием, которое нельзя сводить к функционированию одноуровневых регулятивных систем. Конструктивный и постпроизвольный характер морального выбора подразумевает не только проявление присвоенных личностью морально-этических норм, но и связывание их с образуемыми личностными ценностями, самостоятельно взвешиваемыми – обдумываемыми – в каждой ситуации (как личностная цена того или иного выбора).

Человек совершает выбор на основе тех представлений, которые у него сложились относительно понимания им того, что такое моральная норма.

По Иммануилу Канту, моральные нормы предписывают следующему им человеку не цель, не конкретное содержание деятельности, а только определенную форму – *форму всеобщей закономерности* [92]. Вследствие этого для решения вопроса, принадлежит ли обсуждаемый поступок к числу нравственных или безнравственных, необходимо расценивать его с точки зрения, мог ли бы он стать всеобщим законом поведения человека в обществе. Если такое возможно, то он будет нравственным, в противном же случае – безнравственным.

Н.О. Лосский, анализируя взгляды Канта, пишет: «Примеры … легко найти, рассматривая нарушения правила «не лги». Кант, сторонник риторической морали, не допускает никаких исключений из этого правила, даже и взятого в его отвлеченной всеобщности. В статье «О мнимом праве лгать из любви к человеку», рассматривая вопрос даже и не с нравственной, а с правовой точки зрения, он говорит: «Правдивость в высказываниях, которых нельзя избежать, есть формальный долг человека в отношении к каждому человеку, хотя бы и могли возникнуть от нее вредные последствия для него и для других». Этот долг Кант обосновывает указанием на то, что ложь подрывает доверие к высказываниям, а следовательно, и ко всем правилам, основанным на договоре. Таким образом, по мнению Канта, даже и в том случае, когда убийца спрашивает, в нашем ли доме друг наш, которого он хочет убить, мы обязаны сказать правду» [119, с. 290].

В деятельностном подходе моральное развитие понимается как процесс усвоения личностью моральных социальных норм, образцов, эталонов, способов поведения (Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, П.Я.Гальперин, Л.И.Божович, С.Г.Якобсон и др.). Такое усвоение осуществляется в деятельности через их осознание, сознательное принятие, переживание, обретение личностных смыслов для самого человека. Нравственное развитие рассматривается как формирование и становление положительных черт личности в ходе формирования нравственных действий, ориентированных на образец поведения как процесс усвоения заданных обществом образцов поведения в ходе активной деятельности. Ряд авторов рассматривают моральное развитие как «процесс становления *субъектной моральной саморегуляции»* [200].

Другие в качестве регуляторов и механизмов морального развития выделяют «*социальные эталоны»* как познавательно-эмоциональные обобщения, постигаемые через рассудочное и эмоциональное общение. Моральная норма как кристаллизация социокультурного нравственного опыта, обобщает С.В. Молчанов, не только воплощает императив морального поступка, но и дает его обоснование [130]. В нравственном развитии это наиболее выражено проявляется относительно принципа *справедливости* или *прин-*

ципа заботы, которые определены историческим опытом, общественным ценностным сознанием и сложившейся практикой социального взаимодействия или сотрудничества, в целом – типом культуры в диапазоне от коллективистического до индивидуалистического полюса.

Итак, если постараться выделить в качестве основных принципы, по которым выстраивается всё учение Макиавелли, то, во-первых, можно назвать принцип *объективного* исследования и, во-вторых, принцип *детерминизма.* Без учета этих принципов трудно представить себе любое фундаментальное исследование, поэтому и исследование феномена макиавеллизма должно подчиняться им.

Принцип детерминизма в психологии наиболее точно сформулирован в прошлом веке выдающимся психологом-философом С.Л. Рубинштейном, который говорит о том, что «внешние» факторы действуют лишь через «внутренние» условия [150]. Гештальтпсихологи назвали бы этот принцип как то, «что снаружи, то и внутри» (М.Вертгеймер), а представители вюрцбургской школы – «детерминирующей тенденцией» (Н.Ах). Исходящая из цели детерминирующая тенденция определяет направленность *мыслительной стратегии*, в которой эксперимент (у Макиавелли можно назвать его как «естественный» и «социальный») выступает как способ, доказывающий что-то в объекте, т.е. как орудие доказательства. Изучаемые явления вполне могут быть описаны в логике причинно-следственных отношений, но при этом необходимо постоянно учитывать еще, по крайней мере, три типа детерминации: *целевую, ценностную* и *смысловую.*

Основная идея, пронизывающая все произведения Макиавелли, – это реабилитация земной жизни. Мыслитель стремится к тому, чтобы придать земной жизни не только цель, но и смысл, он пытается пробудить в людях сознание, разбудить внутренние силы, возродить деятельного человека. Каждому человеку назначено выполнить свою миссию на земле в соответствии с его возможностями. «Жизнь – не игра воображения и не созерцание, не теология и не искусство. Жизнь на земле имеет свой серьёзный смысл, свою цель, свои средства» [65].

Эллинская мудрость «Познай самого себя» призывает к весьма тяжкому, но необходимому и благодатному труду: раскрывая пружины своего поведения, осознавая подспудные мотивы и влечения, обучаясь рационально управлять своими чувствами, мы продвигаемся по пути совершенствования. Древнегреческий философ Сократ вывел блестящую форму «ума» и «глупости» человеческих: «Я знаю, что ничего не знаю, а другие не знают даже этого». Между тем, мы постоянно лжем не только другим, но, в первую очередь, мы лжем самим себе. Сфера нашей лжи практически ничем не

ограничена: мы лжем в описании событий, отдаленных от нас в пространстве и времени, в объяснении поведения других людей, в своих глубинных мыслях и чувствах и так далее.

Одной из центральных проблем методологии гуманитарных наук стала в последние два десятилетия проблема ***понимания (или герменевтика***). Многие психологи сконцентрировали своё внимание на анализе организации структур знаний субъекта, с которыми соотносятся события текста. Некоторые называют такие структуры *схемами,* другие макроструктурами и фреймами. В этом случае считается, что быстрое понимание и решения возникают тогда, когда внешняя репрезентация структуры задачи более всего соответствует её внутреннему представлению, что понимание является «объединенным продуктом входящей информации и предыдущего знания». В логике пониманием называется введение выражения в непротиворечивую логическую систему и установление его связи с элементами системы. Психологи же при изучении семантического аспекта понимания основное внимание уделяют проблеме так называемой смысловой обработки, т.е. конструированию понимающим семантического представления объекта понимания [172]. Понятие «конструирование» введено Джорджем Келли, отвергающим идею о существовании абсолютных, конечных истин, касающихся происходящих в мире событий. Вместо этого, полагает он, существуют различные интерпретации событий, и никто не обладает монополией на истину, поскольку ни один человек не может получить доступ к истине или реальности, не взглянув на неё или не сконструировав её определенным образом. Келли назвал эту позицию конструктивным альтернативизмом (*constructive alternativism*) [288]. Эта идея не означает, что конструкция истины или реальности произвольны или что люди заперты в своем собственном мире, оторваны от других людей. Скорее люди устанавливают определенную связь с миром и окружающими посредством своих личных конструктов, и одни конструкты выполняют эту задачу более эффективно, чем другие.

Аналогичной точки зрения придерживался М.М. Бахтин. Он писал: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [25, с. 350]. Известный историк и философ Р. Дж Коллингвуд также считает, что смысл любого исторического события можно определить, только установив, на какой вопрос (вопросы) оно может служить ответом [99]. Вследствие этого в историческом исследовании нельзя утверждать, что один древний текст противоречит по смыслу другому, если не доказано, что авторы обоих текстов отвечали на один и тот же вопрос. В такой субъективной форме знания об объекте представляются в сознании.

С.Л. Рубинштейн отмечал, что в силу единства сознания и деятельности различие в психологической природе акта деятельности сказывается и во внешнем его протекании, поэтому существует некое соотношение между внешним протеканием процесса и его внутренней природой [150, с. 466-470]. Однако каждый отдельный изолированный акт поведения допускает обычно различное психологическое истолкование. Внутреннее психологическое содержание действия раскрывается обычно не из изолированно взятого акта, не из отдельного фрагмента, а из системы деятельности. Лишь учитывая *деятельность* индивида, а не только какой-нибудь изолированный акт, и соотнося её с теми конкретными *условиями*, в которых она совершается, можно адекватно раскрыть то *внутреннее психологическое содержание* действий и поступков, которое может быть высказано и может быть утаено в высказываниях человека, но обнаруживается в его действиях.

Поскольку образ мыслей людей определяется образом жизни, а сознание – общественной практикой, методология психологического исследования макиавеллизма должна опираться одновременно как на социально-исторический анализ данного явления, так и на принцип *индивидуализации*, который позволяет раскрыть специфические психологические закономерности проявления данного феномена. Принцип индивидуализации тесно связан с положением о том, что расшифровка и правильная интерпретация внешних данных требуют обязательного изучения *конкретной личности в определенной ситуации*. Из этого принципа следует, что один и тот же внешний результат может иметь самое различное психологическое содержание в зависимости от того, в какой конкретной ситуации он имел место. Заслуга Никколо Макиавелли состоит в том, что на конкретных примерах истории он показал, как именно эти принципы действуют. Системный, строгий научный подход отвечал логическому, рациональному стилю, который отличал его собственное мышление и его сочинения.

Макиавелли продемонстрировал действие научных принципов раньше, чем они были сформулированы в науковедческих работах или в методологии одной из конкретных социальных наук. Он показал, что задача любого научного исследования заключается не в жизнеописании отдельного индивида в его единичности, а в том, чтобы от *единичного* перейти к *всеобщему*, от *случайного* – к *необходимому* и от *явления* – к *существенному* в нём.

Итак, сочинения Макиавелли свидетельствуют о начале новой эры в развитии не только политической философии Запада, но и зарождающейся в рамках философии такой науки, как психология человека, которой еще только предстоит долгий путь развития. Со страниц многочисленных исследований, посвященных Макиавелли, он предстает перед нами главным

образом как первый представитель совершенно нового понимания государства, политики морали и человека, отношения ценностей национального развития к моральным и религиозным ценностям. Размышления над проблемами политики привели его к выводу о том, что область политической деятельности должна была перестать регулироваться нормами богословия или аксиомами нравственности. Основа жизни, а следовательно, и науки по Макиавелли – это Nosce te ipsum, то есть *знание* мира в его реальности. Макиавелли пытался именно *понять* этот мир.

Процесс понимания, как отмечает М.Бубер, – это не ментальный, рассудочный акт, оперирующий прошлыми знаниями. Он требует полного нашего присутствия в ситуации в момент понимания. Мы проживаем опыт, мы говорим миру «Ты» всем своим существом [40]. В этот момент мы предстаем перед тайной мира один на один – без защит, не беспокоясь за имидж, не прикрываясь социальными рамками, прошлыми знаниями и стереотипами и т.д. Того, что мы не переживаем, не проживаем подобным образом, мы не можем понять: невозможно извлечь опыт, не испытав его. Понимание связано со способностью переживать полноту бытия. Макиавелли, как мы видели ранее, именно переживал свой опыт во всей своей полноте, и принимал его таким, каков он есть. Возможно поэтому, Ф.де Санктис, описывая стиль изложения мыслей у Макиавелли, замечает, что он очищает свою прозу от малейших элементов абстракции, этики, поэзии [65]. Взирая на мир с сознанием своего превосходства, как бы провозглашая: «Nil admirari» («Ничему не удивляться», *лат*.). Однако в этом проявляется не его отстраненность, а напротив, его стремление понять Другого «как ничего общего не имеющего с нашими логическими возможностями» [126].

Макиавелли берется за тему сразу, избегая перифраз, описательных оборотов, отступлений, многословных доводов, цветистых фраз, образных средств выражения и украшений, видя в них препятствия на пути к пониманию. В то время как манипулятивные техники предполагают именно такой стиль изложения информации, используя их в качестве средства, для того чтобы «увести» от темы разговора и «запутать» партнера по общению. Макиавелли же избирает кратчайший, а посему прямой путь: не отвлекается сам и не отвлекает читателя. Повествование его – ряд точных и лаконичных предложений и фактов; все «средние идеи», всё эпизодическое отброшено. При описании предмета анализа, он не стремится заполнить пустоты с помощью прикрас, столь любезных «сердцу тугодумов». Эта его лаконичность, стремление резюмировать главное – отнюдь не приём, а результат четкого понимания сути вопроса, который он стремится разобрать.

Понимание, как утверждает М.К. Мамардашвили, возможно лишь здесь и сейчас, в ситуации, когда происходит событие [126]. И если есть смысл, то только в этой точке сознания, и мы не можем ничего автоматически перенести из нее в будущее. Мы можем извлечь опыт только тогда, когда мы имеем опыт (извлечь смысл события, когда оно происходит), ибо потом, вспоминая о событии на ментальном уровне, мы имеем дело не с реальностью, а с её неточной, зачастую искаженной ментальной копией. То «Я», которое вспоминает, не есть живое «Я», которое испытывает опыт. Кроме того, есть различие между испытывающим «Я» и понимающим «Я», то есть «между мной и мной самим большая разница». Если не произошло правильного понимания, то последующее знание не поможет понять испытанный когда-то опыт, а прежний – так и останется травматичным.

Понимание также всегда продуктивно: даже если, оно не всегда создает какое-то содержание. Опыт, чтобы быть извлеченным (понятым, осмысленным), обязательно должен быть извлечен в какой-то структуре, то есть быть артикулирован, хотя бы внутренне, иначе мысль замрет на пороге понимания [126]. Именно так поступает Макиавелли, когда описывает события, свидетелем которых он был сам – он стремился не просто изложить факты, но и понять, что произошло и к чему это привело, и не абстрактно, рассудочно, а именно с определенной целью – в «назидание молодому» и в качестве «совета достойному».

Таким образом, общая стратегия изучения проблемы макиавеллизма личности в силу своего общего характера может быть реализована лишь в комплексных и систематических исследованиях, в ряде дополняющих их циклов, как в области психологического исследования, так и в области философии, общественно-исторического познания и др.

2.4. Современные интерпретации термина «макиавеллизм»

Выделение проблематики макиавеллизма в качестве самостоятельной в рамках психологии *индивидуальных различий* произошло в 60-х годах XX века, когда американские социальные психологи Р.Кристи и Ф. Гайс в 1970 году обобщили имеющиеся данные в виде «Общей модели поведенческих проявлений» [239]. В рамках своего исследования они провели контент-анализ трактата Н.Макиавелли «Государь» и на его основе создали психологический опросник макиавеллизма «Mach». Субъекту предлагается согласиться или не согласиться с серией утверждений, большинство из которых фактически являются прямыми цитатами из трудов Макиавелли. Следовательно, психологические исследования в данной области стали

возможны благодаря появлению психологического инструментария, позволяющего измерить уровень «макиавеллизма» в структуре личностных черт. Первоначально были созданы две шкалы макиавеллизма – «Mach-IV» (Christie et Geis, 1970), известная в русском варианте как «Мак-шкала IV» (в апробации В.В. Знакова, 2001) [84], и «Kiddie's Mack Scale» – вопросник, предназначенный для оценки «макиавеллизма» в детском возрасте (Kiddie Mach Test; Christie et Geis, 1970), затем появились «Mach-V» и «Mach-VI».

С помощью этих методов анализа предположительного мнения и представления людей о так называемых качествах личности «макиавеллиста» начались интенсивные психологические исследования. Однако при рассмотрении данного «понятия» (концепта) необходимо учитывать, что понятие «макиавеллизм» – это явление историческое, и его оценка предполагает объективный и критический подход с целью выявления слабых мест и ограниченности применительно к современной не только политической, но и психологической проблематике. Итак, на данном этапе анализа проблемы феномена макиавеллизма отметим следующие определения.

Под **макиавеллизмом** понимается образ политической деятельности, не пренебрегающей любыми средствами ради достижения поставленной цели, основанной на убеждении в том, что манипулировать при общении с другими просто необходимо, что манипуляция – не только естественный, но и наиболее эффективный способ взаимодействия. Несмотря на то, что в целом понятие «макиавеллизм» отражает совокупность политических взглядов, с психологической точки зрения для нас интересны следующие идеи:

- положение о *постоянстве* и *несовершенстве* человеческой природы, которая определяющим образом воздействует на характер и динамику жизни общества;
- доводы о том, что государство с его интересами является *самоцелью;*
- утверждение о решающей роли в политике *фактора силы;*
- положение о несовместимости политики и *морали*.

Таким образом, макиавеллизм является одним из понятий, характеризующих отношение к другому человеку как к *средству*, которым можно пренебречь в погоне за личным благом. Так как сам человек «несовершенен», а государство в нём не нуждается (самоцель), то для удовлетворения своих потребностей и реализации целей человек может применить «силу» и «пренебречь» нормами морали.

В целом, все это указывает на то, что в психологических исследованиях проблему «макиавеллизма личности» следует изучать в рамках проблемы

природы и *сущности* человека, его *общественно-социально-политической* и *нравственной* природы. Перед исследователями в этой области встает также вопрос о «сильной личности» – *лидере,* о проблеме *эффективного лидерства* и об определении в этом контексте понятий «*нормальности», «адаптивности»* и *«девиантности»*.

Западные психологи, с середины прошлого столетия интенсивно занимавшиеся данной проблемой, называют **макиавеллизмом** склонность человека манипулировать в межличностных отношениях другими людьми. Речь идет о таких случаях, когда субъект, скрывая свои подлинные намерения, вместе с тем посредством ложных отвлекающих маневров добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил первоначальные цели своего поведения. Макиавеллизм определяют обычно как *склонность* человека манипулировать в межличностных отношениях другими людьми посредством тонких, или неагрессивных способов, таких как лесть, обман, подкуп или запугивание [208], (*курсив наш – Л.А.*). Несколько иначе макиавеллизм описывается в другой научной работе: «Макиавеллизм – это *стратегия* социального поведения, включающая манипуляцию другими в личных целях, зачастую противоречащая их (т.е. других людей) собственным интересам» [370], (*коммен., курсив – Л.А.*).

В Оксфордском толковом словаре по психологии понятие «макиавеллизм» определяется как описательное определение *моделей поведения*, включающих манипуляцию другими посредством коварства, хитрости, обмана и оппортунизма (*opportunus,* лат. – удобный, выгодный), центральным мотивом которых является усиление *власти* и *контроля* [138], (*курсив – Л.А.*).

В Словаре конфликтолога, изданном в 2009 г., приводится следующее определение: макиавеллизм – это линия поведения в политической деятельности, для которой свойственно *пренебрежение нормами морали* в достижении политических целей, лицемерное и *коварное управление*, манипулирование другими [18], (*курсив наш – Л.А.*).

В Большой энциклопедии по психиатрии, изданной 2012 г. под редакцией В.А. Жмурова, макиавеллизм определяется как *манипулятивные модели поведения*, имеющие целью усиление личной власти и контроля: коварство, хитрость, обман и оппортунизм, то есть *приспособленчество*, соглашательство, беспринципность [77], (к*урсив наш – Л.А.*).

Т.В. Бендас определяет макиавеллизм как «неагрессивное манипулирование людьми, игнорирование их эмоций и потребностей, преследование во взаимодействии с ними своей *личной выгоды»* [28, с. 344], (*курсив наш – Л.А.).*

Как видно из всех этих определений, понятие «макиавеллизм» тесно соприкасается с понятием манипуляция, поэтому выделим лишь некоторые из них, позволяющие установит взаимосвязь этих двух понятий. Итак, понятие манипуляции Е.Л. Доценко определяет как вид психологического воздействия, исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [70]. Данное определение лишено негативной оценки манипуляции, которая присутствует у большинства исследователей (Б.Н. Бессонов, В.Н. Сагатовский Д.А. Волкогонов и др.), также, как и в обыденном сознании людей. В ряде работ, посвященных проблеме манипуляции, отмечается её возможная положительная роль (Р.Гудина, Дж.Рудинова, Э.Шострома). Манипуляция может «производиться (т.е. осуществляться – *Л.А.*) и в интересах манипулируемого» [70, с.53]. Например, для того, чтобы кто-либо другой бросил курить, пить и т.д.

В.П. Шейнов определяет манипуляцию как «*скрытое управление* в целях инициатора, противоречащее интересам адресата воздействия» [191, с. 8]. Под это определение манипуляции подпадают и так называемые «игры».

Согласно определению, данному создателем трансактного анализа Эрика Берна, «игры – это серии коммуникативных ходов, выглядящих вполне правдоподобными и характеризующихся скрытыми, порой нечестными мотивами и наличием выигрыша, содержащими ловушку, какой-то подвох» [32, с. 38]. Автор в качестве различий психологической игры от процедуры, ритуала и развлечения выделяет два важнейших признака: *скрытый мотив* и *наличие выигрыша*. Процедуры могут быть успешными, ритуалы – эффективными, а развлечения – выгодными, но все они честны по определению. В них может присутствовать дух соревнования, но не конфликта, и финал может быть неожиданным, но не драматичным. Напротив, каждая «игра» (психологическая) в основе своей нечестна, и финал зачастую бывает драматичным, а не просто захватывающим.

Берн также отличает игру от такого типа социального действия, как операция. «Операцией принято называть, – пишет автор, – простую трансакцию или набор трансакций, предпринятых с определенной, заранее сформулированной целью. Если кто-то откровенно просит утешения и получает его, это операция. Но если кто-то просит утешения, а получив его, тут же оборачивает его против дающего, это игра. Следовательно, внешне игра напоминает набор операций, но после получения выигрыша становится очевидным, что эти «операции» были на самом деле маневрами; не честной просьбой, а ходами в игре» [32, с. 38].

Рассмотрение В.П. Шейновым манипуляции в качестве частного случая, разновидности *скрытого управления* снимает наблюдаемое противоречие в определении, данном разными авторами. Если действия инициатора производятся в интересах адресата, то это социально одобряемое, созидательное скрытое управление, если же они эгоистичны, то это манипуляция, осуждаемая в общественном сознании.

Часто скрытое управление преследует социально одобряемые цели. Это относится в первую очередь к психотерапевтической и психокоррекционной работе, а также к процессу воспитания: например, когда родитель вместо приказов незаметно и безболезненно управляет ребенком, ненавязчиво побуждая его к полезным для него действиям, касающимся его здоровья, отношения к учебе, труду, к его взаимоотношениям с окружающими и т.д., или когда женщина с помощью женских хитростей скрыто управляет мужчиной, помогая ему избавиться от вредных привычек (злоупотребления спиртным, курения, сквернословия и т.д.). Сюда же относится ненасильственное препятствование негативному влиянию, например – отвлечение от дурной компании. Практика показывает, что в служебных отношениях подчиненные положительно воспринимают ненасильственные методы скрытого управления ими со стороны руководителей. Во всех подобных случаях адресат воздействия сохраняет свое *достоинство* и со временем понимание собственного выигрыша. Такое скрытое управление является *созидательным*, так как чаще всего в выигрыше остаются обе стороны.

Следовательно, скрытое управление может производиться с различными целями и намерениями инициатора. В.П. Шейнов [191] предлагает следующую схему анализа различных видов скрытого управления (*см. рис. 5*).

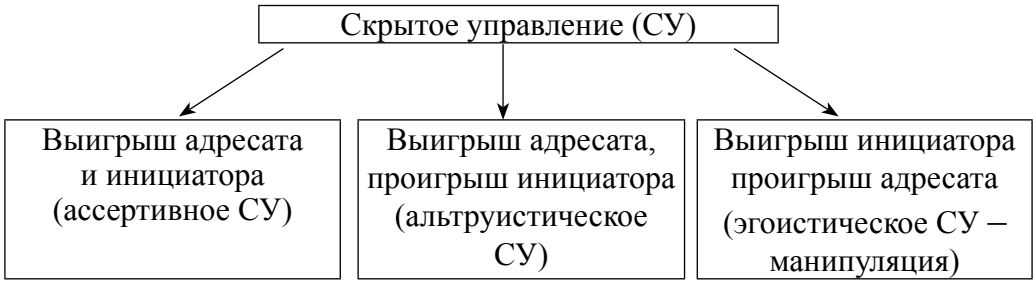

Рис. 5. Виды скрытого управления.

В некоторой степени эта схема напоминает игру «Парадокс заключенных», или «Добрые парни финишируют первыми», описанную в 1976 г. Ричардом Докинзом в книге «Эгоистичный ген», т.е. «причитающиеся мне вы-

платы при различных исходах игры» [67]. Однако в предисловии Р.Докинз предупреждает, что книга не содержит описания поведения человека или какого-либо другого конкретного вида животного. Детали поведения в ней только в качестве иллюстративных примеров. Тем не менее, ход его рассуждений вдохновил немало последователей, а высказанные идеи нашли свое отражение также в проблематике исследования феномена макиавеллизма в рамках эволюционного подхода.

Итак, в определении понятия «макиавеллист» часто фигурирует в качестве основного признака такая характеристика, как склонность личности к манипулированию. Отсюда следует, что понятия «макиавеллист» и «манипуляция» фактически тождественны. Однако при рассмотрении основных направлений исследования феномена макиавеллизма как психологического феномена, а также при анализе учения макиавеллизма в историческом аспекте, мы убеждаемся в том, что данный феномен относится в большей степени к концептуальным.

Определение термина «концепт» чаще всего используется как синоним термина «понятие». В то же время термин концепт (от лат. *conceptus* – содержание понятия) является избыточным по отношению к термину понятие [142]. Такое же соотношение между содержанием понятия наблюдается и в терминах «манипуляция», «макиавеллист» и «макиавеллизм». Можно предположить некую иерархию в формировании данного конструкта, но не на основе исторического развития данного понятия, а из определения концепта как «совокупности потенций, заключенных в словарном запасе языка в целом и в отдельном его носителе» [114, с. 35]. Исходя из этого нам представляется следующая последовательность: «макиавеллизм» = «манипуляция» = «макиавеллист», где «примарный конструкт является первым» [142, с. 76]. В данном случае это «макиавеллизм» как исторический феномен, который исходит от окружающих людей, а «макиавеллист», как «внутренний человечек», находится в системе внутреннего мира, таким образом «манипуляция» – это промежуточное положение, так как имеет «выход» как в сферу внутреннего, так и в сферу внешнего мира.

Как отмечает Г.Г. Слышкин, национальная концептосфера – это сумма информации, как научной, так и бытовой, как истинной, так и ложной, которая формирует понятийную составляющую концептов [160, с. 22]. Наиболее выраженно это проявляется при анализе идеи субъективности. Например, Запад – это концентрация субъективности на индивиде, путь от индивида к индивидуальности, Восток – «десубъективность». Для восточного региона субъектность связана с группой, а не отдельным индивидом, и идея заключается в растворении своего «Я» в субъекте более высокого уровня. В свя-

зи с этим при анализа феномена макиавеллизма вызывает интерес вопрос: почему «стратагемы» на востоке не вызвали столь откровенных и жарких дискуссий, как учение Макиавелли на Западе. Ответ на этот вопрос следует искать не только в событиях истории, но и в особенностях психологии народов, формировавшихся в результате изменения геобиосферной ситуации.

М.В. Кузобова описывает этот процесс следующим образом [107]. Разрушение традиционных биоценозов в Европе привело к распаду «жестких»* этнородовых систем, к миграциям и войнам, в ходе которых люди теряли плотную включенность в исходные родовые группы. «Таяние» социальных систем началось в приморских регионах Европы, привлекавших мигрантов и захватчиков. Особенно активно смешение народов происходило в Средиземноморье. Смешение народов и культур привело к противостоянию разных типов жизни, к напряжению взаимодействия личности и общества, развитию чувства несвободы, стремлению к свободе и самоутверждению личности. Люди стали ощущать более тесную связь с невидимым Богом, чем со своим родом. Власть перестала быть достоянием заранее определенных природных и социальных образований, стала достигаться с участием воли людей [107, с. 77-78].

Именно в ходе «таяния» социальных систем формируются идеалы свободы и демократии, стремление личности к независимости от общества и к власти над ним. Демократическая идеология отражает достаточно высокий уровень развития субъективности людей – массовые претензии на участие в управлении социумом.

Таким образом, формирования субъективности личности как стремление индивидов к организации деятельности было следствие глобальных изменений в организации целостного Субъекта природы, который отразился на интерпретации и понимании феномена макиавеллизма.

Идея субъективности, как и макиавеллизм личности, напрямую связана с локусом контроля. У европейца внутренний мир интериоризирован, в то время как мотив у восточных народов – в окружении, и самооценка зависит от окружающих. Запад многословен, Восток – молчалив. На Западе «да» есть «да», «нет» есть «нет». «Да» никогда не станет «нет», и наоборот. Восток заставляет «да» скользить к «нет», а «нет» к «да». Между ними нет четкого различия [107, с. 81]. И это природа самой жизни. Такое различие не устранимо только в логике, но логика была создана для утилитарной деятельности, в то время как сама жизнь диктует иные законы. Возможно,

* «Жесткая» структура характерна для начальных форм организации. Это целостные этнородовые образования, изначально включавшие в себя индивидов, задающих каждому место и функции в связи с его рождением и семейным положением.

именно это почувствовал Макиавелли и отразил в своем учении – *двойственность и неоднозначность* мира и человека в этом мире. Вопрос же заключается в том, нашло ли это отражение в современном варианте интерпретации понятия «макиавеллист».

Для принятого определения манипуляции как скрытого управления, характеризующегося эгоистическими мотивами, вывод о тождественности понятия «макиавеллист» и «манипулятор» очевиден. В таком случае при описании личности манипулятора используются те же характеристики, что и для макиавеллиста (т.е. индивида, получившего высокий показатель по Мак-шкале, высокий рейтинг макиавеллизма). Итак, он (манипулятор, макиавеллист) обладает следующими характеристиками (часть из них – результат изначальных предположений авторов методики, часть – результат наблюдений за испытуемыми в процессе эксперимента):

- нечувствительность к межличностным отношениям (недостаточная вовлеченность в проблемы других людей и отсутствие эмпатии по отношению к ним);
- отсутствие интереса к принятым нормам поведения (при взаимодействии с другими людьми индивид думает о выгоде для себя, а не о моральной стороне дела);
- отсутствие грубой патологии (их поведение находится в пределах нормы, хотя и отличается от поведения других людей);
- утилитарная ориентация на дело, а не на взгляды, мировоззрение;
- стремление получить преимущество над другими людьми, используя для своей выгоды их слабости (например, легковерие);
- способность без смущения смотреть в глаза экспериментатору (когда испытуемого уличали в плутовстве);
- способность уступать и даже подчиняться другому (кажущаяся или истинная) ради перспективы повлиять на него;
- успех в сделке с другими – с выгодой для себя [239].

Однако, как уже было отмечено, ряд авторов не исключают того, что манипуляция может производиться и в интересах манипулируемого [70], из лучших побуждений, желая помочь ближнему [84]. В таком случае эти два понятия – «макиавеллизм» и «манипуляция» – не тождественны. Для того чтобы снять это противоречие, В.В. Знаков предлагает развести эти два понятия, и разграничение предлагается провести по двум критериям:

- ➢ испытывает ли манипулятор угрызения совести от своих манипулятивных действий?
- ✓ Макиавеллист никаких угрызений совести не испытывает, поскольку считает, что манипулирование соответствует природе человека.

- ✓ Манипулятор, напротив, испытывает угрызения совести.
- ➢ добровольно и осознанно ли осуществляются акты манипуляции?
- ✓ Макиавеллист действует всегда осознанно и ради своей выгоды.
- ✓ Манипулятор – не всегда осознанно и не всегда ради своей выгоды, к тому же иногда и потому, чтобы защитить свой внутренний мир.

Однако есть одна методологическая проблема: как практически определить следование предложенным двум критериям (относительно угрызений совести, добровольности и осознанности действий инициатора). Кроме того, для жертвы манипуляции не имеют значения внутренние побуждения и саморефлексия его обидчика. Поэтому в психологической литературе эти два понятия чаще всего отождествляются.

По мнению одного из создателей Мак-шкалы Р.Кристи, понятие «макиавеллист» представляет собой синдром, основанный на сочетании взаимосвязанных ***когнитивных***, ***мотивационных*** и ***поведенческих*** характеристик [239]. Следовательно, можно предположить, что макиавеллист-манипулятор *чего-то хочет* (например, власти или счастья) и не знает, *как* воплотить это своё желание в реальности (нет средств, или план действия не срабатывает), поэтому он *прибегает к более легким*, с его точки зрения, методам и способам достижения этой своей цели – лести, обману, манипуляции и др.

Во всех приведенных определениях обнаруживается общее положение о том, что существует некая *склонность* к определенной «модели поведения». Это в свою очередь включает в себя способность убеждать людей, понимать их намерения и причины поступков. Склонность к определенной *модели поведения* проявляется также в том, что человек стремится удовлетворить свою *эгоистическую* потребность, однако сталкиваясь с препятствием в лице обстоятельств или другого человека, с другим «эгоизмом», он для достижения результата своего действия вынужден скрывать определенным способом истинную цель своей деятельности. Для этого он чаще всего прибегает к различным формам «обмана». Другими словами, человеком движет эгоизм, поэтому и в другом человеке он также видит такого же эгоиста. «Обойти» такого эгоиста можно лишь обманным путём, или неким скрытым способом, называемым «манипуляцией». Поэтому в целом макиавеллизм и отражает *неверие* субъекта в то, что большинству людей *можно доверять*, что люди по природе своей альтруистичны, независимы и обладают сильной волей. Однако это лишь одна сторона определения. Так как само учение и последующие трактовки сути «макиавеллизма» являются противоречивыми, то и психологические явления, которые определяют феномен макиавеллизма, не являются однозначным: данные определения необходимо в этом смысле уточнить и расширить.

Итак, на современном этапе развития представлений об изучаемом феномене в философии, в политической науке и области психологического знания понятие «макиавеллизм» можно определить как сложное, многогранное, порой противоречивое социально-психологическое явление; систему взглядов, способ управления государством и взаимодействия лидера государства с народом, а также руководителя политической и профессиональной организации с подчиненными и конкурентами и, в конечном итоге, как некую модель межличностного поведения человека с другим (чаще конкурентом, недругом, врагом, но возможно и с коллегой, товарищем). Следовательно, макиавеллизм может быть ***разрушительным***, деструктивным – основанным на эгоизме, неуёмности желаний, неумении сдерживать свои страсти, возбуждении у другого чувства страха, трусливости, корыстолюбия, властолюбия, обидчивости, мстительности, склонности к проявлению «зла», а не «добра», зависти, злопамятности, неблагодарности, непостоянства, лицемерия, лживости и др. Он может быть также и ***созидательным*** – основанным на разумности, доброжелательности, стремлении к великим гражданским подвигам и к плодотворной деятельности в различных областях жизнедеятельности людей (управленческая деятельность, бизнес, обучение и воспитание, психологическое консультирование и терапия, а также семейные и др. формы отношений).

Чтобы совместить эти два взгляда на феномен макиавеллизма, можно воспользоваться метафорой «куба Неккера»*, которую использовал Р.Докинз [67] при изложении теории эгоистичного гена (*см. рис. 2.*) Модель «куба Неккера» вводит в заблуждение, поскольку позволяет считать, что оба наши восприятия образа одинаково верны.

На этом примере исследователь хотел показать, что на естественный отбор можно смотреть с двух точек зрения – с точки зрения гена и с точки зрения индивидуума. При правильном понимании они равноценны; это два взгляда на одну и ту же истину. В учении Макиавелли также можно обнаружить идею о том, что на одно и то же историческое событие могут быть разные точки зрения – с позиции государственного деятеля и с позиции обычного человека. Таким образом, между этими двумя авторами – Макиавелли и Докинез, – несмотря на то, что занимались они абсолютно разными вопросами (один политической деятельностью, другой биологией) можно найти нечто общее.

---

* «Перед вами плоский рисунок, сделанный чернилами на бумаге, но он воспринимается как прозрачный трехмерный кубик. Посмотрите на него в течение нескольких секунд, и вам покажется, что вперёд выступает задняя грань. Продолжайте смотреть, и вновь вернётся прежнее впечатление. Оба кубика одинаково соответствуют двумерной информации, поступающей на сетчатку, а в мозгу благополучно возникает то одно, то другое изображение. Ни одно из них нельзя считать более правильным, чем другое» [67, с.11].

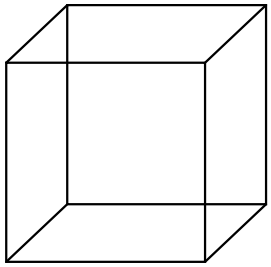

Рис. 6. Куб Неккера.

Идея о двух точках зрения на одну и ту же проблему в дальнейшем была развита в различных теориях личности, при определении критерия нормальности/аномальности личности, а также при изучении макиавеллизма как свойства личности.

2.5. Макиавеллизм как психологическое свойство личности

С самого начала изучения феномена макиавеллизма обладателям этого свойства приписывалось стремление к властной позиции и неразборчивость в средствах на пути к ее достижению (обман, интриги, пренебрежение интересами других), что, собственно, и дало название термену – «макиавеллист».

Р.Кристи и Ф.Гайс, авторы первой обобщающей работы по макиавеллизму, называют тех, кто получает высокие баллы по шкале макиавеллизма, эффективными манипуляторами [239]. ***Макиавеллизмом*** западные психологи называют склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Манипуляция – это психологическое воздействие, направленное на человека, заставляющее его действовать в соответствии с целями манипулятора*.

* Манипуляция – это использование стимулов, которые заранее предопределяют реакцию на них и которые используются именно для того, чтобы вызвать такую реакцию. Например, если вы знаете, что́ нужно сказать вашему знакомому, чтобы разозлить его, и вы говорите ему это, то вы – манипулируете. Манипуляция строится на предположении о тех реакциях, которые вызовет тот или иной стимул. И если данное предположение ошибочно (например, рекламист внедрил в рекламу сложную суггестивную психотехнологию, которая почему-то не сработала), это действие все равно манипулятивно. С другой стороны, если агент влияния (коммуникатор) использует стимул, не предполагая (или не зная), какую реакцию он вызовет, то это действие не является манипуляцией. Манипуляция всегда основана на предположениях о реакциях на те или иные стимулы, которые являются результатом или социального обобщения, или индивидуального знания о человеке.

При изучении макиавеллизма первоначально речь шла о таких вариантах поведения, когда субъект утаивает свои подлинные намерения и с помощью ложных, отвлекающих методов добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои начальные цели и совершил действие, выгодное лишь одной стороне, т.е. манипулятору, в ущерб другой стороне – жертве манипуляции. Однако дальнейшие исследования показали, что понятие это многогранно, а в психологической литературе отсутствует однозначная социально-психологическая интерпретация и оценка феномена макиавеллизма. В исследованиях А.Н. Поддьяка и И.Н. Калуцкой показано расхождение не только в представлениях о макиавеллизме между психологами и обычными людьми, но также и между самими психологам [91].

Несмотря на осознанность установок (отчет о которых человек отдает себе при заполнении опросника), макиавеллизм может сосуществовать с бессознательными формами манипуляции, направленными на достижение других прагматических эффектов. При сознательной манипуляции (макиавеллизме) выгода, как правило, материальна: карьера, деньги, повышение социального статуса, власть. Можно говорить об инструментальном характере потребностей, тесно связанных с игнорированием нравственных регуляторов поведения. Бессознательная же манипуляция младенца преследует иные цели, она удовлетворяет жизненно важные потребности, такие как потребность в принятии, в общении и в интеграции идентичности. Изначально она проявляется как проективная идентификация, реализуя инстинкт самосохранения. В большинстве же случаев макиавеллизм определяется как личностная характеристика, которая отражает «неверие субъекта в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей». Особое внимание исследователей обращено именно на метакоммуникативный аспект этого процесса – воздействие на Другого посредством скрытых (невербальных, недостаточно вербализированных и осознанных) посланий-требований.

С точки зрения Е.Т. Соколовой и Г.А. Иванищук, возникает серьезный риск, что понимание бессознательных механизмов манипуляции позволит в «постчеловеческом будущем» размывать границы допустимости социальной инженерии, осознанно и целенаправленно развивать и совершенствовать практики макиавеллизма, «научно» обосновывая, таким образом, пренебрежение правами и достоинством другого человека [164].

Из определения макиавеллизма – неверия субъекта в то, что большинству людей можно доверять, следует то, что субъект скрывает свои подлинные намерения, т.е. макиавеллизм тесно связан с ложью. Обращение психологов к феноменам макиавеллизма и вранья открывает новые и, безуслов-

но, перспективные направления анализа индивидуального и общественного сознания современного человека. Вместе с тем результаты экспериментов показывают, что существуют кросскультурные различия в понимании таких понятий, как истина, правда, ложь, обман и вранье.

По определению Пола Экмана, ***ложь*** *– это намеренное введение в заблуждение другого человека.* Он выделяет две формы лжи*: искажение* и *умолчание* [197]. Экман очень широко трактует ложь, т.к. в его понимании врать, обманывать, говорить неправду – это синонимы *лжи*. Например, он считает жульничество одним из видов лжи. Ложью он также называет умолчание правды, сознательное сокрытие истины. С такой морально-психологической позиции лживость оказывается антонимом не правдивости, а более обобщенного качества личности – честности. Однако честность основывается не только на правдивости субъекта, но и на совокупности других правил поведения («кодексе чести»), которыми он руководствуется при совершении конкретных поступков.

В.В. Знаков считает, что если принять точку зрения П.Экмана, то нечестность и ложь становятся вообще неразличимыми. С позиций психологического анализа содержания этих понятий ложь всегда представляет собой утверждение, в котором сознательно искажается истина (причем необязательно словами, лгать можно и жестами). Между тем, для того чтобы поступать нечестно, совсем не обязательно что-то утверждать (пользоваться шпаргалкой, списывать на экзамене и т. п.) [83].

Психологический анализ лжи как коммуникативного феномена обнаруживает принципиальные различия в понимании содержания этого понятия в западной и русской культуре. Для западной историко-культурной традиции типичным является включение в словарные определения лжи или явного, или подразумеваемого указания на того человека, которому лгут. В русских дефинициях ложь, как правило, рассматривается только как **нравственное или аморальное деяние лгущего субъекта, искажающего истину.** Определения лжи, формулируемые западными мыслителями, основываются на представлениях о **нарушении прав того, кому лгут**. Каждый человек имеет право принимать решения, полагаясь на истинную, а не искаженную ложью информацию об окружающем мире: например, не покупать товары, навязываемые ему обманными рекламными объявлениями (*deceptive advertisings)* [235].

Представления о правах человека не только глубоко укоренились в западной общественной морали, они отражаются в индивидуальном сознании людей. Вследствие этого западное понимание лжи В.В. Знаков называет *морально-правовым.* Вместе с тем в русском языке понимание лжи имеет

существенную для психологического анализа особенность: определения обсуждаемого феномена нередко содержат указания на морально предосудительный характер действий лгущего субъекта, например, «лжет, не краснея» [137, с. 257]. Довольно распространенным является рассмотрение лжи как синонима такого социально порицаемого поступка, как клевета [159, с. 166]. А.И. Ильин указывает на неразрывную связь лжи и предательства [86]. Поэтому русское понимание лжи В.В. Знаков называет *субъективно-нравственным* [83].

Результаты исследования показали, что в отношении лжи у американцев и русских есть много общего. И те, и другие лгут из корыстных побуждений, из-за желания избежать наказания, страха унижения, из стремления повысить свой авторитет и т. д. [83]. Однако было обнаружено разное отношение американцев и русских к вмешательству в их личную жизнь, что имеет глубокие культурно-исторические корни. Западная духовность в значительной степени основана на католической религии, а юридический дух католицизма, как точно подметил С.С. Аверинцев, требует ограждения, определенного дистанцирования одного личного бытия от другого [5].

В противоположность западной корни русской духовности следует искать в общинных формах устройства жизни людей, в рамках которых они психологически неразделимы, тесно связаны друг с другом и более открыты в общении. Далеко не случайно Достоевский «ненавидел самый дух морали контракта, в котором угадывал суть западного мироощущения, считал его безнадежно несовместимым с христианской братской любовью и даже поминал в связи с ним весы в руке третьего апокалипсического всадника – образ скаредной меры, отмеривающей ровно столько, и не больше» [5, с. 229]. Поэтому в новых социально-экономических и политических условиях, когда наши граждане получили возможность общаться с западным миром, важно и для государственных деятелей, и для обычных граждан не растворить присущие народу, проживающему на определенной территории, черты характера и особенности поведения. Но, в первую очередь, это важно для психологов, чтобы не раствориться в огромном потоке общепсихологических исследований, проводимых по международным стандартам и направленных на изучение психологии человека.

Макиавелли, например, по этому поводу в IV главе трактата «Государь» указывает на то, «что все единовластно управляемые государства, сколько их было на памяти людей, разделяются на те, где государь правит в окружении слуг, которые милостью и соизволением его поставлены на высшие должности и помогают ему управлять государством, и те, где государь правит в окружении баронов, властвующих не милостью государя, но в силу древ-

ности рода. Бароны эти имеют наследственные государства и подданных, каковые признают над собой их власть и питают к ним естественную привязанность. Там, где государь правит посредством слуг, он обладает большей властью, так как по всей стране подданные знают лишь одного властелина; если же повинуются его слугам, то лишь как чиновникам и должностным лицам, не питая никакой особой привязанности» [123, с. 60].

Результаты современных западных исследований свойств личности, присущих так называемым макиавеллистам, показали, что как личностная черта, она отражает желание и намерение человека манипулировать другими людьми. Главными психологическими составляющими макиавеллизма как черты личности считается *убеждение* в том, что при общении с другими *можно* и даже *нужно* в целях достижения собственного результата манипулировать, так как манипуляция – это не только естественный, но и наиболее эффективный способ взаимодействия. Для описания сильновыраженного типа макиавеллистской личности ученые используют следующие психологические характеристики: *умный, смелый, амбициозный, доминирующий, настойчивый, эгоистичный*, в то время как для слабовыраженного типа они используют такие характеристики, как *трусливый, нерешительный, поддающийся влиянию, честный, сентиментальный, надёжный*. В целом, макиавеллизм рассматривается как **личностная** характеристика [245], [282], [283], [321], [16] и как набор поведенческих **стратегий** [232], [260].

Между тем исследователи считают, что макиавеллизм следует рассматривать как количественную характеристику. Всем людям в определенной степени свойственно прибегать к манипулятивным приемам, однако мотивы, побуждающие к этому, и последствия такого взаимодействия далеко не однозначны. Склонность к манипулированию, в сочетании с низкой эмоциональной сензитивностью и расчетливостью, а также не особенная озабоченность моральными соображениями, образует так называемый «холодный» синдром свойств, который первоначально и рассматривался как основа макиавеллизма. Люди, демонстрирующие высокие показатели по Мак-шкале, при вступлении в контакт с другими склонны держаться эмоционально отчужденно, обособленно, ориентироваться на проблему, а не на собеседника, испытывать недоверие к окружающим [247]. Такие субъекты, в отличие от испытуемых с низкими показателями, имеют более частые, но менее глубокие контакты со своими друзьями и соседями. Например, в исследованиях обнаружена обратная зависимость между уровнем макиавеллизма и сочувствием, проявляемым студентами, когда они помогают друг другу во время экзамена, а также при оказании помощи и предоставлении советов друг другу в других ситуациях. Кристи и Гайс назвали высокий

уровень макиавеллизма «синдромом эмоциональной холодности», потому что социальная отстраненность является основной характеристикой подобных людей [239].

Вместе с тем результаты экспериментов показывали, что в отличие от людей с низкими показателями по шкале макиавеллизма люди с высокими значениями оценок по Мак-шкале более коммуникабельны и убедительны независимо от того, говорят они собеседнику правду или лгут [296]. Любому ярко выраженному макиавеллисту хочется выглядеть в глазах окружающих, к примеру, умным и неэгоистичным. Естественно, что в коммуникативных ситуациях именно такими они и стараются себя показать. Людям с низкими показателями по Мак-шкале в действительности более свойственны положительные черты, как, например, честность и надежность, в то время как выраженные макиавеллисты обладают большим умением и поведенческими навыками *сокрытия недостатка* подобных качеств личности [238]. По сравнению с испытуемыми, получившими низкие оценки по шкале макиавеллизма, субъекты с высокими оценками более точны и честны в восприятии и понимании себя и других [239]. То есть они осознают тот факт, что они поступают безнравственно тогда, когда лгут, в этом отношении они не играют сами с собой в игру «на благородство» и не обманывают сами себя, в том, что обстоятельства вынудили их к этому.

Важно отметить, что они обычно получают низкие оценки по методике социальной желательности [84]. В общении макиавеллисты, как правило, предметно ориентированы: в социальных взаимодействиях они более целеустремленны, конкурентноспособны и направлены, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами [247]. В то же время при исследовании связи макиавеллизма и помогающего поведения отмечено, что макиавеллизм не является постоянной величиной [232]. Так, по отношению к членам своей семьи уровень макиавеллизма у испытуемых был ниже, чем по отношению к людям вообще. Существует обоснованное предположение о сходстве показателей по шкале макиавеллизма в супружеских парах.

Широкое распространение получило изучение макиавеллизма в условиях организации. Первую попытку приспособить макиавеллизм к потребностям менеджмента предпринял в 60-х годах Э.Джей в книге «Менеджмент и макиавеллизм». Автор сравнил современные корпорации с отдельными нациями, а их руководителей – с государями, на что пресса откликнулась предположением, что эта книга является комическим произведением. В качестве примера изучения макиавеллизма в данном аспекте можно привести результаты исследования С.Дж. Шульца, которые пока-

зали, что в организациях свободного типа высокие макиавеллисты значительно превосходили в успешности низких, а в хорошо структурированных организациях – наоборот [цит. по 370]. В качестве объяснения можно обратиться к «Общей модели поведенческих проявлений» Кристи и Гайса, где отмечено, что в высокоструктурированных ситуациях люди с высоким уровнем (рейтингом) макиавеллизма проявляют себя формально, а люди с низким уровнем – «выкладываются» полностью, в то время как в плохоструктурированной ситуации для интуиции высокого макиавеллиста открывается широкое поле возможностей. В менее структурированной ситуации высокие макиавеллисты ведут инструментальную разработку ресурсов, интуитивно контролируют структуру, что позволяет им допускать меньшее количество ошибочных проб. Низкие макиавеллисты додумывают логически, а не интуитивно, неясные компоненты ситуации, для формирования целей и задач взаимодействуют с другими людьми. Авторы подчёркивают, что в модели уже заложены условия социальных изменений.

Итак, успешность макиавеллистской тактики в значительной степени зависит не только от умений и навыков манипуляции, но и от условий социальной среды, в которой манипулятор действует. Высокоструктурированная среда снижает успешность попыток манипулировать другими. В такой ситуации манипулятор чаще ошибается в понимании психологических особенностей людей, и он затрудняется в определении их слабостей, которые можно использовать для достижения своих корыстных целей. Исследования, проведенные Дж.Спарксом в 1994 г. в области маркетинга, показывают, что продавцы и менеджеры розничных магазинов с высоким макиавеллизмом лучше, чем их коллеги с низким макиавеллизмом понимают психологию покупателей и эффективнее выполняют работу там, где рабочая среда допускает большую свободу импровизации (слабоструктурированная среда) [353]. Аналогичные результаты были получены при исследовании поведения биржевых маклеров в игровых ситуациях продаж. Участниками исследования были маклеры из различных компаний, отличающихся между собой типом структурной организации. «NINEX» – жестко структурированная, ограниченная строгим набором правил корпорация, оставляющая слишком малое пространство для импровизации. От служащих требовалось придерживаться четких указаний руководства, им назначали круг потенциальных клиентов, с которыми требовалось работать. При заключении сделки было практически невозможно манипулировать клиентом с целью повлиять на размеры комиссионных. Подобная структура корпорации закрыта для условий, позволяющих макиавелли-

стам достигать успеха в краткосрочных лабораторных экспериментах. Такие же корпорации, как «MerruilLynch & Shearson», «Lehman & Hutton», напротив, представляют собой свободно организованные структуры, поддерживающие индивидуальность и заинтересованность собственных сотрудников. Вместо строгих указаний к действию между сотрудниками корпораций и руководством существуют неформальные отношения. Банк их клиентов неограничен и есть достаточно возможностей для получения комиссионных. В этих свободно организованных структурах макиавеллисты имели значительно большее число клиентов, чем работники с низкими показателями по Мак-шкале [370].

Несмотря на то, что люди, демонстрирующие высокие показатели по Мак-шкале, имеют более поверхностные межличностные отношения, вместе с тем, когда им нужно решить какую-нибудь личную проблему, они оказываются более коммуникабельными и убедительными независимо от того, говорят они правду или нет [296]. Д.С. Уилсон предлагает более нейтральный подход в интерпретации стратегии поведения макиавеллиста в коммуникативной ситуации. Он доказывает поведенческую гибкость макиавеллистов и их способность как к честной добросовестной кооперации, когда им это выгодно, так и к сколь угодно резкому переходу на стратегии принуждения и нанесения ущерба – опять-таки, когда это представляется им предпочтительным [370]. Однако большинство исследователей придерживаются точки зрения о том, что макиавеллист не является гибким коммуникатором, понимающим необходимость учета психологических особенностей партнера. Последнего характеризует готовность к спору, несогласие с оппонентами и умение отстаивать свою точку зрение. Такой человек обычно приводит доводы в защиту своей позиции и не избегает конфронтации при наличии различий во взглядах, в то время как гибкий коммуникатор меньше склонен проявлять в общении вербальную агрессию.

Исследования показывают, что субъекты с высоким уровнем выраженности макиавеллизма обычно идеологически нейтральны, эмоционально слабо вовлекаются в межличностные взаимоотношения и готовы без спора временно изменить свою точку зрения, если считают, что в данный момент им это тактически выгодно [365]. Эмоциональная вовлеченность в межличностные взаимоотношения является необходимым условием формирования эмпатии как компонента понимания личностных особенностей партнеров по общению. Присущая же макиавеллистам «эмоциональная тупость» – еще одно проявление коммуникативной негибкости, препятствующей взаимопониманию. Исследование С.А.

Богомазова показало, что чем выше показатель по Мак–шкале, тем более выражена у испытуемых сензитивная ригидность. Это может означать, что субъекты с выраженным макиавеллизмом характеризуются негибкими стереотипными формами эмоционального реагирования на поведенческие проявления эмоций и чувств других людей [цит. по 84].

Одним из важнейших психологических условий взаимопонимания в межличностном общении является наличие у его участников коммуникативной и когнитивной гибкости, приспособляемости к конкретным обстоятельствам взаимодействия. Гибкость проявляется в умении людей использовать различное поведение в зависимости от требований контекста. Она основана на понимании и принятии различий в мотивации партнеров по общению и их индивидуально–психологических особенностей. Результаты исследований, проведенных М.Мартином и сотруд., показывают, что высокий уровень макиавеллизма отрицательно связан с коммуникативной гибкостью, но не связан с познавательной [309]. Основную причину коммуникативной негибкости, ригидности макиавеллистов исследователи усматривают в том, что макиавеллист считает манипулятивный способ взаимодействия как универсальный и наиболее эффективный. С другой стороны, такая жесткая установка на манипулирование может оказаться проявлением социальной ригидности, которая может препятствовать достижению поставленной цели. Таким образом, макиавеллист заблуждается, полагая, что манипуляция всегда эффективна.

Отсутствие коммуникативной гибкости, препятствующей не только взаимопониманию, но и достижению собственных целей в некоторых сферах человеческого бытия, также связано с парадоксальным, на первый взгляд, отказом макиавеллистов от использования манипулятивных способов взаимодействия с окружающими, например таких, как демонстрация своей слабости и некомпетентности, даже в тех случаях, когда это могло бы дать им преимущества. В момент отказа они не придают значения необходимости понимания соперника и не задумываются о тех последствиях, к которым может привести непонимание его психологических особенностей. Это мешает эффективному взаимопониманию, для которого, как утверждает Ю.А Желтонова, обязательной является диалогическая коммуникативная направленность субъектов общения [76].

В исследованиях М.С. Егоровой результаты корреляционного анализа демонстрируют связи макиавеллизма с некоторыми показателями психометрического и эмоционального интеллекта, экстернальным локусом контроля, неспособностью к сознательной саморегуляции, низкой самооценкой, фрустрированностью и целым рядом аналогичных характеристик [74].

Однако связи макиавеллизма с экстраверсией не воспроизводятся в исследованиях последних лет, а связи с невротизмом и психотизмом противоречивы с самых первых работ по сей день. Противоречивы связи и с подфакторами триады Г. Айзенка, например с доминантностью и импульсивностью. Среди связей макиавеллизма с другими переменными можно отметить корреляцию с внешним локусом контроля, что установил П.Е. Мадрак в двадцати исследованиях [320]. На уровень макиавеллизма отрицательно влияет степень импульсивности. Полученные результаты показали положительную корреляцию уровня макиавеллизма с психотизмом и экстраверсией и отрицательную со шкалой лжи по Айзенку. Причём для женщин корреляция с психотизмом выше, чем для мужчин; а для мужчин выше корреляция с экстраверсией, чем для женщин. Связи макиавеллизма с нейротизмом обнаружено не было.

Данные о связи макиавеллизма с уровнем образованиям противоречивы и в большинстве работ незначимы [319]. Изучения уровня макиавеллизма в зависимости от интеллектуальных особенностей единичны и не позволяют сделать определенных выводов. С большими допущениями можно предположить, что есть слабая связи между макиавеллизмом и уровнем интеллекта [361], [335]. Получена отрицательная связь макиавеллизма с эмоциональным интеллектом, как и со многими другими характеристиками, связанными с определением невербальных и особенно эмоциональных составляющих социального взаимодействия [211]. Надежных данных относительно связей социального и практического интеллекта с макиавеллизмом нет. Противоречия в результатах разных исследований могут быть связаны с тем, что взаимосвязи макиавеллизма с разными частными психологическими признаками меняются в зависимости от выраженности других психологических черт.

Индивидуальные различия в макиавеллизме определяются целым рядом комплексных социальных процессов. Существуют данные, что люди с высоким уровнем макиавеллизма имеют безразличное мнение о других, циничный взгляд на людей вообще и на отдельных личностей. Высокие макиавеллисты лучше замечают слабые места других людей и успешно пользуются этим. Низкие макиавеллисты в большей степени строят своё поведение по идеальному образцу взаимодействия с другими, где отношения построены по субъектно-субъектному принципу в противовес субъектно-объектному. В исследовании мужчинам предлагалось заполнить опросник Mach, а затем оценить партнёров по взаимодействию по двадцати биполярным шкалам (например, искренний – эгоистичный, мягкий – грубый и т.д.). Оценки как высоких, так и низких макиавеллистов располагались на по-

ложительном отрезке шкалы, но высокие макиавеллисты по девятнадцати из двадцати шкал описывали людей хуже, т.е. как менее искренних, менее дружелюбных, менее интересных и т.п. [208], [239].

У людей, склонных к вранью, как показали исследования, оказались высокие показатели по шкале макиавеллизма. У них низкая самооценка нравственных качеств личности, высокие по фактору подозрительности и высокие значения по фактору альтруизма по методике Лири [84]. Высокие показатели по фактору альтруизма могут свидетельствовать о неадекватном принятии на себя ответственности, т.е. это может быть некой «маской», за которой скрывается личность противоположного типа.

В структуре личности женщин, как показали исследования, макиавеллисткие установки и умения меньше выражены, чем у мужчин [84]. Соответственно, психологические основания понимания ситуаций вранья в межличностном общении у них принципиально отличаются от мужских.

Мужчины понимают задачу определения категории неправды, лжи и обмана как некую необходимость *рационального осмысления* их типичных признаков. Под рациональностью осмысления имеется в виду то, что результатом размышлений мужчин оказывается знание как отличительных признаков неправды, лжи и обмана, так и вреда, причиняемого ими в общении. Соответственно, решение о моральной допустимости или запрете основанных на них поступков у испытуемых из мужской части выборки обычно в значительной степени зависит от типа конкретной ситуации: человека, которого надо ввести в заблуждение, предполагаемой выгоды от совершения аморального поступка, вероятности разоблачения и т.п., следовательно, определения ими правды, лжи и обмана в основном имеют *результативный характер*. Понимание того, в чем заключается их понятийный и коммуникативный смысл, у мужчин одновременно обозначается и формированием решения о возможных областях применения неправды, лжи и обмана. Основанное на знании понимание как бы защищает их от необходимости не только повторного осмысления, но и сильных эмоциональных переживаний в тех случаях, когда они решались на ложь или обман. Возможно, именно эта особенность интерпретации своего поведения у мужчин и оказывает влияние на нравственное поведение, которое изучается в рамках социально-психологического направления исследования феномена макиавеллизма как фактора имморализма.

Процессуальность мышления женщин при анализе обсуждаемых психологических феноменов проявляется в гибком оперировании фактами. Они стремятся не безоговорочно отбрасывать те из них, которые противоречат истине, а отыскивать возможности, строить такие гипотезы, в соответствии

с которыми факты можно совместить со своими ценностными представлениями и групповыми этическими нормами. Построение гипотез, как считает В.В. Знаков, основано на внутренней убежденности субъекта и всегда предполагает хотя бы минимальную веру в их искренность. Вследствие этого для женщин, в отличие от мужчин, при определении сущности неправды, лжи и обмана наиболее субъективно значимым является не объективно достоверное знание, а *вера* в правильность своего понимания проблемы. И это естественно, потому что знание обычно характеризует факты объективной действительности, а вера соотносится с мыслями, эмоциями и чувствами – с тем, что образует «эмоциональное поле» общения людей [84, с. 365].

У испытуемых женской части выборки в исследованиях В.В. Знакова внутренняя детерминация искажения истины как нравственного или аморального поступка обусловлена, прежде всего, ценностными переживаниями [84]. Для женщин типичны мысленные возвращения к совершенным поступкам, связанным с ложью или обманом, переосмысления поступков, эмоциональные переживания, иногда приводящие к раскаянию и признанию. Наиболее существенную роль в этих процессах играют коммуникативные факторы – идентификация с обманутым человеком, попытки представить его мысли, эмоции и чувства, сопереживание. Все это способствует с точки зрения автора тому, что у женщин преобладает *добродетельная ложь*.

В то же время выделяются не только половые, но и возрастные различия. Исследуя зависимость возраста и макиавеллизма, Мадрак приходит к выводу о том, что возраст обратно коррелирует с уровнем макиавеллизма, особенно с такими выделенными им компонентами, как лесть и обман [320]. Д.С. Уисон с соавторами, ссылаясь на результаты многочисленных западных исследований, утверждают, что с подросткового возраста уровень макиавеллизма возрастает, а затем начинает снижаться [370]. В других исследованиях также показано, что у молодых испытуемых оценки значимо выше, чем у людей второго периода взрослости. Установлено, что показатели по Мак-шкале молодых испытуемых обоего пола в возрасте от 17 до 25 лет значительно превышают оценки мужчин и женщин более зрелого возраста – от 26 до 56 лет [84]. Эта тенденция подтверждается и исследованием Л.И. Рюмшиной [84]. Даже в группе учащихся старших классов были зафиксированы значимые различия между 14–15-летними и 16–17-летними юношами и девушками.

Различия в существовании тенденций к манипулированию были замечены уже у детей в возрасте 10-ти лет. Так, в исследовании Д.Брагински сначала замерили уровень макиавеллизма у десятилетних детей по «Kiddie

Mach», а затем анализировали их поведение в игре. Дети, получившие высокие баллы по шкале, в игре проявили себя большими манипуляторами [223]. В исследованиях показано, что самому высокому уровню макиавеллизма у детей соответствовал высокий уровень этого показателя как у матери, так и у отца; и наоборот, самому низкому у детей – низкий у каждого из родителей. В исследованиях Кристи среди факторов, влияющих на формирование макиавеллизма у ребёнка, были названы некоторые внесемейные факторы социализации – сверстники, средства массовой информации [239].

В исследованиях Е.А. Сергиенко и А.С. Герасимовой изучение понимания обмана детьми проводилось в русле работ, обозначаемых как «модель психического» *(theory of mind).* Способность к пониманию обмана свидетельствует о когнитивном развитии ребенка и отражает становление «модели психического» как системы репрезентаций психических феноменов как собственных, так и других людей. Обман – это эффективная экспериментальная модель различения психических феноменов. Дж.Флавел утверждал: чтобы узнать, понимают ли дети, что ментальные феномены различаются от индивида к индивиду, нужно сформировать такие условия эксперимента, в которых ребенку было бы предложено оценить знания, чувства, намерения другого, не тождественные собственным знаниям, чувствам, намерениям. В противоположном случае может оказаться, что ребенок делает успешное умозаключение о психике другого, исходя из собственной точки зрения [255]. Кроме изучения собственно *обмана (deception),* разные экспериментальные схемы с его использованием можно найти в исследованиях всех ключевых для данного направления аспектов: *ложные убеждения (false belief), различение кажущегося и реального (appearance-reality distinction), игры понарошку (pretend play), понимание ментальных феноменов в социальном взаимодействии и общении (understanding of mental states in social interaction and communication)* [326].

Как показали результаты исследований, проведенных А.С. Герасимовой и Е.А. Сергиенко, понимание обмана в онтогенезе идет от недифференцированного, труднораспознаваемого (в 5-летнем возрасте) к дифференцированному, успешно обнаруживаемому (у детей 11 лет). Качественный скачок в развитии понимания обмана выявлен при сравнении результатов 5- и 7-летних детей. От 7 лет к 11 годам динамика не столь существенна, но ее наличие определяет непрерывность процесса совершенствования представлений о психической организации людей [52].

Основываясь на положении о том, что формирование манипулятивной установки и развитие соответствующих поведенческих моделей и манипулятивных навыков связаны с пониманием обмана, а также с поиском

своей выгоды, в ограничении отношений с окружающими, проблемами контроля, господства и обмана, можно предположить, что проявление и становление способности индивида к манипуляции происходит уже в дошкольном возрасте.

Рассмотрим этот процесс исходя из представлений о развитии самосознания в онтогенезе [331] и периодизации стадий развития «Я-концепции» [303]. На 3-ей стадии развития «Я-концепции», названной Джейном Ловингером «*самозащита»,* или «дельта-стадия», ребенок руководствуется в поведении исключительно собственными потребностями и стремится к получению удовольствия. Индивид может остановиться на стадии развития «эго-идентичности», и в таком случае у него формируется манипулятивная установка в общении и взаимодействии. В процессе взаимодействия с Другим он выбирает манипуляции, как более легкий путь достижения *своей* цели.

Основы для формирования «макиавеллизма» как личностной черты закладываются в основном на четвертой стадии, так называемой *конформистской*, когда субъект судит о себе по внешним обстоятельствам: имуществу, статусу, репутации, внешности, а правилам подчиняется просто потому, что «так надо». Он пытается избежать осуждения людей, и когда это ему не удаётся, испытывает чувство стыда. В противном случае формирование типа личности идет по неконструктивному пути развития – избегает осуждения путем «игры», манипуляции, не испытывая при этом никаких угрызений совести.

На следующих трех стадиях требуется рефлексивное мышление, первая из них – «*сознательная*», т.е. главным на этой стадии становится суждение о своих особенностях, достижениях и идеалах, воспринимаемых под углом зрения собственных принципов, которая происходит в подростковом возрасте. Достигая этой стадии развития, подростки руководствуются в большей степени *нормами* сверстников или авторитетных лиц. В этом возрасте у них уже развита самокритика, и они понимают, что критерии «правильно/неправильно» не действуют абсолютно, а зависят от контекста. Видимо, становление личности по *типу «макиавеллист»* может происходить именно на этой стадии развития «эго-идентичности», названной Ловингером «*автономной»*. Личность стоит перед центральным выбором, используя терминологию Фромма, – экзистенциальным. Происходит формирование и закрепление основной схемы взаимодействия с миром: продуктивной, ориентирующей его жизнь в виде дихотомий; либо непродуктивной, когда человек не осознает внешнего происхождения этой схемы. Это значит, что человек либо осознает дисгармоничность своего существования и само-

стоятельно выбирает цель жизни и на основе этого формирует и стратегии достижения этой цели. В таком случае он идет по пути развития антимакиавеллистской направленности (низкие макиавеллисты, немакиавеллисты), либо же он выбирает манипуляцию как наиболее выгодный для себя способ взаимодействия.

Период молодости человека является периодом, когда интенсивно развивается «внутренняя жизнь во всем ее многообразии и проявляется в целях, ориентированных вовне» [158, с. 334]. Ощущение себя личностью, пребывающей в стадии становления, вначале является неустойчивым, что проявляется в сильном колебании чувств и настроения, в стремлении испытать собственные способности в более близких человеческих отношений. На данной стадии люди осознают внутренние конфликты между личными нуждами и своими идеалами, а также между своим и чужим восприятием одних и тех же событий. Они уже способны понять других, проявить терпимость и уважение к их взглядам, к их способу решения жизненных проблем, самостоятельно выбирать друзей и род занятий. Вместо осуждения начинают признавать за другими право на свои решения. Недоразвитие внутреннего мира человека проявляется в его личном бытие человека. Отсутствие стойких социальных устремлений у субъекта приводит к избеганию ответственных действий. Неспособность осмыслить глубину и сложность социальных взаимоотношений, выработать собственное отношение к происходящему приводит либо к *зависимому,* несамостоятельному поведению, либо к *асоциальным* действиям, в том числе и к такому аэтическому отношение к другому как к средству, которое предполагает *манипуляцию* и макиавеллизм личности.

Аномальная личность, приводящая к перерождению человека в иное существо, нежели человек, рассматривается Э.Фроммом как основная причина самых разнообразных расстройств его психики и поведения. По его мнению, «все данные свидетельствуют о том, что в гетерономном вмешательстве в процесс развития ребенка, а позднее и взрослого человека, скрыты наиболее глубокие корни психической патологии и особенно деструктивности [177; 310].

На завершающей стадии (седьмой) – *интегрирующей*, человек приобретает способность уважать и принимать конфликтующие требования как внутри себя, так и в отношениях с окружающими. Он не только смиряется с тем, что другие не похожи на него, но и ценит это отличие. По оценкам Дж.Ловингера, также, как и в теории самоактуализации А.Маслоу, этой стадии достигают менее 1% всех взрослых людей. То есть, не многие выбирают самоопределение, а отдают предпочтение детерминизму.

В теории В.Франкла позиция нормальной личности вырабатывается при активном участии самого человека на рациональной основе – в процессе познания себя, в первую очередь – своего духовного бытия. В то время как позиция аномальной личности, названная *фаталистической*, ориентирует человека на одностороннее к себе отношение как к существу естественно заданному, которому следует покорно принимать свою судьбу, отрицая свою ответственность за самоопределение в смыслах собственной жизни. Макиавелли, как было отмечено ранее, также рассуждает о роли судьбы в истории человека и об ответственности государя за принятие решения в судьбоносный момент для Родины. Следовательно, в учении Макиавелли можно обнаружить описание не только аномальной личности, но и нормального человека. Возможно, этим объясняется и такое разнообразие теоретических подходов в психологических исследованиях феномена макиавеллизма – от макиавеллизма как фактора, обусловливающего эффективное лидерство, как необходимое для лидера качество, до макиавеллизма как индивидуального стимула личностных и социальных дисфункций.

ГЛАВА. 3. Макиавеллизм и эволюция концепции личности в зарубежной психологии

3.1. Пути исследования макиавеллизма в психологии

Попытки переосмысления и реформации учения о политике, которые предпринял Макиавелли, инициировали и стимулировали возникновение мощной социально-психологической традиции в изучении человека. Неоднозначные интерпретации макиавеллизма в философии и политической науке предполагают поиск такого же противоречивого понимания данного феномена и в психологии. Поиск истоков следует искать по следующим вопросам: во-первых, в противоречивости самой природы человека; во-вторых, в определении понятия «нормальность» в психологической науке; и, в-третьих, в качестве определения факторов, условий развития и формирования зрелой, здоровой, или так называемой «макиавеаллистской», предположительно незрелой личности.

Приступая к анализу значения идей Макиавелли для развития представлений о человеке, которые нашли своё воплощение в различных теориях личности, отметим, во-первых, что на современном этапе развития психологической мысли его идеал ***нового Человека*** определяется через понятие «личность»; во-вторых, в психологии выделяются определенные *уровни* развития и пути формирования человека как субъекта деятельности – индивид, личность, индивидуальность и универсальность как полнота человеческого бытия (у Макиавелли это ***идеал Государя***).

Итак, современная психология исходит из следующих представлений:

- Человек – это, с одной стороны, биологическое существо, животное, наделенной сознанием, обладающее речью, способностью трудиться, познавать окружающий мир и активно изменять, преобразовывать его.
- Человек, с другой стороны, общественное существо. Это самый важный его признак, так как общественная жизнь и общественные отношения, коллективный труд изменили и подчинили себе его биологическую, телесную организацию.

Современное представление о становлении субъективности человека прямо связано с *историческими формами социальных объединений*, прин-

ципами их организации, динамикой их изменения и развития, и в этом отношении оно созвучно учению Макиавелли. Проблема анализа состоит в необходимости признания сущностного и родового характера связей и отношений между людьми, без которого немыслимо никакое общество и, соответственно, субъективное бытие человека. В контексте обсуждения условий формирования человека как субъекта деятельности необходимо исходить из следующих определений:

- личность – человек как представитель общества, определяющий свободно и ответственно свою позицию среди других;
- индивидуальность – человек как уникальная, самобытная личность, реализующая себя в творческой деятельности;
- универсум – высшая ступень духовного развития человека, осознающего своё бытие и место в мире.

Наиболее актуальным для конкретно-научной деятельностной методологии человекознания можно считать следующие положения учения Макиавелли: *во-первых*, его определение человека в качестве ***объекта*** природы**.** Следовательно, люди и их сообщества подчиняются законам природы и управляются природной ***необходимостью.*** *Во-вторых*, он показал, что человек находится между двумя полюсами – желаемым и действительным, а между ними возникает опасное напряжение (неудовлетворенность), которое может сломить человека либо возвысить его (движущая сила развития – единство и борьба противоположностей.). *В-третьих*, он провозгласил идеал ***нового Человека*** – как *активного, деятельного и целенаправленного* индивида, выделив в качестве анализа «процесс целеполагания», определив значимость цели и действенность средств (субъект деятельности). *В-четвёртых*, он указал на роль и значение ***личности*** в истории человечества, а также наметил первые идеи того, что впоследствии в психологии будет определено как стремление человека к самореализации (самоактуализации)**.** И, наконец, *в-пятых,* он обнаружил в системе межличностных отношений людей такую ***модель адаптивного поведения,*** как *манипуляция* (эволюционное направление исследований).

С целью прояснить данные вопросы далее рассмотрим некоторые теории личности, в которых нашли своё дальнейшее развитие и конкретизацию основные идеи Макиавелли о Человеке как социальной и деятельной единице, а также его представление о природе человека, обуреваемого внутриличностными конфликтами.

3.2. Эволюция концепции личности в психологии и феномен макиавеллизма

3.2.1. Проблема личности в советских психологических школах и взгляд на природу человеку в учении Макиавелли

На протяжении нескольких десятилетий советская психология стояла на принципах *деятельностного подхода*, однако четкого ответа на вопрос об авторстве этого подхода не получено до сих пор. Считается, например, что впервые выдвинул и сформулировал его в качестве принципа С.Л. Рубинштейн в статье «Принцип творческой самодеятельности», которая была опубликована в 1922 году. Однако другие исследователи считают, что фундаментальное значение для развития понятия «деятельности» имели работы Л.С. Выготского, написанные им в 20-30-е гг. прошлого века. Суть этого подхода была изложена известным психологом П.Я. Гальпериным [51], который писал, что деятельностный принцип означает требование изучать психическую деятельность не саму по себе, а в составе внешней, *предметной деятельности субъекта*. То есть, изучать предметную деятельность субъекта необходимо по её *значению,* той роли, которую она выполняет в этой внешней деятельности, и в конечном итоге определяет саму необходимость в ней психики, её конкретное содержание и строение. Необходимо рассматривать психическую деятельность не как безличный процесс, а как деятельность субъекта в плане *психического отражения проблемной ситуации*. Помним, у Макиавелли не «государь» сам по себе, а «правитель и государство», условия правления (республика, или государства, управляемые единовластно; унаследованные или присоединенные, где подданные привыкли повиноваться, или исконно жили свободно; приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью). «Что же касается, в частности, государей, то нам приходится видеть, - пишет Макиавелли, - как некоторые из них, еще вчера благоденствовали, сегодня лишаются власти, хотя, как кажется, не изменился ни весь склад их характера, ни какое-либо отдельное свойство». Объяснение этому, как видит мыслитель, заключается в том, что «если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против её ударов», и «сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени» [124, с.86].

В советской психологии личность изучалась с двух точек зрения:

- с позиции введения в методологию и теории психологии *личностного принципа*. Он означает, что все психические процессы носят

активный, избирательный характер, т.е. зависят от особенностей личности (мотивации, интересов, целей, характера); и

- с точки зрения изучения личности самой по себе – ее структуры, особенностей формирования и развития, *самосознания* и самооценки.

При изучении наследия Макиавелли эти два положения находят своё отражение при рассмотрении того, что ранее мы назвали «новым Человеком» (активный, деятельный, целеустремленный) и «virtus государя», того, что впоследствии в науке было формулировано как «проблема лидерства».

Советские психологические школы формировались вокруг таких ведущих ученых, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, Д.Н. Узнадзе, В.С. Мерлин и др. Гипотезы, которые были сформулированы в рамках различных научных парадигм, продолжают теоретически и эмпирически исследоваться. В контексте изучаемой нами проблемы, определим в общих чертах контекст и специфические феномены, которые были выделены этими школами (как в советстской, так и далее в западной психологии) по психологии личности. В поисках новых детерминант назовем имена ученых – ведь каждому из них принадлежит определенных штрих в общей схеме анализа как психологии человека, так и феномена макиавеллизма.

Л.С. Выготский (1896-1934) – один из методологов психологии, уделял первостепенное внимание категории сознания. Для того, чтобы понять внутренние психические процессы, нужно было выйти за пределы организма и искать объяснение этим процессам в *общественных отношениях* человека [50]. Его концепция была названа ***культурно-исторической***, так как интерпретацию сознания и психических процессов можно было вывести только из их развития и становления. Главная идея Выготского состояла в утверждении положения о развитии высших психических функций. Развитие, по Выготскому, связано с *усвоением культурных знаков*, самым совершенным из которых является ***слово.*** В связи с проблемой высших психических функций в его работах обсуждается феномен натуральных психических функций, которые являются врожденными и непосредственными. Развитие, согласно Выготскому, идет по двум линиям: биологическое и историческое, или натуральное и культурное развитие поведения [50]. «Оба плана развития – естественный и культурный – совпадают и сливаются один с другим. Оба ряда изменений взаимопроникают один в другой и образуют, в сущности, единый ряд социально-биологического формирования личности ребенка» [50; 31]. Первые – натуральные – развиваются по принципу стимул-реакция, вторые опосредствуются знаком. Л.С. Выготский формулирует две гипотезы: 1) об

опосредствованности высших психических функций, и 2) о происхождении внутренней деятельности из внешней путем **интериоризации**. Этот закон носит название общего генетического закона культурного развития – «… всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми, как категория ***интерпсихическая,*** затем внутри ребенка, как категория ***интрапсихическая***. Это относится одинаково к произвольному вниманию, к логической памяти, к образованию понятий, к развитию воли» [50; 145]. Формирование личности, по Выготскому, представляет собой процесс культурного развития. Личность формируется в результате исторического развития, и сама по себе исторична. Показателем личности является соотношение натуральных и высших психических функций. Чем больше в человеке *представлено культурное*, тем сильнее выражен процесс *овладения миром и собственным поведением*, тем значительнее личность. Можно считать, что один из ведущих мотивов, побудивших Макиавелли к написанию знаменитого трактата – именно «овладение миром политической жизни», а так называемые «советы», которые он предлагает своему государю, это и есть способы овладения собственным поведением, основанным на знании этого мира.

А.Н. Леонтьев (1903-1979) – выдающийся советский психолог, организатор науки, создатель теории деятельности. Концепция А.Н. Леонтьева продолжала линию Л.С. Выготского, утверждая роль социальной детерминации в развитии личности. Основной замысел теории личности А.Н. Леонтьева можно понять исходя из решения им основной критической задачи – преодоления натуралистического понимания личности. Ведущим понятием его концепции является категория деятельности. Она рассматривается «как процесс, *внутренние противоречия* и трансформации которого порождают психику как необходимый момент его развития» [62, с. 129]. Принцип предметности деятельности изменяет позицию субъекта в процессе взаимодействия с объектом, поскольку последний трактуется двояко: «первично – в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично – как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» [113, с. 84]. Исходной и основной формой деятельности выступает деятельность внешняя, *чувственно-практическая*. В процессе исторического развития внешней деятельности возникают внутренние процессы, которые приобретают относительную самостоятельность и способность отделяться от практической деятельности путем интериоризации; существуют переходы и в

противоположном направлении – от внутренней деятельности к внешней путем экстериоризации. Обе формы имеют общее строение.

В предметной деятельности выделяются относительно самостоятельные единицы – ***действия и операции***. Во внутренней деятельности такими являются *мотив, цель, условие.* «Особенность анализа целостной деятельности, связанного с выделением ее единиц, состоит в том, что он направлен на раскрытие ее внутренних системных связей и отношений» [62, с. 138]. При выделении таких единиц деятельности правомерно задать следующие три вопроса: «Ради чего совершается деятельность?» (мотив деятельности), «На что она направлена?» (цель), «Какими способами реализуется?» (средство). В связи с этим можно отметить, что у Макиавелли мы встречаем те же единицы анализа, однако он не называет поведение человека и поступок князя – деятельностью. Но в структуре этой «деятельности» можно обнаружить много схожего: «мотив» у него фигурирует как эгоизм или счастье; понятие «цель» сформулировано довольно четко, а именно – это власть или благо общества; а также понятие «средство» (о котором так много дискуссий в литературе) – это ложь, обман, вероломство, жестокость, кара или доблесть, милосердие, награда и пр.

Личность по Леонтьеву – это внутренний момент деятельности. Ребёнок становится личностью лишь как субъект общественных отношений. Индивид – продукт филогенетического и онтогенетического развития. «Личность – относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека; она «производится», создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности» [173, с. 46].

Структура личности раскрывается им через понятие мотива и деятельности. Он утверждает, что «исходя из набора отдельных психологических или социально-психологических особенностей человека, никакой «структуры личности» получить невозможно, что реальное основание личности человека лежит не в заложенных в нем генетических программах, не в глубинах его природных задатков и влечений и даже не в приобретенных им навыках, знаниях и умениях, в том числе и профессиональных, а в той *системе деятельностей*, которые реализуются этими знаниями и умениями» [113, с. 186].

Единицей анализа личности выступает *личностный смысл* как отражение в сознании человека отношения мотива к цели. Личностный смысл обычно соотносится с понятием *значения*. А.Н. Леонтьев утверждает, что значение не может быть использовано как единица анализа личности, поскольку действительность отражается в нем в независимой от индивида,

личности форме. Значение – это то обобщение действительности, которое кристаллизовано, фиксировано в чувственном носителе его – обычно в слове или в словосочетании. Это идеальная, духовная форма кристаллизации общественного опыта. Значение – это ставшее достоянием сознания человека обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже умения как обобщенного «образа действия», «нормы поведения» и т.д. [113].

Личностный смысл определяется отношением мотива к цели. Исходя из этого, по-разному интерпретируется и смысловое содержание деятельности человека. Проблема исследования личностных смыслов была тем направлением, в русле которого идеи, сформулированные А.Н. Леонтьевым, продолжают развиваться его сотрудниками и последователями в разных направлениях психологии – общей, клинической, возрастной, гендерной, политической, психологии понимания и т.п. Для изучения феномена макиавеллизма это направление является перспективным в том отношении, что деятельность государственного деятеля должна быть оценена не только по критерию «цель – средство», но главным образом по тому личностному смыслу, который он вкладывает в свою деятельность. Поэтому вопрос о чувстве патриотизма личности Макиавелли и понятие Родины, которое он определяет в качестве основополагающего в политической деятельности, имеют первостепенное значение для понимания феномена макиавеллизма на современном этапе развития общества.

С.Л. Рубинштейн (1889-1960) – выдающийся философ и психолог, занимавшийся проблемами психологии мышления и заложивший методологические основы психологии. В статье «Принцип творческой самодеятельности» он рассматривает познание не как созерцание, а как ***активную деятельность***. На основе этой идеи он формулирует *принцип единства сознания и деятельности*. «Утверждение единства сознания и деятельности означало, что надо понять сознание, психику не как нечто лишь пассивное, созерцательное, рецептивное, а как процесс, как деятельность субъекта, реального индивида, и в самой человеческой деятельности, в поведении человека раскрыть его психологический состав и сделать, таким образом, самую деятельность человека предметом психологического исследования» [150, с. 250]. С.Л. Рубинштейн специально отмечает, что не только деятельность влияет на личность, но и личность, имея право на выбор, занимает активную и инициативную позицию. Постановка вопроса о связи сознания и деятельности потребовала раскрытия того, как и где образуется эта связь. Личность, по Рубинштейну, является основанием этой связи. Личность, как целое, выражается через триединство: *чего хочет* человек (потребно-

сти, установки), *что может* (способности, дарования), *что есть он сам* (потребности и мотивы, закрепленные в характере). Понятие личности используется им для реализации принципа ***детерминизма***. С помощью этого принципа он показывает специфику психической деятельности, не отрывая её от связей с другими явлениями материального мира. Сущность детерминизма определяется С.Л. Рубинштейном через диалектику «внешнего» и «внутреннего». Личность рассматривалась как высший уровень организации материи, как регулятор сознания по отношению к деятельности. Личность и её психические свойства являются одновременно и *результатом*, и *предпосылкой* деятельности.

Важным моментом в исследовании личности являются особенности ее включения в более широкий контекст – не только в деятельность, но и в жизнедеятельность. «Сущность человеческой личности, – пишет Рубинштейн, – находит свое завершающее выражение в том, что она имеет свою *историю*» [150, с. 641]. Эта особенность выражается в понятии «субъект жизни». Это – личность в более высоком плане. «Личностью в подчеркнуто специфическом смысле этого слова является человек, у которого есть своя *позиция,* свое ярко выраженное сознательное отношение к жизни, *мировоззрение*, к которому он пришел в результате большой сознательной работы» [150, с. 638] *(курсив – Л.А.)*. Личность как субъект жизни имеет три уровня организации:

- психический склад – индивидуальные особенности протекания психических процессов;
- личностный склад – качества характера и способности;
- жизненный склад – нравственность, ум, умение ставить жизненные задачи, мировоззрение, активность, жизненный опыт.

Особое место в его концепции занимает проблема *сознания* и *самосознания*. Это понимание самосознания включает отношение к себе, к миру, но не прямое, а опосредованное жизненными проявлениями субъекта, всей жизнью личности. Не сознание вырастает из самосознания, а, наоборот, самосознание проявляется через активность субъекта в отношении к миру. Это последнее положение имеет первостепенное значение для понимания процесса развития личности как субъекта деятельности и формирования антимакиавелловой установки в процессе межличностного взаимодействия.

Виднейший советский психолог **Б.Г. Ананьев** (1907-1972) ставил задачу исследовать связи биологических особенностей и социальных достижений личности. Особенностью концепции Ананьева является включение человека в более широкий, чем деятельность, контекст – в контекст человекознания [13]. Возможно, именно это имел в виду Макиавелли, когда стремился

увязать роль и значение личности государя с социально-историческими условиями развития того государства, которым правил этот государь.

Идея *социальной детерминации* личности занимает в концепции Ананьева одно из центральных мест, а социальный фактор рассматривается им опосредованно, через понятия социального ***статуса***, социальной ***ситуации***, ***образа жизни*** и пр. Он наиболее тщательно исследовал проблему индивидуального развития человека. В этой комплексной проблеме он выделял понятия *индивид, личность, субъект, человек*. Личность рассматривается им как наиболее позднее образование по сравнению с индивидом. Это «связано с образованием постоянного комплекса *социальных связей*, регулируемых *нормами* и *правилами,* освоением средств общения… предметной деятельности…» [13, с. 70].

Б.Г. Ананьев предложил антропологический подход к исследованию человека. В этих исследованиях он показывает, что индивидуальное развитие – внутренне *противоречивый процесс*, зависящий от многих детерминант. Развитие, согласно Ананьеву, это *возрастающая интеграция*, синтез психофизиологических функций. Эта интеграция обеспечивается различными механизмами. Структура личности, например, организуется по двум принципам – ***субординационному***, или иерархическому, при котором сложные социальные свойства подчиняют себе более элементарные, психофизиологические, и ***координационному***, при котором взаимодействие свойств строится на паритетных началах. **Проблема интеграции** позволила Ананьеву включить психическое развитие в более широкий контекст – онто-, социо- и персоногенез. Если рассматривать историю развития самой личности Никколо Макиавелли, то эта закономерность особенно четко проявляется в его жизнедеятельности: сильные эмоциональные впечатления (потрясения) детства – стремление к лидерству в молодости – первые успехи и самореализация в различных сферах (дипломатия, литературное поприще, семейная жизнь, взаимоотношения с женщинами) – испытания и борьба.

В.Н. Мясищев (1893-1973) – психолог, психиатр, психотерапевт, разработал *психологию отношений*. Он подчеркивал, что система общественных отношений формирует субъективные отношения человека ко всем сторонам действительности. Отношение – одна из форм отражения человеком окружающей его реальности. «Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности» [132, с. 16]. Отношения личности – ее потребности, интересы, склонности, являются продуктом взаимодействия

человека с конкретной средой. Среди видов отношений он называет эмоциональное отношение, интерес и оценочное отношение. «Отношение – сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности» [132, с. 49]. Поэтому отношения являются движущей силой развития личности. Источником нарушений личности, ее патологии, являются проблемы, которые возникают в процессе установления или реализации отношений в разных сферах деятельности.

Особый интерес вызывала у него проблема характера. У Макиавелли это находит своё отражение в понятии *virtus*. В.Н. Мясищев определяет его как устойчивую в каждой личности систему отношений к разным сторонам действительности, проявляющуюся в типичных для личности способах выражения этих отношений в ее повседневном поведении. В структуре личности он выделял несколько планов. Первый – *доминирующие отношения* личности, второй – психический уровень, или *уровень желаний* и *достижений*, третий уровень – *динамика реакций* (или темперамент).

Предметом исследования выдающегося грузинского психолога **Д.Н. Узнадзе** (1886-1950) стала **установка** как складывающееся на основе опыта устойчивое предрасположение индивида к определенной *форме реагирования*, побуждающее его ориентировать свою деятельность в определенном направлении и *действовать последовательно* в отношении всех объектов и ситуаций, с которыми она связана. С помощью установки Узнадзе попытался объяснить собственную активность живого организма и преодолеть «постулат непосредственности». Для возникновения установки необходимо одновременное наличие *потребности и ситуации*. Установка – единство субъективного (потребность) и объективного (ситуация) факторов, она связана с перенастройкой психофизиологических сил и с ***готовностью действовать определенным образом для удовлетворения конкретной потребности в соответствующих условиях, ситуации.*** Установка рассматривается как определенный момент функционирования потребности, который в феномене макиавеллизма проявляется в поведении «жертвы» как одной из форм манипуляции.

Узнадзе различает *диффузную* установку, возникшую при первичном воздействии и характеризующуюся неопределенностью, не способную направлять активность в определенном русле, и дифференцированную, *фиксированную* установку. Он выделял не только качество фиксированности установки, но и ее *генерализацию*, т.е. распространение на другие, похожие ситуации. Кроме генерализации, свойством установки является *ирра-*

диация – повторение установки на разных модальностях. Следовательно, Д.Н. Узнадзе придал установке статус общепсихологической категории, с помощью которой объясняется опосредствованное влияние среды на психические феномены, дающее поведению человека изначально ***активный, волевой и целенаправленный характер.***

В.С. Мерлин (1898-1982) разработал интегральную теорию индивидуальности, в которой выделял следующие уровни: биохимический, соматический, нейродинамический, психодинамический (уровень темперамента), свойства личности и ***социальные роли***. Между этими уровнями существуют не однозначные, а много-многозначные связи, т.е. свойство одного уровня может быть связано с несколькими свойствами другого уровня. Например, в структуре темперамента он различает:

- экстраверсию – зависимость психической деятельности от наличной объективной ситуации;
- тревожность – предрасположение к реакции избегания в ожидании угрожающей ситуации;
- реактивность – интенсивность реакции в ответ на стимул;
- импульсивность – скорость, с которой эмоция становится побудительной силой действия;
- эмоциональную устойчивость – способность к контролю эмоций;
- эмоциональную возбудимость – интенсивность эмоциональных переживаний;
- активность – как поведение, направленное на определенные цели;
- ригидность – неспособность корректировать программу деятельности в соответствии с требованиями ситуации.

Вводя в понятийный аппарат психологии понятие **индивидуального стиля деятельности**, он имел в виду, что это – своеобразная система *психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравновешивания* своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными условиями деятельности. Темперамент, по мнению В.С. Мерлина, нельзя изменить, т.к. он обусловлен генетически, но его, тем не менее, можно компенсировать. В современных психологических исследованиях изучение макиавеллизма личности также может быть построено исходя из этой структурной организации индивидуальности. Например, определенные личностные свойства личности служат в качестве стимула к формированию манипулятивной модели взаимодействия.

Итак, человек – как социальное, общественное существо, в то же время является существом природным и биологическим. Личность – это

очень сложное целое. Но в этом сложном целом можно выделить три основных стороны, или три основных блока (Платонов). Первый блок – *направленность личности*, система её отношений к окружающему миру. Сюда включаются мотивы поведения личности (мотивами называются причины, побуждающие личность к тому или иному поведению, к той или иной деятельности), в частности потребности, чувства интересы. В проблеме макиавеллизма личности это находит своё отражение в основном при изучении макиавеллизма как фактора имморализма. Второй блок – это *возможности личности*, психологические предпосылки успешности её деятельности. Помним, что одна из характеристик манипуляции – это навыки и умения реализовать манипулятивные действия. Третий блок – стиль, *психологические особенности поведения* (темперамент и характер). В изучении интересующего нас феномена данное положение находит своё воплощение в такой характеристике макиавеллиста, как *склонность* личности к манипуляции. Иными словами, личность характеризуется тем, *как* действует человек и *почему* он действует так, а не иначе. Постановку тех же вопросов мы может обнаружить и у Макиавелли, например, когда он исследует вопрос о том, как должен поступать государь, в зависимости от того, как он приобрел власть – «собственным оружием или доблестью» [123, с. 64-66], «чужим оружием и милостью судьбы» [123, с. 66-72], или же «злодеяниями» [123, с. 72-76], а также «почему государи … лишились своих государств» [123, с. 117-118] или почему «надо избегать льстецов» [123, с. 116-117] и т.д.

Таким образом, возникновение установки совершенно определенного поведения (например, манипуляции) происходит лишь тогда, когда происходит «встреча» потребности (власть, эгоизм) и соответствующая ей объективная ситуация (зависимость от …, отсутствие свободы), т.е. среда, содержащая условия удовлетворения определенной потребности, и субъект, испытывающий соответствующую именно той среде потребность, совпадут во времени и пространстве. Эта мысль также прослеживается в текстах Макиавелли, когда он анализирует исторические события с точки зрения особенностей личности главного действующего «персонажа» и той реальной ситуации, в которой ему пришлось принимать решения. Эти решения повлекли за собой уже другие события, которые, в свою очередь, создавали другие условия, способствующие или же препятствующие ему в дальнейшем. Макиавелли же стремился показать будущему государю на реальных исторических примерах, как этот механизм (сейчас мы его называем «социально-психологическим») действует.

3.2.2. Представления Макиавелли о человеке и концепции личности в западной классической психологии

В контексте интересующей нас проблематики в западной психологии выделим следующие направления: социологический психологизм, гуманистический подход Эрика Фромма, индивидуальная психосоциология Альфреда Адлера и теория самоактуализации Абрахама Маслоу, инспирированная работами Курта Гольдшейна, и радикальный бихевиоризм Бэрреса Фредерика Скиннера.

Социологический психологизм – это плюралистическое направление социологии, принимающее в качестве основной предпосылки исследования и объяснения социальных явлений и процессов действие и взаимодействие общественных, групповых и индивидуальных психических факторов [63]. Возникновение и становление ***социологического психологизма*** обусловлено появлением в середине XIX в. новых наук об обществе. Зарождение социологии и психологии обусловливалось внутренней противоречивостью социальной философии и философской психологии.

Социально-экономическими предпосылками зарождения новой философии и нового обществознания были в первую очередь крушение феодализма как доминирующего типа общественно-экономической формации в Европе и переход к новой, капиталистической формации. Это было переломное время бурных процессов формирования, развития и распространения промышленного капитализма и капиталистических общественных отношений. Тогда же формировались мировой рынок и мировая экономика с присущими им кризисами. Одновременно осуществлялись международное разделение труда и космополитизация производства – шел процесс концентрации капитала. В качестве главных идейно-теоретических предпосылок создания новой философии и нового обществознания выступили существенные позитивные достижения социальной мысли Франции, Германии и Англии. На общем фоне анализа предшествующей социально-философской традиции шли интенсивная критическая переработка и реформация существующих философских учений. В качестве естественнонаучных предпосылок выступали общий высокий уровень естественнонаучного знания и ускорение темпов его развития. В это время во многих естественных науках, главным образом в физике, биологии и химии, был сделан ряд выдающихся открытий, разработаны новые научные теории и новые экспериментальные методы познания реальности, которые в свою очередь оказали влияние на развитие психологии.

Наряду с общей редукционистской моделью, базирующейся на признании примата психических факторов, социологический психологизм располагает тремя приватными объяснительными моделями, различающимися по утверждению доминирующей роли *индивидуальных*, *групповых,* или *социальных* психических сил и соответствующими комбинаторными моделями. Психологическая модель формирования и развития социологии основывалась на традициях классической европейской философии и выступала в качестве альтернативы «физикалистской» (О.Конт) и «биологизаторской» (Г.Спенсер) моделях социологии, базировавшейся на позициях позитивистской философии.

Значительное влияние на развитие «психологизма» в социологии связано с деятельностью Дж.Уотсона, Б.Скиннера, Д.Хоманса, З.Фрейда, А.Адлера, К.Юнга, В.Райха, К.Хорни, Г.Салливена, Э.Фромма, Дж.Морено, Э.Мэй, В.Штерна, Г.Олпорта, А.Маслоу, К.Роджерса и др. Наиболее близким из существующих в западной современной психологии теорий личности к интересующей нас проблеме феномена макиавеллизма является гуманистическое направление.

Гуманистическая психология не является строго организованной теоретической системой. Лучше, как считают Л.Хьелл и Д.Зиглер, рассматривать её как «движение» (то есть особую группу теоретических подходов к личности и клинической психологии) [182, с. 482]. Хотя взгляды сторонников этого движения составляют довольно широкий спектр, они всё же разделяют определенные фундаментальные концепции на природу человека. Гуманистическая психология глубоко уходит корнями в экзистенциальную философию, которую разработали европейские мыслители и писатели Серен Кьеркегор (1813-1855), Карл Ясперс (1883-1969), Мартин Хадеггер (1889-1976) и Жан-Поль Сартр (1905-1980). Экзистенциалистический взгляд на человека берет начало из конкретного и специфического осознания уникальности бытия отдельного человека, существующего в конкретный момент времени и пространства. Экзистенциалисты полагают, что каждый из нас живет как «сущий-в-мире», осознанно и болезненно постигая существование и конечное несуществование (смерть). Мы не существуем вне мира, и мир не имеет значения без нас, живущих в нем. Отвергая понятие, что человек является продуктом либо наследственных (генетических) факторов, либо влияния окружающей среды (особенно раннего влияния), экзистенциалисты подчеркивают идею о том, что, в конце концов, каждый из нас *ответственен* за то, кто

мы и чем становимся. Как сказал Сартр: «Человек не что иное, как то, чем он делает себя сам» [342, с. 15]. Таков первый принцип экзистенциализма. Следовательно, экзистенциалисты полагают, что каждому из нас брошен вызов – мы все стоим перед задачей наполнить нашу жизнь *смыслом* в этом абсурдном мире. Тогда жизнь и есть то, что мы из неё делаем. Разумеется, уникальный человеческий опыт свободы и ответственности за придание своей жизни смысла не даётся даром. Иногда свобода и ответственность могут быть тяжелой и даже пугающей ношей. С точки зрения экзистенциалистов, люди осознают, что они в ответе за свою судьбу и поэтому испытывают боль отчаяния, одиночество и тревогу [182, с. 483]. У Макиавелли эта проблема особенно остро встает в связи с обсуждением роли *судьбы* в психоистории человека и её последствий для истории человечества.

Гуманистические теории личности. Гуманистический подход к пониманию личности проявляется в том, что человек рассматривается как изначально *хороший*, которому потенциально присущи положительные духовные качества и высшие духовные потребности (самосовершенствование, стремление понять себя, смысл жизни, свое назначение в мире, потребности в красоте, гармонии, истине и т. п.). Но они выступают как *потенции*, которые могут реализоваться в реальной жизни человека, а могут и не реализоваться при неблагоприятных социальных условиях. Но даже если в данный момент у человека положительные духовные качества и потребности не проявляются, и он «негодяй» или «полное ничтожество», это не значит, что таким он останется навсегда. Всё равно остается *вероятность* того, что высшие духовные качества проявятся, поскольку они заложены в каждом как потенциал. Гуманистическая психология с оптимизмом воспринимает каждого человека и верит в его хорошие наклонности.

Макиавелли как гуманист (*см. гл. 1*), несмотря на его нелицеприятное восприятие человека в целом, верил в то, что в «***потенциале человек не так уж плох»***, иначе он не восхвалял бы «великодушие», «милосердие», «набожность», «искренность» и прочие добродетели, даже если при этом он и определяет некие условия – «польза», но эта польза не себе (не эгоистична), а Родине (социальная).

В общем, гуманистические психологи рассматривают людей как *активных* творцов собственной жизни, обладающих *свободой выбирать* и развивать тот стиль жизни, который ограничен только физическими или социальными воздействиями. Некоторые теоретики в значительной степе-

ни склоняются к таким же взглядам, в частности – Эрих Фромм, Гордон Олпорт, Джордж Келли и Карл Роджерс. Однако именно Абрахам Харольд Маслоу получил всеобщее признание как выдающийся представитель гуманистической и трансперсональной психологии.

Самой важной частью теории А.Маслоу, с точки зрения Р.Фрейджера и Д.Фейдимена, является модель иерархии потребностей, включающая полный набор мотивации человека [176]. Самая главная концепция А.Маслоу – это самоактуализация, высший уровень потребностей человека. Он различал два основных типа психологии – дефицитарную психологию и бытийную психологию, и был пионером разработки последней. А.Маслоу интересовало социальное применение его теории, особенно в утопическом обществе, для которого он придумал название ***зупсихея,*** а также для сотрудничества внутри человеческого общества, а этот процесс он назвал ***синергией.*** Здесь, на первый взгляд, А.Маслоу и Н.Макиавелли вроде бы находятся по разные стороны баррикад, однако при более детальном анализе у обоих мыслителей обнаруживается больше сходства, чем различия во взглядах на природу человека и общество.

Самоактуализация впервые получила концептуальное оформление на психологическом уровне в работах нейрофизиолога Курта Гольдштейна [268]. Он выступал как против господствовавшего в современной ему биологии и психологии принципа гомеостаза, редукции напряжения, как основной движущей силы поведения, так и против элементаристского подхода к целостному живому организму. Организмом, по К.Гольдштейну, движет тенденция максимально полно «*актуализировать заложенные в нём возможности*, свои способности, свою «природу». [268]. Он противопоставляет идею актуализации как единственной потребности живого организма постулированию многих частных «так называемых потребностей».

А.Маслоу утверждал, что жизнь человека нельзя понять, если не принимать во внимание ***наивысшие стремления***. Рост самоактуализации, стремление к здоровью, поиски идентичности и автономности, жажда прекрасного (и другие способы выражения стремления «наверх»), утверждает он, сейчас нужно принять безоговорочно как широкораспространенную и, возможно, универсальную тенденцию [311]. По А.Маслоу разрушительные силы в людях являются результатом *фрустрации*, или неудовлетворенных основных потребностей, а не каких-то врожденных пороков. Нельзя с уверенностью сказать, что Макиавелли не согласен с

этим тезисом, иначе его идеалом не была бы Лия, а была бы Рахиль*, не была бы жизнь активная, а созерцательная. Высшей *добродетелью*, как мы уже отмечали ранее с его точки зрения, является активная жизнь и деятельность на благо Родины. Его «святые» похожи на героев Древнего Рима, а не на святых отцов из римского календаря, его «идеал» высоконравственного человека не святой, а патриот. При этом он осознает, что в основе человеческого характера лежит такая общая для всех людей «черта», как то, что они *не знают предела своим желаниям* и при этом они не обладают достаточной способностью осуществить свои «аппетиты». Несоответствие между потребностями (у Макиавелли *цели*) и возможностями удовлетворить эти потребности (у него *средствами*) в конечном итоге и приводят к тем потрясениям и беспорядкам, которые мы наблюдаем в истории человечества. Именно это столь откровенное «описание» истории человечества, которое представил нам Макиавелли, многих первоначально шокировало, а затем вынудило долгие годы спорить о том, что же на самом деле он имел в виду, говоря о делах далекого прошлого.

Макиавелли предупреждает о том, что мы о прошлом не знаем всей правды, и при этом он замечает, что «прошлое не может тебя обидеть и у

---

* У Лавана было две дочери. Имя старшей Лия, а младшую звали Рахиль. Лия была слаба глазами, а Рахиль красива станом и лицом. Рахиль пасла стада родителей, но обе они были трудолюбивы и хорошо воспитаны. Иаков объяснил Лавану, что готов на брак с Рахиль, отслужив 7 лет бесплатно. По прошествии 7 лет Иаков требует у Лавана Рахиль, и тот собирает гостей на брачный пир. Затем Лаван подменяет Рахиль Лией. Многим кажется, что Иаков должен был бы распознать подмену, однако вот что гласит история того времени: самый подмен невесты был вполне возможен благодаря обычаю древнего и нового Востока – вводить новобрачную в брачный покой под покрывалом и притом во мраке: «не было ни светильников, ни другого никакого освещения сверх нужды, посему и совершился обман» (Иоанн Златоуст, Бес. 56, с. 598) (Лопухин). Утром же оказалось, что это Лия. «И сказал Лавану: что это сделал ты со мною? Не за Рахиль ли я служил у тебя? Зачем ты обманул меня? Лаван сказал: «В нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей». Лаван должен был бы предупредить Иакова о таком обычае ещё до того, как тот предложил отработать 7 лет за Рахиль. Однако беспринципному Лавану не нужна репутация честного и порядочного человека, ему нужно было пристроить старшую подслеповатую дочь, да еще и получить в виде дармовой силы Иакова. Далее он ему предложил «окончи неделю этой (т.е. с Лией как с вещью, *комен. наш – Л.А.*), потом дадим тебе и ту (т.е. Рахиль такая же вещь, *комен. – Л.А.*) за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет других». Иаков так и сделал, и окончил неделю этой. И [Лаван] дал Рахиль, дочь свою, ему в жены. Долго не было детей у Рахиль, между тем как у Лии было уже шесть сыновей. Иаков, вынужденный жениться на Лии, не любил ее; она же стремилась завоевать расположение мужа. Таким образом Бог вознаградил и утешил Лию, благословив её детьми (Быт. 29:31). Алигьери Данте в «Божественной Комедии» (Чистилище, песня XXVII: 100-108) так пишет о Лии:

Для зеркала я уберусь цветами:
Сестра моя Рахиль с его стекла
Не сводит глаз и недвижима днями.

Ей красота её очей мила,
Как мне – сплетенный мной убор цветочный;
Ей любо созерцанье, мне дела.

тебя нет причин ему завидовать», поэтому «люди хвалят не всегда с должным основанием старое время, а нынешнее порицают» [123, с. 188]. Тем не менее «события, в которых мы участвуем и которые находятся у нас перед глазами», мы не замечаем и не оценивает должным образом. «Познание открывает тебе их (действительность) со всех сторон, и, познавая в них вместе с хорошим много такого, что тебе не по нутру, ты оказываешься вынужденным оценивать их много ниже событий древности даже тогда, когда, по справедливости, современность заслуживает гораздо больше славы и доброй репутации, нежели античность» [123, с.188-189] (*коммен. – Л.А.*).

Возвращаясь к современным теориям личности, отметим, что наиболее важным во всей персонологии является вопрос *о мотивации*. А.Маслоу полагал, что люди мотивированы для поиска личных целей, это и делает их жизнь значительной и осмысленной [311]. Действительно, мотивационные процессы являются сердцевиной гуманистической теории личности. А.Маслоу представил нам описание человека как «желающее существо», которое редко достигает состояния полного, завершенного удовлетворения (удовлетворения желания). Полное отсутствие желаний и потребностей, когда (и если) оно существует, считает он, в лучшем случае недолговечно. Если одна потребность удовлетворена, то «всплывает» на поверхность другая, и уже она направляет «усилия» человека. Когда же человек удовлетворяет и эту потребность, следующая за ней «настойчиво» требует своего удовлетворения. В целом, жизнь человека характеризуется тем, что люди почти всегда *чего-то* желают. Также и у Макиавелли – человек существо «*ненасытное*».

А.Маслоу предположил, что все потребности человека *врожденные*, или *инстинктоидные*, и что они организованы в иерархическую систему приоритета или доминирования: физиологические потребности; потребности в безопасности и защите; потребности принадлежности и любви; потребности самоуважения; потребности самоактуализации, или потребности личного совершенствования [311]. А.Маслоу также даёт описание еще двух потребностей – в *гармонии* и *познании*, но чаще всего эти потребности присоединяют к потребности самоактуализации. Рассматривать каждую категорию потребностей в отдельности мы в данном случае не будем, представим лишь некоторые примеры «метапотребностей» и «метапатологий» с целью сравнения с аналогичным описанием «желаний», встречающихся в текстах Макиавелли, а также обнаруженных в его биографии. Итак, приведем примеры метапотребностей по Маслоу в сопоставлении с описанием у Макиавелли.

- Целостность (единство, интеграция, тенденция к тождеству, взаимосвязь, простота, организация, структура, дихотомия трансцендентного, порядок) – *у Макиавелли: логическое изложение фактов, простота слога, правила поведения, князь может заботиться о себе, только заботясь о государстве.* По Макиавелли сильная личность не только хо*чет*, но и *может* оперировать силами природы.
- Совершенство: необходимость, справедливость, точность, неизбежность, уместность, правосудие, завершенность, долженствование – *естественность, законность, уместность, т.е. как должно управлять в том или ином государстве, благоразумность государя.*
- Завершение: окончание, финал, утверждение, исполнение, судьба, рок – *достижение цели, судьба, рок.*
- Закон – справедливость, незапятнанность, порядок, законность, долженствование – *порядок, законность, долженствование, «цель государства – общее благо».*
- Активность: процесс, продвижение, спонтанность, саморегуляция, полное функционирование – *если цель поставлена, она должна быть достигнута.*
- Богатство: дифференциация, сложность – *государь должен обладать способностью применять различные способы правления государством.*
- Простота: честность, открытость, сущность, абстракция, основная структура – *сущность человека, честность* (в современных исследованиях, инспирированных трудами Макиавелли, при определении низкого макиавеллиста), *правда невоображаемая, а действительная о своей стране, структура текста при изложении своих мыслей у самого автора знаменитого трактата.*
- Красота: правильность, форма, живость, простота, богатство, целостность, совершенство, завершенность, уникальность, благородство – *правильность и форма произведения искусства* (Макиавелли сам восхищался искусством Древнего Рима), *героизм, патриотизм, добродетель.*
- Доброта: правота, желательность, долженствование, справедливость, добрая воля, честность – *добродетель, честность, сострадательность, «что может быть похвальнее для государя, нежели соединить в себе все лучшие из качеств».*
- Уникальность: особенность, индивидуальность, несравнимость, новизна – *благоразумный государь, новизна метода анализа исто-*

рических событий, читаем у Макиавелли: «твердо решил идти непроторенной дорогой» [123, с. 127].

- Ненапряженность: легкость, отсутствие напряжения, усилий, сложностей, изящество, совершенство – *у Макиавелли: легкость, отсутствие напряжения, усилий, сложностей, изящество при словесной перепалке с партнером по общению и при дипломатических переговорах.*
- Игра: забава, удовольствие, развлечение, юмор, изобилие, легкость – *у Макиавелли: легкость переговоров, юмор, забава, удовольствие.*
- Истина, честь, реальность: открытость простота, богатство, долженствование, чистая и незамутненная красота, завершенность, сущность – *у Макиавелли: слава, реализм, богатство фактов при анализе исторических событий, завершенность мысли, сущность и природа человека, анализируемого явления, решительность и рассудительность при принятии решения.*
- Самонадеянность: автономия, независимость, отсутствие необходимости в других для того, чтобы быть самим собой, самоопределение, выход за пределы среды, отдельность, жизнь по своим правилам – *у Макиавелли: независимость суждений, самостоятельность, автономия, отсутствие необходимости в других для того, чтобы быть самим собой, выход за пределы среды при решении моральной дилеммы, отдельность, жизнь по своим правилам, он советует пользоваться умением смотря по надобности, мерилом ценности человека является чувство собственного достоинства и самоуважения.*

Рассмотрим примеры метапатологий по А.Маслоу [312] и по аналогии приведем те, что представлены у Макиавелли:

- Недоверие, цинизм, скептицизм – *недоверие, цинизм, скептицизм.*
- Ненависть, антипатия, отвращение, расчет только на себя и для себя – *злость, корыстолюбие, отвращение,*
- Вульгарность, нетерпимость, отсутствие вкуса, бесцветность – *нетерпимость к другому, деспотичность, жадность, скупость, тщеславие, алчность*.
- Дезинтеграция – *подозрительность, боящийся других, осторожность, расчет, хитрость*.
- Утрата чувства собственного «Я» и индивидуальности, ощущение себя постоянно меняющимся и анонимным – *отсутствие чувства собственного «Я» и индивидуальности, ощущение себя анонимным, трусость*.

- Безнадёжность, нежелание чего-либо добиваться – *пассивность, подчинение высшим силам или государю как наместнику Бога на земле.*
- Гнев, цинизм, непризнание законов, тотальный эгоизм – *гнев, жестокость, тирания, эгоизм*, *ненависть, презрение, корыстолюбие, тщеславие, алчность.*
- Мрачность, депрессия, угрюмость, отсутствие интереса к жизни, параноидное отсутствие чувства юмора – *параноидальность, мрачность и угрюмость государя – тирана.*
- Перекладывание ответственности на других – *поиск виноватых.* Макиавелли считал, что без *нравственных* основ, без соблюдения *норм морали* невозможно построить государство.
- Бессмысленность, отчаяние, утрата смысла жизни – *упование на судьбу, религиозный аскетизм.*

Таким образом, в описании Макиавелли «обычного», «нового», «современного» человека и «государя» можно обнаружить праобраз того, что впоследствии А.Маслоу назвал стремлением человека к самоактуализации. Среди препятствий для самоактуализации А.Маслоу выделяет, во-первых, отсутствие «способствующего общества», в котором можно раскрыть свой человеческий потенциал наиболее полно. Макиавелли также считал, что *государство обязано создавать нормальные условия для всех граждан.* Во-вторых, сильное негативное влияние, оказываемое потребностями безопасности [182, с. 496]. Процесс роста требует постоянной готовности рисковать, ошибаться, отказываться от старых привычек. Это требует мужества. У Макиавелли это звучит как *«virtus»*. Следовательно, все, что увеличивает страх и тревогу человека, увеличивает также и тенденцию обращения к поиску безопасности и защиты. Очевидно и то, что большинство людей склонны к устойчивой тенденции сохранять специфические привычки, то есть придерживаться старого стиля поведения. Реализация же потребности в самоактуализации требует открытости новым идея и опыту. Таким образом, А.Маслоу приходит к выводу, что за искажение ценностного развития могут быть ответственны метапатологии. Слишком часто, добавляет он, это приводит к оскудению социальных чувств, неуважению к правам других и равнодушию к таким этическим ценностям, как благородство и сострадание. Это именно то, что исследователи отмечают у современного «варианта» так называемого «макиавеллиста».

Имя **Эриха Фромма** (1900-1980) среди основоположников гуманистического подхода к человеку занимает особое место. Ни один теоретик, считают Лари А. Хьелл и Дэниел Дж. Зиглер [182; 246], не смог настолько

выразительно обрисовать социальные детерминанты личности, как Эрих Фромм. С точки зрения Фромма, личность является продуктом *динамического взаимодействия между врожденными потребностями и давлением социальных норм и предписаний*. Он первым сформулировал теорию типов характера, основанную на социологическом анализе того, как люди в обществе активно формируют социальный процесс и саму культуру. В природе человека заложены уникальные экзистенциальные потребности, которые ничего общего не имеют с социальными и агрессивными инстинктами. Фромм утверждал, что конфликт между стремлением к свободе и стремлением к безопасности представляет собой наиболее мощную мотивационную силу в жизни людей [257]. Дихотомия *свобода – безопасность*, этот универсальный и неизбежный факт природы человека, обусловлен экзистенциальными потребностями. Он выделил пять основных экзистенциальных потребностей человека (*курсивом выделено то, что в той или иной форме можно обнаружить в теории Макиавелли или его психоистории*):

- *установить связи с другими людьми* (стремление о ком-то заботиться; если такая потребность не удовлетворяется, человек отстаивает эгоистические интересы с особой настойчивостью и не доверяет другим), (*создание государства*);
- *преодолеть свою пассивность*, создать что-либо, позволяющее почувствовать собственную значимость (неудовлетворение этой потребности приводит к деструктивности) (*смысл жизни человека заключается в труде*), («*подлая трусость тех, кто истолковывал нашу религию, имея в виду праздность, а не доблесть*» [123, с. 194];
- потребность *«в корнях»*, в стабильности, безопасности («*излагая события своего времени, невозможно не задеть многих*…» [123, с. 200]; «*какие почести воздаются древности*…» [123, с. 127]).
- потребность в идентичности, в *осознании своей непохожести*, уникальности (*успех на войне обеспечивают не деньги, а моральные силы – патриотизм и дисциплина*);
- потребность *в системе взглядов*, позволяющая понять и объяснить мир, людей (*см. гл 1.4. - миросозерцание Макиавелли)*;
- потребность в *объекте преданности*, в посвящении себя чему-то или кому-то (высшей цели или Богу), в чем заключался бы смысл жизни (*для Макиавелли – это была его Родина*).

Выражение этих потребностей и способы их удовлетворения зависят от условий общества, в котором живет человек. Различные общественные системы и культуры создают специфические типы личности, своеобразные потребности и формы поведения людей – «**социальные типы характера**».

В структуру личности (тип характера) «входит лишь совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы», и возникает он в результате общих для всех людей, живущих в данном обществе, чувств, переживаний и образа жизни. *(Макиавелли представляет образ «нового», «современного», **«деятельного»** человека, кроме того, при описании «государя» он указывает на то, что в связи с тем, что задачи, которые перед ним стоят, являются трудновыполнимыми, он должен быть **разным,** т.е. «гибкость» в современных психологических исследованиях).

Личность, считает Эрих Фромм [177], это результат динамического взаимодействия между врожденными потребностями и давлением социальных норм и предписаний. Под влиянием последних человек делает не то, что хочет или что ему нужно. У него возникают «псевдочувства» (например, он злится не потому, что злится, а потому, что в данной ситуации так положено), он не может быть самим собой и в то же время боится оказаться аутсайдером в обществе. Человека раздирают противоречия, и у него появляется мучительное чувство одиночества. Выходом из этой ситуации является «*рационализация*». В современных исследованиях феномена макиавеллизма эта идея находит своё воплощение в исследованиях клинико-психологического направления.

Человек объясняет себе, что ***подчинение нормам*** – это не рабство, а проявление собственной воли, поскольку он выполняет социальные нормы не потому, что от него этого требует общество, а потому, что это *нужно* ему самому. (В контексте психологии понимания, как методологической основы исследования феномена макиавеллизма – это интерпретируется как форма *самообмана*). Единственным средством, устраняющим чувство одиночества, является любовь. Только благодаря любви человек соединяется с другим человеком и через того – со всем остальным миром. Если у Макиавелли идея «любви к другому человеку» и не проступает столь выражено, как у Фромма, то другая форма любви – к Родине, у него ярко выражена. В определении отношения человека к нормам, у Макиавелли можно обнаружить идею «вовлечения народа в процесс управления» и «верховенство закона».

Люди соотносятся с окружающим миром в основном по двум направлениям: через *ассимиляцию* – приобретение и использование вещей (непродуктивный путь) и через *социализацию* – познание себя и других (продуктивный путь). Среди непродуктивных ориентаций Фромм выделяет четыре типа.

Рецептивный тип (receptive ucharacter) предполагает, что источник благ находится где-то вне личности, вследствие чего контакт с миром сводится к пассивным попыткам завладеть людьми и вещами. Такой человек

не настроен на то, чтобы отдавать кому-либо себя и свое материальное и духовное имущество, но постоянно ищет возможность его пополнения за счет других, поскольку его самооценка всегда занижена.

Эксплуативный тип (exploitative character) отличается от предыдущего наличием агрессии в отношении людей и вещей. Такой человек стремится сам завладеть тем, что представляет для него интерес.

Накопительный тип (hoarding character) выражается в стремлении во что бы то ни стало сохранить то, что уже есть в наличии. Такой человек копит все – деньги, вещи, чувства, мысли – для себя самого, нисколько не пытаясь изменить или обновить их.

Рыночный тип (marketing character) представляет собой продукт современной концепции рынка, где торговля перестает быть частным делом и начинает осуществляться гигантскими безликими корпорациями. «Для рыночной личности весь мир превращается в предмет купли-продажи – не только вещи, но и самого человека, его физической силы, ловкости, знаний, умений, навыков, мнений, чувств и даже улыбки» [257].

Все эти характеристики тем или иным образом соответствуют преставлению о личности «манипулятора-макиавеллиста», которые современные исследователи «вывели» из трактата Макиавелли.

В противоположность многообразию непродуктивных стратегий, Э.Фромм выдвигает лишь одну ***продуктивную***, имеющую три измерения. Условно эту стратегию можно обозначить как адекватную самореализацию [176]. В терминах Э.Фромма абстрактное понятие «продуктивной ориентации» воплощается в трех ипостасях: *труд, любовь, мысль*. В этом отношении между Фроммом и Макиавелли можно обнаружить сходство взглядов. Оба мыслителя считают, что человеку присущи экзистенциальные потребности, которые выявляются в ходе эволюции человеческой культуры, выражающиеся в наличии системы ценностей. Напомним, что Макиавелли выделяет три основы, на которых держится мир: это *Родина, доблесть и слава*, и три специфические особенности мира человеческой личности: это *труд, долг* и *мораль*.

С продуктивным типом характера у Э.Фромма связано также понятие биофилии – любви к жизни и особого рода этики, «которая имеет собственные критерии добра и зла. Добро – это всё то, что служит жизни; зло – всё то, что служит смерти. Поклонение жизни – это хорошо, ибо это уважение ко всему тому, что способствует росту и развитию. Зло – это то, что душит жизнь, сужает, зажимает (и, в конце концов, раздирает в клочья)» [257].

С точки зрения Фромма – и это его принципиальная позиция, – сущностные характеристики человека следует рассматривать как характеристи-

ки объективных условий, необходимых для его существования в качестве человека. «Если, – как пишет он, – мы хотим знать, что значит быть человеком, нам надо быть готовыми к тому, чтобы искать ответ не в области многообразных человеческих возможностей, а в сфере самих *условий человеческого существования*, из которых проистекают все эти возможности в качестве альтернатив» [178, с. 263-264] (*курсив наш – Л.А.*]. Макиавелли также ратовал за то, чтобы государство создавало достойные условия жизни для всех граждан страны.

Первой сущностной характеристикой, по мнению Э.Фромма, является так называемая ***дисгармоничность*** человеческой жизни [94], обусловленная «человеческой дилеммой» (human dilemma) [178]. В книге «Человек для себя» (1947) он утверждает, что утрата человеком инстинктивных механизмов и возникновение разума явились основополагающими причинами дисгармоничности существования человека. С одной стороны, утрата инстинктивных механизмов привела к тому, что человек, будучи частью природы, оказался биологически неприспособленным к жизни в ней, а с другой стороны, разум человека обнаруживает *проблемность* условий своего существования, сталкиваясь со множеством дихотомий. По мнению Э.Фромма, следует различать два вида дихотомий: экзистенциальные и исторические.

Экзистенциальные дихотомии свойственны самой природе человеческой жизни. «Только собственными усилиями человек может придать смысл своей жизни. Однако этот смысл *не подразумевает какой-то определенности,* уверенности и завершенности: в самом деле, поиск такой определенности делает невозможным поиск смысла» [178, с. 50] (*курсив наш – Л.А.*]. В то время как исторические дихотомии, хотя и присутствуют в жизни человека, не являются свойствами его природы. Их содержание специфично для каждого конкретного исторического периода развития общества, они создаются самими людьми, поэтому ими же могут быть и устранены.

Основное содержание понятия дисгармоничности человеческого существования как сущностной характеристики человека указывает на то, что человеческая жизнь не определена, не задана, не запрограммирована заранее [94, с. 15]. Если и можно говорить о заданности человеческой жизни, то только в том смысле, что она *задана как проблема*, как ряд экзистенциальных дихотомий, обнаруживаемых человеком с помощью его разума и требующих от него их разрешения. Как подчеркивает Э.Фромм, «человек – единственное существо… для которого собственное существование является проблемой, от которой он не в силах уйти» [178, с. 46-47].

В качестве второй сущностной характеристики у Э.Фромма выделяется такая особенность, как то, что «человек является существом свободным».

Это означает, что в его жизни с необходимостью должно присутствовать его самоопределение в той проблемной, и поэтому неопределенной жизненной ситуации, в которой он существует. У Макиавелли это свобода от сверхъестественного, сверхчеловеческого, а также это свобода его Родины, свободный город-коммуна, управляемый всеми во всеобщих интересах, который обязан своей свободой самому себе, а не папе или императору.

Характер, как определяет его Фромм, – это специфическая форма человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в определенном обществе. Субъективная функция социального характера состоит в том, чтобы направлять действия человека в соответствии с его практическими нуждами и приносить ему психологическое удовлетворение от выполняемой им деятельности. Приспосабливаясь к социальным условиям, человек развивает в себе *черты, побуждающие его захотеть действовать именно так, а не иначе.* В данном случае можно предположить, что в психологических исследованиях *понятие «макиавеллист» является собирательным, социальным типом личности,* которую исследователи выделили из описания поведения различных типов людей, представленного в трактате Макиавелли «Государь». В интерпретации самого учения Макиавелли наблюдаются порой диаметральные точки зрения, это нашло своё отражение и в *неоднозначности* представлений о так называемом «макиавеллисте», при описании и в исследовательских установках ученых, занимающихся данной проблематикой.

В современных исследованиях макиавеллизма сложились два разных направления: «критерий успешности психосоциальной адаптации» и «индивидуальная особенность, могущая привести к личностным и социальным дисфункциям». Исходя из представлений Э.Фромма о «человеческой дихотомии», можно объяснить *позицию* человека, которую он занимает по отношению к объективно присутствующим в его жизни *двухальтернативным противоречиям между разными сторонами действительности*. Это противоречие воспринимается человеком как проблема, требующая разрешения и выработки всеохватывающих представлений о мире и о себе, которые содержали бы готовые однозначные решения тех многочисленных экзистенциальных и исторических дихотомий.

В случае выработки продуктивных схем формируется тип характера, который он обозначает как «ориентированный на бытие» (названный впоследствии нормальной личностью) [94]. Такие продуктивные схемы ориентируют человека на *противоречивую заданность* его жизни в виде экзистенциальных дихотомий. Человек осознает, что его жизнь не определена,

не задана заранее, и только он сам должен искать и находить компромиссные решения многочисленных экзистенциальных дихотомий, не отрицая, а напротив, учитывая эти противоречивые требования действительности, при этом он должен опираться лишь на собственные способности и возможности.

По Э.Фромму понятие продуктивной активности означает, что любые формы человеческой активности порождаются самим человеком, поэтому эта активность не отчуждена от человека, напротив, он полностью сопричастен ей. В процессе осуществления продуктивной активности у человека возникают не просто мысли, образы, чувства, желания, или он совершает поступки, а именно *его* мысли*, его образы, его* чувства, *его* желания и *его поступок*. Э.Фромм пишет: «Неотчужденная активность – это процесс рождения, создания чего-либо и сохранения связи с тем, что я создаю. При этом подразумевается, что моя активность есть проявление моих потенций, что я и моя деятельность едины. Такую неотчужденную активность я называю *продуктивной активностью»* [69, с. 97].

Содержательная характеристика *непродуктивных схем* состоит в том, что они субъективно *отрицают противоречивую заданность* человеческой жизни в виде объективно существующих и неустранимых экзистенциальных дихотомий, тем самым ориентируя человека на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, *односторонний* способ жизни. Например, манипулятор принимает решение, что «все люди лгут, значит, я должен сделать это первым», или «все манипулируют, если я этого не сделаю, тогда будут манипулировать мною».

Отличительная особенность формирования непродуктивных схем заключается в том, что они навязываются человеку другими людьми на основе его иррациональной веры в могущество, мудрость или совершенство этих людей, следовательно, не предполагают его самоопределения [94, с. 18]. Исходя из этого положения Э.Фромма (об использовании продуктивных и непродуктивных схем), «образ государя», который Макиавелли стремился представить перед реальной личностью государственного деятеля, в большей степени соответствует образу *нормальной личности* (принимающей противоречивую заданность человеческой жизни), если сравнивать её с образом «идеального» государственного «деятеля-мечтателя», живущего в мире иллюзий и окруженного льстецами. «Ибо если вам любо слышать из уст людских похвалу, то хваления лживые и искательные никогда не могут быть вам угодными», – писал Н.Макиавелли в своем посвящении Святейшему и Блаженнейшему отцу, господину Климентину VII в «Истории Флоренции» [123, с. 200]. В то время как собирательный тип так называемого

современного варианта «макиавеллиста», исследуемого в рамках клинико-психологического и социально-психологического направления как фактор имморализма, следует считать именно *аномальной личностью*, так как она использует непродуктивные схемы, например, «нельзя доверять людям, следовательно, ими нужно манипулировать».

Рассмотрим еще одно направление, которое поможет понять роль и значение изучаемого феномена макиавеллизма в структуре современного психологического знания о природе и поведении человека, а именно – индивидуальную психологию (Individual Psyhology).

Основателем ***«индивидуальной психологии»*** явился крупный участник психоаналитического движения, австрийский психолог **Альфред Адлер** (1870–1937), длительное время работавший в Европе, а затем переселившийся в США [176], [182]. «Социологизируя» психоанализ, А.Адлер в противовес З.Фрейду отвергал идею разделения личности на три инстанции («Оно», «Я» и «Сверх-Я») и ориентировался на принцип *единства личности* и примат *социальных факторов* в человеческом поведении. А.Адлер рассматривал социальные побуждения, социальные чувства как основу человеческого существования, а индивида – как изначально ***социальное существо***.

В качестве духовных характеристик человека А.Адлер рассматривал, его *биологическую неполноценность*, а также его соотнесенность как *существа социального* со всем человечеством. Индивидуальная психосоциология, по А.Адлеру, ориентирована на то, чтобы расшифровать связь бессознательного начала в человеке и его атрибутивную солидарность с прочими людьми. Основным критерием, эффективным индикатором «феноменов психической жизни», по А.Адлеру, выступает «социальное чувство» (или «социальный интерес»), выражающее связь между людьми в человеческой общности в целом. Именно «социальность», коллективность являют собой смысл жизни.

В системе А.Адлера процесс борьбы за превосходство явился серьёзным переосмыслением ницшеанской концепции ***воли к власти***. Адлеровское понятие социального интереса является диаметрально противоположным ницшеанскому индивидуалистическому взгляду на мир и в большей степени соответствует воззрениям Макиавелли. У*порядочить государство должен один человек,* писал в своё время Макиавелли, но его «образ-мечта» о сильном государе содержит в себе одно важное положение – он *заботится об интересах своей страны, своих граждан.*

Важнейшими категориями индивидуальной психосоциологии А.Адлера являются «***комплекс неполноценности***» (inferiory complex) и «***принцип***

компенсации и сверхкомпенсации». «Чувство неполноценности само по себе не является ненормальным, оно – причина всех улучшений в положении человечества» [201, с. 117]. Адлер считал, что в силу различных неблагоприятных условий развития у многих индивидов еще в детстве возникает или формируется «комплекс неполноценности» («чувство неполноценности»), оказывающий исключительное влияние на их дальнейшую жизнедеятельность. Чувство неполноценности вызывает у индивида неосознанное стремление к его преодолению. Данное стремление порождается «социальным чувством», в свою очередь обусловленным неспособностью человека жить вне общества. От «социального чувства», по Адлеру, зависит и чувство превосходства, и единство личности, и ее душевное здоровье. Во всех человеческих неудачах, в непослушании детей, в неврозах и нейропсихозах, в преступности, самоубийстве, алкоголизме, морфинизме, кокаинизме, в половых извращениях, фактически при всех нервных проявлениях можно обнаружить проявленность неудовлетворения столь необходимого чувства социальности. При изучении феномена макиавеллизма это можно обнаружить при клинико-психологических исследованиях.

По мнению А.Адлера, стремясь самоутвердиться среди других, индивид пытается преодолеть («компенсировать») свою реальную или мнимую «неполноценность» посредством стимуляции собственных способностей. Он выделял различные виды компенсации и соответствующие им «***стили жизни***» (life style):

- успешная компенсация чувства неполноценности в результате совпадения стремления к превосходству с социальным интересом;
- сверхкомпенсация, означающая одностороннее приспособление к жизни в результате чрезмерного развития какой-то одной черты или способности, формирующей личность;
- уход в болезнь.

Если человек не может освободиться от чувства неполноценности, он не может прийти к компенсации «нормальными способами» и «вырабатывает» симптомы болезни, чтобы оправдать свою неудачу. В таком случае, считает А.Адлер, возникает невроз.

Возможно, с позиций индивидуальной психологии «государь», о котором мечтал Макиавелли, относится к «успешной компенсации». В современных исследованиях эти идеи воплотились в исследованиях проблемы эффективного *лидерства.* «Сверхкомпенсация» по Маслоу у Макиавелли, возможно, фигурирует в образе *«государя-тирана»*, а в современных исследованиях феномена макиавеллизма это нашло своё отражение в изучении так называемого *«макиавеллиста»*. Такой стиль жизни, как «уход в

болезнь», по Маслоу, в современных исследованиях изучается в таком направлении исследования, как виктимиология, или «поведение жертвы как великой манипуляции».

В структуре индивидуального стиля жизни по Адлеру центральное место занимает ***целевая система личности*** – человек преследует определенные цели, к достижению которых он стремится, и эти цели обусловлены уровнем развития *социального интереса* и *стремлением к превосходству*. В понимании А.Адлера, для больных неврозами характерно снижение уровня активности, необходимого для правильного решения своих жизненных проблем. Они хотят, чтобы другие им помогли разрешать их повседневные заботы, баловали и все прощали. «Они борются за свои *эгоистическ*ие жизненные цели» – эти слова в равной степени можно отнести не только к А.Адлеру, но и к Н.Макиавелли.

Стиль жизни, по А.Адлеру, определяет основные типы личности: *управляющий, берущий и избегающий*. Однако следует помнить, что адлерианское направление в психологии выдвигает утверждение позитивной природы человека, и именно «чувство неполноценности» подталкивает человека к преодолению, начиная со «стремления к превосходству» и заканчивая «стремлением к совершенству». Поэтому Адлер выделяет еще один тип личности, который считается социально зрелым, – *социально полезный*, который проявляет истинную заботу о других и заинтересованность в общении с ними.

Итак, нормальный человек – это человек, который живет в обществе и в своем образе жизни столь хорошо адаптирован, что хочет он того или нет, а общество извлекает определенную выгоду из его деятельности. Кроме того, у зрелого, взрослого человека, которого можно назвать нормальным, здоровым человеком, достаточно энергии и смелости, чтобы открыто встречать проблемы и трудности, которые случаются в его жизни. У людей же с психопатологическими отклонениями оба этих качества отсутствуют. Они социально неадаптивны (с точки зрения не самой личности, а социума) и не способны самостоятельно справляться с повседневными трудностями жизни. Именно поэтому трудно поставить знак равенства между истинным содержанием учения Макиавелли и современным вариантом «макиавеллизма личности». Вне сомнения, что в содержании трактата Макиавелли присутствуют все те характеристики, которые современные исследователи обнаруживают у «макиавеллистов», однако, как было показано ранее, сам Макиавелли не настаивал на том, что это «плохо» или «хорошо», что так оно до́лжно быть, он лишь описывал то, как оно есть на самом деле. Между в представлении обычного человека «манипулятор-макиавеллист», являет-

ся именно таким. Подобная установка присутствует не только в обыденном представлении. Исследователи также при изучении проблемы макиавеллизма априорно придерживаются той или иной точки зрения на данный феномен.

В контексте интересующей нас проблемы выделим еще одно направление – ***социокультурную теорию личности***. Первым известным теоретиком нефрейдистской социологии явилась эмигрировавшая из Германии в США в 1932 г. врач и социолог Карен Хорни (1885—1952). Полагая, что психоанализ З.Фрейда имеет «анатомо-биологическую» ориентацию, Хорни пыталась преобразовать его в психосоциологическую доктрину с преимущественно социологической направленностью. По ее мнению, необходимо исследовать не столько «универсальные, общечеловеческие» проблемы, сколько вопросы, вызванные к жизни специфическими жизненными условиями конкретной культуры. Относительно данного положения, у Макиавелли в главах I, II и III трактата «Государь» можно провести параллель с описанием того, «*скольких видов* бывают государства и как они приобретаются». В V, VI и VII же главах Макиавелли описывает, «как должно управлять городами и государствами» в зависимости от того, как в них проживали граждане *до того, как были завоеваны* (жили по своим законам), или *каким способом* была приобретена власть (доблестью, чужим оружием, злодеяниями или милостью судьбы).

Возвращаясь к теории К.Хорни, отметим, что она отошла от фрейдовской убежденности в «анатомии судьбы» и уделила больше внимания культурным факторам. Отличительными чертами концепции К.Хорни были: роль **культуры** и концепция **невроза** как ряда защитных реакций на базовую тревогу (*basic anxiety*). Чувство беспомощности в потенциально враждебном мире, от которого дети пытаются избавиться, развивает стратегию защиты, стремясь обрести любовь и власть или стремясь к уединению. Она считала, что сущность человека коренится в чувстве ***беспокойства***, на формирование которого оказывают воздействие *раздражительность, лицемерие, безразличие, жестокость* взрослых по отношению к ребенку. Кроме невротической потребности в любви в работе «Невротическая личность» К.Хорни рассматривает также проблему погони за властью, престижем и обладанием, возникающую тогда, когда человек не надеется найти любовь. Эти стратегии не только в принципе саморазрушительны – они противоречат друг другу, так как люди принимают не одну, а сразу несколько подобных стратегий.

Как считает К.Хорни, человек обладает неким реальным «Я», требующим благоприятных условий для реализации. Когда человеком движут за-

щитные стратегии, а не подлинные чувства, от отдаляется от своего реального «Я». К.Хорни различала защитные стратегии двух видов: межличностные, которые мы используем в общении с людьми, и интрапсихические, которыми мы оперируем для самих себя.

Человек, пытаясь справиться с базовой тревогой, либо находит решение в уступчивости, принижении себя и движется навстречу людям, либо принимает агрессивное и экспансивное решение и движется против людей, либо принимает решение в пользу отдаления от всех и уединения – движется прочь от людей. Здоровые люди, в зависимости от ситуации, *гибко движутся во всех трех направлениях*, однако при возникновении невроза эти движения становятся вынужденными и беспорядочными. Каждое решение включает комплекс поведенческих паттернов и черт личности, концепцию справедливости и ряд убеждений о природе человека, человеческих ценностях и условиях жизни. Оно также содержит сделку с судьбой (*bargainwithfate*), при которой подчинение предписаниям данного решения должно быть вознаграждено [176, с. 199 - 200].

По Хорни люди с доминирующим решением в пользу ***уступчивости*** (*the compliantsolution*) принимают христианскую систему ценностей (Макиавелли в данном случае в качестве примера мог бы проанализировать судьбу Савонаролы), которая обеспечивает им системы защиты. Они должны сохранять в себе веру в то, что надо подставить вторую щеку, если тебя ударили по первой. Чтобы воплотить свой план (заслужить любовь и одобрение других людей), скромные люди подавляют свои агрессивные тенденции, однако особой привлекательностью для них обладают люди экспансивные, через которых они контролируют жизнь опосредованно. Зачастую у людей уступчивого типа возникает «патологическая зависимость» от партнёра, которая служит условием формирования манипулятивной установки по типу «*зависимой жертвы*», которая теряет себя в пространстве другого человека и полностью зависит от него.

Среди экспансивных решений Хорни выделяет нарциссические перфекционистские и надменно-мстительные. При изучении феномена макиавеллизма эти направления исследования становятся актуальными в русле клинико-психологического направления, интерпретирующего «макиавеллизм» как негативное явление и определяющего его как индивидуальную особенность, которая может привести к личностным и социальным дисфункциям.

Люди, у которых доминируют *экспансивные решения* (*the expansive solutions*), считает К.Хорни, ненавидят беспомощность, стыдятся страданий, им нужны достижения и успех, престиж и признание. Люди, вы-

бравшие *нарциссицеское решение* (*the narcissistic solutions*), стремятся получить власть над жизнью посредством «восхищения собой и попыткой очаровать» [275, с. 212]. В то время как люди с чрезмерно высокими моральными и интеллектуальными стандартами находят прибежище в *перфекционистском решении* (*the perfectionistic solutions*), на основании которого они могут презирать других людей. *Надменно-мстительные решения* (*thearrogant-vindictive solution*s) характерны для людей, испытывающих потребность в мести и победе. Им кажется, что мир – арена, на которой в дарвиновском смысле выживает только тот, кто более приспособлен, и сильный побеждает слабого [276, с. 64]. Единственный закон морали, с их точки зрения, – это сила. В отношениях с другими людьми они безжалостные соперники и циники. Они хотят быть жесткими и упорными, считая любое проявление чувства признаком слабости. В конце концов, заключают сделку с самими собой и не рассчитывают, что мир им что-то даст. При этом они убеждены, что могут достичь своих честолюбивых целей, только если будут придерживаться взгляда на жизнь как на поле битвы и не поддадутся влиянию морали или каким-то нежным чувствам. Если их экспансия терпит поражение, у них проявляются тенденции к скромности, отходу в тень и самоуничижению.

Яго: «… Есть другие:
Они как бы хлопочут для господ,
А на поверку – для своей наживы.
Такие далеко не дураки.
И я горжусь, что я из их породы» [192].

В современном гуманитарном познании проблема манипуляции индивидуальным и общественным сознанием и поведением, как и изучение феномена макиавеллизма, рассматривается в 2-х основных аспектах: нарушение прав человека и нарушение взаимопонимания между людьми. Это, как и первая составляющая макиавеллизма как черты личности, *убеждение в том, что при общении с другими можно и даже нужно манипулировать*, в основном изучается в русле гуманистического направления. В то время как вторая составляющая – *конкретные навыки* и *умения манипуляции*, в большей степени соответствует предмету исследования такого направления современной психологии, как бихевиоризм.

Б.Ф. Скиннер и радикальный бихевиоризм. Долгие годы Бэррес Фредерик Скиннер (1904-1990) был самым известным в США психологом, но значение его работ выходит далеко за пределы профессиональной психологии. Пожалуй, никто со времен Макиавелли не испытывал такой жесткой критики и не был настолько почитаем в одно и то же время, как З.Фрейд и

Б.Скиннер. Как и их предшественника, их чаще всего цитировали и в то же время искажали. Однако Б.Скиннер, в отличие от Макиавелли, имел возможность участвовать в дебатах с оппонентами. Кроме того, громадное личное обаяние Скиннера и его готовность обсуждать любое из его предположений, подкрепленных абсолютной и непоколебимой верой в фундаментальность его выводов, способствовали тому, что Б.Скиннер стал центральной фигурой в современной психологии.

Его идейными предшественниками, как признавался в том сам Скиннер, были английский ученый и философ Френсис Бэкон (1561-1626) и Чарльз Дарвин. Б.Скиннер формулировал три принципа Бэкона, которые определили его профессиональную деятельность так: 1. «Я изучал природу, а не книги»; 2. «Чтобы управлять природой, ей нужно подчиняться»; 3. «Лучший мир возможен, но он не возникает внезапно, случайно. Он должен быть тщательно спланирован и создан в соответствии с этим планом, главным образом при помощи науки» [350]. Как мы отметили ранее, эти идеи можно обнаружить также и у Макиавелли. Он был в гуще политических событий, знания черпал в основном из реальной жизни, но сопоставлял их с историческими фактами, для того чтобы вывести законы, по которым можно было бы управлять государством.

Косвенным результатом исследований Чарльза Дарвина и последующего развития эволюционной теории была мысль о том, что изучение животных может пролить свет на человеческое поведение. Многие психологи, включая Б.Скиннера, предполагали, что люди по своей сути не отличаются от животных. Несмотря на то, что такой взгляд воспринимается и по сей день как крайность и находит среди ученых всё меньшую поддержку, именно его Б.Скиннер взял за основу своих исследований. При изучении феномена макиавеллизма в психологии также выделяется эволюционное направление, в основу которого положено такое понятие, как «макиавеллисткий интеллект».

Б.Скиннер утверждал, что личность в качестве отдельной категории не фигурирует в научном анализе поведения. Личность, по определению Б.Скиннера, есть набор поведенческих шаблонов. Различные ситуации вызывают различную реакцию. Реакция же индивидуума зависит исключительно от предыдущего опыта и генетической истории. Он называл такие категории как свобода, автономный человек, достоинство, творчество надуманными объяснениями. С точки зрения бихевиоризма, использование подобных терминов для объяснения поведения абсолютно неправомерно, и Б.Скиннер был уверен, что такой подход в действительности вредит науке, приводя исследователей к иллюзии происходящего, так что у

них не остаётся стимула искать факторы, которые реально контролируют поведение [176].

Серия опытов, проведенных Милтоном Эриксоном [251], показала, что людей, находящихся в состоянии гипнотического транса, можно побудить к совершению различных действий. Пока испытуемый был загипнотизирован, Э.Эриксон внушал ему, что именно надо делать. В подавляющем большинстве случаев человек, выйдя из гипноза, выполнял «приказ». Однако ни при каких обстоятельствах никто из участников эксперимента позже не мог вспомнить, что находясь в состоянии транса, он подвергался внушению. Сколько бы потом их ни спрашивали о причинах, побудивших совершить тот или иной поступок, участники эксперимента придумывали массу различных объяснений (и сами в них верили). Посторонний, выслушивавший эти объяснения, пришел бы к выводу, что абсолютно все эти люди действовали по своей воле. Подвергшиеся эксперименту были твердо убеждены, что их поведение определялось лишь их собственными решениями. А те, кто наблюдал за экспериментом, были точно так же твердо уверены, что свободная воля – вовсе не единственное объяснение для поведения испытуемых, которые не могут вспомнить происходившее в момент гипноза. В этой связи вспомним слова великого французского философа Жан Жака Руссо (1712 – 1778), который писал, что никакая другая форма подчинения себе не является более совершенной, чем та, при которой сохранятся видимость полной свободы. Ле Бон в своё время также отметил, что эффективнее всего в манипуляции сознанием действуют слова, которые не имеют определенного смысла, которые можно трактовать и так, и этак. К таким словам он отнес слова *свобода, демократия, справедливость* и т.п. Эти слова были и остаются самыми боевыми во всей идеологической программе перестройки и реформы.

Б.Скиннер предположил, что *ощущение свободы* не является свободой как таковой; более того, он утверждал, что наиболее репрессивные формы контроля – это именно те, которые укрепляют в человеке ощущение свободы. Примером может служить ощущение свободы выбора у избирателей при голосовании за кандидатов со сходными программами. Эти репрессивные методы ограничивают и контролируют человеческую деятельность едва уловимо, они практически неразличимы для тех, кто подвергается воздействию.

Достоинство (хорошая репутация, слава) представляет собой такое же надуманное объяснение, как и свобода. Примечательно, что «репутация, которой обладает человек, связана с видимыми причинами его поведения. Мы откажем ему в доверии, если эти причины покажутся нам подозритель-

ными… Мы считаем, что кашель, чиханье или рвота никак не украшают человека, даже если их результаты могут быть очень полезны. Из-за этого же мы не доверяем поступкам человека, который испытывает к нам антипатию, хотя такие поступки и могут быть исключительно ценными по своим результатам» [цит. по 176, с. 367]. Правила и обязанности как моральные и этические категории являются примером гипотетических интернализированных законов, которые окружают нас, замечает Б.Скиннер [351].

Один из основных вкладов, сделанных Б.Скиннером в развитие бихевиоризма – это выявление тех факторов, которые меняют поведение или оставляют его неизменным. В частности, *респондентное поведение* может быть достаточно просто изучено и продемонстрировано. Рекламодатели, связывающие привлекательного человека на экране или на плакате с определенным товаром, пытаются лишь сформировать у зрителя ассоциацию и вызвать запланированную реакцию. Они рассчитывают, что в результате подобного сопоставления потребители будут позитивнее реагировать на этот товар. Но более продуктивным в плане управления поведением является оперантное поведение. Разработки в данном направлении используются в психотерапии и педагогике как подтверждение существования не только отрицательной, но и позитивной манипуляции, т.е. направленной во благо человека.

Оперантное поведение – это поведение, возникающее спонтанно, оно «усиливается или ослабляется теми событиями, которые за ним следуют. В то время как респондентное поведение определяется предыдущими событиями, оперантное поведение зависит от своих последствий» [336, с. 3]. Обусловливание какого-либо действия зависит от того, что происходит после прекращения этого действия. Б.Скиннер был буквально заворожен оперантным поведением, потому что видел, что оно связано с гораздо более сложными процессами, нежели респондентное.

Итак, практически любое естественно возникающее поведение человека или животного можно вызвать искусственно, можно добиться, чтобы оно появлялось чаще и более выраженно, можно также его по-разному направлять. Но в данном случае это не означает, что мы управляем человеком как марионеткой, а лишь указывает на то, как индивид классифицирует мир, в котором он совершает поступки. Результат этих действий оказывает влияние на мир, а последний, в свою очередь, влияет на человека. В этом отношении Макиавелли, возможно, согласился бы со Скиннером и признал бы уместность такой интерпретации поведения человека.

Таким образом, мыслитель разделяет взгляды не только представителей гуманистического направления современной психологической науки,

но и идеи бихевиоризма о том, что различные виды поведения, порождаемые в сложных ситуациях, отбираются, закрепляются и реорганизуются. Макиавелли, также как представителей различных школ и направлений современной психологии, интересует такое поведение, которое имеет определенное воздействие на окружающий мир и возникает в результате столкновения человека с необходимостью решать задачи, выдвигаемые жизнью. Последствия поведения могут играть роль обратной связи для организма. В этом случае они изменяют вероятность осуществления поведения, породившего их. Однако вслед за Макиаевелли, вступившим в воображаемый диалог с современной психологической наукой, зададимся вопросом: почему же в истории одного индивида такой механизм, как «обусловливание», «поощрение» и «наказание», проявляет своё действие, а в истории человечества нет?

3.3. Перспективы исследований макиавеллизма в свете современных достижений в области психологии

3.3.1. Расширение рамок теории личности и возможности изучения феномена макиавеллизма

Исследование макиавеллизма в западной психологии, как было отмечено ранее, началось в 60-70 гг. прошлого столетия, а на постсоветском пространстве его интенсивное изучение относится к началу нынешнего столетия. Такое запаздывание в некоторой степени объясняется социально-политическими процессами, происходящими в обществе. Марксизм достаточно убедительно доказал, что специфика социальной формы движения материи определяется, в конечном счете, производством. Интерес к проблеме макиавеллизма обусловлен тем, что манипулятивная стратегия поведения ввиду целого ряда экономических и политических причин, порождаемых условиями современной действительности, становится наиболее предпочтительной для многих в силу кажущейся легкости достижения личных целей. Таким образом, новые социально-экономические отношения и культурно-идеологические процессы, происходящие в нашем обществе, поставили перед учеными различных областей знания (политологами, социологами, историками, психологами и клиницистами и др.) новые задачи, среди которых проблема «макиавеллисткой личности» занимает определенно значимое место. Однако она находится в тесной взаимосвязи с общим состоянием науки психологии и со степенью разработанности проблемы изучения личности в целом, поэтому конспективно представим наиболее

значимые учения, которые заложили, на взгляд автора, теоретические основы для экспериментального изучения проблемы макиавеллизма личности.

Согласно К.А. Абульхановой-Славской, в советской психологии личности последние два десятилетия прошлого века могут быть выделены в отдельный период развития [4]. Признаками этого периода являются:

- обращение к исследованию *реальной личности*. Отметим, что в 20-30 гг. XX в. советская психология также была ориентирована на изучение реальной личности, однако в основном это была личность ребенка. Позднее в отечественной психологии обратились к изучению взрослого человека, однако это была некая «идеальная личность» – личность советского человека, так называемая «гармонически развитая личность». На современном этапе развития психологии интерес к изучению реальной личности взрослого человека возник снова в рамках становления клинической психологии, в частности, таких её разделов, как психологическое консультирование и терапия;
- *сближение психологии личности и этики*, обращение к нравственно-ценностным аспектам поведения, мышления и мотивации;
- особое внимание к проблемам *психического здоровья* (психотерапия и консультирование);
- благодаря разработке Б.Ф. Ломовым *системного подхода*, конкретные проблемы психологии личности (эмоций, способностей, мотивации) стали исследоваться не сами по себе, а в составе более общей системы личностного знания. На основе таких системных исследований активно развивается типологический подход.

Типологические исследования можно разделить на два направления:

- построение типологии по тем или иным заранее выделенным основаниям (*априорное*);
- обобщение существующих в реальности типов (*апостериорное*).

Примером первой типологии может быть модель, предложенная Э.А. Голубевой [54]. Она изучает способности и наклонности человека и полагает, что их первоосновой могут быть три особенности: *активность, саморегуляция и направленность*. Этот пример демонстрирует вариант типологии, построенной на **структурной и структурно-функциональной** модели личности и ее свойств. Типология Э.А. Голубевой построена по типу «организм – личность».

Примером второй типологии, построенной не на структурных, а на **функциональных** принципах, является модель К.А. Абульхановой-Славской [3]. Эта типология охватывает соотношение «личность – жизнен-

ный путь», а не «организм – личность», или «личность – деятельность». В основание типологии были положены активность как аналог направленности и саморегуляция. Выделены две формы активности: *ответственность* и *инициатива*. Саморегуляция рассматривалась как механизм активности, а последняя – как способность личности. Становясь свободным и ответственным, индивид формирует нормативное поведение, осознанно принимая на себя ответственность за соблюдение «писаных» законов, которые, в свою очередь, предполагают сохранение прав и свобод окружающих его людей, а также «неписаных» норм – традиций и стереотипов, принятых в той или иной микросоциальной среде. В характеристике нового Человека, представленного Макиавелли, неизменно присутствует такая характеристика, как активность, инициатива и, в конечном итоге, он указывает на ответственность государя за свои действия, которые привели к определенному результату (благоприятному или, напротив, к поражению).

В соответствии с одним из признаков современных исследований в области психологии личности, активно изучаются морально-нравственные особенности личностной организации: это исследование идеалов личности, которые могут выступать в качестве совокупности норм поведения. Идеал, как указывает Владимир Даль, это мысленный образец совершенства чего-либо, в каком-либо роде, первообраз, прообраз, началообраз; представитель. И далее, как отдельное значение добавлен «образец-мечта» [64]. Макиавелли всей своей жизнедеятельностью также демонстрирует стремление к «образцу-мечте» о том государе, который сможет укрепить и защитить его Родину.

Современные исследования убедительно показали, что при изучении морально-нравственного развития личности важно учитывать связи *личностных* и *моральных* механизмов (Н.В. Дубровина), а также *моральных* и *интеллектуальных* механизмов (А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, Л.В. Темнова) [64], [37], [49], [133]. В частности, в российском исследовании проверялась гипотеза Л.Колберга об опережении морального развития интеллектуальным и была получена типология, в которой *первый тип* соответствует представлению Л.Колберга о зависимости морального развития от интеллектуального (дети, не достигшие интеллектуального уровня, не рассматривали моральные задачи как проблемы). *Второй тип* – дети с невысоким интеллектуальным развитием, также демонстрировали высокий уровень морального развития. Это направление продолжает развиваться в русле психологии субъекта, психологии понимания, и находит своё отражение в социально-психологическом направлении исследования проблемы макиавеллизма как фактора имморализма.

Феномен и закономерности процесса понимания рассматриваются В.В. Знаковым [84] с позиции исследования явлений «правды» и «лжи». В отличие от понятия *истины*, которая выражает общезначимую констатацию соответствия высказывания действительности, *правда* – это категория, выражающая ценностную ориентацию человека, его ***мировоззрение***. Кроме того, «правда» основана на традиции, вере, представлении о *справедливости* в отношениях между людьми. Феномен правды изучается в соотношении с другим явлением психологии понимания – ложью. При этом подчеркивается, что если истина выражает соответствие знаний миру, то правда выражает также и степень адекватности наших *оценок* социальных событий и является атрибутом канала коммуникаций. Степень правдивости сообщения всегда обусловлена ***целями*** говорящего и слушающего, поэтому правда всегда изучается в связи с оценкой *мотивации* коммуникацирующего субъекта. В.В. Знаков рассматривает феномен лжи, её виды и психологические механизмы. Одним из видов ***лжи*** является инструментальная ложь как средство достижения личных целей. Выявлена также *нравственная ложь* (ложь во спасение, «whitelie»), которая операционально проявляется через стремление обмануть ради спасения, например, невиновного обвиняемого. В психологическом смысле ложные показания перестают быть ложью. В сознании нравственная ложь не связана с такими чертами личности, как «лживость» и «нечестность». Иногда явная ложь может пониматься и как ***благородная правда***. Известный философ И.А. Ильин считал, что следует различать неправду и ложь. *Неправда* – это неверное слово об эмпирической действительности, а *ложь* – несоответствие высказываний человека его духовным состояниям [87]. На основе изучения классификаций ложных убеждений [84], [197], [230] были выделены следующие виды *обмана:*

- эгоистический;
- альтруистический;
- ненамеренный;
- невербализованный.

Такое разделение наметило пути решения проблемы макиавеллизма, которую можно обозначить как проблему взаимопонимания и использования обмана в процессе взаимодействия, во взаимосвязи с проблемой самопонимания**,** как процесса и результата наблюдения и объяснения человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения. ***Самопонимание*** проявляется как умение обнаруживать смысл поступков, как способность отвечать на причинные вопросы относительно своего характера, мировоззрения, а также в отношении к себе и другим людям. Вместо вопроса, характеризующего самопознание «Какой Я?», в данном случае задается вопрос «Почему я так

поступил?». При изучении макиавеллизма личности это направление исследования позволяет рассматривать данный феномен с позиции нормальной личности. Позиция нормальной, здоровой личности вырабатывается человеком самостоятельно на рациональной основе, т.е. на основе знаний, источником которых являются его собственный *опыт* и *разум*. Учение Макиавелли именно эти две составные и выделяет в качестве основных ориентиров в жизни человека.

Изучение проблем «***жизненного пути»*** личности, начатое еще в начале прошлого века в работах Ш.Бюлера и С.Л. Рубинштейна, исследуется в работах исследователей К.А. Абульхановой-Славской [3], Л.И. Анцыферовой [19], Б.С. Братусь [35], Т.Н. Березиной [31] и др. Исследователь Л.И. Анцыферова разрабатывает ***динамическую*** концепцию личности, в русле которой рассматриваются представления о выходе личности за свои пределы, условия достижения оптимального жизненно-деятельностного состояния, поиск новых мотивов и др. Интеграция личности с настоящим и будущим способствует усилению ее энергетических и смысловых возможностей, переходу на новые уровни развития. Исследуется поведение личности в трудных жизненных ситуациях, выявлены различные типы поведения, направленного на преодоление человеком преград и определение адекватных форм реагирования на негативные события.

Еще один пласт проблем в русле интересующей нас проблематики – это исследование трудных жизненных ситуаций, поведения человека в таких ситуациях и форм ***совладающего поведения*** (*coping behavior*), которые находятся в центре внимания исследователей Л.И. Анцыферовой [19], С.К. Нартова-Бочавер [133] и др. Психологическое преодоление – это индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями. В широком смысле слова *coping* включает все виды взаимодействия субъекта с задачами внешнего или внутреннего характера – попытки овладеть или смягчить, привыкнуть или уклониться от требований проблемной ситуации. Частично это понятие пересекается с понятием *психологических защит*, однако оно шире, потому что включает не только ментальную, но и фактическую реальность.

Ф.Е. Василюк рассматривает стресс одновременно и как критическое событие, и как перманентное жизненное состояние [73]. Категориальное поле, стоящее за понятием стресса, он обозначает термином «*витальность*», понимая под ним неустранимое измерение бытия, «законом» которого является установка на «здесь-и-теперь». Соответственно, «нормальными» условиями жизни считается непосредственная данность всех жизненных благ.

В мотиве еще не дифференциируются конкретные функции (побуждения, направления, смыслообразования), единственным побудителем и источником содержания жизнедеятельности обитающего в нем существа является, как считает автор, жизненный мир, который имеет внешний и внутренний аспекты. Внешний мир может быть *легким* либо *трудным*. Внутренний – *простым* или *сложным*. Наиболее существенные отличия переживаний разных типов проявляются в их отношении, с одной стороны, к свершившемуся событию бытия, создавшему критическую ситуацию, т.е. к реальности, а с другой – к затронутой этим событием жизненной необходимости. Пересечение этих категорий и задает четыре возможных состояния, или типа «жизненного мира» (*см. рис. 6*):

Рис. 7. Типология жизненных миров (по Ф.Е. Василюк)

1. Гедонистическое переживание (простой и легкий) *игнорирует* реальность, искажает и отрицает ее, формируя иллюзию актуальной удовлетворенности и вообще сохранности нарушенного содержания жизни *(отвергает реальность).*
2. Реалистическое переживание (простой и трудный) в конечном счете принимает реальность как она есть, приноравливая к ее условиям динамику и содержание потребностей субъекта *(безоговорочно принимает реальность).*
3. Ценностное переживание (сложный и легкий) признает противоречащую или угрожающую ценностям реальность, но не приемлет ее, отвергает претензии непосредственной реальности прямо и безусловно определять собой внутреннее содержание жизни и пытается обезоружить ее идеальными, семиотическими процедурами, выво-

дя с их помощью событие бытия из равенства самому себе, превращая его в предмет интерпретации и оценки *(идеально преображает реальность)*.

4. Творческое переживание (сложный и трудный) *строит (творит*) новую жизненную реальность. Творческое переживание отличается от ценностного чувственно-практическим, телесным характером осуществления; от реалистического переживания в силу своей существенной связи с ценностями оно отличается глубокой символичностью. Нереализуемое прошлое содержание жизни не только эстетически сохраняется творческим переживанием в истории жизни, но и *этически продолжается в замыслах и делах строящейся им новой жизненной реальности.*

Эти два направления исследований (проблемы «жизненного пути» и «жизненного мира») приобретают особое значение не только в связи с клинико-психологическим, но и психосоциальным аспектом изучения феномена макиавеллизма, так как в плане онтологии они отражают особое измерение жизнедеятельности человека, обладающего собственными закономерностями и присущими человеку условиями жизнедеятельности, типом активности и специфической внутренней необходимостью – вступить в диалогическое общение или прибегнуть к манипуляции.

Не менее важной для понимания феномена макиавеллизма является проблема ***психосемантики сознания*** личности, которая изучается методом семантического дифференциала. На факультете психологии МГУ под руководством В.Ф. Петренко [141], А.Т. Шмелева [193] и Е.Т. Соколовой [165] личность исследуется не столько с точки зрения научной теории, сколько с точки зрения имплицитной концепции. Этот подход строится на существующей неразрывной связи сознания и языка. Считается, что язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание. Наиболее полная связь существует между функциями общения и обозначения [147]. Основным методом экспериментальной психосемантики является метод реконструкции субъективных семантических пространств. При изучении феномена макиавеллизма данное направление имеет особое значение, так как позволяет изучать способ построения внутренней картины мира человека, исходя из которой он выбирает такую стратегию взаимодействия, как манипуляция.

Семантическим пространством называется совокупность определенным образом организованных признаков, описывающих и дифференцирующих объекты (значения) некоторой содержательной области. Выделяются

при этом некоторые правила группировки отдельных признаков (дескрипторов) в более емкие категории. В узком смысле слова семантическим пространством называется такое пространство признаков, для которых правила объединения отдельных *признаков-дескрипторов* заданы статистическими процедурами. В качестве примера семантического пространства можно привести методику семантического дифференциала Ч.Осгуда [324]. Разработанный в 1959 г. метод семантического дифференциала – это комбинация метода контролирующих ассоциаций и процедур шкалирования. *Измеряемые объекты* (понятия, изображения, персонажи) оцениваются по ряду биполярных (3-х, 5-ти, 7-балльных) шкал. Полюса заданы с помощью вертикальных антонимов. Оценки понятий по отдельным шкалам коррелируют друг с другом, и с помощью факторного анализа удается выделить пучки таких высококоррелирующих шкал и сгруппировать их в факторы. В исследованиях Осгуда строилось семантическое пространство на базе шкалирования понятий самых разных классов (пламя, мать, ураган, радость и др.). Первоначально было выявлено три основных фактора: ***оценка, сила*** и ***активность.*** В работах В.Ф. Петренко были выделены еще и такие факторы, как:

- оценка (приятный – неприятный, светлый – темный, красивый – безобразный);
- активность (активный – пассивный, возбужденный – расслабленный, быстрый – медленный);
- упорядоченность (упорядоченный – хаотичный, устойчивый – изменчивый);
- сложность (сложный – простой, неограниченный – ограниченный),
- сила (большой – маленький, сильный – слабый);
- комфортность (безопасный – опасный, мягкий – твердый, нежный – грубый).

С помощью метода реконструкции субъективных семантических пространств В.Ф. Петренко исследует *мотивацию* и *стереотипы* (этнические и др.). В этом же ключе построения имплицитных концепций работают и другие исследователи. Например, учеными М.И. Воловиковой и Л.Л. Гренковой выполнено исследование по современным представлениям о *порядочном* человеке [48]. По инструкции испытуемому нужно было:

1) описать человека, о котором можно было бы сказать, что он порядочный человек;
2) описать запомнившуюся ситуацию, указывающую на его порядочность.

Были отмечены такие доминирующие характеристики, как: умеет прийти на помощь; добрый; честный. Помимо названных качеств, опре-

делились следующие особенности: умный, сдержанный, трудолюбивый, общительный, понимающий ситуацию и человека, отзывчивый, ответственный. Отметим, что с нравственными характеристиками были связаны коммуникативные, когнитивные и волевые характеристики и практически отсутствовали эмоциональные качества. Аналогичным по стилю и направленности является исследование Н.Л. Смирновой «Образ умного человека: российское исследование» [161]. Автор отмечает, что имплицитные концепции интеллекта (имплицитные – представления о какой-либо особенности в обыденном сознании в отличие от научных представлений) широко исследуются последние 10-15 лет за рубежом и попыталась определить психологические и культуральные особенности интеллектуальной личности на российской выборке. В зарубежной психологии этой проблемой занимались Дж.Брунер, Р.Тагиури, а затем Р.Стернберг. Что касается американской выборки, то были получены данные о том, что интеллект включает три особенности:

- способность к практическому решению проблем (видит все аспекты проблем);
- вербальные способности;
- социальная компетентность («принимает других такими, какие они есть», «ошибается») [цит. по 71].

Это направление исследования является перспективным при изучении феномена макиавеллизма в рамках социально-психологического контекста, так как позволяет сопоставить представления людей о личности макиавеллиста, а также представления самих макиавеллистов о нормальности/анормальности человека.

Японские исследователи Х.Азума и К.Кашиваги изучали представления об интеллектуальности среди японцев [212]. Они просили респондентов дать не идеальное представление об умном человеке, а предлагали подумать о конкретной личности, которую они считают интеллектуальной. Факторная структура, обнаруженная в выборке респондентов-японцев, отличается от американской. В нее входят следующие факторы:

- рецептивная социальная компетентность («возможность встать на точку зрения другого», «сочувствующий», «скромный»);
- позитивная социальная компетентность («хороший оратор», «социабельный», «рассказывает с юмором»);
- эффективность («работает умело», «не тратит времени»);
- оригинальность («оригинальный», «точный»);
- тип образованности («хорошо пишет», «много читает»).

В финском исследовании Х.Рати и Л.Снелмана [334], проведенном в 1992 г. по аналогии с японским исследованием, выделено 5 факторов:

- кооперативные социальные навыки («считаться с другими людьми»);
- умение решать проблемы («легко обучается», «легко понимает»);
- настойчивость социальных умений («умеет отстаивать свое мнение»);
- рассудительность («точный», «планирует, прежде чем начнет действовать»);
- софистика («хорошие общие знания», «много читает»).

В исследовании, проведенном Н.Л. Смирновой [162], на российской выборке были получены следующие результаты: взрослые люди отдавали предпочтение в выборе «умному мужчине» в возрасте примерно 38-ми лет; школьники же предпочитают выбирать из своей половой и возрастной группы. Факторный анализ показал, что в структуре личности «умного», «интеллектуального» человека можно выделить 5 факторов:

- социально-этический («скромный», «*порядочный*», «добрый»);
- культура мышления («эрудированный», «*интеллектуальный*»);
- самоорганизация («практичный», «*стремится к поставленной цели»);*
- социальная компетентность («хорошо говорит», «*активный*», «общительный»);
- опытность («*мудрый*», «многое умеет»).

Сравнение российских данных с американскими, финскими и японскими позволило сделать вывод о том, что представления россиян об интеллектуальном человеке очень близки к результатам, полученным в японском исследовании. В обеих культурах именно *социальный фактор* занимает ведущее место в факторной структуре интеллекта. Во всех других, кроме российского и японского, ведущим является когнитивный компонент. Таким образом, показаны различия в представлениях не только о правде и лжи, но и об умном человеке, которые объясняются особенностями западной и восточной культур. Помимо этого, гендерные сравнения показали, что наличие *когнитивных* признаков часто встречается при описании мужской интеллектуальности, а присутствие *социальных* дескрипторов – женской.

В целом, приведенные данные подтвердили актуальность исследования имплицитных концепций личности и интеллекта, тесно связанных с эксплицитными научными теориями, которые в дальнейшем должны найти своё отражение в рамках исследования проблемы феномена макиавеллизма.

3.3.2. Макиавеллизм и психология человеческого бытия

Предметом исследования в психологии человеческого бытия являются смысловые образования, выражающие ценностные отношения субъекта к миру. Двадцатый век показал, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы к неклассической, а затем – к постклассической. Постклассическое понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. На этом этапе развития науки решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность. В последние годы в человекознании всё чаще проявляется тенденция сочетания использования пространственных, энергетических, механических метафор с метафорами, ранее применявшимися исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роли, ритуал, драма и т.п. Типичный пример – драматургический подход И.Гофмана, изучающего, как презентация субъекта себя другим людям, принятие на себя разных ролей в разнообразных ситуациях осуществляется в непрерывном процессе воспроизводства личностного самосознания в социуме [57]. Но еще более значимым для развития психологии субъекта, считает В.В. Знаков, является то, что «позднеклассический тип рациональных рассуждений дает возможность ученым избежать противопоставления номотетического и идиографического способов исследования и реализовать единство естественнонаучных и гуманитарных методов изучаемых явлений» [82, с. 369]. Показательным примером могут служить исследования Ю.И. Александрова в области системной психофизиологии [9]. В них показано, что культура, общественные формы жизни, способствующие формированию функциональных систем, заставляют мозг работать по-новому. Проводя аналогии между системной структурой субъективного опыта и системной структурой культуры, Ю.И.Александров доказывает тезис о том, что в каждой культуре структура опыта индивида комплементарна структурам других индивидов. Взаимодействие культуры и процесс специализации нейронов приводят к тому, что человек *формирует* свой опыт в культуре, а *не усваивает, не ассимилирует* ее содержание.

Поскольку важнейшим элементом социального мира являются образы «Я» тех людей, из которых этот мир состоит, то предметом психологии человеческого бытия неизбежно оказывается направленность познавательной, этической и эстетической активности общающихся субъектов не только друг на друга, но и на себя. Вместе с тем взгляд со стороны несет в себе не менее очевидную опасность десубъективизации: нередко, по-

ставив себя в позицию стороннего наблюдателя своего внутреннего мира, человек как бы объективирует и отчуждает свои проблемы, признавая, что не может с ними справиться [82, с. 392]. Говорить о человеке как о субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения. Решение проблемы, каким бы оно ни было, уже не может быть отчужденно объективным, оно становится неотъемлемой частью внутреннего мира активного деятельного субъекта, преодолевшего нечто, что сначала казалось ему непреодолимыми.

В социальном взаимодействии любой человек представлен не только таким, каков он есть в действительности, но и таким, каким его видят окружающие. Мнения, представления, понятия других людей влияют на его (её) познание и понимание себя. С позиций психологического бытия, взаимосвязь субъекта с миром уходит своими корнями в проблему самопознания, самопонимания и рефлексии. Обобщенно названную проблему можно выразить как укорененность индивидуального сознания в личностном бытии субъекта.

Поскольку любой человек не рождается, а становится субъектом в процессе своей деятельности, общения и других видов деятельности, то научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что речь идет именно о субъекте, а не об индивиде, индивидуальности и т.п. Определяя критерии субъекта, А.И Брушлинский отмечает: «Первый существенный критерий становления субъекта – это выделение ребенком в возрасте 1-2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения их простейшими *значениями* слов. Следующий наиболее важный критерий – это выделение детьми в возрасте 6-9 лет на основе деятельности и общения объектов благодаря их обобщению в форме простейших *понятий* (числа и т.д.)» [39, с. 20], *(курсив –Л.М.*).

Другим критерием субъективности уже взрослого человека является умение *согласовывать* свою индивидуальную активность, способ организации личной жизни с социальными структурами, нормами и формами деятельности. Согласование направлено на снятие неизбежно возникающих противоречий между желаниями и возможностями личности и требованиями общества. В таких характеристиках личности, как инициатива и ответственность, проявляются мотивы, смыслы, *способы разрешения* жизненных трудностей, противоречий, конфликтов, связанных с интерпретацией себя как ответственного субъекта [2], *(курсив –Л.М.*).

Основными структурными компонентами, в которых, по мнению Е.Г. Ананьева, сходятся различные психологические характеристики, являются ценностные ориентации личности [13]. Именно они определяют особенности и характер отношений личности с окружающей действительностью и детерминируют особенности ее поведения. В диалогическом общении именно «*Другóй*» выступает в качестве цели, а человек является ценностью, которая в процессе взаимодействия «выходит» на первый план. Ценностно-нормативная сфера личности обусловлена нравственным сознанием человека, ориентированным на моральные образцы поведения.

В качестве условий, определяющих нравственное поведение личности, могут выступать такие факторы, как сопереживание другому, переживание оценки, даваемой другими людьми в ответ на действия каждого конкретного человека, и интернализация этой оценки, то есть самооценка, которая непосредственно включает в себя и самоотношение личности. Самоотношение рассматривается как единство *содержательных* и *динамических* аспектов личности, мера осознания и качество эмоционально-ценностного принятия себя как инициативного и ответственного начала социальной активности. В психологической литературе самоотношение личности определяется также как эмоциональный компонент самосознания.

Теоретические основы понимания самоотношения как компонента самосознания были заложены И.И. Чесноковой, которая ввела в научный обиход понятие «эмоционально-ценностное самоотношение» [187]. Она определила «эмоционально-ценностное самоотношение как специфический вид эмоционального переживания», в котором отражается собственное отношение личности к тому, что она узнаёт, понимает, «открывает» относительно самой себя. Общее позитивное самоотношение личности – аутосимпатия, свидетельствует о том, что индивид воспринимает себя «положительно», и можно предположить, что это положительное восприятие себя способствует тому, что индивид соотносит себя с «нравственным человеком» и строит свое поведение в соответствии с осознанием этого факта.

С.Р. Пантилеев определяет самоотношение как выражение смысла «Я» [140]. То есть его психологическое содержание нельзя вывести только через анализ «собственно психологических характеристик индивида», таких как переживания, установки или эмоциональные состояния [140, с. 241]. Самоотношение есть *личностное образование*, а поэтому его строение и содержание может быть раскрыто лишь в контексте реальных жизненных отношений субъекта, «социальных ситуаций его развития» (Выготский Л.С.) и деятельностей, за которыми стоят мотивы, связанные с самореа-

лизацией субъекта как личности. Каждая конкретная социальная ситуация развития задает иерархию ведущих деятельностей и соответствующих им основных мотивов и ценностей, по отношению к которым индивид осмысливает собственное «Я», наделяет его личностным смыслом. Выражение «смысла Я» субъекта осуществляется специфическим языком, в котором помимо собственно самооценочных сведений и сопровождающих их эмоциональных реакций важное место занимает *эмоциональное самоотношение*, воплощающееся в общественно выработанном языке эмоциональных межличностных отношений.

В реальной жизни человек в любой период своей жизни реализует некоторую совокупность жизненных *отношений*. С повзрослением человека число его связей с миром расширяется. При этом «чем более расширяются связи субъекта с миром, тем более они перекрещиваются между собой. Его действия, реализующие одну его деятельность, одно отношение, объективно оказываются реализующими и какое-то другое его отношение» [168, с.139]. Множественность деятельностей приводит к множественности смыслов «Я», пересечение деятельностей – к поступкам, поступки – к конфликтным смыслам «Я», конфликтный смысл «Я» запускает дальнейшую работу самосознания.

Отвечая на вопрос о том, какие возможны личностные решения задачи на конфликтный смысл, В.В. Столин вводит два «измерения» [140]. Первое – «осознание поступка», касается субъективного признания того факта, что поступок состоялся. Поступок существует лишь там, где объективно одно и то же действие служит *двум мотивам*, но так, что «приближает» субъекта к одному из них и «отдаляет» от другого. Таким образом, в рамках данного «измерения» можно рассматривать лишь две крайние возможности:

- факт совершения поступка признаётся;
- факт совершения поступка не признается.

Второе «измерение» относится к направлению работы самосознания «за» или «против» того реального выбора, который заключен в самом поступке. Это измерение автор обозначает как «личностный выбор» (см. табл.). Внутри него он рассматривает три возможные ситуации:

- личность в своей осмысляющей работе «голосует» против уже реально сделанного выбора и за отвергнутый мотив;
- личность в своем самосознании переживает уже сделанный выбор и выступает против отвергнутого мотива;
- личность отказывается от решения в самосознании той дилеммы, которая уже решена ею в поступке.

Таблица. **Классификация вариантов осмысления своего «Я» как следствие совершения поступка**.

Личностный выбор	**Осознание поступка**	
	факт совершения поступка признается	***факт совершения поступка отвергается***
В пользу отвергнутого мотива	Раскаяние	Самообман
Против отвергнутого мотива	Ужесточение	Дискредитация
Нерешенность выбора «за» и «против»	Смятение	Вытеснение

Все три вышеуказанные ситуации левого столбца таблицы характеризуют мотивационный вариант решения проблемы конфликтного смысла «Я». Взвесив свои мотивы на весах поступка, человек либо отвергает результат и активно стремится к отвергнутому мотиву, либо принимает его и укрепляет в сознании сделанный выбор, либо не может решить задачу на иерархию мотивов, хотя и пытается это сделать. На две первые ситуации указывал А.Н. Леонтьев: «но вот наступает минута, когда человек как бы оглядывается и мысленно перебирает прожитый день, в эту-то минуту, когда в памяти всплывает определенное событие, его настроение приобретает предметную отнесенность: возникает аффективный сигнал, указывающий, что именно это событие и оставило у него эмоциональный осадок. Может статься, например, что это его негативная реакция на чей-то успех в достижении общей цели, единственно ради которой, как ему думалось, он действовал, и вот оказывается, что это не вполне так и что едва не главным для него мотивом было достижение успеха для себя. Он стоит перед «задачей на личностный смысл», но она не решается сама собой, потому что теперь она стала задачей на соотношение мотивов, которые характеризуют его как личность» [цит. по 168, с.145-146].

Нужна особая внутренняя работа, чтобы решить такую задачу и, может быть, отторгнуть от себя то, что обнажилось, то есть происходит изменение содержания сознания. Это предполагает осознание реального выбора, мотива, который побудил его к совершению данного выбора, затем следует изменение реальной деятельности, совершение новых поступков, утверждение своих мотивов, своего «Я». Но это последнее невозможно совершить без процесса самопознания, предполагающего развитие самосознания.

Самосознание является высшим уровнем *личностной саморегуляции*, который отражает как развитие рефлексивных структур, так и интегра-

цию ценностных ориентаций личности, выполняющих мотивационно-регуляционную функцию, в том числе и в ситуации выборов, относимых к «рациональным» (т.е. с необходимостью интеллектуального ориентирования в системе альтернатив), а самопознание является сложным, многоуровневым процессом, *индивидуализировано* развернутым во времени. Очень условно и в самой общей форме его можно разделить на два основных уровня.

С точки зрения И.И. Чесноковой, на первом уровне самопознание осуществляется через различные формы соотнесения самого себя с другими людьми, т.е. при таком познании себя человек преимущественно опирается на внешние моменты, включая себя в сравнительный контекст с другими [187]. На данном уровне формируются некоторые относительно устойчивые стороны представления о своем «Я», но еще нет целостного, истинного понимания себя, как правило, уже связанного с понятием о своей сущности. Для второго уровня самопознания специфично то, что соотнесение знаний о себе происходит не в рамках «Я и Другой человек», а в рамках «Я и Я», когда индивид оперирует уже готовыми знаниями о себе, в какой-то степени сформированными, полученными в разное время, в разных ситуациях. Сформировавшееся на втором уровне самопознания понятие о себе не есть нечто раз и навсегда данное, застывшее: ему присуще постоянное внутреннее движение. Самопонимание, таким образом, является высшим уровнем развития самопознания, при котором человек достигает наиболее зрелого и истинного понимания себя, своей общественной сущности, осознания подлинного собственного достоинства.

Другой аспект проблемы анализа – это те черты личности, которые способствуют или препятствуют осознанию человеком совершаемых им поступков и ответственности за них как свободного нравственного деяния. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми прежде всего на основании сознательных нравственных убеждений, во взаимосвязи с другими психологическими компонентами регуляции личностного выбора.

Понятие *принятие интеллектуальных решений* (Т.В. Корнилова, О.К. Тихомиров) изначально предполагало, согласно смысловой теории мышления, что в регуляции самих интеллектуальных стратегий представлены процессы эмоциональных предвосхищений, целевых новообразований, мотивационной и смысловой регуляции [103]. Одной из важных ценностных ориентаций является ориентация на другого человека. С нею связывается формирование собственно личностных ценностей. Развитие человека идет

не в условиях «робинзонады, а внутри культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения и мировосприятия» [80, с. 216]. Мораль развивается в ориентировке на общение с Другим, «зависит от ограничений и поддержки, оказываемых ближними» [148, с. 108]. Однако наряду с ориентацией на другого человека как на самоценность существует противоположное личностное свойство – *макиавеллизм*, определяемый как склонность человека к манипуляции другими в межличностных отношениях. В нашем исследовании мы выделяем два полюса в ориентации личностных ценностей: склонность видеть в человеке средство достижения своих целей и противоположная ей склонность рассматривать других как самоценность.

Личностная регуляция выбора должна быть понята как *многоуровневая*, поскольку обеспечивающие выбор динамические регулятивные системы охватывают разные уровни процессов – самосознание, отношение к другому, ориентацию в ситуации неопределенности и т.д. Как говорил М.К. Мамардашвили, мы живы, только когда выбираем неопределенность [125]. Посредством этой многоуровневой регуляции преодолевается *неопределенность как характеристика внешних и внутренних условий выбора*. В модели, построенной на основе развития концепции *функционально-уровневой регуляции* выбора, исследователям Т.В.Корниловой и Е.В. Новотоцкой-Власовой удалось продемонстрировать, что активность личности в *принятии и преодолении неопределенности* наряду с уровнями нравственного самосознания составляют единую систему взаимосвязи переменных в психологической регуляции выбора [104].

Большинство ситуаций в сфере морального выбора одновременно являются и ситуациями неопределенности, когда человек находится в ситуации неполноты (или избыточности) условий и когда предсказать все последствия довольно трудно. Г.Гертер в руководстве по поддержке принятия решений отмечает, что при выборе мы не имеем возможности спрогнозировать все последствия, поэтому должны быть готовы пойти на определенный риск, принять неопределенность, из-за которой мы не можем быть окончательно уверены в правильности нашего решения [53]. Макиавелли постоянно имеет в виду именно эту особенность в деятельности правителя. В современных же исследованиях феномена макиавеллизма эта мысль прослеживается в стратегии формирования и развития личности с так называемой антимакиавелловой установкой, или личности с низкими показателями по Мак-шкале – немакиавеллиста.

Истинно нравственный человек, притом, что он беспощадно требователен к себе, в то же время снисходителен, толерантен к другим. Осуждая

дурные поступки других, он избегает переносить отрицательную оценку поступка на личность совершившего его человека, старается войти в его положение, понять его, найти смягчающие обстоятельства. Записные моралисты (те, кто является таковым не по внутренней потребности, а вследствие желания показаться высокоморальным человеком в глазах других), наоборот, беспощадны к другим и снисходительны к себе. Это вытекает из самого стиля их мышления.

Формирование нравственной личности и соответствующего стиля морального поведения опирается на ряд автономных предпосылок. Оно предполагает:

- во-первых, определенный уровень умственного развития, способность воспринимать, применять и оценивать соответствующие нормы и поступки;
- во-вторых, эмоциональное развитие, включая способность к сопереживанию;
- в-третьих, накопление личного опыта более или менее самостоятельных моральных поступков и последующей их самооценки;
- в-четвертых, сообразность влияния социальной среды, предоставляющей человеку конкретные примеры нравственного и безнравственного поведения, поощряющей его поступать так или иначе.

Однако взаимосвязь этих факторов достаточно проблематична и требует дальнейшего эмпирического исследования.

Наиболее общей, охватывающей весь жизненный путь и подвергавшейся экспериментальной проверке во многих странах является когнитивно-генетическая теория морального развития личности. Американский психолог **Лоренс Кольберг** [293] выделил три основных уровня моральных суждений: *предконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный.* Каждый из этих уровней подразделяется на две стадии. Необходимо отметить две взаимосвязанные тенденции, характеризующие прохождение этих шести стадий: 1) первоначально суждения основываются на внешних последствиях, а позднее – на интернализованных моральных принципах; 2) вначале суждения отличаются высокой конкретностью, а позднее становятся достаточно абстрактными.

Первый уровень обозначается Л.Кольбергом как ***предконвенциональный*** (доморальный) и разделяется на две стадии: стадию «гетерономной» морали и стадию индивидуализма, инструментальной цели и обмена. Данный уровень присущ детям до 9-летнего возраста, а также подросткам с антисоциальным поведением. На стадии «гетерономной» морали присутствует ориентация на наказание, и, как следствие, основной мотив – это

избегание нарушения правил, которое приводит к наказанию. На стадии индивидуализма, инструментальной цели и обмена следование правилам носит характер удовлетворения собственных интересов личности.

Следующий уровень – ***конвенциональный*** – разделяется, соответственно, на третью и четвертую стадии: стадию взаимного межличностного ожидания и межличностного подчинения (этика хорошего человека) и стадию социальной системы и совести (этика поддержки власти). Данный уровень, по мнению Л. Кольберга, свойственен большинству подростков и взрослых. На стадии взаимного межличностного ожидания и межличностного подчинения человек стремится, прежде всего, избежать неодобрения окружающих и удовлетворить потребность быть хорошим человеком в собственных глазах и в глазах общества. Следующая стадия – социальная система и совесть (этика поддержки власти) – характеризуется выполнением обязанностей, с которыми человек согласен. Основной мотив при этом – сохранение жизни учреждения и избегание разрушения системы, которая поддерживает закон и общественный порядок. Эта стадия характеризуется также обеспокоенностью по поводу интересов социума, в котором человек функционирует.

Третий уровень – ***постконвенциональный*** (принципиальный, этика самостоятельно выработанных нравственных принципов) – достигается, по мнению Л.Кольберга, только после 20 лет и то далеко не всеми взрослыми. Данный уровень предполагает наличие самостоятельного выбора, индивидуальной моральной ответственности и общей зрелости личности. Постконвенциональный уровень разделяется на пятую и шестую стадии морального развития: стадию социального договора, или полезности и индивидуальных прав (этика демократически воспринятых законов), и стадию универсальных этических принципов (этика индивидуальных принципов поведения). На пятой стадии – социального договора – приходит понимание того, что существует большое количество ценностей и мнений и что большая их часть соответствует общечеловеческим. Основной мотив нравственного поведения на этой ступени – завоевание уважения другого человека или общества в целом. На шестой, последней стадии – универсальных этических принципов – осуществляется следование самостоятельно выбранным принципам, соответствующим внутренним, ранее интериоризированным правилам морального поведения [184].

* * *

В заключение отметим, что проблема субъекта, как и проблема личности, является ключевой в современной психологической науке. Как отмечает Л.И. Анцыферова, «в западной психологии, в теориях личности, по-

строенных на основе психоаналитической практики (А.Адлер, А.Маслоу, К.Роджерс, К.Г. Юнг, К.Хорни и др.), понятие субъект занимает одно из центральных мест. Оно означает способности человека быть инициирующим началом, первопричиной своих взаимодействий с миром, с обществом; быть творцом своей жизни; создавать условия своего развития; преодолевать деформации собственной личности и т.д.» [20, с. 29-30]. Аналогичные соображения высказывает Л.В. Алексеева: «В теориях личности А.Адлера, А.Маслоу, К.Роджерса, К.Хорни, К.Юнга понятие «субъект», по сути, занимает одно из центральных мест. В качестве антитезы внешней детерминации психического в исследованиях Дж.Мида (G.H. Mead, 1912; 1975), Г.Олпортом (G. Ailport, 1960), Х.Кохутом (H. Kohut,1971) выдвигались на первый план такие понятия, как самость («self»); в исследованиях Э.Эриксона (1996) – понятия «эго» и «Я» [11, с. 74]. Уровень *этической зрелости личности* определяется способностью гуманно относиться к другому человеку, строить и отстаивать отношения, достойные обоих. Этические проблемы касаются не только этических ценностей и законов нравственной жизни. Прежде всего, они затрагивают отношения людей и личные способы регуляции этих отношений. Высшим принципом нравственного отношения человека к человеку является сформулированный И.Кантом категорический императив: поступай так, чтобы ты всегда относился к человеку *как цели и никогда – только как к средству.* Великий писатель-гуманист Ф.М. Достоевский предельно остро выразил эту мысль в «Братьях Карамазовых», отвергнув саму возможность достижения всеобщего счастья, если ради этого будет пролита хотя бы одна слеза ребенка.

ГЛАВА 4. Теоретические подходы исследования макиавеллизма в психологии

В литературе по специальности макиавеллизм определяется как система осознанных установок и соответствующих манипулятивных стратегий, опирающихся на инструментальные потребности. Манипуляции, как уже было отмечено, могут быть как осознанными, так и неосознаваемыми. Они также могут быть социально желательными. В данном случае человек не видит другого выхода из трудной ситуации и вынужден для достижения полезного результата манипулировать другими. Неодобряемой, или «корыстной манипуляцией», она является в том случае, когда осознается социальная нежелательность поступка и результат выгоден только одной стороне – манипулятору. Однако аэтичной она также может быть и в случае неосознаваемости действия, например – некоторые формы виктимного поведение, или проективная идентификация как ранняя защитная форма манипуляции, которая служит витальным потребностям. Защитная манипуляция представляет собой совокупность невыраженных вслух, скрытых способов воздействия на собеседников, направленных на предупреждение таких возможных их слов и действий, которые потребуют от субъекта актуализации защитных механизмов личности.

Вариативность форм манипуляции и многообразие определений макиавеллизма в психологии обуславливают появления ряда исследований, выполненных в русле различных, не всегда сопоставимых подходов. Однако существующие в настоящее время направления исследования в психологии сгруппированы, для удобства анализа, исходя из принадлежности к научно-методологическому подходу, в рамках которого рассматривается данная проблема.

4.1. Социально-психологический подход в изучении феномена макиавеллизма

Первое направление, которое сложилось в ходе изучения макиавеллизма в рамках **социально-психологического подхода** – это макиавеллизм как ***необходимое для лидера качество.*** Рассмотрим его более подробно по двум причинам: во-первых, оно исторически появилось раньше; во-вторых, являясь одним из сложноорганизованных процессов оказания влияния, оно

и по содержанию более многообразно, так как в нем проявляются все те факторы, которые в дальнейшем выделились в качестве предмета исследования в отдельные направления изучения феномена макиавеллизма.

Николло Макиавелли не случайно вынес проблему лидера в заголовок своей знаменитой работы – «Государь». Свой труд он посвятил поиску качеств личности, приёмов и способов действия, которые позволили бы государственному деятелю стать *лидером*, т.е. человеком, способным решить стоящие перед ним задачи. Макиавелли выдвинул идею о том, что правителю не нужно сильно беспокоиться при выборе средств, ведущих к необходимым конечным результатам, поскольку «цель оправдывает средства», когда ради достижения поставленных целей считаются оправданными и приемлемыми любые средства, включая вероломство, коварство, жестокость, обман политического противника. Однако этот тезис не является основным в теории Макиавелли, и он его понимает не столь упрощенно.

Таким образом, феномен макиавеллизма в психологии тесно соприкасается с такими понятиями, как *лидер* и *эффективное лидерство.* В кратком психологическом словаре понятие «лидер» (англ. *leader* – ведущий) определяется как «член группы, за которым она признает право принимать ответственные решения в значимых для нее ситуациях, т.е. наиболее авторитетная личность, реально играющая центральную роль в организации совместной деятельности и регулировании взаимоотношений в группе», а лидерство – как «отношения доминирования и подчинения, влияния и следования в системе межличностных отношений в группе» [106].

4.1.1. Изучение макиавеллизма как качества, необходимого лидеру

Первая социально-психологическая теория лидерства появилась в начале прошлого столетия в рамках *персоналистического подхода.* Приверженцы этого направления полагали, что существует набор личностных характеристик, отличающих лидера от нелидера, таких как интеллект, воля, уверенность, энергичность, надежность, красноречие и др. Данную теорию черт в различной степени поддерживали О.Тид (Tead, 1929), Э. Вигэм (Wiggam, 1931), Дж. Доуд (Dowd, 1936), Ф. Вудс (Woods, 1936), Э. Боргатта (Borgatta, 1954). Именно в то время, когда наибольшей популярностью пользовалась теория «великой личности», предполагающая, что все великие лидеры обладали определенными общими чертами, американские социальные психологи Р.Кристи и Ф.Гайс и ввели понятие «макиавеллизм» в психологическую науку. В работе «Исследование макиавеллизма», которая была опубликована в 1970 г., они поставили перед собой цель исследовать, «какими характеристиками должен обладать человек, который эффективно

может контролировать других» [239]. Экспериментальное изучение макиавеллизма первоначально было построено именно на этих характеристиках, которые и стали отправной точкой в исследовании данного феномена.

Американский ученый Д.К. Симонтон, основываясь на биографической информации о 39 президентах США (от Дж. Вашингтона до Р. Рейгана), выявил ряд характеристик, свойственных политическим лидерам и, как показали результаты исследований, среди этих черт неизменно присутствовал макиавеллизм [346]. Исследователи, изучавшие феномен лидерства, рассматривали макиавеллизм именно с этой точки зрения, как фактор лидерского поведения, который, как оказалось в дальнейших исследованиях, является весьма неоднозначным.

В современной социальной психологии сложилась точка зрения, что некоторые люди превосходны в роли *целевого* лидера – организующего работу, устанавливающего стандарты и сосредоточенного на достижении цели. Другие лучше подходят для лидерства *социального* – сплачивания команды, улаживания конфликтов и оказания поддержки [253], [332], [185].

Целевые лидеры часто используют директивный стиль, который хорош, когда у лидера достаточно способностей, чтобы отдавать правильные приказания. Будучи ориентированы на цель, такие лидеры сосредоточивают внимание и усилия группы на стоящей перед ней задаче. Эксперименты показывают, что сочетание конкретной трудной и интересной цели с периодическими отчетами о достижениях помогает поддерживать мотивацию к высоким достижениям [302]. Можно предположить, что лидеры-макиавеллисты чаще всего являются целевыми лидерами. Еще 1978 г. Домелсмит и Дейч показали, что в общении макиавеллисты, как правило, предметно ориентированы: в социальном взаимодействии они более целеустремленны, конкурентоспособны и направлены, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами [247]. Однако в определенных условиях, при необходимости макиавеллисты могут проявить себя и в качестве социального лидера.

У социальных лидеров часто проявляется демократический стиль руководства, при котором власть делегируется членам группы и поощряется их участие в принятии решений. Эксперименты показывают, что такое лидерство благоприятно в моральном отношении. Члены группы обычно чувствуют себя более удовлетворенными, когда участвуют в принятии решений. Если работник самостоятельно контролирует выполнение своего задания, у него повышается мотивация к достижению конечного результата. Поэтому люди, которые ценят принадлежность к группе и гордятся её достижениями, при демократическом стиле руководства процветают [354].

Результаты экспериментов Краута и Приче показывают, что в отличие от испытуемых с низкими показателями по шкале макиавеллизма субъекты с высокими значениями оценок по Мак-шкале, когда им нужно решить какую-нибудь личную проблему, оказываются более коммуникабельными и убедительными [296]. Ряд исследований в области маркетинга свидетельствуют о том, что в корпорациях, где нет строгих указаний, которые поддерживают индивидуальность и заинтересованность собственных сотрудников, макиавеллисты имели значительно большее число клиентов и зарабатывали в два раза больше комиссионных, чем работники с низкими показателями по Мак-шкале [370].

Как и любому человеку, ярко выраженному макиавеллисту также хочется выглядеть в глазах окружающих лучше: к примеру – не только умным, но и добрым, справедливым. Естественно, что в коммуникативных ситуациях именно такими они и стараются себя показать. Как показали результаты исследования, ярко выраженные макиавеллисты обладают большими умениями и поведенческими навыками сокрытия недостатка таких положительных качеств личности, которые присущи людям с низкими показателями по Мак- шкале, например – неэгоистичности и др. [238].

С середины 1970-х гг. под влиянием феминистского движения как научное направление стала формироваться *гендерная психология лидерства,* в объяснении которой задействовано множество концепций. Негативное отношение к женскому лидерству традиционно проявляли сторонники фрейдизма. Считалось, что у лидеров-женщин нездоровая гендерная идентичность, а их стремление к лидерству, называемое «фаллическим», рассматривалось как проявление неполноценности женщины, завидующей мужчине. На Западе отрицательное отношение к менеджерам-женщинам продолжает существовать, как правило, среди мужчин и особенно если женщина-менеджер использует стереотипно маскулинный стиль руководства.

Как было уже отмечено, ряд исследователей, изучавших феномен лидерства с 1980-х гг. до нашего времени, рассматривали макиавеллизм именно как фактор лидерского поведения. Напротив, неманипулятивное поведение расценивалось как слабость, социальная некомпетентность, неумение добиться своего [233]. Р.Делуга, исследуя те же проблемы, выявил, что макиавеллизм лидера тесно связан с его харизматичностью*, и многие черты этих феноменов сходны.

---

*От слова «харизма», т.е. «благодать», которая в различных системах религии интерпретировалась как нечто снизошедшее на человека. Исходит из положений немецкой психологии конца XIX – начала XX в. и концентрирует свое внимание на врожденных качествах лидера. В психологии лидерства – харизматичекая концепция (вариант теории черт лидера), согласно которой лидерство ниспослано отдельным выдающимся лицам как некая благодать.

Как для макиавеллистов, так и для харизматиков характерны высокая экспрессивная активность в поведении, уверенность в себе, произвольная регуляция эмоций, желание влиять на других [245]. Эта способность макиавеллистов и была выявлена А.Дрори и Ю.Глускиноса. Они показали, что лидеры-макиавеллисты, обычно склонные отдавать много приказов, в сложных ситуациях меняли свое поведение: становились менее директивны и обращались к подчиненным за помощью чаще, чем лидеры-немакиавеллисты [248]. Популярность лидеров-макиавеллистов может объясняться их способностью быстро ориентироваться в ситуации и гибко менять свое поведение в соответствии с ней [139]. Эти данные не согласуют с представлением о макиавеллисте как о негибком коммуникаторе. Гибкость проявляется в умении людей использовать различное поведение в зависимости от требований контекста. Она основана на понимании и принятии различий в мотивации партнёров по общению и их индивидуально-психологических особенностей. Как показывают результаты исследования, коммуникативная гибкость положительно связана с терпимостью к несогласию и отрицательно с вербальной агрессивностью. Однако в этом же исследовании обнаружено, что уровень макиавеллизма отрицательно связан с коммуникативной гибкостью, но не связан с познавательной [309].

Постепенно в организационной психологии выделяется определенный тип лидера, получившего название «макиавеллист», которому приписывалось стремление к властной позиции и неразборчивость в средствах на пути к ее достижению. В работе «Почему тираны заходят слишком далеко? Болезненный нарциссизм и абсолютная власть» Б.Глэд противопоставил негибких и живущих в мире своих фантазий лидеров-нарциссов рациональным и гибким лидерам-макиавеллистам, которые могут проявлять жестокость, чтобы удержать власть, но не склонны к излишней самоуверенности и готовы вести себя мягко и либерально, чтобы сохранить привязанность своих последователей [267].

Исследования также выявили, что для многих эффективных лидеров, изучаемых в эксперименте, руководителей рабочих групп и больших корпораций характерно поведение, поддерживающее влияние меньшинства. Настойчиво преследуя свои цели, они стараются вызвать доверие подчиненных. Лидеры-макиавеллисты в сложных ситуациях могут обратиться также за помощью к подчиненным [248].

С другой стороны, согласно данным, полученным Ж.Шепардом и сотрудниками, макиавеллисты склонны контролировать коммуникативные ситуации и быть лидерами малых групп, но в роли так называемых «королей джунглей» [345]. Такая уверенность макиавеллистов основана на убеж-

дении, что любая демонстрация уязвимости своего положения (даже если оно выгодно и оправдано ситуацией) неприемлема, потому что это стратегия «слабых». В связи с этим макиавеллисты отказываются от стратегий, предполагающих проявления слабости. Авторы объясняют это тем, что как черта личности макиавеллизм наиболее близок к доминантности. Люди с высокими показателями по шкале макиавеллизма склонны всегда демонстрировать свои сильные стороны. Они делают это независимо от ситуаций и обстоятельств, что в некоторой степени не согласуется с выводом Глэда. В данном случае это можно объяснить тем, что цели, которые ставили перед собой исследователи, были разными. В одном случае сравнивали нарциссизм и макиавеллизм, в другом – степень выраженности доминантности как свойства личности макиавеллиста.

Субъекты с высокой оценкой по Мак-шкале в экспериментальной ситуации воздерживались от предъявления себя в качестве людей с низкими способностями, даже если такое представление могло бы быть выгодным. В экспериментальной задаче, когда существовала конкуренция и результат был неопределён, они отказывались от использования стратегии представиться людьми с низкими способностями и выбирали для показа соперникам лучшие оценки по тестовым заданиям. Результаты экспериментов Ж.Шерперда и Р.Сокермана показали, что макиавеллисты склонны проявлять себя с лучшей стороны независимо от ситуации, конкретных условий общения [345]. Однако в такой тактике поведения отмечаются гендерные различия. Например, женщины в деловых взаимоотношениях чаще стремятся к тому, чтобы скрыть свои способности.

В 60-70-х гг. прошлого столетья Е.Маккоби и К.Жаклин продемонстрировали превосходство мужчин по самооценке доминантности, макиавеллизму, шкалам Лайкерта и интенсивности речи [304]. Превосходство женщин не было обнаружено ни по одной из перечисленных характеристик. Как показали дальнейшие исследования, при самооценке физического развития, доминантности и власти наблюдается превосходство мальчиков и мужчин. Мальчики ценят свое доминирование над другими и «грубость», они склонны переоценивать свой статус в классе и заинтересованы им в большей степени. Таким образом, эти результаты объясняются параметрами, выбранными для самооценки. По данным М.Ронберга, девочек меньше интересуют иерархические отношения, связанные с властью, поэтому они и не ценят такое качество, как доминантность [цит. по 243]. Взрослые мужчины также оценивают свои физические возможности, власть и богатство выше, чем женщины. Не исключено, что мужчины в чем-то переоценивают себя: такой результат часто встречается и по другим параметрам, хотя их

физические возможности действительно выше, а это часто порождает представление о своем превосходстве и в других областях.

Западные исследования показали, что проявления макиавеллизма обусловливаются гендерными различиями: у мужчин высокий уровень макиавеллизма коррелирует с закрытостью, а у женщин – с открытостью [247]. Одна из причин этого заключается в том, что склонность мужчин к раскрытию не влияет на то, нравятся они окружающим или нет. Психологи отмечают, что в западном обществе от мужчины ожидают, что он достигнет успеха благодаря собственным усилиям, а доверительные отношения к другим мужчинам рассматриваются как слабость и стремление к подчинению. Вследствие этого самораскрытие является для мужчины малоэффективной манипулятивной тактикой. Цели женщин направлены социально более явно: популярность, умение ладить с другими людьми, понимание более ценятся женщинами, чем мужчинами. Очевидно, что установление доверительных отношений, необходимых для достижения этих целей, невозможно без значительного самораскрытия. Неудивительно, что самораскрытие как манипулятивная стратегия весьма эффективно для женщин-макиавеллисток.

Исследования в области гендерных различий показали, что в структуре личности женщин макиавеллистские установки и умения, выявляемые шкалой Mach-IV, выражены меньше, чем у мужчин [208], [84]. С одной стороны, эти результаты согласуются с результатами о более высоком уровне нравственного развития женщин, в контексте направления, противоположного данному – макиавеллизм как фактор имморализма, согласно чему макиавеллизм как личностная характеристика отражает неверие субъекта в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей, поэтому ими и можно и даже нужно манипулировать. В частности, Уайтинг и Поп исследовали в семи культурах детей от 3 до 11 лет и обнаружили, что в возрасте 3-6 лет девочки демонстрируют просоциальную доминантность, т.е. доминантность, внушающую ответственность, – например, предостерегают других детей от опасности огня, мальчики же проявляют эгоистическую доминантность в собственных целях – старшие дети принуждают младших выполнять их поручения [цит. по 302].

Однако связь макиавеллизма с аморальностью свойственна и мужчинам, и женщинам, но она обладает гендерной спецификой. Притом, что у мужчин уровень макиавеллизм в среднем выше, женщины получают более высокие баллы по некоторым шкалам макиавеллизма – обману и стремлению производить впечатление [278], они превосходят также мужчин по «самораскрытию» [225].

Гендерные различия в структуре личности макиавеллиста вписываются также в концепцию *токенизма* (*tokenism*), предложенную Розаберт Кентер, которая постулирует, что на групповую динамику оказывает влияние пропорция представителей различных культурных категорий в группе (в частности, интересующая нас гендерная, но существуют и др.). В асимметричной группе её члены, составляющие большинство по этому признаку, были названы ***доминантами,*** а количественно представленные в группе лишь символически – ***токенами*** (символами). Женщины в мужском деловом мире чаще выступают в роли токенов. В таком случае, это противоречит допущению о том, что более высокий уровень нравственного развития женщин обусловливает более низкие показатели по Мак-шкале. Разыгрывание роли токенов предполагает также и скрытое воздействие на партнёра, тем самым, оно может быть отнесено к определенному типу манипуляции.

Отсюда и разное восприятие мужчин и женщин в организациях, которые, в свою очередь, предполагают разные стили поведения мужчин и женщин. Розаберт Кентер выявила 4 неформальных роли женщин-токенов, которые мешают им занять положение равных доминантов в группе и снижают возможность их служебного роста [289]. Изменить эту ситуацию, с точки зрения некоторых авторов, может лишь увеличение их числа в организациях [233]. Итак, Кентер описала следующие роли:

1) «мать» – от нее ждут эмоциональной поддержки, а не деловой активности;
2) «соблазнительница» (*seductress*) – здесь токен выступает лишь сексуальным объектом мужчины с высоким должностным статусом в организации, вызывая негодование у коллег-мужчин;
3) «игрушка, талисман» (*pet, mascot*) – милая, но не деловая женщина, приносящая удачу;
4) «железная леди» (*ironmaiden*) – этим токенам приписывается неженская жесткость (из-за чего эти женщины зачастую оказываются изолированными от группы).

Все эти роли свидетельствуют о неблагоприятной ситуации, в которой приходится работать женщинам, и поэтому они вынуждены прибегать *к гендерному менеджменту*. Такой тип менеджмента, существующий в образовательном учреждении, английские исследовательницы С.Уолш и К.Кессел [364] описывают следующим образом:

- «сверхфункционирование на работе» (женщины проводят на рабочем месте больше времени, чем мужчины, доказывая, что они хорошие специалисты);

- «феминный стиль»: использование специфических женских способов деловых переговоров с мужчинами (кокетство, флирт, лесть, принижение своих способностей), чтобы заставить мужчин работать (например, намекают коллегам-мужчинам, что сами не справятся, что только данный мужчина способен решить эту задачу);
- «работа за сценой»: женщины чаще мужчин делают работу, которая не оплачивается (улаживают конфликты, занимаются эмоциональными проблемами студентов, проводят дополнительные занятия);
- «материнские способности»: по отношению к коллегам-мужчинам (особенно с высоким должностным статусом) женщина выступает в роли заботливой матери – внимательно выслушивает исповеди об их проблемах, заботится о них и в результате добивается усиления своего влияния в организации;
- «применение маски»: женщины скрывают свою эмоциональную и личную жизнь, избегают говорить о детях, чтобы не получить ярлык менее эффективных работников, чем на самом деле (к этой стратегии особенно часто прибегают женщины, которые думают о карьере руководителя).

Однако поведение, выгодное для организации, которая эксплуатирует альтруистический потенциал, может представлять угрозу психическому здоровью женщин. Оно также напоминает модель «виктимного» поведения или же свидетельствует о проявлении примитивного защитного механизма, деформирующего восприятие. Частое применение такой модели поведения деформирует не только восприятие самого работника, но и всех его участников, в том числе и его свидетелей. Не только у самих исполнителей роли токена, но и у наблюдателей (в данном случае имеются в виду учащиеся) создаются искаженные образы других людей и формируются неадекватные модели поведения. Высокая тревога перед неопределенностью (например, как правильно себя вести «мальчику» или «девочке», «начальнику» и «подчиненному») вынуждает молодого человека использовать манипуляцию как генерализованное средство контроля над враждебными и непредсказуемыми окружающими.

Процесс межличностного взаимодействия нарушается не только в результате социально-статусных взаимодействий, но и в результате недопонимания между людьми разного пола или гендерной направленности личности. В ситуации общения с мужчиной женщины более склонны понимать высказывания мужчины по субъек-субъектному типу, тогда как в ситуации с собеседницей-женщиной – по субъект-объектному типу. Поведение мужчин также носит ярко выраженную гендерную направленность и свидетельству-

ет о том, что в общении с женщиной они склонны проявлять большую поддержку, чем в общении с мужчинами. Помним, что одной из характеристик манипулятивного поведения является объектное отношение к собеседнику, следовательно, в поведении женщины, как и мужчины, присутствует манипулятивная направленность, но она проявляется по-разному, в зависимости от пола собеседника.

В качестве другой характеристики макиавеллизма является установка: «все люди лгут и разыгрывают роли» – значит, в этом нет ничего предосудительного, чтобы подыграть партнёру по общению, а где и слукавить. В этом отношении расхож стереотип «женщины лгут и играют чаще мужчин».

Теория *гендерного отбора лидеров* (Дж. Бомэн, С.Саттон и др.) исходит из допущения, что люди вообще и в организациях в частности предъявляют различные требования в отношении лидеров разного пола (цит. по [28]. В отношении женщин эти требования выше: чтобы получить ту же менеджерскую должность, что и мужчина, женщина должна продемонстрировать гораздо более высокую по сравнению с ним компетентность, чтобы снять влияние предубеждений против неё [250].

В зарубежной гендерной психологии в последнее время появились многочисленные исследования, посвященные препятствиям, которые женщины вынуждены преодолевать, делая карьеру. Были выдвинуты три гипотезы о том, каково положение женщин в деловом мире: женщины-пришельцы («существа с другой планеты»); «стеклянного потолка» и «звездной болезни». Для темы нашего исследования интереснее последняя, поэтому остановимся лишь на ней.

Под «звездной болезнью» понимается явление, когда женщины-менеджеры склонны считать ситуацию с женским лидерством благополучной и не помогают другим претенденткам [340]. Такое жесткое отношение сейчас именуют «*реверсивным гендерным стереотипом*»: вопреки ожиданиям, предубеждения против женщин демонстрируют не мужчины, а женщины, тем самым и манипуляции во взаимодействии у них проявляются чаще, но не по отношению ко всем. Тем самым, это не согласуется с представлением о половых различиях в проявлении макиавеллизма личности как фактора иммoрализма, а в большей степени указывает на гендерные различия.

Концепция токенизма связана также с *концепцией интеграции*. Своё неблагоприятное положение в группе токены (составляющие меньшинство) могут компенсировать, прибегая к так называемому впечатляющему менеджменту (*impression management*) – способу влиять на других людей, формировать у них впечатление о себе посредством слов, действий и взгля-

дов [338]. Одним из проявлений такого менеджмента является ***инграциация*** (*ingratiotion*). Это понятие было введено Э.Джонсом (а теоретическая модель разработана Р.Лайденом и Т.Митчеллом) и означает способность человека быть привлекательным для других людей, добиваться их симпатии и любви [цит. по 368]. Человека, вызывающего такое отношение к себе окружающих, называют инграциатором, а объект инграциации – мишенью. Инграциатором может выступать и лидер, и последователь. В поведении инграциаторов много схожего с манипулятором и макиавеллистом. Так как макиавеллист манипулирует *осознанно*, он не стесняется своих действий и уверен в своей правоте, правильности своих поступков, не испытывает чувства вины за те способы, при помощи которых действует. Поэтому его не раздирают внутренние противоречия. Его уверенность в своей правоте, в правильности своих поступков оказывает внушающее воздействие на людей, с которыми он общается; это делает его привлекательным в их глазах, тем самым макиавеллист успешнее оказывает влияет на других. Во время общения складывается ложное ощущение взаимопонимания. При поверхностных отношениях это ложное чувство вселяет в макиавеллиста чувство уверенности, а «жертва» манипуляции, подпадая под его обаяние, совершает действия, которые ранее не хотела совершать.

Исследователи У.Джонс и Т.Питтмен эмпирически установили 4 типа инграциационных стратегий, которые также можно назвать манипулятивными стратегиями или макиавеллистскими тактиками:

- самопрезентация (мишень убеждают в наличии позитивных качеств у инграциатора);
- усиление других (похвала и лесть);
- сходство мнений (согласие с суждениями партнёра и демонстрация сходства ценностей);
- выделение фаворитов [цит. по 28].

В исследованиях было установлено, что в организациях часто применяются различные стратегии инграциации. Менеджеры используют её по отношению к своим подчиненными, например, когда подбирают себе заместителя, и по отношению к начальникам – когда им необходимо убедить окружающих, что они подходят для руководящей должности. Считается, что инграциация может помочь женщинам-лидерам уравнять свои шансы с мужчинами, в частности – в установлении хороших взаимоотношений с подчиненными, тем более что роль инграциатора, согласно стереотипам, больше подходит женщине. Однако представители обоих полов делают это с успехом, с целью повлиять как на представителей своего, так и другого пола.

Люди с высокими показателями по шкале макиавеллизма склонны всегда демонстрировать свои сильные стороны. Для макиавеллистов характерна высокая экспрессивность в поведении, уверенность в себе, произвольная регуляция эмоций, желание влиять на других. Результаты исследований свидетельствуют также о том, что высокие оценки по Мак-шкале положительно коррелируют с подозрительностью [236]. Макиавеллизм также связан с экстернальным (внешним) локусом контроля. В качестве одной из причин связи между макиавеллизмом и экстернальностью рассматривается стремление к немедленному достижению желаемой цели [320]. Было показано, что при высоком макиавеллизме не только возможность достижения цели приписывается экстернальным факторам, но и сами цели могут быть экстернально заданы [308].

Таким образом, поведение инграциаторов можно рассматривать как проявление одной из форм манипуляции и макиавеллизма личности. Если же обратиться к тексту самого Николло Макиавелли, то в его описании тактики поведения *государя* также можно обнаружить такую модель поведения (например, в поведении Борджа).

Очевидно, что и гендерный менеджмент, и инграциация являются приемами манипулирования окружающими, но это защитные стратегии, которые порождаются неблагоприятными условиями, сложившимися в деловом мире, в том числе и для женщин. Индивидуальные достижения в конкурентных обществах становятся самоцелью, и многие компании озабочены царящими в них отчуждением и цинизмом, поэтому они ищут гуманистические подходы к управлению. Идет поиск альтернатив индивидуалистическому обществу Запада, культурные ценности которого в основном маскулинны. Лидерство в таком обществе традиционно рассматривалось как социальное достижение, а стремление к нему – как элемент конкурентной групповой среды. Поэтому многие компании и общественные организации возлагают большие надежды на женскую модель лидерства, которая подвергает маскулинные ценности переоценке. Следует, однако учитывать, что женщины так же, как и мужчины, могут прибегать к манипуляции, но у них иная тактика и направленность действий. К чужим мыслям и к цитатам можно относиться по-разному, но как не вспомнить в данном случае слова великого Б.Пастернака: «нельзя впадать к концу, как в ересь, в неслыханную простоту» (из книги «Второе рождение», 1930-1931).

В первой половине XX в. были предприняты широкомасштабные исследования, направленные на изучение личностных качеств лидеров. Обзор исследований указывает на то, что их результаты зачастую противоречат друг другу. Идея об индивидуальной предрасположенности человека к ли-

дерству и о том, что диапазон развития отдельных качеств индивида генетически и физиологически предопределен эмпирически, не подтверждается. В разных ситуациях проявлялись лидеры, обнаруживавшие различные, порой прямо противоположные лидерские качества, и человек не становится лидером только благодаря тому, что он обладает некоторым набором личностных свойств. Анализ исследований по этому вопросу заставляет усомниться в существовании какого-либо стабильного перечня специфических качеств лидера. Различные ситуации управленческой деятельности требуют применения различных способностей, поэтому лидерство считается продуктом взаимодействия личностных и ситуационных факторов.

О.В. Евтихов указывает на то, что для формирования и развития лидерского потенциала личности необходимо работать с самовосприятием организационного лидера (образом «Я»). В рамках повышения лидерского потенциала полезно направлять усилия на:

а) формирование адекватного представления о себе и своих актуальных возможностях (Я–реального);
б) усложнение Я–концепции за счет расширения воспринимаемых лидером компонентов Я–образа с выделением в них лидерских элементов;
в) осознание различных проявлений собственного Я–социального с пристраиванием лидерского Я–социального;
в) пристраивание Я–идеального с выделением в нем лидерских элементов и формированием зоны ближайшего развития организационного лидера [73].

В *ситуационных теориях* лидерства внимание исследователей было сосредоточено на взаимосвязи различных ситуационных условий и эффективности лидерства. При этом во многих из них рассматривались не столько средовые, социальные, профессиональные и другие ситуационные факторы, сколько обусловленная ими специфика взаимоотношений в коллективе, с которыми тесно связан феномен макиавеллизма как склонности к манипулированию в общении и взаимодействии.

Эксперименты А.Дрори и Ю.Глускиноса показали, что лидеры-макиавеллисты, склонные обычно отдавать много приказов, в сложных ситуациях меняли свое поведение. Они становились менее директивными и обращались к подчиненным о помощи чаще, чем лидеры-немакиавеллисты, в то время как поведение людей с низким уровнем макиавеллизма не менялось в зависимости от ситуации [248]. В другом исследовании было показано, что рациональные и гибкие лидеры-макиавеллисты могут проявлять жестокость, чтобы удержать власть, но они не склонны к излишней самоу-

веренности и готовы вести себя мягко и либерально, чтобы сохранить привязанность своих последователей [246].

Ряд исследований, проведенных среди взрослых, работающих в различных организациях, позволили получить довольно последовательные результаты. Они соответствовали более ранним заключениям о том, что различные ситуации требуют различных черт лидерства и форм поведения, подтвердив предположение о том, что важна также сама природа лидерства. Это означает присутствие у эффективного лидера таких черт, как общительность, потребность во власти и потребность в её достижении [286].

С.Кирпатрик и Е.Локк провели метаанализ работ, написанных до 1959 г., и пришли к выводу, что лидеры часто получают более высокие баллы, чем нелидеры, при оценке таких качеств, как *интеллект, консерватизм, экстраверсия, доминантность, маскулинность, приспособляемость* [291]. Результаты анализа эмпирических исследований демонстрируют связи макиавеллизма с некоторыми показателями психометрического и эмоционального интеллекта, экстернальным локусом контроля, неспособностью к сознательной саморегуляции, низкой самооценкой, фрустрированностью и целым рядом аналогичных характеристик, которые согласуются с этим выводом. Однако для того чтобы быть эффективным лидером, нужно не просто обладать «набором» качеств. Хотя черты личности и могут обеспечивать потенциал для лидерства, но именно способность видеть перспективу и претворить ее в действие позволяет реализовать этот потенциал.

Ситуационно-должностной подход (Р. Хауз, Дж. Хант) на первое место ставит позицию человека в официальной структуре, должность, которую он занимает в организации, а не индивидуальные особенности или пол личности. Так, мужчины и женщины, выполняющие одни и те же лидерские роли, занимающие одни и те же менеджерские должности, не будут отличаться друг от друга ни по поведению, ни по лидерской эффективности. Однако ситуативные переменные могут способствовать тому, что гендер становится значимым фактором, и женщины-лидеры (с их меньшей властью, влиянием и ресурсами) в этом плане проигрывают по сравнению с мужчинами.

Концепция гендерного потока (*gender-rolespill-over*), выдвинутая Барбарой Гутек и коллегами, в отличие от ситуационно-должностного подхода, считает фактор пола доминирующим: он является столь мощным, что распространяет свое влияние на другие роли, в том числе и на лидерскую. Возникает так называемый «гендерный эффект», когда пол становится более значимым, чем все остальные факторы. Но не только гендерные стереотипы оказывают влияние на эффективность лидерства. Наиболее значимыми яв-

ляются отношения подчиненных, основанные на восприятии людей власти, сильной личности, а также самого макиавеллиста.

Данные непосредственного изучения макиавеллизма совпадают с имплицитными концепциями этого феномена. В одном из исследований респондентов просили ответить на вопросы личностного опросника так, как отвечал бы человек с высоким уровнем макиавеллизма Полученный профиль характеристик в целом совпал с теоретическим представлением о личностных особенностях макиавеллистов – *высокая доминантность и низкие доверие, суперэго, кооперативность* [352].

При анализе житейских представлений о макиавеллизме (какими кажутся люди, обладающие высоким уровнем макиавеллизма, и есть ли какие-то определенные группы с высоким или, наоборот, низким уровнем макиавеллизма) было показано, что высокий уровень макиавеллизма часто приписывается тем, кто связан с бизнесом. Основываясь на этом представлении обыденного сознания, были сформированы две группы судентов-старшекурсников, специализирующихся по бизнес-программе и не связанных с бизнес-образованием. В обеих группах были отобраны те, кто получил высокие баллы по шкале макиавеллизма. Сравнение по опроснику Айзенка макиавеллистов из двух групп (связанных и не связанных с бизнесом) выявило значимые различия по экстраверсии и психотизму: обе черты были значимо выше у макиавеллистов, получающих бизнес-образование [352]. Таким образом, макиавеллисты, которые плюс к своим личностным особенностям выбрали еще и профессию, стимулирующую развитие макиавеллизма, имеют более крайние значения и по другим чертам личности.

Однако макиавеллисты для достижения собственных целей могут отказаться от манипулятивных способов воздействия на окружающих. Речь идёт, прежде всего, о многообразных ситуациях конкурентной борьбы, в которой либо непредсказуем результат, либо существует большая опасность проигрыша. В таких ситуациях одним из известных манипулятивных приемов является *демонстрация собственной слабости* или некомпетентности. К такой стратегии прибегает не только женщина, как уже было отмечено, но и дефензивная личность с установкой на модель поведения «жертвы». Цель такой демонстрации – усыпить бдительность соперника и побудить его сократить прикладываемые усилия. Такая форма манипуляции яснее открывается при анализе мотивационных источников и проявлении её регуляторных функции как межличностной защиты, которая становится предметом исследования в рамках клинико-психологического направления. В рамках же социально-психологического направления макиавеллизм рассматривается в большей степени с точки зрения осознанной формы манипуляции.

Исследования лидерского потенциала макиавеллистов затрагивали также вопрос о том, какое место макиавеллист может занимать в структуре малой группы. Выявлено, что подростки-макиавеллисты обладают более высоким социометрическим статусом, чем их сверстники-немакиавеллисты [59], [109].

Макиавеллистов часто представляют как амбициозных, умных, настойчивых, более коммуникабельных и убедительных. Они более целеустремлённы и конкурентоспособны и направлены, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами. Однако согласно концепции ***«кредита доверия»*** (*idiosyncrasy credit*) Е.Холландера, возможности лидера влиять на членов группы во многом определяются тем, насколько последователи осознают его компетентность в значимых ситуациях и насколько *его поведение соответствует существующим в группе нормам* [цит. по 90]. В таком случае, если бы макиавеллист полностью игнорировал систему взаимодействия с партнером, он бы не смог добиться и своей личной цели. По меньшей мере, было бы наивно полагать, что эффективность лидерства зависит лишь от его направленности на взаимодействие с партнером либо на результат. То же самое относится и к фактору пола и гендерной идентичности, несмотря на то, что в психологической литературе есть данные о том, что мужской макиавеллизм качественно отличается от женского как на уровне установок, так и конкретного поведения.

Особенно очевидным это становится, например, при учете ***индивидуальных различий*** испытуемых по показателю выраженности межличностной ориентации. Субъекты с высоким показателем чувствительны к другим, заинтересованы в них, более точно описывают поведенческие и межличностные черты, такие как сотрудничество, сила, зависимость. В противоположность им люди с низким показателем межличностной ориентации менее чувствительны к поведенческим характеристикам партнеров по общению, а также менее заинтересованы в отношениях с ними.

В исследованиях, проведенных Ф.Эйли и сотрудниками, показано, что помимо неудовлетворенности близкими отношениями у макиавеллистов были обнаружены нарушения эмпатии – как аффективного, так и когнитивного ее компонентов [204], [202] и общее эмоциональное обеднение [317]. Аффективный компонент эмпатии предполагает способность пережить эмоции другого, тогда как когнитивный в большей степени связан с theoryofmind (ToM) и определяется как возможность понять, концептуализировать и строить гипотезы относительно чувств другого человека [298]. Как показали результаты исследования, высокий балл по шкале макиавеллизма отрицательно связан с точностью ответов в заданиях на ToM по об-

щему показателю [203]. Но в большей степени он связан с распознаванием нейтральных и позитивных выражений лица и нейтрального тона голоса. Авторы предполагают, что для манипулирования другими людьми макиавеллистам важнее обращать внимание на яркие эмоции, чтобы корректировать стратегии поведения, а более тонкие, нюансированные чувства внимания не привлекают [203].

Исследования также показали, что успешность распознавания эмоций при предъявлении амбивалентных стимулов (т.е. стимулов, в содержании которых сочетаются признаки двух семантических пространств) достигается, когда знак и модальность эмоции при высоком макиавеллизме опосредованы уровнем эмоционального интеллекта и тревожности [202]. Между тем связь удовлетворенности работой и макиавеллизма опосредуется интернальностью–экстернальностью [259], а также мотивационными характеристиками позитивной и негативной эмоциональности [365]. Следовательно, лидер-макиавеллист должен обладать высоким уровнем эмоционального интеллекта, в то время как интернальность–экстернальность оказывает влияние на удовлетворенность работой в зависимости от типа деятельности лидера (руководитель-ученый или руководитель-производственник).

Понятие «кредита доверия» предполагает право лидера на *нестандартность поведения,* определяемого соответственно степени доверия к нему, социального статуса лидера, компетентности, принятым в данной группе (обществе) *моральным ценностям* и др. [90]. Можно сказать, что величина кредита доверия пропорциональна *ожиданиям* последователей относительно *результативности* действий лидера, которые также определяются направленностью личности руководителя и его умением вовремя «распознать» эту направленность у своих подчиненных. В таком случае, важен не столько эмпатический, сколько ценностный компонент поведении. Кроме того, в «нестандартности поведения» может также проявляться и такое свойство личности, как «толерантость к неопределенности», активно изучаемое в психологии в последнее десятилетие, благополучная «Я-концепция» и другие характеристики, связанные с уровнем морального развития личности.

На основании того, что макиавеллисты имеют внешний локус контроля [341], предполагалось, что с макиавеллизмом будет связан целый ряд характеристик, обнаруживающих положительные связи с локусом контроля: мотивация достижения, благополучная Я-концепция, уверенность в себе, уровень морального развития, удовлетворенность работой и т.д. Соответственно связи макиавеллизма с этими характеристиками будут отрицательными. Ожидания в значительной степени оправдались. Например, низкий

макиавеллизм и интернальный локус контроля оказались одновременно связаны с высоким уровнем морального развития студентов [297], с благополучной Я-концепцией одаренных старшеклассников, причем независимо от пола и возраста [371].

В диссертационной работе «Влияние манипулятивной направленности личности руководителя на социально-психологический климат группы» С.В. Беденко исследовала особенности поведения в системе «руководитель-подчиненные». Как показали результаты исследования, руководители с манипулятивной направленностью в общении воздействуют на группу опосредованно, через одного или нескольких ее членов, апеллируя к их личностным особенностям, способностям, используя директивные высказывания, но часто смягчая их оптативными [26]. При этом они избегают положительных оценок, предпочитая применять их по отношению к группе. Они более категоричны, нежели руководители с диалогической и конформной направленностью, поощряют выражение чувств членов группы, стараясь не проявлять собственных.

Влияние руководителей с манипулятивной направленностью в общении снижает увязанность структурных элементов группы во взаимодействии, референтность, сплоченность, повышая конфликтность и ухудшая психологическую атмосферу в целом. Это вызывает напряженность у большинства членов группы и их неудовлетворенность совместной деятельностью, характером отношений с другими членами группы и руководителем, снижая вкупе желание продолжать сотрудничество.

Социометрический статус членов групп, их самочувствие, *удовлетворенность совместной деятельностью*, отношениями в группе и с руководителем с манипулятивной направленностью в общении обусловлен их коммуникативной направленностью. У членов групп с манипулятивной и авторитарной направленностью снижаются показатели самочувствия, удовлетворенности совместной деятельностью, отношениями в группе и с руководителем, хотя существенных изменений в их социометрическом статусе не наблюдается. Ухудшение индивидуальных показателей характерно и для лиц с диалогической направленностью, социометрический статус которых снижается. Только у членов групп с конформной направленностью возрастает социометрический статус, они в основном удовлетворены отношениями в группе и с руководителем, испытывают позитивные эмоции. Члены группы с манипулятивной направленностью в общении занимают высокий социометрический статус. Он достаточно стабилен и не меняется в группах, где руководители обладают манипулятивной, диалогической и конформной направленностями [26].

Помимо отрицательного влияния макиавеллизма на управление организацией исследования показали отсутствие связи макиавеллизма, который, исходя из определения, предполагает стремление к социальному и материальному продвижению так называемого саморуководства (self-leadership): планирования деятельности, внутренней мотивации, конструктивного мышления [258].

Изучение проблемы лидерства с точки зрения мотивационных процессов связано с развитием поведенческого подхода и разработкой *мотивационной теории лидерства*. На развитие мотивационных теорий значительное влияние оказали работы А.Маслоу и К.Альдерфера. Так, Абрахаам Маслоу в 1954 году в книге «Мотивация и личность» сформулировал следующие предположения относительно мотивационной «природы человека», о двух из которых (первом и втором) в своё время говорил и Николло Макиавелли:

- люди постоянно испытывают определенные потребности;
- состояние или ощущение неудовлетворенности потребностей побуждает человека к действию;
- потребности образуют иерархию с элементарными потребностями на нижнем уровне и потребностями более высокого порядка на высшем.

Третье положение выводимо из представления Макиавелли о низменности человеческих страстей на ранних этапах развития человечества, о появлении нравственности на более поздних, и о наивысшем уровне развития личности (самоактуализации), отражаемом в образе *virtus* государя, понимаемом как мужественный государственный деятель, заботящийся о благе народа.

В современных психологических исследованиях представлений о нравственности макиавеллиста, уровень нравственности порой оценивается как относительно положительный (относительно – потому что использование манипуляции представляется требующим оправданий даже при благих целях). Лидер является носителем норм и ценностей группы, поэтому его поведение и мировоззрение должны быть согласованы с нормами социальной морали. В.Нанус это качество лидера называл «высокой честностью и цельностью характера» [322].

Несмотря на то, что критики Макиавелли утверждали, что мыслитель не придерживался моральной нормативности в деятельности руководителя, он писал о надежности государя и о последовательности в его действиях, поступках. В главе X трактата «Государь» он пишет: «Государь сильный и смелый одолеет все трудности, то внушая подданным надежду на скорое

окончание бедствий, то напоминая им о том, что враг беспощаден, то осаждая излишне строптивых» [123, с.80]. В следующей главе XI, рассуждая о церковных государствах, подчеркивает, что «лишь эти государства неизменно пребывают в благополучии и счастье» [123, с. 80]. В XXI подчеркивает, что «самое главное для государя – постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом, выдающегося. Государя уважают, когда он открыто заявляет себя врагом или другом, то есть когда он без колебаний выступает за одного против другого – это всегда лучше, чем стоять в стороне», – заключает Макиавелли [123, с. 112]. Основной же вывод можно сформулировать так: презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться, как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. Решение лидера (государя) касательно частных дел подданных должно быть бесповоротным, и мнение о нем должно быть таковым, чтобы никому не могло прийти в голову, что можно обмануть или перехитрить государя [123], [122], [124]. Что может быть похвальнее для государя, задает вопрос Макиавелли, нежели соединять в себе все лучшие качества? Но при этом он добавляет: «раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более» [123, с.92-93].

Итак, отметим, что на современном этапе при изучении проблемы феномена макиавеллизма как необходимого для лидера качества, обнаруживаются данные, которые нельзя с уверенностью отнести лишь к социально-психологическому направлению. Результаты исследований в этой области свидетельствуют в пользу ряда положений, развиваемых в рамках других подходов.

Второе направление в рамках социально-психологического подхода – это изучение макиавеллизма как фактора иммoрализма. Оно является наиболее противоречивым при интерпретации полученных в эксперименте данных. Например, недоумение вызывают сочетания в одном конструкте стремления к власти и низкой мотивации достижения, или такое свойство Большой пятерки, как низкая сознательность (предполагающая независимость), которая может сосуществовать с экстернальным локусом контроля [352], [211], и многие другие. В следующем параграфе приведем результаты исследований отдельных авторов по проблеме макиавеллизма личности, предоставив более подробно обсуждение темы нравственности и морали в специальной литературе. Здесь же отметим, что данные, полученные в рамках этого на-

правления, послужили стимулом для проведения дальнейших исследований и разработок в другом направлении – клинико-психологическом (см. *главу 3.2*). Это связано с положением о том, что *нарушение социальных норм* в психологии рассматривается как *девиантное поведение*, понимаемое как *нарушение психического здоровья* личности.

4.1.2. Макиавеллизм как фактор имморализма

Растущая обеспокоенность общества безответственностью отношения к ресурсам, необходимость ограничения политики бесконтрольного потребления способствовали изменению в исследовании отношения как к процессу манипуляции, так и к феномену макиавеллизма. Рынок – это противоборство желаний, где каждый стремится получить выгоду, а в чем состоит эта выгода в рыночных отношениях – не всегда осознается.

Уже в первой своей работе Р.Кристи и Ф.Гайс при описании макиавеллизма как качества, необходимого лидеру, выдвинули одновременно и предположение о том, что макиавеллисты склонны с *пренебрежением относиться к конвенциональной морали*. Дальнейшие исследования позволили подтвердить и уточнить это предположение. Исследования велись в нескольких направлениях. Первое, раскрывавшее предположение о склонности макиавеллистов игнорировать этические нормы, основывалось на изучении связи макиавеллизма и лживости и выявило, что макиавеллисты более склонны ко лжи, чем немакиавеллисты [262].

Еще в прошлом веке русский философ Н.Бердяев обращал внимание на многоликость лжи в человеческой жизни. Он писал: «Лгут не только люди лживые по природе, но и люди правдивые. Лгут не только сознательно, но и бессознательно». Ложь современного мира, по его мнению, есть выражение глубокого перерождения структуры сознания: «Из мира все более исчезает личная совесть, и все меньше слышится ее голос» [29].

К.Мелитан считает ложь признаком безнравственности: дети и взрослые начинают лгать тогда, когда в их поступках появляется «что-то нехорошее», что необходимо скрывать от других [127]. Иначе говоря, автор рассматривает ложь с позиции моральных и нравственных норм. Не столь категоричные промежуточные позиции занимают В.Штерн и Ж.Дюпра. В частности, В.Штерн определяет ложь как сознательное неверное показание, служащее для того, чтобы посредством обмана других достичь определенных целей [127].

Многие исследователи именно ложь и склонность к обману считают центральными характеристиками макиавеллизма, однако полученная М.С. Егоровой отрицательная связь макиавеллизма со шкалой лжи вызывает со-

мнения на этот счет [74]. Существуют данные, что люди с высоким уровнем макиавеллизма имеют безразличное мнение о других, циничный взгляд на людей вообще и на отдельную личность в частности. Результаты исследования, проведенные А.К. Акименко, показали, что субъекты, демонстрирующие высокую религиозность взглядов, мыслей и поступков, редко прибегают ко лжи и используют в основном ее альтруистическую разновидность [8]. В то время как лица с высокими показателями по Мак–шкале прибегают ко лжи в межличностных взаимодействиях в сугубо личных интересах и делают это значительно чаще других. Такие субъекты более эффективно обманывают в межличностном общении других и чаще льстят [220].

На шведской выборке при использовании аналога Большой пятерки (HEXACO) было показано, что Макиавеллизм коррелирует (отрицательный коэффициент корреляции) с дополнительным фактором Честность – Склонность к обману [299], [244]. Аналоги этого фактора, которые в работах получают разные названия – Доверие, Честность, Ценности, как правило, обнаруживают связи с макиавеллизмом [210].

Макиавеллистов часто описывают как амбициозных, умных, настойчивых, более коммуникабельных и убедительных независимо от того, говорят они собеседнику правду или лгут [78]. В исследованиях М.Д. Солсбери и сотрудников показано, что макиавеллизм, наряду с полом, уровнем идеализма и морального релятивизма, влияет на отношение студентов к обману, тогда как возраст, успеваемость, расовая принадлежность – нет [343].

Однако по данным других авторов в уровне проявления макиавеллизма личности существуют возрастные различия [209], [247] [370], [84]. В.В. Знаков объясняет это тем, что в повседневной жизни макиавеллизм как психологическое свойство личности проявляется в манипулятивных тактиках, направленных на достижение субъектом конкретных карьерных и других подобных целей [84]. Такие тактики наиболее эффективны в кратковременных контактах, общении, не предполагающем установление близких человеческих отношений. Именно так студент может общаться на экзамене с профессором, призывник в военкомате с военным комиссаром, претендент на работу с менеджером по кадрам. В более старшем возрасте у большинства людей, во-первых, сокращается количество таких социальных ситуаций. Во-вторых, сужается круг близких знакомых, которыми по понятным причинам нельзя длительное время безнаказанно манипулировать. В исследовании А.В. Купрейченко было показано, что степень выраженности поведенческих проявлений макиавеллизма непосредственно зависит от «психологической дистанции» между субъектами общения [108]. Показано, что испытуемые демонстрируют более низкий уровень макиавеллизма по

отношению к членам семьи и друзьям, чем к психологически менее близким людям [370].

Исследования нравственных установок макиавеллистов подтверждают предположение о том, что они склонны игнорировать общепринятые моральные нормы. Такая модель поведения проявляется в различных сферах жизни. В деловой сфере макиавеллисты ведут себя в соответствии с корпоративными ценностями, только если в организации существует этический кодекс [347]. Низкий уровень макиавеллизма положительно связан с более аккуратным, морально обоснованным выбором стратегий поведения в бизнесе и повседневной жизни (отрицательное отношение к обману, лжи или к утилитарной позиции по отношению к другому), предполагая внимание к вопросам этики и морали [216], [325]. Более или менее однозначная картина (пренебрежение этическими нормами при высоком макиавеллизме) обнаруживается и в исследованиях, проводимых в организационной психологии, например, при анализе эмоциональных переживаний и тактики разрешения моральных проблем, возникающих при маркетинге [306]. Поведение на рабочем месте свидетельствует о том, что макиавеллизм положительно связан с коррупцией [264].

Макиавеллисты чаще других прибегают ко лжи не только в деловых, но и в интимно-личностных отношениях. Выявлено, что высокий уровень макиавеллизма положительно связан со склонностью обманывать брачных и сексуальных партнеров, изменять им и притворяться влюбленным, не испытывая на самом деле романтических чувств. Макиавеллист стремится принуждать других к половым актам, только если понимает, что впоследствии его нельзя будет уличить в этом [314].

Одной из важных ценностных ориентаций в нравственном развитии личности является ориентация на другого человека. С ней связывается формирование собственно личностных ценностей. Развитие человека идет не в условиях «робинзонады, а внутри культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения и мировосприятия» [80]. Мораль развивается в ориентировке на общение с Другим, «зависит от ограничений и поддержки, оказываемых ближними» [148, с. 108]. Макиавеллизм же напротив, как склонность человека к манипуляции другими в межличностных отношениях, является противоположным личностному свойству ориентации на другого человека как на самоценность. Для того чтобы справиться с внутренним конфликтом, необходимо обесценить этого Другого. Например, в исследовании мужчинам предлагалось заполнить опросник «Mach», а затем оценить партнёров по взаимодействию по двадцати биполярным шкалам (например, искренний – эгоистичный, мягкий – гру-

бый и т.д.). Оценки как высоких, так и низких макиавеллистов располагались на положительном отрезке шкалы, но высокие макиавеллисты по девятнадцати шкалам из двадцати описывали людей хуже, т.е. как менее искренних, менее дружелюбных, менее интересных и т.п.

Другое направление исследований социально неодобряемого поведения макиавеллистов касается связи макиавеллизма со склонностью к манипулированию. Р.Кристи и Ф.Гайс называют тех, кто получает высокие баллы по шкале макиавеллизма, эффективными манипуляторами, их характеризует склонность к манипулированию, низкая эмоциональная сензитивность, расчетливость, а также не особенная озабоченность моральными соображениями. Это так называемый «холодный» синдром свойств, который первоначально и рассматривался как основа макиавеллизма. Макиавеллисты охотно и не испытывая чувства вины манипулируют другими, а неудобные для них социальные нормы соблюдают лишь под угрозой наказания, эти люди эмоционально холодны и почти не способны сопереживать другим [208], [239], [292], [30], [366], [367]. Ведущий специалист в области психологии понимания В.В. Знаков [84] объясняет склонность человека в ситуациях межличностного общения манипулировать другими установкой на объектное отношение к другим людям.

А.Н.Поддъяков и И.Н. Калуцкая [91] при анализе современного состояния теорий макиавеллизма, характеризующих разнообразием подходов и оценок, предлагают в качестве одной из возможных схем их интеграции теорию, в основу которой положены *двухуровневые представления* о макиавеллистах. Представления первого уровня описывают психологические качества самого макиавеллиста. Представления второго уровня описывают его представления о других людях и самом себе. Представления этого второго уровня в любой теории макиавеллизма всегда имеются, поскольку манипуляция (как и любое целенаправленное воздействие, претендующее на успех) предполагает частичное или полное знание объекта, на который она направлена.

Положение, на котором строится данная схема, – это разнообразие целей макиавеллистов. Оно основано на выделение в качестве основной характеристики, которая делает макиавеллиста макиавеллистом, не склонность манипулировать другими ради собственной выгоды, а *использование манипуляции в качестве основного средства достижения поставленных целей* (что в большей степени согласуется с учением самого Макиавелли). Итак, А.Н.Поддъяков и И.Н. Калуцкая [91] выделяют следующие цели, которые человек может преследовать в процессе манипулятивного взаимодействия.

а) *Чисто эгоистические цели*. Сюда входят как социально не одобряемые эгоистические цели, так и социально одобряемые. Речь идет о юри-

дически и морально законной защите собственных интересов. Например, многие руководства по поведению при встрече с преступником (потенциальным убийцей, грабителем, насильником и т.п.) приводят список макиавеллистских уловок-стратагам, призванных обеспечить успешную психологическую манипуляцию агрессором со стороны физически более слабой жертвы. И в этих руководствах не встречается совет: «Честность – лучшая политика в любых ситуациях».

б) *Чисто альтруистические*, бескорыстные добрые цели: субъект использует манипуляцию для помощи другому субъекту, на которого иным способом повлиять невозможно или очень трудно – по крайней мере, по мнению этого альтруистического манипулятора (примеры даны в [84], [91], [154]).

в) *«Бескорыстно злые»* цели. Понятие бескорыстного зла широко использовал С.Лем, анализируя ситуации, в которых одни люди по своей инициативе наносят ущерб другим людям (вплоть до их массовых убийств), не получая от этого никакой выгоды или даже неся некоторый ущерб (причем речь не идет о садистском удовольствии, получение которого можно было бы считать эгоистической, корыстной целью) [112]. С.Лем считал, что недооцененное и малоизученное стремление творить бескорыстное зло играет важную роль как в человеческих отношениях, так и в развитии цивилизации.

г) Цели *комплексные*, сложные в отношении других людей – например, предполагающие альтруистическую помощь одним субъектам при одновременном и взаимосвязанном нанесении ущерба другим, поскольку без этого ущерба помощь субъекту представляется невозможной. По-видимому, такие цели ставил Н.Макиавелли. Таковы же цели крота из повести Ф.Искандера «Кролики и удавы», персонажа, однозначно положительного, в отличие от противоречивых мнений о самой личности Макиавелли, но, тем не менее, обманувшего и заставившего поплутать удава, охотящегося на главного героя – кролика. Поняв, что его обманули, удав был потрясен отсутствием выгоды, а значит, кажущейся бессмысленностью этого обмана. По-искандеровски афористическое объяснение дается в тексте: «Если мудрость бессильна творить добро, она делает единственное, что может, – она удлиняет путь зла» [88].

Считается, что макиавеллист манипулирует другими на основе кредо, определенных жизненных принципов, которые служат для него оправданием манипулятивного поведения. Манипулирование другими людьми соответствует природе человека, и поэтому он не усматривает в этом ничего зазорного: просто он рассматривает такую стратегию поведения, как «ис-

пользовать для этого других людей», в качестве наиболее эффективного способа достижения своих целей, а причинение зла другому в его планы не входило – «просто так случилось».

В большинстве определений подчеркивается осознаваемый (и целенаправленный) статус манипулятивного действия как некой социальной инженерии. Согласно Дж.Хамильтону, это умышленное воздействие или контроль над поведением другого ради собственной выгоды с помощью обаяния, убеждения, соблазнения, обмана, насилия или индуцирования вины [270]. К кругу феноменов, для которых намеренность создать определенную картину мира (выгодную для одной стороны), обеспечивающую благоприятные условия для применения манипулятивного действия, относятся методы, используемые в СМИ, рекламе, менеджменте и политике. Распространенным приемом является манипулирование чувствами и потребностями человека, на которого направлена манипуляция: за индуцированием определенной эмоции предъявляется необходимый манипулятору способ разрядки, обещающий избегание негативной эмоции или сохранение позитивной. Этот прием используется не только в рекламе, но и в менеджменте. Например, страх увольнения, сосредоточение агрессии на конкуренте, или удовлетворение от незначительного повышения зарплаты.

Помимо аффективного воздействия успешно влияние и на когниции – с помощью особого структурирования информации о проблеме и ее решении. Возможно избирательное представление фактов и создание предубеждения такими оборотами, как «всем известно, что» и «само собой разумеется» и т.д., в то время как информация может быть далеко не бесспорной и представлять собой дискуссионную точку зрения [22]. В стилистике речи (в основном, политиков) выделяется несколько манипулятивных категорий: отрицание без отрицания, извинение без извинения, пассивный залог («были допущены ошибки»). Их объединяет сокрытость смысла под социально одобряемой оболочкой – например, политик формально приносит извинения, но если разобраться в грамматической структуре высказывания, станет ясно, что за этими «извинениями» нет чувства вины или желания исправить нанесенный вред. Методы манипуляции в СМИ хорошо разработаны: это используемые категории языка и эмоциональной экспрессии, сенсационность и срочность, повторение, дробление, изъятие из контекста, тоталитаризм источника сообщений, тоталитаризм решения, смешение информации и мнения, прикрытие авторитетом, активизация стереотипов, некогерентность высказываний и т.д. [95].

С.Г. Кара-Мурза, определяя основные доктрины манипуляции сознанием, говорит, что манипуляция сознанием есть «колонизация своего народа»

[95]. Поскольку завоевание это тайное и успех в нем определяется умением «колонизаторов» не допустить организованного сопротивления, главные доктрины манипуляторов излагаются в туманной, завуалированной форме, в связи с частными косвенными вопросами.

С целью изучения структурных компонентов личности макиавеллиста П.Мадрак провел метаанализ результатов работ 70–80-х гг. (20 исследований, совокупная выборка 3046 человек) и убедительно показал, что макиавеллизм связан с экстернальным (внешним) локусом контроля [320]. В качестве одной из причин связи между макиавеллизмом и экстернальностью рассматривалось стремление к немедленному достижению желаемой цели. Поскольку интернальные тактики (такие, как упорный труд, настойчивость и т.д.) не могут привести к быстрым результатам, маккиавеллисты прибегают к манипуляции и обману. Этические проблемы снимаются убеждением в том, что окружающая действительность враждебна, и любые тактики, включая ложь и неблагодарность, хороши, если они помогают выжить и преуспеть.

Особое значение макиавеллизм приобретает в ситуациях морального выбора: было проведено исследование вклада этой личностной черты в процесс принятия решения о плановом бюджете, определяемого умышленной недооценкой прибыли или переоценкой расходов при планировании. Это распространено в организациях, где доходы тесно связаны не с фактическим успехом компании, а с формальным выполнением плана. У человека, участвующего в принятии такого решения, есть дилемма: планируемый бюджет выгоден для его подразделения, но снижает эффективность работы компании в целом. Оказалось, что «высокие» макиавеллисты в такой ситуации больше склонны поддаваться давлению заинтересованных лиц, чем «низкие» макиавеллисты [272].

В исследовании И.А. Чигринова принятие неопределенности и макиавеллизм в регуляции морального выбора рассматриваются в качестве атрибута низких уровней личностного самосознания [188]. Было выделено два полюса в ориентации личностных ценностей: склонность видеть в человеке средство достижения своих целей и противоположная ей склонность рассматривать других как самоценность. Такие показатели уровня развития нравственного самосознания личности, как *постконвенциональный уровень* и *самоуважение,* выступали индикаторами латентной переменной «*уровень личностных ценностей»*. Этот уровень связан с принятием неопределенности, что отражается в виде положительной корреляции *самоуважения* и *толерантности к неопределенности.* Качественный анализ показал различия между разными группами по выраженности макиавеллизма: с повышени-

ем этого качества происходит все большая ориентация на достижение собственных целей, жесткое отстаивание своих позиций в дискуссиях, а также ориентация на поиск возможностей в ситуации [188]. На среднем уровне макиавеллизма происходит, в основном, избегание негативных последствий, ограждение себя от них любыми способами. Невыраженные макиавеллисты являются более честными и прямыми, и в то же время – более скромными. При любой выраженности макиавеллизма испытуемые стремятся к тому, чтобы заниматься чем-то интересным, хотя связи с толерантностью к неопределенности не обнаружено. В то же время выбор более легких путей через отказ от принятия неопределенности связан с более высокой интолерантностью к неопределенности. Показано, что уровни нравственного самосознания опосредствуют влияние макиавеллизма на принятие решения; «доличностные» уровни самосознания, не включающие ориентирование на ценности другого человека, связаны с интолерантностью к неопределенности, личностные уровни – с толерантностью к неопределенности. Другие авторы также поддерживают точку зрения о том, что макиавеллизм личности определяет нечувствительность к нарушению этических норм. По данным Гайса высокие оценки по Мак-шкале положительно коррелируют с подозрительностью, враждебностью [263].

Другое направление касается изучения связи макиавеллизма и эгоистического поведения. Макиавеллизм отрицательно связан с уровнем альтруизма [217], [17]. Однако в тех случаях, когда это позволяет завоевать репутацию в группе, макиавеллисты могут вести себя альтруистично [219]. Они даже способны прибегать к сотрудничеству, но лишь при угрозе наказания за эгоистичное поведение [355], [356].

Известно, что цель нравственных правил – регулировать отношения между людьми согласно общему благу. Но она видоизменяется, специализируется и получает особое содержание в отдельных общественных кругах. Для большинства людей высшее мерило нравственности поступков не представляется в отвлеченной формуле общего блага. Это мерило получает более конкретное содержание, обусловливаемое той ближайшей обстановкой, в которой вращается человек, и той ближайшей целью, которая направляет его деятельность. Лишь меньшинство осознает высшее начало нравственности и умеет прилагать его к отдельным частным случаям, большинству же это начало представляется в его частном применении к той среде и к той сфере деятельности, в которую поставило его общественное положение. Этим различием нравственных правил и понятий в разных общественных кругах и сферах деятельности объясняется и различие между частной и общественной моралью.

При изучении влияния норм справедливости на оценку партнера по общению О.А. Гулевич указывает на косвенные свидетельства в пользу возможности влияния феномена веры в справедливый мир и на его следствие – «очернение» человеком жертвы своих действий, на эксперименты Дж.Лернера, проведенные еще в 1960-х гг. Если человек вынужден наказывать электрическим током своего партнера, который ошибается в решении задач, впоследствии он более негативно оценивает его, чем если бы он имел возможность оставить жертву в покое или вознаградить ее за правильные ответы. Вероятно, таким образом человек оправдывает себя: «Я наказываю плохого человека, который заслужил это». В поисках прямого свидетельства того, что соблюдение или нарушение норм справедливости оказывает влияние на оценку партнера, О.А. Гулевич проводит ряд исследований, в которых изучает роль *атрибутивных процессов* – каузальной атрибуции и атрибуции ответственности в соблюдении и нарушении обыденных норм справедливости [60]. Факторами, которые оказывают наибольшее влияние на оценку ответственности деятеля, являются *личностная атрибуция*, наличие у него возможности контролировать происходящее и свободу выбора. Чем больше в качестве причины события рассматривается сам деятель, чем большая *свобода выбора* и способность к контролю ему приписывается, тем более *ответственным* он считается. Вместе с тем на оценку ответственности жертвы оказывает влияние только *объектная атрибуция*: чем больше жертва рассматривается как причина произошедшего, тем большая ответственность ей приписывается. Возможно, как считает автор, это происходит, поскольку деятель рассматривается как *активный субъект*, имеющий возможность оказывать влияние на происходящее, а жертва – *как пассивный* [60]. Это означает, что существующие модели атрибуции ответственности рассчитаны, прежде всего, на приписывание ответственности деятелю, а не жертве его действий. Человек творит себя своими поступками. Поступок – это самоопределение – преодоление неопределенности – на уровне нравственных ориентиров, это нравственный аспект бытийных выборов. Они, если брать аспект длящегося поступка, принимают вид подвижничества или злодейства. Таким образом, временной аспект может существенно различаться в актах – или их длящихся непрерывностях, – но в любом случае имеет место непрерывное творение человеком себя и своей жизни.

Отвечая на вопрос о взаимосвязи макиавеллизма с нравственностью, «возможно ли толерантное общение при манипуляции», Т.А. Шаповалова в статье «По ту сторону толерантности» [189] представляет обзор негативных характеристик толерантности, которые способствуют реализации манипулятивного потенциала. Несмотря на внешне положительный образ, то-

лерантность является неоднозначной и парадоксальной категорией. В связи с этим автор рассматривает соотношение данной категории с такими понятиями, как манипуляция, дезинформация, скрытая агрессии, безразличие, язык двусмысленности, неискренность и иллюзия решения проблемы.

Еще одно направление социально неодобряемого поведения связано с исследованием поведения подростков в учебных группах. Британскими учеными Дж.Саттоном и Э.Кэо было показало, что макиавеллисты-подростки склонны запугивать и высмеивать других и не склонны поддерживать жертв буллинга [359]. Макиавеллисты-подростки склонны не только к буллингу, но и к мелким правонарушениям, но и в данном случае рациональный компонент поведения у них на первом месте – они нарушают только те правила, за несоблюдение которых предусмотрено не очень серьезное наказание [369]. Судя по некоторым работам, показатели разных шкал макиавеллизма отрицательно коррелируют с такими шкалами, как «сознательность/контроль импульсивности» [211]. То есть, с одной стороны, они настойчивы в деятельности и обычно достигают в ней высоких результатов. С другой стороны, они не прилагают достаточных усилий для выполнения принятых в обществе требований и культурных норм поведения, могут презрительно относиться к моральным ценностям. Ради собственной выгоды они способны на нечестность и обман. Как указано в интерпретации шкалы «испульсивность», человек, имеющий такую черту, склонен совершать асоциальные поступки.

Таким образом, макиавеллисты лучше замечают слабые места других людей и успешно пользуются этим. В целом, макиавеллизм как личностная характеристика отражает неверие субъекта в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей. Низкие макиавеллисты в большей степени строят своё поведение по идеальному образцу взаимодействия с другими, где отношения построены по субъектно-субъектному принципу в противовес субъектно-объектному. Высокие макиавеллисты лучше замечают слабые места других людей и успешно пользуются этим. Содержательно же все феномены манипулирования и макиавеллизма личности объединяют такие свойства, как стремление субъекта к неограниченному контролю и управлению мыслями, чувствами и поведением партнера по коммуникации, любыми средствами и при полном *игнорировании особенностей душевного мира партнера*. Одно из обобщающих определений принадлежит П.Вацлавику: он называет манипуляцией такой способ взаимодействия, в котором прагматический эффект (т.е. воздействие на партнера) приобретает статус самоцели [45].

В различных теория, постулирующих те или иные цели и стратегии макиавеллиста, даётся соответствующая оценка уровня его нравствен-

ности. Чаще всего это низкий уровень нравственности, либо нейтрально-объективистский, или напряженно амбивалентный. Система же поступков, противоречащих принятым в обществе нормам, и нарушение процесса самоактуализации в виде уклонения от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением в психологии рассматривается как нарушение психического здоровья личности. Таким образом, описание макиавеллизма как фактора имморализма напрямую соприкасается с идеей несбалансированности психических процессов в психосоматическом значении интересующего нас феномена, либо напротив, рассматривается в качестве критерия успешности психосоциальной адаптации, развиваемой в русле клинико-психологического направления.

4.2. Клинико-психологический подход при изучении макиавеллизма личности

В рамках клинико-психологического подхода также выделяются два направления. С одной стороны, «макиавеллизм» рассматривается как положительное явление, необходимое человеку для успешного функционирования, и служит критерием успешности психосоциальной адаптации. Другая, противоположная точка зрения на данных феномен состоит в том, что макиавеллизм личности рассматривается как негативное явление и вовсе не способствует, а напротив, может привести к личностным и социальным дисфункциям.

4.2.1. Макиавеллизм как индивидуальная особенность личности и критерий успешности психосоциальной адаптации

Ряд исследователей выдвигают предположение, что людей с высоким уровнем макиавеллизма лучше описывать в терминах личностной силы, инициативности, компетентности в социальном взаимодействии, чем в терминах высоких/низких моральных качеств. В ряде исследований не обнаружено различий в нравственном или безнравственном поведении высоких и низких макиавеллистов [315]. Однако было отмечено, что люди с высоким уровнем макиавеллизма способны выбрать необходимую линию поведения для успешного взаимодействия с другими. При этом они могут «подать» информацию о себе, но, как замечают исследователи, – это «подтасовка» фактов и формирование ложного впечатления. Естественно это «впечатление» выгодно лишь для одной стороны, но такой «стороной» могут быть не только личные, но и общественные интересы (корпоративные).

В других же исследованиях показана отрицательная корреляция макиавеллизма с нравственными качествами личности [84]. Возможно, в системе ценностей макиавеллистов в принципе такие понятия, как доброта и нравственность, не значимы. С другой стороны, макиавеллисты могут быть и более *честными по отношению к себе*, объективно оценивая себя. Понимая, что достигают своих целей в общении неодобряемыми способами, они честно признаются в том, что их нравственные качества не на высоте.

Представления макиавеллиста о других людях, их интеллекте и нравственности характеризуются как разные в разных теориях. По Р.Кристи, макиавеллист считает других простаками [239]. В соответствии с другими подходами, макиавеллист адекватен в своих оценках: сталкиваясь с простаками, он понимает, что это простаки, сталкиваясь же с умными людьми, он принимает это как фак и *изменяет* стратегию поведения. То же относится и к оценке макиавеллистом нравственности других людей, их отношений с другими людьми. Некоторые авторы считают, что макиавеллист рассматривает окружающих людей как субъектов, заботящихся лишь о своей выгоде, собственности и т.п., другие – что макиавеллист видит и безнравственные, и высоконравственные установки людей и умело это *использует* в своих целях. Однако данное разнообразие стратегий поведения макиавеллистов ограниченно, так как отсутствуют работы, в которых бы исследователи рассматривали человека, имеющего макиавеллистские установки, и при этом считали бы других людей в «основном умными и нравственными». Возможно, у макиавеллиста такой романтический идеализм относится к категории немыслимого и невозможного, что вполне согласуется с учением Макиавелли, которого называют реалистом, а не утопистом.

Большинство исследователей придерживаются точки зрения, что макиавеллизм следует рассматривать как количественную характеристику. Результаты экспериментов показывают, что в отличие от людей с низкими показателями по шкале макиавеллизма люди с высокими значениями оценок по Мак-шкале более коммуникабельны и убедительны независимо от того, говорят они собеседнику правду или лгут [296]. По сравнению с испытуемыми, получившими низкие оценки по шкале макиавеллизма, субъекты с высокими оценками более точны и честны в восприятии и понимании себя и других. В общении они, как правило, предметно ориентированы и конкурентоспособны.

Исследования профессиональной адаптации, несмотря на некоторые рассогласования, образуют целостную картину. Показано, например, что у начинающих работать выпускников университетов с макиавеллизмом отрицательно связана трудовая мотивация, удовлетворенность работой и оценка

компетентности руководства [360]. В этих исследованиях также часто обнаруживаются связи высокого макиавеллизма с мотивацией достижения, но в целом картина неоднозначная. Подтверждается предположение о том, что макиавеллизм, как индивидуальная особенность личности, может служить фактором и критерием психосоциальной адаптации, однако возникает вопрос о том, что считать критерием успешной адаптацией.

В качестве одного из показателей социальной адаптации в исследовании М.Е. Егоровой оценивался уровень практического интеллекта, особенности темперамента и характера и свойства личности, которые представляют собой индикаторы социальной адаптации/дезадаптации (самооценка, тревожность, фрустрация и т.д.). [74]. Вопросы, направленные на диагностику этой характеристики, связаны с адаптивностью индивида в различных сферах жизни (как успешность в построение межличностных отношений; умение справляться с домашними делами, «знание» жизни). Однако связи макиавеллизма и показателя практического интеллекта не обнаружено. В результате проведенного исследования взаимосвязи показателей уверенности в себе (аналог шкалы Бандуры для оценки самоэффективности) и показателя (рейтинга) макиавеллизма обнаружены отрицательные связи. Автор приходит к выводу, что причинами определенного уровня макиавеллизма могут быть два варианта свойств-кандидатов. Первый – это сочетание низкой самооценки и высокого принятия себя, второй – сочетание низкой самооценки и высокого негативизма (или неконвенциональности). Это в большей степени согласуется с учением самого Макиавелли, на основе которого была создана Мак-шкала, нежели представления о том, что макиавеллист и манипулятор являются идентичными понятиями. Исследуя макиавеллизм, мы имеем дело с совершенно иными феноменами, нежели предполагается: с феноменами, имеющими слабое отношение к собственно стремлению манипулировать другими.

В качестве другого варианта специфической выборки рассматривался личностный тип А, характерными чертами которого являлись высокий темп деятельности, энергичность, соревновательность, мотивация достижения и т.д. Тип А, как показали некоторые исследования, чаще встречается среди тех, у кого высокий макиавеллизм, что косвенно свидетельствует в пользу связи макиавеллизма и мотивации достижения [335]. Считается, что макиавеллисты лучше замечают слабые места других людей и успешно пользуются этим. Для успешного манипулирования другими они способны умело «подтасовывать» информацию о себе, формировать ложное впечатление, что, в свою очередь, позволяет им добиваться желаемого результата.

Пик показателей по Мак-шкале приходится на молодой возраст, период стремлениям к достижениям, социальному успеху [84]. Это соответствует

данным МакХоски о положительной взаимосвязи макиавеллиста со стремлением к финансовому успеху [315]. Однако направленность макиавеллистов на успех вовсе не означает стремления к достижению цели любой ценой. Субъекты с высокими оценками по Мак-шкале предпочитают не нарушать правила, а обходить их. Респонденты, набравшие низкий балл по шкале макиавеллизма, в повседневной жизни тоже нередко лгут, мошенничают и совершают другие неэтические поступки. Исследования показывают, что они стараются не проявлять инициативу в ситуациях, в которых цель можно достичь неэтическими средствами, однако активно сотрудничают, если их поощряет к этому субъект с высоким уровнем макиавеллизма [370]. Следовательно, их мотивация во многом определяется эмоциональным вовлечением в деятельность с партнером, а люди с высоким баллом по Мак-шкале руководствуются рациональными соображениями и заинтересованы в практических результатах своих действий.

Исследование, проведенное на неотобранной студенческой выборке, включающей более 1000 человек, выявило связи макиавеллизма с экстраверсией и психотизмом (но не с невротизмом). Более высокий показатель по шкале макиавеллизма оказался связанным с экстравертированностью и более выраженным психотизмом [205].

Известные специалисты в области расстройств шизофренического спектра Р.Салливан и Дж.Аллен, которые впервые предложили использовать уровень макиавеллизма личности в качестве критерия социальной компетентности и успешной психосоциальной адаптации, провели исследование с пациентами, имеющими диагноз «шизофрения» [358]. Работая с этой категорией людей, они отметили, что социальный дефект, нарастающий у этих больных, связан с их неспособностью понимать намерения и состояния других людей, а также с неумением стратегически мыслить при построении межличностных отношений. Они предположили, что эти особенности шизофренического мышления являются прямой противоположностью социального стратегического мышления, которое, по данным многочисленных исследований, свойственно макиавеллистам. Однако их гипотеза подтвердилась лишь частично: сниженный уровень макиавеллизма по сравнению с условно-здоровыми испытуемыми был выявлен только у шизофреников-мужчин.

Исследования макиавеллизма как критерия, указывающего на степень социальной адаптации или, напротив, выраженности социально-психологического дефекта, были продолжены в 2003 г. итальянскими учеными М. Мацца и соавт. [313]. В своей работе они учитывали не только гендерные различия, но и преобладание у пациентов негативных или про-

дуктивных симптомов шизофрении. В результате введения этого нового критерия им удалось выявить значимые различия в уровне выраженности макиавеллизма в зависимости от преобладающих симптомов, в то время как гендерные различия оказались незначимыми. Это исследование позволило установить, что как мужчины, так и женщины, страдающие шизофренией, обладают сниженным уровнем макиавеллизма. Они в меньшей степени способны манипулировать мыслями и поведением других и обладают меньшей способностью к стратегическому мышлению в межличностных отношениях по сравнению с контрольной группой того же возраста, уровня образования и IQ.

Наиболее низкий уровень макиавеллизма был выявлен у пациентов с преобладанием негативных симптомов шизофрении. У тех же пациентов, течение болезни которых характеризовалось преобладанием продуктивных симптомов, напротив, уровень макиавеллизма был снижен в гораздо меньшей степени. Авторы обратили внимание на то, что полученные результаты согласуются с представлением психиатров и клинических психологов о том, что пациенты с параноидными симптомами часто бывают социально адаптированы и успешно могут использовать манипуляцию и ложь в межличностных отношениях. М. Мацца и соавт. пришли к выводу о том, что дефект в обработке информации, касающейся межличностных отношений, слабая развитость социального стратегического мышления и сложности в выделении релевантной для той или иной социальной ситуации информации, характеризующие социально-психологический дефект у шизофреников, объясняются низким уровнем макиавеллизма [313].

П. Хайли доказывает поведенческую гибкость макиавеллистов и их способность как к честной добросовестной кооперации, когда им это выгодно, так и к сколь угодно резкому переходу к стратегии принуждения и нанесения ущерба – опять-таки, когда это представляется им предпочтительным [273], что вполне согласуется с рекомендациями «Государя» Н. Макиавелли.

В диссертационной работе «Взаимосвязь представлений о лжи и стратегий поведения в системе социально-психологической адаптации личности» А.К. Акименко приходит к заключению, что прибегание ко лжи в целях сохранения социальных отношений происходит преимущественно на *среднем уровне адаптации,* и оно представляется гибким и дифференцированным, т.к. служит альтруистичным целям и предназначено для сохранения накопленного адаптационного потенциала. Целенаправленным и манипулятивным является использование лжи респондентами с *высокими показателями социально-психологической адаптации* как инструмента социального воз-

действия на окружение во имя достижения собственных целей [8].

В любом случае, как было показано ранее *(см. гл.1),* жизнь и учение Макиавелли показывают, что макиавеллистские стратегии могут использоваться не только для удовлетворения индивидуальных эгоистических интересов, но и для достижения значительно более сложных социальных целей – например, для альтруистичной, жертвенной помощи одним субъектам посредством макиавеллистской манипуляции другими с осознанным высоким (может быть, даже смертельным) риском для самого манипулятора. Это особый тип неэгоистических установок и поведения, который можно назвать «альтернативным альтруизмом», по ряду параметров противоположным традиционно понимаемому альтруизму общей гуманистической направленности [143].

Таким образом, макиавеллизм как индивидуальная особость личности может служить фактором, оказывающим при определенных условиях влияние на процесс социально-психологической адаптации. Например, Тип А успешно делает карьеру, а макиавеллизм проявляет с карьерной успешностью нелинейные связи. Не во всех исследованиях подтверждается предположение о конкурентоспособности личности. Возможно, это объясняется не только сложностью и многогранностью данного феномена, но и кросс-ситуативной надежностью измерения макиавеллизма. Выделение в рамках клинико-психологического подхода в качестве самостоятельного направления противоположного представления о феномене макиавеллизма как стимуле, индивидуальной особенности, приводящей к личностным дисфункциям, в некоторой степени объясняет противоречивую эмпирику и предположение о неадекватности названия феномена.

4.2.2. Исследование макиавеллизма как индивидуального стимула личностных и социальных дисфункций

Второе направление в рамках клинико-психологического подхода интерпретирует макиавеллизм как негативное явление и определяет его как индивидуальную особенность, которая может привести к личностным и социальным девиациям, рассматривая его в качестве индивидуального стимула личностных и социальных дисфункций.

По мнению Эмиля Дюркгейма (1897), вероятность девиаций поведения существенно возрастает при происходящем на уровне социума ослаблении нормативного контроля. В соответствии с теорией аномии Роберта Мертона, девиантное поведение возникает, прежде всего, тогда, когда общественно принимаемые и задаваемые ценности не могут быть достигнуты некоторой частью этого общества [цит. по 47].

По мере изучения макиавеллизма, в психологическом «портрете» макиавеллиста появлялись новые штрихи – в частности, *доминантность, агрессивность и асоциальность*. Неоднократно констатировалось, что люди с высоким уровнем макиавеллизма *воспринимают отношение других к себе как враждебное*, *никому не доверяют и считают,* что к ним предъявляют излишние и неоправданные требования. Они ожидают от властных фигур неприятностей в виде различных санкций. Одновременно они требуют безупречности от других и могут сами стать перфекционистами, или же могут посчитать, что это может понравиться другим. Полученный профиль черт в целом совпал с теоретическим представлением о личностных особенностях макиавеллистов – высокой доминантности и низком доверии, суперэго, кооперативности (Skinner et al., 1976).

Обзор исследований, посвященных анализу структуры связей макиавеллизма, показывает, что макиавеллизм достаточно однозначно (отрицательная корреляция) связан с некоторыми наиболее общими чертами личности (доброжелательностью и сознательностью), с локусом контроля, нравственно-этическими представлениями, а также при некоторых условиях (на специфических выборках или при определенном сочетании психологических характеристик) – с большим числом частных личностных свойств. Полученные М.С. Егоровой и сотрудниками результаты свидетельствуют о том, что портрет макиавеллиста в контексте свойств темперамента и характера оказывается не слишком симпатичным – невротичен, нетерпим, не удовлетворен жизнью, и несколько противоречивым – ищет новизны и перемен, но при этом чувствует себя не слишком уютно [74].

Исследования показали, что существуют определенные личностные параметры, степень выраженности которых определяет психологические составляющие макиавеллизма как черты характера, обусловливающие его склонность к проявлению манипулятивного поведения. Стратегии достижения макиавеллистских целей оцениваются в разных теориях по-разному: как ригидные, жестко связанные с однозначными манипулятивными установками, либо гибкие, но лишь в том случае, когда это выгодно макиавеллисту.

Как показали результаты исследований, мак-личность нетерпима к критике, переоценивает собственные возможности, не удовлетворена собой, непоследовательна и не вполне может контролировать свою жизнь, а также сомневается в том, что может вызывать уважение к себе, и у такой личности ниже уровень саморуководства. При этом она стремится добиться более высокого статуса в системе межличностных взаимоотношений и демонстрирует высокий уровень враждебности [263]. В.А.Харел показал, что проявление агрессии, положительно связанное с макиавеллизмом, меняется

в зависимости от того, на кого она направлена, вплоть до того, что уровень эксплицируемой агрессии ниже у лиц с более низким макиавеллизмом [271]. Для экспликации речевой агрессии человек чаще всего прибегает к тактике безличностного обвинения.

Люди, демонстрирующие высокие показатели по Мак-шкале при вступлении в контакт с другими, склонны держаться эмоционально отчужденно, обособленно, ориентироваться на проблему, а не на собеседника, испытывать недоверие к окружающим. Такие субъекты, в отличие от испытуемых с низкими показателями, имеют более частые, но менее глубокие контакты со своими друзьями и соседями. В исследовании обнаружена обратная зависимость между уровнем макиавеллизма и сочувствием, проявляемым студентами, когда они дают советы и помогают друг другу. Высокий уровень макиавеллизма Кристи и Гайс назвали «синдромом эмоциональной холодности», так как социальная отстранённость является основной характеристикой подобных людей [239].

Дальнейшие исследования показали, что макиавеллисты манипулируют другими, не испытывая при этом чувства вины, а неудобные для них социальные нормы соблюдают лишь под угрозой наказания. Одно из объяснений такого поведения было предложено в работах, посвященных исследованию эмоциональной сферы макиавеллистов. Представленные в них данные указывают на то, что такие люди эмоционально холодны и почти не способны сопереживать другим [211], [189], [292], [301]; [366], [367].

Выраженная склонность к манипуляции обнаруживается в клинике личностных расстройств. При зависимости от психоактивных веществ, отношения с другими людьми все больше приобретают характер «средства получения наркотика» и сводятся к манипуляциям в форме принуждения и обмана. На ранних стадиях депрессии нарастание состояний отчаяния, беспомощности и ярости может доходить до суицидальных попыток. При антисоциальном расстройстве желание достичь своих целей не ограничено никакими правилами, поэтому и ложь, и насилие рассматриваются как приемлемые способы. При нарциссическом расстройстве окружающие используются для поддержания самооценки, являясь не более чем «зеркалами». При пограничной патологии неконтролируемые импульсы (гнев, тревога) в сочетании с системой примитивных защит, таких как расщепление и проективная идентификация, реализуются в агрессивном поведении, например, по отношению к персоналу: несправедливые требования, сутяжничество, внезапные смены настроения, уходы, применение насилия [300].

С начала XXI в. три индивидуальные особенности – *нарциссизм, психопатия, макиавеллизм* – в исследованиях канадских и американских уче-

ных рассматриваются как связанные между собой. Входящие в эту «темную триаду» черты часто проявляются как единый синдром – дезадаптивный, способствующий развитию психических расстройств и формированию асоциального поведения [282], [283], [299], [327], [344].

Известный канадский психолог д-р Роберт Д.Хаэр выделяет в психопатическом профиле два основных аспекта – эмоциональный и межличностный, и особенности социального поведения. Контрольный перечень признаков эмоциональных и межличностных особенностей включает: болтливость и поверхностность; эгоцентричность и претенциозность; отсутствие чувства вины и сожаления; отсутствие эмпатии; коварство и склонность к манипулированию окружающими; поверхностность эмоций. Среди особенностей социального поведения присутствуют: импульсивность; слабый поведенческий контроль; потребность в психическом возбуждении; безответственность; проблемное поведение в детстве; антисоциальное поведение во взрослой жизни [179].

Ложь, коварство и манипуляция – это естественные «таланты» психопатов, а общественный опыт, который обычно формирует совесть, на них не действует. Психопаты знают правила, но следуют им только тогда, когда им это выгодно. У психопатов связь между запретными поступками и чувством тревоги слаба, поэтому угроза наказания не сдерживает их. «Внутреннему голосу» психопатов не хватает эмоциональной силы. Однако эффективность работы совести зависит не только от способности представлять последствия, но и от умения «разговаривать с собой». Советский психолог А.Р. Лурия – основоположник нейропсихологии, доказал, что «внутренний голос» играет ключевую роль в управлении поведением [120].

А.Р. Лурия и его сотрудниками достигнуты значительные успехи в изучении памяти, произвольной регуляции высших психических функций, эмоционально-личностной сферы сознания и др. Однако центральное положение концепции нейропсихологической реабилитации – восстановление сложных психических функций, может быть достигнуто лишь путем *перестройки нарушенных функциональных систем*, в результате которой скомпенсированная психическая функция начинает осуществляться с помощью нового «набора» психологических средств, что предполагает и её новую мозговую организацию. Это имеет значение не только для нейропсихологии, но и для других областей психологической практики, в том числе и для психокоррекции личностных расстройств.

В работе Ли и Эштона показано, что макиавеллизм и нарциссизм связаны с разными шкалами Большой пятерки: макиавеллизм – с низкой доброжелательностью, а нарциссизм – с экстраверсией [299]. В другой работе все черты «темной триады» оказались связаны с низкой доброжелательностью,

макиавеллизм и психопатия – с сознательностью, а нарциссизм – с экстраверсией [цит. по 74].

При оценке и прогнозировании поведения считается целесообразным рассматривать макиавеллизм вместе с двумя психологическими чертами – нарциссизмом и психопатией, понимаемыми как субклинические черты. Макиавеллизм, нарциссизм и психопатия образуют синдром, названный «темной триадой». Структура личности, определяемая «темной триадой», характеризуется ориентацией на социальную доминантность со всеми сопутствующими ей особенностями: например – с межгрупповой враждебностью. «Триада» обнаруживает связи с асоциальным поведением и склонностью к насилию. Однако в норме (при некотором превышении среднего уровня) сочетание этих трех черт может определять адаптивное и успешное взаимодействие [284].

Дж.МакХоски высказывал мнение, что макиавеллизм и нарциссизм тесно связаны между собой [315]. Собственные исследования автора также свидетельствуют о том, что существует взаимосвязь между отдельными компонентами функционирования Self-системы и макиавеллизмом личности [15]. В другой работе Дж.МакХоски было высказано предположение, что термины «макиавеллизм» и «психопатия» описывают один и тот же феномен, однако исследование Л.Кирша и Дж.Беккера позволило опровергнуть это утверждение и уточнить различия макиавеллизма и психопатии [292]. Исследование С.Лилиенфелда показало, что поведение, которое традиционно рассматривалось как свойственное психопатам, на самом деле чаще проявляется у макиавеллистов: он выявил, что показатели по шкале антисоциальных проявлений MMPI больше связаны с уровнем макиавеллизма, чем с уровнем психопатии [300]. Макиавеллизм положительно связан с общим баллом по диагностическому опроснику оценки расстройств личности (PDQ-4), разработанному специально для выявления расстройств, включенных в DSM-IV. Наиболее сильно была выражена связь макиавеллизма с такими личностными расстройствами, как пограничное расстройство личности и параноидальное расстройство, а также с пассивно-агрессивным и антисоциальным поведением [316]. Некоторые исследования указывают на то, что макиавеллизм может также способствовать формированию расстройств, связанных со злоупотреблением психоактивными веществами: высокий уровень макиавеллизма отмечался у пациентов, зависимых от метадона [206] и принимающих ингалянты [277].

К.Хорни считает, что навязчивое желание доминировать порождает неспособность человека устанавливать равные отношения. Если он не ста-

новится лидером, то чувствует себя полностью потерянным, зависимым и беспомощным. Он настолько властен, что всё, выходящее за пределы его власти, воспринимается им как собственное подчинение. Вытеснение гнева может привести его к чувству подавленности, унынию и усталости [181].

Описывая действия ребенка в отношении своего окружения, Хорни выделяет три главных стратегии: направленность к людям, против них и от них. Двигаясь к людям, он признает собственную беспомощность и вопреки своему отчуждению и страхам пытается завоевать любовь. Если между членами семьи существуют разногласия, то он примкнет к более могущественному члену или группе членов. Когда он движется против людей, он принимает и считает само собой разумеющимся состояние вражды с окружающими его людьми и побуждается сознательно или бессознательно к борьбе с ними. Он хочет быть более сильным и нанести им поражение, частично для своей собственной защиты, частично из-за мести. Когда же он движется от людей, он не хочет ни принадлежать, ни бороться, его единственное желание – держаться в стороне [181, с. 30 - 31].

Как свидетельствуют данные исследования М.С. Егоровой [74], в структуре личности макиавеллистов слабо представлена сознательная саморегуляция, и они не склонны брать на себя ответственность за результаты своих действий. Другие показатели свидетельствуют о низком уровне социальной адаптации тех, у кого высокий макиавеллизм. Макиавеллисты одиноки, фрустрированы, тревожны, агрессивны, ригидны, не удовлетворены своими социальными достижениями, но, правда, не жалуются на здоровье.

Таким образом, можно предположить, что макиавеллисты прибегают к манипуляции как к стратегии поведения, которая когда-то им помогла с наименьшими психоэмоциональными затратами справиться со сложной жизненной ситуацией, из-за чувства неуверенности в себе. Внутренние конфликты, которые составляют неотъемлемую часть нашей жизни, у макиавеллиста становятся более интенсивными и приобретают характер «затяжных». Они одиноки и хотели бы изменить свою жизнь, но не знают, как это сделать. Еще лучше было бы начать жизнь заново и прожить совершенно иначе, но так как это не удается, самый простой путь – вновь убежать от действительности, отрицая её путем использования других в качестве средства, т.е. манипулируя.

Таким образом, манипуляция, как и ложь, является одним из средств достижения социально-психологической адаптации и сохранения накопленного адаптационного потенциала. Но степень адаптированности личности определяется характером использования ею лжи и манипуляции в адаптивном поведении. Прибегание ко лжи на *низком уровне адаптации* является ригидным

и вынужденным, так как служит инструментом самозащиты. Смысл такой стратегии социального поведения, как манипуляция, состоит в том, чтобы с помощью лжи либо овладеть ситуацией и разрешить ее, либо смягчить, а иногда и уклониться от нее. Это свидетельствуют о том, что так называемые макиавеллисты являются социальными дезадаптантами, а манипуляция служит им компенсаторным механизмом в процессе социально-психологической адаптации. Сознательное участие в разрешении как внутреннего, так и межличностного конфликта предполагает готовность и способность нести за него ответственность. Оно подразумевает наличие убеждения «это мой выбор, мой поступок» и, тем самым, предполагает большую внутреннюю силу и независимость личности. Именно к этому Никколо Макиавелли и призывал своего государя, поэтому ставить знак равенства между личностью Макиавелли, содержанием его учения и так называемым «макиавеллистом» как личностью, склонной к манипуляции, преждевременно.

4.3. Макиавеллизм как эволюционно стабильная стратегия

Прибегание ко лжи и к манипуляции, в целях сохранения социальных отношений либо как к инструменту социального воздействия на окружение во имя достижения собственных целей, является стратегиями поведения в системе социально-психологической адаптации личности. Известный биолог Роберт Триверс, например, заявляет, что самообман имеет биологические предпосылки, и эволюционная цель его – помочь нам выжить и преуспеть [174]. Паразит, как известно, подстраивается под поведение хозяина, а у людей развивается ложная память (иногда намеренно), и они могут забыть неприятные для себя эпизоды. В социальном взаимодействии обманщик-политик может ввести в заблуждение массы. И несмотря на то, что еще в 1894 году З.Фрейд при описании борьбы «Я» против болезненных или невыносимых мыслей и аффектов вводит термин «защита», который имеет непосредственное отношение к обману, мы так и продолжаем недооценивать риск самообмана, допуская мысль о том, что лгун обманывает других, но только не себя. В данном случае мы не пытаемся заменить одно понятие другим, а лишь стремимся обратить внимание на существование тесной взаимосвязи между понятиями «макиавеллизм», «манипуляция», «ложь» и «механизмы психологической защиты». Подтверждением этому является эволюционный подход, который рассматривает ***макиавеллизм как одну из форм эволюционно стабильной стратегии поведения.***

Эволюционные психологи и антропологи давно обратили внимание на макиавеллизм как на «свою» характеристику: властная позиция дает

репродуктивное преимущество и в этом смысле макиавеллизм, если он связан с ориентацией на власть, является характеристикой адаптивной в эволюционном смысле. Однако исследования показали, что макиавеллизм отрицательно связан с другими показателями адаптивности (например, привязанностью к отцу, склонностью к романтическим отношениям) и положительно – со склонностью к риску, которая по понятным причинам представляет собой характеристику, прямо противоположную адаптивности [254].

В 1982 г. нидерландский этолог и психолог Ф.Де Ваал в книге «Политика шимпанзе», посвященной социальному взаимодействию гоминидов, предложил новое понятие – «макиавеллистский интеллект» [363]. Формулируя это понятие, он, как Кристи и Гайс, опирался на текст «Государя» Н. Макиавелли [239]. Это понятие было введено для того, чтобы определить способность индивидов ориентироваться в социальной среде и оказывать влияние на других. В дальнейшем оно получило развитие в книге Р.Бирна и А.Уиттена «Макиавеллистский интеллект» (1988). Дальнейшие работы этих авторов были основаны на гипотезе о том, что причина увеличения мозга приматов кроется в социальном образе их жизни [232]. При этом больший размер мозга имели особи, обладавшие макиавеллистским интеллектом. Приматам, живущим в группах, необходимо было соревноваться за ресурсы с членами своей группы, и успешность этого соревнования обеспечивалась, с точки зрения авторов, как раз этим качеством. Однако, как показали дальнейшие исследования, у людей Мак-фактор не коррелирует с интеллектом, рациональными установками и такими личностными чертами, как потребность в достижении и другими качествами, которые однозначно свидетельствовали бы в пользу данного предположения.

Идеи о связи размеров мозга приматов и развития макиавеллистского интеллекта нашли подтверждение в более поздних исследованиях. В работе «Социальная природа познавательных способностей приматов» Л. Барре и П. Хензи отмечали, что социальный успех ранних «макиавеллистов» (гоминидов) приводил к тому, что они были успешны и в репродуктивном поведении. Поэтому в ходе эволюции макиавеллистские стратегии поведения отбирались как наиболее эффективные для достижения *социального успеха* [215]. Однако представители относительно новой дисциплины – социобиологии, утверждают, что специфическими формами генетического поведения репродуктивной стратегии являются также и обман, манипуляция, мошенничество, искажение информации о своем положении в обществе [67]. Такие стратегии поведения в большей степени

свойственны психопатической личности. Известный канадский психолог Р.Хаэр подчеркивает, что мошеннические навыки в некоторых слоях состязательного общества могут служить показателем приспособляемости [179]. В таком случае некоторые отличительные черты психопатов могут оказать им «хорошую службу» в достижении успеха.

Р.Бирн и А.Уиттен, а также их последователи, приравнивали макиавеллистский интеллект к социальному. По их мнению, первый подразумевает высокие когнитивные способности в социальной сфере, т.е. умение понимать партнеров по общению, влиять на них, а также строить и успешно осуществлять стратегические планы в межличностных отношениях [232], [250]. Однако в исследованиях не обнаружено различий по показателю социального интеллекта макиавеллиста. Позднее развитие получило представление о макиавеллистском интеллекте как спектре когнитивных способностей, необходимых для формирования успешной эволюционной стратегии вида, а также для достижения успеха индивида в социуме. Р.Бирн и А.Уиттен впервые отметили, что макиавеллистский интеллект – более широкое понятие, чем макиавеллизм, как его обычно понимали социальные психологи. Макиавеллизм в социальной психологии, указывают они, рассматривается в более краткосрочной перспективе. Иными словами, под макиавеллистским поведением понимается то, что оно направлено на получение краткосрочной выгоды часто в ущерб другим. Противоположностью макиавеллизму является поведение, направленное на сотрудничество и оказание помощи. Макиавеллистский же интеллект подразумевает возможности как классически макиавеллистского поведения (включая обман и эксплуатацию других), так и «сотрудничества» и оказания помощи, при условии, что в дальнейшем такое кооперативное поведение принесет макиавеллисту выгоду [232]. Таким образом, понятие «макиавеллистский интеллект» в большей степени соответствует содержательной стороне учения Макиавелли, чем термин «макиавеллизм как свойство личности».

«Макиавеллистский интеллект», как утверждают антропологи, развивается в ответ на усложнение социальных задач, структур и правил (воспитание младших особей, распределение ресурсов и т.д.), с необходимостью требующих антиципации последствий собственных действий, действий других и учета соотношения выигрышей и потерь. Последнее невозможно реализовать только на основе индуктивных знаний (научения путем проб и ошибок). Гипотеза «социального мозга» Р.Данбар предполагает, что именно необходимость анализировать собственные и чужие состояния по косвенным данным и применять эти знания для достиже-

ния своих целей привела к развитию человеческого головного мозга [249]. Другими словами, не подозрительность, враждебность, цинизм и убежденность в возможности манипулировать другими, т.е. черты, присущие макиавеллисту, стали «двигателем» эволюции, а возможность понимать ситуацию взаимодействия, для того чтобы достичь своей цели. Макиавеллистский интеллект трактуется здесь как разновидность высокого социального интеллекта, метакогнитивные способности и высокоорганизованные навыки эффективного «чтения мыслей», обеспечивающие конкурентные «выигрыши» в сложно организованном обществе [234]. Тем самым, макиавеллизм является переменной, опосредующей влияние высокого эмоционального интеллекта на выбор стратегии поведения [240]. Какой же именно она окажется – эгоистичной или, напротив, способствующей проявлениям просоциального поведения – во многом зависит от ситуации. Жесткая установка на манипуляцию является препятствием к достижению поставленной цели, однако в определенных условиях среды макиавеллист может отказаться от такой стратегии поведения. Особенности поведения людей с высоким уровнем макиавеллизма можно трактовать, таким образом, как компенсаторное поведение, призванное не столько достичь властной позиции, сколько сохранить status quo. Следовательно, если рассматривать макиавеллизм как манипулятивность и склонность к обману, то это защитная реакция слабого, тревожного, невротичного, неуверенного в себе человека, не умеющего или не считающего нужным быть доброжелательным, избегающего риска, не способного планировать свои действия и верящего в то, что достижение желаемой цели больше связано с удачей и стечением обстоятельств, нежели с собственными усилиями, что вполне согласуется с описанием «слабого государя» у Макиавелли, но не согласуется с тем образом, который мыслитель пытался представить в качестве «истинного государя».

***

Как известно, натурализм и социоморфизм в психологии, несмотря на свои кажущиеся принципиальные различия, совпадают в главном – они находятся в пределах естественнонаучного, материалистического мировоззрения, а спор между этими двумя парадигмальными установками о сущности и механизмах развития человеческой психики является, по сути, неразрешимым. Поэтому в вопросе об индивидуальных особенностях личности макиавеллиста, или же об социальной обусловленности феномена макиавеллизма, так и не найдено однозначного ответа. При обсуждении

образа макиавеллиста, как и при анализе учения Макиавелли, возникает та же проблема сведения концов с концами, хотя они разработаны в самых разных направлениях исследования. Возможно, именно эта неоднозначность эмпирики и интерпретации учения и объединяет их. Как замечает М.К. Мамардашвили, понимание возможно только в определенном состоянии сознания, характеризующемся «острым чувством неизвестного», позволяющем задаться определенным вопросом и замечать те факты, которые в другом случае ты мог бы не заметить. И нужно «перестать верить в объективность того, что создано нами самими».

Заключение

В монографии обсуждается доктрина государственного деятеля, историка и философа древности Никколо Макиавелли, называемая обычно макиавеллизмом. Макиавеллизм характеризует тот уровень, на котором индивиды защищают или используют подход, устанавливающий эффективное преимущество ценности непосредственного действия, минующего этику и мораль. Макиавеллизм стал поддающимся измерению свойством личности, отражающим, помимо всего прочего, способность и готовность индивидов принимать непосредственное участие в манипуляции, обмане и отстраненном стратегическом резонерстве.

Предлагается собственный подход к изучению макиавеллизма, значительно отличающийся от многообразных интерпретаций этого явления, представленных преимущественно в психологической литературе. Его основная специфика заключается в соединении психологических, философских и политологических методологических принципов анализа, необходимость которого обусловлена замечательно многообразной природой главного источника – трудов Никколо Макиавелли. Согласно этой доктрине, высшим законом политики является успех. Макиавеллистская личность обращается к манипулятивной стратегии социального взаимодействия и индивидуалистичному стилю, основанному на использовании других людей в качестве инструмента для собственного преуспевания. Для такой личности характерно знание природы человека, циничное и манипулятивное отношение к нему. В целом макиавеллизм «определяет» мораль как «поведенческий код». Этот термин можно использовать в описательном или нормативном смыслах, признавая его как потенциально двусмысленный по значению.

В книге представлена авторская точка зрения на роль, место макиавеллизма в структуре современного психологического знания и проанализированы несколько тесно связанных между собой направлений психологического исследования данного феномена, а также определены теоретико-методологические аспекты изучения данного феномена в психологии и выделены основные методологические принципы исследования.

Во-первых, на теоретическом уровне анализа обосновывается мысль о том, что понимание данного феномена возможно лишь при условии его интегрального изучения с точки зрения макиавеллистской традиции развития представлений в истории социально-политической мысли. Для этого

необходимо осознать роль и значение главного источника – трудов Никколо Макиавелли.

Феномен Макиавелли сам по себе уже давно стал объектом пристального интереса в современной психологии. Непосредственной целью предпринятого исследования была разработка некоторых новых подходов к понятию макиавеллизма, поскольку Никколо Макиавелли как личность, с которой этот термин первоначально соотносился, оказался во многом не понятым. Макиавелли умер около 500 лет назад, но его имя продолжает жить как образец хитрости, двойственности и проявления недобросовестности в политических отношениях. Даже при жизни его взгляды превратились в карикатуру, а «макиавеллизм» - в ругательный термин сразу после его смерти. Нет необходимости добавлять, что проблема интерпретации, порожденная внутренними сложностями труда Макиавелли, доводила до состояния отупения не одно поколение академических умов. Что же стоит за той мрачной репутацией, приобретенной Макиавелли? Действительно ли она является заслуженной? Какие взгляды на политику и политическую мораль он действительно развивал в своих основных трудах? Накопившаяся научная литература, однако, не может считаться удовлетворительной в силу имеющейся в ней перманентной многоголосицы. Контекстуалистский подход основан на утверждении, согласно которому содержащаяся в «Государе» политическая теория может анализироваться исключительно в рамках особого исторического, культурного и социального контекста. По мнению историков политической мысли, в особенности Квентина Скиннера, Джона Покока и Маурицио Вироли, классические тексты по политической мысли и воплощенные в них идеи должны рассматриваться в тех исторических контекстах, из которых они возникли. Скиннер изображает Макиавелли преимущественно как гражданского гуманиста – представителя классической республиканской традиции, преданного идеалам народного участия, патриотизма и служения отчизне.

Покок защищает Макиавелли как республиканца, величайшей заботой которого была свобода, хотя по сути такого рода устремления не могут ограничиваться исключительно временными параметрами ренессансной Италии. Покок локализует макиавеллиевскую республиканскую мысль внутри флорентийской политической мысли и в более общем контексте – атлантической республиканской традиции, возводя ее к Аристотелю, чье понимание гражданской добродетели содержало в зародыше величайшие достижения человека как гражданина в мире, стремящемся к общему благу всех. Для Покока «макиавеллиевский момент» был двуединого свойства. Первый момент состоял в том, что макиавеллиевская мысль выражена не только в

общем контексте истории политической мысли, но и в ином селективном и тематическом плане. Это обстоятельство конституировало проблему исторического самосознания, [т.е.] того, за что Макиавелли и его современники боролись эксплицитно и имплицитно. Второй момент квалифицирует саму проблему, соотнося ее с моментом концептуализации времени, в котором республика столкнулась со своей собственной темпоральной позицией, противодействуя моральной и политической нестабильности, которые проявлялись в форме иррациональных событий, бросавших вызов любой попытке установления стабильности в светской сфере.

Макиавелли ни в коем случае не был макиавеллистом. Он был сфокусирован на человеческой природе и его труды устремлены к вечным истинам точно таким же образом, как и пьесы Шекспира. Он извлекает общие уроки, объединяя наблюдение за своим собственным миром с параллельными примерами, почерпнутыми из прошлого. Если парафразировать Исайю Берлина, Макиавелли отличал эмпирический подход, и он любил делать обобщения на основе собственного чтения и персонального опыта. Он отталкивался от всеобщего правила, анализируя тот или иной аспект осуществления власти, и стремился обосновывать его, ссылаясь на примеры Италии пятнадцатого и шестнадцатого веков или на античные образцы. Его главная книга полна анекдотов, относящихся к тем современным событиям, свидетелем которых он был или о них слышал. И он копил их с большой пользой для себя, полагая, что его опыт дал ему понимание человеческой природы и характера ее проявления и в тех, кто жаждет власти, и в тех, кто приемлет ее цели.

Никколо Макиавелли писал свои политические шедевры за закрытыми дверями и находясь в изгнании. Он был прилежен в изучении «материальных вещей, которые доступны человеческим чувствам». Он решил не следовать рационализму классических западных философов, утверждавших, что истина выводится из «разума и/или откровения». Сегодня его мысли живут в публичной сфере, ясно освещая социальное и политическое поведение. Идеи Макиавелли о человеческих взаимоотношениях постоянно присутствуют в нашем обществе. Вот почему они обладают непосредственностью и выглядят современными.

Реализм Макиавелли пришел к нам не без издержек: его презрение к притворному благочестию создало ему репутацию аморального человека. Он не думал, что правила личной морали могут быть применены к управлению страной, прежде всего потому, что люди в целом дурны. Мудрый государь не должен сосредоточивать внимание на том, чтобы быть благим. Задолго до Гоббса он принимал гоббсовский взгляд на человеческую при-

роду и его советы государям состояли в том, что поскольку люди слабы и дурны, то государи должны научиться манипулировать этими слабостями, если они хотят оставаться у власти: «Люди настолько просты и подвержены своим повседневным нуждам, что тот, кто желает обмануть, никогда не окажется в накладе, находя желающих быть одураченными». Именно эта позиция привела его к увлечению Чезаре Борджа, кровожадным и развращенным правителем Романьи, особенно потому, что, в отличие от Содерини – прежнего хозяина Макиавелли, тот был решителен, презирал мораль и был достаточно умен, чтобы, играя на слабостях других людей, оставаться у власти и расширять свои территории.

Многие комментаторы указывают на эту позицию для того, чтобы утверждать, что сам Макиавелли был аморален. Но даже его критики признают, что он никогда не называл зло добром и добро злом и положительно никогда не призывал государей быть дурными. Мудрый государь «не должен покидать благих путей, если он может им способствовать, но он должен знать, каким образом следовать дорогами зла, если он должен это делать». По его мнению, цель оправдывает средства и этой целью является стабильное правление, поскольку только при стабильном правлении законы могут уважаться, а жизнь давать наслаждение. Он считал «здравой максимой то, что когда действие является предосудительным, результат может стать его оправданием». Он доказывал, что для большинства людей в государстве несколько актов жестокости могут быть лучше слабого правления; поэтому государь должен «не обращать внимания на упреки в жестокости, если она помогает ему держать своих подданных объединенными и покорными. Ибо тот, кто подавляет беспорядок исключительно несколькими показательными примерами, в конечном итоге окажется более милосердным по сравнению с тем, кто своей чрезмерной мягкостью позволяет вещам идти своим чередом, приводя в результате к разбою и кровопролитию. Ведь последние приносят вред государству, в то время как жестокости государя наносят раны только индивидам».

Таким образом, государь должен быть беспощаден, когда этого требуют обстоятельства, особенно в случае необходимости сохранять и поддерживать власть. Но Макиавелли не был циничным манипулятором или же плоским защитником политики власти, потворствующим жестокости ради нее самой. Он держал в уме ясную цель. Жестокость может «хорошо применяться», только если «она совершается единожды в целях самосохранения и… впоследствии не становится постоянной». Как он говорит в «*Размышлениях*», когда сама безопасность в государстве зависит от принимаемого решения, не могут превалировать никакие соображения о справедливости

или несправедливости, человечности или жестокости, славе или бесчестии. Оставив в стороне все прочие рассуждения, задается только один вопрос: «На каком пути жизнь и свобода страны будут спасены?».

Подход Макиавелли шокировал его современников и продолжает шокировать более поздние поколения. Однако в результате он не был столь уж нейтрален, как можно предполагать, читая «Государя». Изречение «Что может знать о Макиавелли тот, кто прочел лишь “Государя”?» является абсолютно верным. «Государь» краток и хорошо известен, в то время как «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» длинны и менее хорошо известны. Но в последнем произведении Макиавелли ясно обозначает свои постоянные взгляды на то, что является правильным и неправильным. Он отдавал предпочтение республикам перед монархиями. Он думал, что врожденная добродетель римского народа привела к государству, основанному на добродетели. И он верил в объединение Италии более чем за три века до того, как оно свершилось.

Таким образом, Макиавелли не был нейтрален в моральном отношении. В «Государе» он только пытался быть честным относительно того, что он видел, а не описывать мир, в котором он хотел бы жить. Это был не Макиавелли, который развращал правителей Европы или Церковь. Макиавелли просто был беспристрастен, наблюдая вокруг себя коррупцию и давая государю совет как выжить в таком мире.

В работах Макиавелли политика не отделена строго от морали. Макиавелли просто усвоил этическую позицию языческой древности, восхвалявшей храбрость, мужество, стойкость перед жизненными невзгодами, публично одобряемые достижения, порядок, дисциплину, счастье, мощь, справедливость и, прежде всего, утверждение личных притязаний, знание и власть, обеспечивающие удовлетворение собственных прихотей, в противоположность христианской морали, превозносившей милосердие, жалость, жертвенность, любовь к Богу, прощение врагов, презрение к мирским благам, веру в загробную жизнь и в спасение индивидуальной души, являющейся самодовлеющей ценностью (И. Берлин). Тем самым человеческое поведение не может признавать какой-либо моральный закон в качестве общеобязательного. То, что является дурным в поведении индивидов, может в высшей степени служить долженствующим императивом для государственного деятеля, если того требует благополучие государства.

Во-вторых, в монографии утверждается, что методологическая рефлексия оснований психологии, присущая позднеклассическому типу мышления, способствует осознанию психологами внутренних противоречий научных знаний о понимании макиавеллизма как межличностного и вну-

триличностного феномена. Теоретико-методологические аспекты изучения феномена макиавеллизма в психологии включают в себя поиск основных методологических принципов и определение сущности процесса манипуляции и макиавеллизма.

Смысл первого заключается в том, чтобы скрывать свои подлинные намерения и с помощью ложных отвлекающих маневров добиваться поставленных целей, часто противоречащих интересам и целям субъекта, против которого направлена манипуляция. В таком случае для всех, кроме самого манипулятора, манипуляция выступает, скорее, как результат реконструкции, истолкования тех или иных его действий, а не *непосредственное усмотрение*. Манипуляция может быть непреднамеренным заблуждением, хитроумной фальсификацией, утонченным лицемерием, ханжеством окультуренного обывателя и «правдой» предыдущего исторического этапа. Манипуляция может быть также и конструктивной (воспитание, психотерапия).

Определение второго следующее: макиавеллизмом западные психологи называют склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. С самого начала изучения макиавеллизма обладателям этого свойства приписывались стремление к властной позиции и *неразборчивость в средствах* на пути к ее достижению (обман, интриги, пренебрежение интересами других). Для этого нам нужно знать тип личности, склонной манипулировать другими людьми в межличностных отношениях.

В-третьих, выявление в макиавеллизме не только межличностного и внутриличностного компонентов неизбежно приводит к выводу о том, что макиавеллизм как психологический феномен нельзя проанализировать достаточно полно, принимая во внимание только «макиавеллизм личности».

Немаловажным аспектом современного многополярного мира, ориентированного на конкуренцию и успех, имеет такой феномен, как ложь. Представления о лжи – это *оценочные суждения* личности о нравственной направленности поведения субъектов в социальном пространстве. Ложь – это социально-психологическое явление, предполагающее намеренное искажение субъектом действительного положения вещей, имеющее целью ввести реципиентов в заблуждение, вызванное стремлением добиться личных или социальных *преимуществ* в конкретных ситуациях. Ложь связана с выбором стратегий поведения и отражает ценностные установки личности, а также сложившиеся способы взаимодействия с окружающими.

В вопросе о допустимости преднамеренного влияния на социальные представления людей существуют две точки зрения. Согласно одной, переход от прямого принуждения к манипуляции сознанием является прогрессивным шагом в управлении обществом. Согласно другой – недопустима

любая психоманипуляция, поскольку в этом случае происходит посягательство на свободу нравственного самоопределения человека. Под психоманипуляцией в психологической науке понимается не замечаемое человеком духовно-нравственное и психологическое воздействие, программирующее его внутренний мир задаваемыми мировоззренческими смыслами и т.п. Для этих целей используются вымышленные идеалы, мифотворчество, искажение исторического знания и др. В результате искажения социального восприятия люди начинают жить в виртуальной реальности, способной «заставить человека действовать против собственных и национальных интересов». В таком случае возникает вопрос: а можно ли назвать самого Николло Макиавелли «родоначальником» современной технологии манипуляции, если он говорил правду своей Родине.

В-четвертых, следуя многовековой исследовательской традиции, в поисках ответа на крайне проблематичный вопрос, а именно — способствует ли макиавеллизм эффективному функционированию личностных структур, является ли данная стратегия персонального поведения конструктивной (карьерный рост) либо приводит к дисфункциональности (нарушение взаимопонимания, невротические реакции и др.), необходимо объединить усилия социальных и клинических психологов.

Кристи и Гайс описывают макиавеллистски ориентированных индивидов как харизматичных, внушающих доверие и привлекательных, но и как горделивых, недоверчивых и склонных к оказанию влияния и манипулированию другими. С другой стороны, «низкие макиавеллисты» добры, склонны к подчинению и социально некомпетентны. Кандидаты в макиавеллисты готовы взять на себя ответственность за испытания негативной личности, больше зависят от своей логики, а не от своих эмоций и чувств. Они пренебрегают личными взаимоотношениями и используют свои эмоции для оказания влияния на других, чтобы достичь желанных целей.

Таким образом, изучение взаимодействия между макиавеллистской ориентацией и поведенческими результатами является очень существенным. Индивиды с высоким Мак-фактором (рейтингом) больше стремятся манипулировать, убеждать других и в этом плане поступать неэтично. Исследование предполагает, что макиавеллистская ориентация как бы запрограммирована на антиэтичное поведение. И все же, при всех негативных предположениях в отношении макиавеллистской ориентации, мы находим, что индивиды, более склонные к макиавеллизму, обладают призванием к лидерству, поскольку они очень эффективно манипулируют другими и проявляют большую изобретательность в обнаружении окружающей среды, соответствующей их ценностям и верованиям.

Анализ эмпирики показал, что на современном уровне исследования феномена макиавеллизма выделяется ряд теоретических подходов, в русле которых обнаруживаются две противоположные тенденции: *социально-психологическая* – макиавеллизм как необходимое для лидера качество либо макиавеллизм как фактор имморализма, и *клинико-психологическая* – макиавеллизм как индивидуальная особенность личности и критерий успешности психосоциальной адаптации (либо макиавеллизм как индивидуальный стимул для личностных и социальных дисфункций). Эти направления можно объединить для рассмотрения макиавеллизма как эволюционно стабильной стратегии социального поведения.

Манипулятивные стратегии социального поведения изучаются как психологами, так и эволюционными биологами. Ученые используют психологическую литературу как базу данных для проверки эволюционных гипотез относительно адаптивных преимуществ манипулятивного социального поведения. Макиавеллизм не соотносится со «всеобщим разумом» и не ведет последовательно к реальному мирскому успеху. Лучше всего рассматривать его как сумму нескольких социальных стратегий, в общем схожих с «дефектной» стратегией эволюционной теории игр, которая в некоторых ситуациях является успешной, а в других – нет. В целом, психологическая теория человека обеспечивает полезные рамки для обдумывания поведенческих стратегий, таких как макиавеллизм, и идентифицирует ряд специфических гипотез, которые до сих пор еще полностью не прошли проверки как на уровне личности, так и у социальных психологов.

В-пятых, в книге красной нитью проходит мысль о том, что понимание феномена макиавеллизма связано с центральной проблемой человеческого бытия – психологией понимания. Предметом исследования в этой области психологического знания являются смысловые образования, выражающие ценностные отношения субъекта к миру. Определяются приоритетные направления изучения многообразия интерпретаций феномена макиавеллизма преимущественно в литературе по проблеме психологии личности. Среди современных многоплановых исследований данной проблемы определенное место занимает проблема психологии развивающего понимания.

Понимание – это не значит лишь когнитивный процесс, установления связей между явлениями, а особый род обращения с собственным опытом. М.К. Мамардашвили повторение ошибок объясняет тем, что человек не извлекает опыт из предшествующего опыта (как действительный смысла события, которое с ним случается). Например, согрешил – вроде понял,

покаялся, но опять согрешил, и т. д. В данном случае он указывает на то, что необходимо извлечь опыт из этого понимания и изменить жизнь, освободившись от повторения прежних ошибок.

Именно понимание есть тот самый сквозной процесс, который лежит в основе развития *человеческого в человеке*, – в один голос утверждают исследователи. Таким образом, следует учитывать тот факт, что понимание как один из процессов познания связан не столько с процедурами получения нового знания, сколько с процедурами его осмысления, что происходит в основном в процессе межличностного взаимодействия и становления человека как субъекта. Субъектность понимается как способность к *произвольности выбора* человеком направленности своего поведения. То есть, она напрямую связана с формирующейся на ее основе психологией человеческого бытия, самопонимания и самореализации, самоактуализации личности.

В системе образования эта проблема заключается в межпредметном синтезе отраслевых научных знаний. Психологическим же продуктом этого познания является субъективная «картина мира», в которой заключено индивидуальное понимание наблюдаемых объектов и их прагматической пригодности для удовлетворения актуальных и потенциальных потребностей, а также тех средств, с помощью которых эти потребности могут быть удовлетворены.

Соответственно, при исследовании феномена макиавеллизма акцент делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека и в первую очередь – процессов самопонимания. В диалектическом единстве указанных феноменов – залог психического здоровья. Это означает, что понимание человеком того, что происходит с ним в мире внешнем и внутреннем, глубокое осмысление проблем социальных, межличностных и внутриличностных, указывает человеку на возможные варианты его развития. Отсюда следует, что понимание субъектом мира и себя в мире необходимо рассматривать как предпосылку психического развития и формирования антимакиавеллиевской установки личности.

Для того, чтобы связь между теоретическими представлениями об учении Макиавелли и результатами эмпирических исследований феномена макиавеллизма была не случайной, а необходимой и систематичной, а также для формирования эффективной системы защиты от манипуляции, должна быть поставлена и решена проблема метода.

Макиавелли показал на примере анализа исторических событий образец такого метода, где изучаемый предмет, говоря словами знаменитых философских тезисов, берется не только в форме объекта или в форме

созерцания, а как человеческая чувственная деятельность, практика, в которую включен сам исследователь. Разработка подобного метода является делом многоаспектным и междисциплинарным. Психология не способна сама охватить всю эту проблему целиком и, разумеется, также не может претендовать на то, чтобы ставить задачи другим дисциплинам. Это лишь призыв к сотрудничеству представителей различный областей исследовательской деятельности в развитии теории и практики воспитания, образования и оказании психологической помощи.

В этой книге автор пыталась установить, являются ли идеи Макиавелли о человеческом поведении действенными в современном обществе. Новая психологическая литература полна эмпирических результатов. Автор надеется, что это исследование внесет определенный вклад в разработку более сложной таксономии манипулятивных социальных стратегий. Реализуя цели исследования, автор определяет макиавеллизм *как стратегию социального поведения, вовлекающего в манипуляцию других с целью личной выгоды, нередко вопреки их собственным интересам*. Каждый до определенной степени является способным к манипулятивному поведению, но некоторые люди являются более целеустремленными и более способными, чем другие. Предметом спора является то, что манипулятивное поведение представляет собой не какую-то единственную черту, но сложную структуру признаков, которые не могут распределяться в соответствии с какой-то единой шкалой. Макиавеллизм является персональной характеристикой, описывающей индивидов, которые вводят в заблуждение и манипулируют другими в целях личной выгоды и успеха.

Результаты исследования предполагают новый вклад в теорию и практику персонального поведения. Хотя макиавеллисты пренебрегают этическим поведением и верят, что «цель оправдывает средства», они процветают только в слабоструктурированных ситуациях. Тем не менее, иногда необходимо обладать определенными характеристиками, свидетельствующими об актуальности умелого обращения и влияния на других (например, в переговорном процессе), особенно в роли лидера. Такие индивиды способны пробуждать эмоции симпатии и мотивировать своих последователей таким образом, что это улучшает возможности их собственного карьерного развития и увеличивает производительность деятельности организации. Можем, следовательно, заключить, что обладать либо не обладать высокой макиавеллистской ориентацией – зависит от ситуации и культурного окружения.

Поскольку задача психологии, как и философии, состоит не только в том, чтобы объяснять мир, но и в том, чтобы изменять его, практиче-

ское решение проблемы макиавеллизма и манипуляции может внести свою лепту творческим созиданием «схематизмов», органически вытекающих из картины мира, мировоззрения человека, способных тем самым наполнять осмысленностью человеческую жизнь даже при самых тяжелых кризисах.

Таковы главные направления психологического исследования понимания феномена макиавеллизма, представленного в книге. Разумеется, автор отдает себе отчет о многогранности данного феномена и о том, что эти направления не претендуют на абсолютность и исключительность, а отражают авторскую позицию на данном этапе исследования столь сложного феномена, как макиавеллизм, который в течение стольких веков вызывает споры и дискуссии ученых и мыслителей в различных областях человекознания.

Библиография

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учебник для студентов вузов. – Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – 624 с. ISBN 5-88687-064-4.
2. Абульханова-Славская К.А. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. – Москва: Наука, 1989. – 248 с.
3. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – Москва, 1991.
4. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии теории и исследования реальной личности). Москва-Воронеж: Академия педагог. и соц. наук, 1999.
5. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая // Новый мир, 1988, №8.
6. Айдинян Р.М. Трактат о счастье. – СПб.: Флетейя, 2008. – 88 с.
7. Айламазян А.М. Выбор мотивов деятельности: теоретические аспекты проблемы и экспериментальное изучение. //Вопросы психологии. 1990, № 4, с. 123–130.
8. Акименко А. К. Взаимосвязь представлений о лжи и стратегий поведения в системе социально-психологической адаптации личности. / Автореф. канд. дисс. – Саратов, 2008.
9. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Системная структура субъективного опыта и системная структура культуры. //Матер. международ. науч. симп. «Системно-синергическая парадигма в культуре и искусстве». – Таганrог: Изд-во ТРТУ, 2004, с. 82-88.
10. Алексеев А.А. Макиавелли как политический мыслитель. //Личность и творчество Никколо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Серия: Русский путь. Санкт-Петербург: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002.
11. Алексеева Л.В. Психология субъекта и субъекта преступления: Монография – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2004.
12. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. Начала общей психологии. – СПб., 1999, с. 144.
13. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. //Избранные психологические труды: В 2-х томах. Т. 1. – Москва, 1980.
14. Андреев М., Хлодовский Р. Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. – Москва, 1988.
15. Анцибор Л. Соотношение нарциссических черт характера с макиавеллистическим типом личности. //Conf. şt. ”Integrarea prin cercetare şi

inovare", 26-28 sept., 2013: Rez. ale comunic: Ştiinţe sociale/ com. de org.: G. Ciocanu (preşedinte) et al. – Chişinău: CEP USM, 2013, p. 97-99.
16. Анцибор Л. Макиавеллизм личности. //Studia Universitatis. Seria: Ştiinţe ale educaţiei. – Chişinău, 2009, № 9 (29), p. 206-212.
17. Анцибор Л., Килдеску О. Макиавеллизм как фактор, препятствующий самоактуализации личности. //Studia Universitatis. Revistă Ştiinţifică a Universităţii de Stat din Moldova. Seria: Stiinţe ale educaţiei. Pedagogie. Psihologie. Didactica ştiinţei. –Chişinău, 2009, №5 (25), p. 125 - 131.
18. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. – Москва, 2009.
19. Анцыферова Л.И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности. // Психология личности. Хрестоматия. /Под ред. Д.Я. Райгородского. Т. 2. – Самара: Издательский Дом «Базрам-М», 2008, с. 329-342.
20. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена субъекта и границы субъективно-деятельностного подхода. //Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. В.В. Брушлинского, М.И Воловиковой, В.Н. Дружинина. – Москва: Академ. Проект, 2000, с.27-42.
21. Апресян Р.Г. О праве лгать. // Логос, 2008, №5, с. 4-18.
22. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – СПб: Прайм-Еврознак, 2003.
23. Асмолов А.Г. Психология личности. – Москва, 2001.
24. Баткин Д. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – Москва, 1989.
25. Бахтин М.М. К философии поступка. Философия и социология науки и техники. / Под ред. И.Т.Фролова. – Москва, 1986.
26. Беденко С.В. Влияние манипулятивной направленности личности руководителя на социально-психологический климат группы: Дисс. … канд. психологических наук. –Ростов-на-Дону, 2008. – 251 с.: ил. РГБ ОД, 61:08-19/15.
27. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. – Москва, 2001.
28. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. – СПб: Питер, 2009. – 431 с.: ил. – (Серия «Учебное пособие») – ISBN 978-5-94723-369-8.
29. Бердяев Н.А. Парадокс лжи. //Человек, 1999, № 2, с. 102-108.
30. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – Москва: Новости, 1990, с. 5-26.

31. Березина Т.Н. Психология добра (на материале российской выборки). LAM LAMBERT Akademic Publishing, 2011. – 78 с.
32. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры/ Эрик Берн; [пер. с англ. А.Грузберга]. – Москва: Эксмо, 2011. – 576 с. (Психология общения). ISBN 978-5-699-27303-4; ISBN 978-5- 699-18299-2.
33. Бернштейн Н.Л. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. – Москва, 1966, с. 314-315.
34. Блунчли И.К. История общего государственного права и политики от XVI века по настоящее время. – Москва, Изд-во "ЁЁ медиа", 2012. - 604 с. ISBN: 978-5-8849-9127-9.
35. Братусь Б.С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века. //Вопросы психологии. Москва, 1993, №1.
36. Брунер Д. С. Процесс обучения. – Москва: Изд-во «Педагогика», 1962.
37. Брушлинский А.В. Психология субъекта. – СПб.: Алетейя, 2003.
38. Брушлинский А.В. Субъект, мышление, учение, воображение. – Москва-Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
39. Брушлинский А.В. О критерии субъекта и его деятельности. //Психология субъекта профессиональной деятельности. – Москва-Ярославль: ДИА-пресс, 2001, с.5-23.
40. Бубер М. Я и Ты. – Москва, 1987.
41. Букун Н., Анцибор Л. Образ жизни как условие психического развития: эволюционный взгляд на проблему. //Univers Pedagogic. Chisinau, Institutul de Ştiinţe ale Educaţiei, 2012, №1, p.33-43.
42. Бурно М.Е. Сила слабых. //Человек, 2006, № 1, с. 69-76.
43. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. – Москва: МГППУ; Смысл, 2003. – 240 с. ISBN 5-89357-144-4 («Смысл»); ISBN 5-94051-018-3 (МГППУ).
44. Василюк Ф.Е. Психотехника выбора. //Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – Москва, 1997.
45. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. [Beavin J., Jackson D., Watzlawick P.] Психология межличностных коммуникаций. – СПб: Речь, 2000.
46. Вертгеймер М. Продуктивное мышление. – Москва: Прогресс, 1987.
47. Волков Ю.Г., Мостовая Т.В. Социология: Учебник для вузов /Под ред. проф. В.И. Добренькова. – Москва: Гардарика, 1998. – 244 с. ISBN 5-7762-0041 (В пер.)

48. Воловикова М.И, Гренкова Л.Л. Современные представления о порядочном человеке //Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. Москва: Институт психологии РАН, 1997, с. 93-111.
49. Воловикова М.И. Представление русских о нравственном идеале. – Москва: Институт психологии РАН, 2004. – 312 с.: ISBN 5-9270-0062-2.
50. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. // Собр. соч.: Т. 3. – Москва, 1983.
51. Гальперин П.Я. Введение в психологию. – Москва, 1976.
52. Герасимова А.С., Сергиенко Е.А. Понимание обмана детьми 5-11 лет и становление модели психического. // Психологический журнал, 2005, том 26, с. 55-69.
53. Гертер Г. Принятие решений: Да? Нет? Или что-то третье? – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008.
54. Голубева Э.А. Способности и индивидуальность. – Москва: Прометей, 1993. – 306 с.
55. Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь. – СПб: ИЛИ РАН, 1996.
56. Гостев А.А. Психология и метафизика образной сферы человека. – Москва: Генезис, 2008. – 484 с. ISBN 978-5-98563-137-1.
57. Гофман И. Представления себя другим в повседневной жизни. – Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
58. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технология информационно-психологического воздействия. – Москва, 2002.
59. Григорьева С.В. Предварительные результаты изучения макиавеллизма в структуре интегральной индивидуальности. //Материалы межрегиональной межвузовской научно-практической конференции «Ярмарка научно-практических инициатив студентов». http://www.pspu.ru/sci_janpis2003_materials.
60. Гулевич О.А. Влияние восприятия справедливости действий человека на представление о нем и причинах его поведения. //Вопросы психологии, 2009, №1, с. 58-67.
61. Гумилёв Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – Москава: Экопрос,1993. – 544 с.
62. Давыдов В.В. Учение А.Н. Леонтьева о взаимосвязи деятельности и психического отражения. // А.Н.Леонтьев и современная психология. /Под ред. А.В. Запорожца и др. – Москва: МГУ, 1983, с. 128-140.

63. Дайджест. Социологический психологизм. Электронный ресурс: http://pro-psixology.ru/socilogicheskij-psixologizm-kriticheskij-analiz/951-dajdzhest.html. (Дата обращения 04.08.2013).
64. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – СПб: Диамант, 1997, т. II.
65. (Де) Санктис Ф. История итальянской литературы. – Москва, 1964.
66. Джемс У. Психология. /Под ред. Л.А. Петровской. – Москва: Педагогика, 1991. – 368 с. (Классики мировой психологии). ISBN 5-7155-0402-3.
67. Докинз Р. Эгоистичный ген. /Пер. с англ. – Москва: МИР, 1993. – 318 с., ил. ISBN 5-03-002531-6.
68. Долгов К. Ренессанс и политическая философия Макиавелли. //Новый мир, 1981, № 7–8.
69. Достоевский Ф.М. Подросток. – Кишинёв: Литература артистикэ, 1986.
70. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – Москва, Изд-во Речь, 2003.
71. Дружинин В.Н. Психология и психодиагностика общих способностей. – Москва: Наука, 1994.
72. Дубровский Д.И. К вопросу о добродетельном обмане. //Логос, 2008, № 5, с. 19–22.
73. Евтихов О.В. Лидерский потенциал руководителя: специфика, содержание и возможности развития. /Монография. – Красноярск, 2011. – 288 с.
74. Егорова М.С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств. //Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия 10: Дифференциальная психология, 2009, № 1/2, с. 65-80.
75. Жданова О.О. Сравнительный анализ понятий «манипулирование» и «макиавеллизм» и их использование в психологической литературе. //В сер.: В.М.Бехтерев и современная психология, психотерапия: Сборник статей к конференции: – Казань: Центр инновационных технологий, 2001, с. 26-31.
76. Желтонова Ю.А Ценностно-смысловые детерминанты межличностного взаимопонимания. /Автореф. дисс… канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2000.
77. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии, 2-е изд. – Москва, 2012.
78. Зенцова Н.И. Особенности макиавеллизма и макиавеллианского интеллекта у лиц, зависимых от алкоголя и героина. //Вопросы наркологии, 2009, № 4, с. 66–73.

79. Зинченко В.П. От классической к органической психологии. //Вопр. психол., 1996, № 5.
80. Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии. //Методология и история психологии, 2006, т. 1, вып. 1, с. 207-231.
81. Зинченко В.П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. – Москва, 1994.
82. Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. – Москва: Изд-во Института психологии РАН, 2007. – 479 с. ISBN 978-5-9270-0092-0.
83. Знаков В.В. Почему лгут американцы и русские: размышления российского психолога над книгой Пола Экмана. //Вопр. психол., 1995, № 2, с.84-92.
84. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. – Москва: Изд-во Института психологии РАН, 2005. – 448 с. ISBN 5-9270-0078-9.
85. Зорькин В. Д. Чичерин / Отв. ред. П. С. Грацианский. — Москва: Юридическая лит-ра, 1984. – 112 с. — (Из истории политической и правовой мысли).
86. Ильин И. А. О лжи и предательстве. //Аксиомы религиозного опыта. – Москва, 1993.
87. Ильин И.А. Путь к очевидности. – Москва: Республика, 1993.
88. Искандер Ф. Кролики и удавы. Электронная версия: http://lib.ru/FISKANDER/kroliki.txt
89. История философии. Энциклопедия. Макиавелли. Электронный ресурс: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/287. Дата обращения 08. 07. 2014.
90. Кабаченко Т.С. Психология управления: Учебное пособие. – Москва: Педагогическое общество России, 2000. – 384 с.
91. Калуцкая И.Н., Поддьяков А.Н. Представления о макиавеллизме: разнообразие подходов и оценок. // Культурно-историческая психология. 2007, № 4, с. 78-89.
92. Кант И. Критика чистого разума. Соч.: В 6-ти т. – Москва: Мысль, 1964, т.3.
93. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия. //Трактаты и письма. – Москва, 1980. – 293 с.
94. Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальности и анормальности личности в классических направлениях психологии и психотерапии. – Москва: Когито-Центр, 2013. – 101 с. (Университет. психологическое образование). ISBN 978-5-89353-399-6.

95. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – Москва: Эксмо, 2009. – 864 с. ISBN 978-5-699-10826-8
96. Клейман А. Историческое развитие изучения феномена лидерства. Электр. ресурс:http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1896. (Дата посещения сайта 18.06. 2014).
97. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. – Москва: Прогресс, 1979.
98. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове. //Человек в зеркале наук. – Лениград, 1991.
99. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. /Перевод и комментарии Ю.А. Асеева; Статья М.А. Кисселя; Отв. ред.: И.С. Кон, М.А. Киссель; Академия наук СССР. – Москва: Наука, 1980. – 488, [2] с. – (Памятники исторической мысли).
100. Коноваленко М.Ю., Коноваленко В.А. Деловые коммуникации. – Москва: «Юрайт», 2013. ISBN 978-5-9916-2718-4.
101. Корнилова В.Т., Будинайте Г.Л. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта. // Вопросы психологии, 1993, № 5, с. 99-105.
102. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы [Электронный ресурс] //Психологические исследования: электрон. науч. журн., 2010, № 3(11). URL: http://psystudy.ru (Дата обращения: 03.11.2013) 0421000116/0030.
103. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. – Москва: Аспект Пресс, 2003.
104. Корнилова Т.В., Новотоцкая-Власова Е.В. Соотношение уровней нравственного самосознания, эмоционального интеллекта и принятия неопределенности. //Вопросы психологии, 2009, № 6, с. 61-72.
105. Кравченко Г.К. Макиавелли: технология эффективного лидерства. // Социологическое наследие, 1993, № 6, с.135-142.
106. Краткий психологический словарь. /Сост. Л.А. Карпенко; Под общ ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Москва: Политиздат, 1985. – 431 с.
107. Кузобова М.В. Некоторые аспекты понимания в кросскультурной среде». // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования. / Под общ. ред. А.А. Брунова, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. – Москва: Смысл, 2006. – 199 с. ISBN 5-89357-137-1.
108. Купрейченко А.В. Отношение личности к соблюдению нравственных норм в зависимости от психологической дистанции (у предпринимателей и менеджеров)./ Автореф. дисс. канд. психол. наук. – Москва: ИП РАН, 2001.

109. Ларина А.Д., Погодина А.В. Макиавеллизм и социометрический статус подростка в учебной группе. //Психол. наука и образование, 2007, № 5, с. 252-259.
110. Ларина А.Д. Подходы, установки и перспективы в исследовании макиавеллизма. // Вопросы психологии, 2010, № 3, с. 75-83.
111. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – Москва, 1994.
112. Лем С. Народоубийство. /Лем С. Библиотека XXI века. – Москва, 2003.
113. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. – Москва, 1983.
114. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. //Освобождение от догм. – Москва, 1997, т. 1, с. 33-42.
115. Личность и творчество Никколо Макиавелли в оценки русских мыслителей и исследователей. Антология. Серия: Русский путь, Санкт-Петербург. – Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2002.
116. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии. //Вопр. психологии, 1975, № 2, с. 41-44.
117. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. – Москва, 1978, с. 110 – 138.
118. Лосев А.Ф. Жизнь. Повести, рассказы, письма. – СПб: АО «Комплект», 1993.
119. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра (Основы этики. Характер русского народа). – Москва: Республика, 1991.
120. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. – Москва: МГУ, 1962, 1-е изд.; 1969, 2-е изд.; Москва: Академ. Проект, 2000, 3-е изд.
121. Макиавелли Н. Золотой осёл. / Пер. с ит. – Москва: Худож. лит., 2001, с. 11. – (Европейская старинная литература).
122. Макиавелли Н. Искусство стратегии. – Москва: Эксмо, 2008.
123. Макиавелли Н: Сочинения. – Москва: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2007. – 627 с. – (Антология мысли). ISBN 966-03- 0283-5.
124. Макьявелли Н. Государь: [сб.: пер. с итал.]/ Никколо Макьявелли. – Москва: АСТ, 2008. – 461 с. ISBN 978-5-17-031320-4 (000 «Издательство АСТ») (C. Philosophy) и др.
125. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. – Москва: Аграф, 2002. – 320 с. ISBN 5-7784-0032-2.
126. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. – СПб, 1997.
127. Мелитан К. Психология лжи. – Москва, 1903.

128. Мерлин В.С. Отличительные признаки темперамента. //Психология индивидуальных различий. Тексты. – Москва, 1982, с. 160-166.
129. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями// Мид М. Культура и мир детства. – Москва, 1988, с. 322-341.
130. Молчанов С.В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию. //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология, 2011, № 2, с. 59-72.
131. Мэй Р. Мужество творить. /Пер. с английского – Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2008. – 160 с. ISBN 978-5-88230-229-9.
132. Мясищев В.Н. Понятие личности в аспектах нормы и патологии. // Психология отношений. Избранные психологические труды. – Москва - Воронеж, 1995, с. 39-67.
133. Нартова-Бочарова С.К. Дифференциальная психология: Учебное пособие, 3-е изд., испр. – Москва: Флинта: МПСИ, 2008. – 280 с. ISBN 978-5-89349-435-8 (Флинта) ISBN 978-5-89502-423-2 (МПСИ).
134. Новейший философский словарь. /Под общ. ред. В.Е.Кемерова. – 3-е изд., испр. – Минск: Книжный Дом, 2003, с. 357.
135. Нуркова В.В. Проблема истинности автобиографических воспоминаний в процессе судопроизводства. // Психол. журн., 1998, т. 19, № 5, с. 15-29.
136. Одинцова М.А. Многоликость “жертвы”, или Немного о великой манипуляции (система работы, диагностика, тренинги): Учебн. пособие. – Москва: Флинта: НОУ ВПО “МПСИ”, 2010. – 256 с.
137. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Москва, 1988.
138. Оксфордский толковый словарь по психологии. /Под ред. А.Ребера. – Москва, 2002.
139. Основы менеджмента. //Под ред Афоничкина А.И. – СПб: Питер, 2007. – 528 с.
140. Пантилеев С.Р. Самоотношение. //Психология сомосознания. Хрестоматия. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2007. – 672 с. ISBN 5-94648-016-2.
141. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с. ISBN 5–211–00023–4.
142. Пименов Е.А. Этногерменевтика внутреннего мира. //Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования. /Под общ. ред. А.А. Брунова, А.В. Уткина, Е.И. Яцуты. – Москва: Смысл, 2006. – 199. ISBN 5-89357-137-1.

143. Поддьяков А.Н. Психология конкуренции в обучении. – Москва, 2006.
144. Практическая психология образования: Учебное пособие, 4-е изд. / Под редакцией И. В. Дубровиной — СПб.: Питер, 2004. – 592 с: ил.: ISBN 5-94723-870-5.
145. Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого //Этическая мысль. Вып. 9. – Москва: ИФРАН, 2009, с. 122–145.
146. Прокофьев А.В. Кант, обман, применение силы… //Логос, 2008, № 5, с. 60–90.
147. Раку Ж. Психогенезис речи в смешанных коммуникативных средах: Теоретико-экспериментальное исследование / Науч. ред. Игорь Раку. – Chişinău, 2007. – 238 с.
148. Рорти А. Царь Соломон и простолюдин: проблема согласования конфликтных моральных интуиций. //Вопросы философии, 1994, № 6, с. 98–110.
149. Роттердамский Э. Философские произведения. – Москва, 1986, с.111-126.
150. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.:Питер, 2004. – 713 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии). ISBN 5-314-00016-4.
151. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. – Москва, 1959.
152. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – Москва: Наука, 1997. – 64 с.
153. Русский космизм: Антология философской мысли. /Сост. С.Г. Семеной, А.Г. Грачева – Москва: Педагогика-Пресс, 1993. – 368 с.: ил. с. 146 – 165. ISBN 5-7155-0641-7.
154. Рутенбург В.И. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли. //Макьявелли Н. История Флоренции. – Ленинград, 1973, с. 343-381.
155. Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. – СПб., 1991.
156. Рюмшина Л.И. Формы общения: ценностно-смысловой анализ. /Автореф. докт. дисс. – Ростов-на-Дону, 2005.
157. Скрипник А.П. К проблеме лжи в этике И.Канта. //Логос, 2008, № 5, с. 188–195.
158. Слободчиков В.И, Исаев Е.И. Основы психологической антропологии: Учебное пособие для вузов. – Москва: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
159. Словарь русского языка: В 4-х т. – Т. 2. – Москва, 1986.
160. Слышкин Г.Г. Текстовая концептосфера и ее единицы. //Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999, с.18-26.

161. Смирнова Н.Л. Образ умного человека: российское исследование. // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. Коллект. монография / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. – Москва, Изд-во Института психологии РАН, 1997. – 336 с.
162. Смирнова Н.Л. Социальные репрезентации интеллектуальности. // Психол. журн., т.15, 1994, № 6, с. 61-68.
163. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – Москва: Эксмо, 2007. (Серия: Антология экономической мысли). – 960 с. – ISBN 978-5-699-18389-0.
164. Соколова Е.Т., Иванищук Г.А. Проблема сознательной и бессознательной манипуляции. // Психологические исследования, 2013, т. 6, № 28, с. 3.
165. Соколова Е.Т. Психология нарциссизма: Учебное пособие. /Е.Т. Соколова, Е.П. Чечельницкая. – Москва: Учебно-методический коллектор «Психология», 2001. – 90 с.
166. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000.
167. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: АСПЕКТ Пресс, 2004. – 368 с. ISBN 5-7567-0328-4.
168. Столин В.В. Уровни и единицы самосознания. //Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2007. – 672 с. ISBN 5-94648-016-2.
169. Стретерн П. Макиавелли за 90 минут. – Москва: Астрель: АСТ 2006. – 93, [3] с. (Философы за 90 минут). ISBN 5-17-021811-7; ISBN 5-271-07840-X; ISBN 1-56663-213-7 (англ.).
170. Тарасов А. Н. Психология лжи в бизнесе: дурная бесконечность. – Москва: Книжный мир, 2007.
171. Темнова Л. Формирование и развитие социально-технологической культуры специалиста. Круглый стол. //Социология образования, 2011, № 10.
172. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. – Москва, 1969.
173. Тихомиров О.К. Вклад А.Н. Леонтьева в общую психологию. //А.Н. Леонтьев и современная психология / Под ред. А.В. Запорожца и др. – Москва: МГУ, 1983, с. 40-53.
174. Триверс Р. Обмани себя. Как обман помогает нам выжить. – СПб.: Питер, 2012. – 432 с.: ил. ISBN 978-5-459-01004-6.
175. Узнадзе Д.Н. Теория установки. – Москва-Воронеж, 1997.

176. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность: теории, упражнения, эксперименты. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. – 864 с. («Психологическая энциклопедия»). ISBN 5-93878-015-2.
177. Фромм Э. Иметь или быть? /Пер. с англ., общ. ред. и посл. В.И. Добреньков. – 2-е изд.. доп. – Москва: Прогресс, 1990. – 336 с. (Б-ка зарубеж. психологии). ISBN 5-01-002072-6.
178. Фромм Э. Психоанализ и этика. – Москва: Республика, 1993. – 415 с. (Библиотека этической мысли). ISBN 5-250-02353-3.
179. Хаэр Р.Д. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. /Пер. с англ. – Москва: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 288 с: ил. – Парал. тит. англ. ISBN 978-5-8459-1103-2 (рус.).
180. Хлодовский Р. О Никколо Макиавелли, секретаре Флорентийской республики, гуманисте, историке, авторе комедий, а также поэте трагическом. //Макиавелли Н. Избранное. - Москва, 1999.
181. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза /Пер. с англ. В. Светлова. – 2-е изд. – Москва: Академический проект, 2008. – 224 с. («Психологические технологии»). ISBN 978-5-8291-1016-1.
182. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – 3-е изд. – СПб: Питер, 2008. – 607 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»). ISBN 978-5-88782-412-3; 5-88782-412-3.
183. Цветков Э.А. Мастер сапопознания, или погружение в «Я» /Оформл. С.Грировьев – СПб: Лань, 1997. – 192 с. ISBN5-86617-013-2.
184. Цырлина Т.В. Штрихи к портрету Л. Колберга. //Психологический журнал, 1992, №3, т.13, с. 173-182.
185. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
186. Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти, и бессмертии. Древний мир – эпоха просвещения. /Ред. кол. И.Т. Фролов и др. Сост. П.С. Гуревич. – Москва: Политиздат, 1991. – 464 с. ISBN 5-250-00317-6.
187. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. – Москва: Наука, 1977, с. 103–105.
188. Чигринова И.А. Принятие неопределенности и макиавеллизм в регуляции морального выбора [Электронный ресурс] //Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010, № 5(13). URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 03 11.2013). 0421000116/0045.
189. Шаповалова Т.А. По ту сторону толерантности. //Вестник Челябинского государственного университета, 2012, № 13 (267). Филология. Искусствоведение. Вып. 65, с. 144–146.

190. Шаркова И. С. «Анти-Макьявелли» Фридриха II и его русские переводы. // Проблемы культуры итальянского Возрождения. – Ленинград, 1979.
191. Шейнов В.П. Психология манипулирования. – Минск: Харвест, 2010. – 704 с. ISBN 978-985-16-6882-9; ISBN 978-985-16-6883-6.
192. Шекспир В. Отелло. Акт I, сцена 1 /Перевод. Б.Пастернак. – Москва: Искусство, 1960.
193. Шмелев А.Г. Коммуникация, кооперация и конкуренция в самоорганизующихся профессиональных Интернет-сообществах. //Образовательная политика, 2010, № 9, с. 27-46.
194. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – Москва, 1992.
195. Штерн В. Изучение свидетельских показаний. //Проблемы психологии. Ложь и свидетельские показания. – Пг., 1922, вып.1.
196. Щербатых Ю.В. Психология стресса. – Москва: Изд – во Эксмо, 2005.– 304 с., ил.
197. Экман П. Психология лжи. – СПб.: Питер, 2003.
198. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности Изд. 3-е. – Москва: Тайдекс Ко, 2004 – 376с. (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»). ISBN 5-94702-021-1.
199. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – Москва, 1978.
200. Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. – Москва, 1984.
201. Adler A. The individual psychology of Alfred Adler: A systematic presentation in selections from his writings (H. L. Ansbacher & R.R. Ansbacher, Eds.) – New York: Harper & Row, 1956.
202. Ali F., Amorim I.S., Chamorro-Premuzic T. Empathy deficits and trait emotional intelligence in psychopathy and Machiavellianism. Empathy deficits and trait emotional intelligence in psychopathy and Machiavellianism. //Personality & Individual Differences, 2009, 47, 7, p.758–762.
203. Ali F., Chamorro-Premuzic T. Investigating Theory of Mind deficits in nonclinical psychopathy and Machiavellianism. //Personality and Individual Differences, 2010a, 49(3), p. 169-174.
204. Ali F., Chamorro-Premuzic T. The dark side of love and life satisfaction: Associations with intimate relationships, psychopathy and Machiavellianism. //Personality and Individual Differences, 2010b, 48(2), p. 228-233. (doi:10.1016/j.paid.2009.10.016).

205. Allsopp J., Eysenck H.J., Eysenck S.B.G. Eysenck Machiavellianism as a component in psychotism and extraversion. // Personality & Individual Differences, 1991, 12, 1, p. 29-41.
206. Alterman A. I. et al. A typology of antisociality in methadone patients. /A. I. Alterman, P. A. McDermott, J. S. Cacciola, M. J. Rutherford, C. R. Boardman, J. R. McKay, T. G. Cook // J. of Abn. Psychol. 1998, 107, 3, p. 412-422
207. Amelot A.N. de la Houssaye. Le Prince de Nicolas Machiavel. – Amsterdam,1683.
208. Ames M., Kidd A.H. Machiavellism and women's grave point average. // Psychological Reports, 1979, 4, 1.
209. Anglo S. Machiavelli: A Dissection – London: Paladin, 1971.
210. Ashton M., Lee K., Chongnak S. Honesty as the sixth factor of personality: correlations with machiavellianism, primary psychopathy, and social adroitness. //European Journal of Personality, 2000, 14, 4, p.359-368.
211. Austin E., Farrelly D., Black C., Moore H. Emotional intelligence, Machiavellianism and emotional manipulation: Does EI have a dark side? // Personality & Individual Differences, 2007, 43, 1, p. 179-189.
212. Azuma H., Kaschiwagi K. Descriptors for an intelligent person: A Japanese Study // Japanes Psychological Research, 1987, 29, p. 17-26.
213. Baconi. Fr. Operum moralium et civilium tomus. Tractatus de dignitate et augmentis scientiarum. – L., 1638. p. 220.
214. Baron H. Towwards a more positive evaluation of the fifreenth-century Renaissance. // Jornal of the History of Ideas, 1943, IV, 48.
215. Barrett L., Henzi P. The social nature of primate cognition. // Biological Sci. 2005, 272 (1575), p. 1865-1875.
216. Bartels D.M., Pizarro D.A. The mismeasure of morals: antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. //Cognition, 2011, 121(1), p.154-161. (doi:10.1016/j.cognition.2011.05.010).
217. Batson C. D. Altruism and prosocial behavior. //Gilbert D. T., Fiske S. T., Lindzey G. (eds). Handbook of social psychology. – Boston: McGrawHill, 1998, p. 282-316.
218. Bentam J. Anarchical Fallacies, in J. Waldron (ed.), Nonsense upon Stilts: Bentam, Durke and Marx on the Rights of Man. – London and New York: Methuen, 1987.
219. Bereczkei T., Birkas B., Kerekes Z. Public charity offer as a proximate factor of evolved reputation-building strategy: An experimental analysis of a real-life situation. // Evolution and Hum. Behav, 2007, 28, 4, p. 277-284.

220. Berlin I. 'The originality of Machiavelli', in Against the Current: Essays in the History of Ideas. – London: Hogarth Press, 1979, p. 37-67.
221. Blumstein P.W. Audience, machiavellism, and tactics of identity bargaining. // Sociometry, 1973, 36, 3, p. 346-365.
222. Bok S. Lying: Moral choice in public and private life. – N. Y., 1979.
223. Braginsky D.D. Machiavellianism and manipulative interpersonal behavior in children. // J. of Experimental Social Psychology, 1970, 6, 1, p. 77-995.
224. Brennan A. A. Survival. Sinthese, 59 (June): 339-62, 1984.
225. Brown E.C., Guy R.F. The effects of sex and machiavellianism on self-disclosure patterns. // Social Behavior & Personality: An International Journal; 1983, 11, 1, p. 93-97.
226. Brucker G. A. Renaissance Florence – New York: John Wiley & Sons, 1969, p. 51.
227. Bucun N., Panis A. Personalitatea integrală – un deziderat al educaţiei moderne. // Univers Pedagogic, 2010, 4, p. 4-14. ISSN 1857-3266.
228. Burckhardt J. The civilization of the Renaissance in Italy (2 vols), trans. S. G. C. Middlemore – New York: harper & Row, 1958. (First published in 1860).
229. Burnham J. The Machiavellians: Defenders of Freedom. – Washington, DC: Gateway 1943, p. 84.
230. Bussey K. Children's categorization and evaluation of different types of lies and truths. // Child Development. 1999, 70, 6, p. 1338-1347.
231. Butterfield H. The Statecraft of Machiavelli. – London: G/ Bell & Sons, 1940.
232. Byrne R., Whitten A. Machiavellian Intelligence // Byrne R., Whitten A. (eds). Machiavellian intelligence II: Extensions and evaluations. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997, p. 1-23.
233. Carlin F. The art of influence. // Psychology Today, 2011, 44(5), 64-69.
234. Carruthers P. How we know our own minds: The relationship between mindreading and metacognition. //Behavioral and Brain Sciences, 2009, 32(2), 121-138. (doi:10.1017/S0140525X09000545).
235. Carson Th. L, Wokutch R. E., Cox J. E. An ethical analysis of deception in advertising. // Contemporary moral controversies in business. – New York, 1989.
236. Cassirer E. The Myth of State. – New Haven, Conn.: Yale University Press, 1946.)
237. Chabod F. Machiavelli and the Renessance. /trans. D. Moore. – New York: Harper & Row, 1958, ch. 4.
238. Cherulnik P.D., Way J.H., Ames S., Hutto D.B. Impressions of high and low Machiavellian men. //Journal of Prsonality, 1981, 49, 4, p. 388-400.

239. Christie R., Geis F. Studies in machiavellianism. – New York: Academic Press, 1970.
240. Côté S., Decelles K.A., McCarthy J.M., Van Kleef G.A., Hideg I. The Jekyll and Hyde of emotional intelligence: emotion-regulation knowledge facilitates both prosocial and interpersonally deviant behavior. //Psychological Science, 2011, 22(8), 1073-1080. (doi:10.1177/0956797611416251).
241. Croce B. Elementi di politica – Bari: Laterza, 1925, c. 59-66.
242. Cronin V. The Flowering of the Renaissance – London: Collins/ Fontana, 1972.
243. Cross S. E., Madson L. Models of the self: self-construals and gender. // Psychological bulletin. 1997, 122, 1, p. 5-37.
244. De Vries R.E., Lee K., Ashton M.C. The Dutch HEXACO Personality Inventory: Psychometric Properties, Self-Other Agreement, and Relations With Psychopathy Among Low and High Acquaintanceship Dyads. // Journal of Personality Assessment, 2008, 90, 2, p. 142-151.
245. Deluga R.J. American presidential Machiavellianism: Implications for charismatic leadership and rated performance. //The Leadership Quart, 2001, 12, 3, p. 339-363.
246. Den Hartog D.N., Belschak F.D. Work Engagement and Machiavellianism in the ethical leadership process. //Journal of Business Ethics, 2012, 107(1), 35–47. (doi:10.1007/s10551-012-1296-4).
247. Domelsmith D.E., Dietch J.T. Sex differences in the relationship between Machiavellianism and self-disclosure. //Psychological Reports. 1978, 42, 3, p. 725-721.
248. Drory A., Gluskinos U. M. Machiavellianism and leadership. //J. Appl. Psychol., 1980, 65, 1, p. 81-86.
249. Dunbar R.I.M. Putting humans in their proper place. //Behavioral and Brain Sciences, 2006, 29(1), 15–16. (doi:10.1017/S0140525X06259016).
250. Eagly A. H., Karan S. J., Makhijani M. G. Gender and effectiveness of leaders: a metaanalysis. //Psychological bulletin, 1995, 117, 1, p. 125-145.
251. Erickson M. Experimental demonstrations of the psychopathology of everyday life. //The Psychoanalytic Quartely, 1939, p. 338-353.
252. Femia J.V. Machiavelli revisited. Political philosophy now. – Cardif.: University of wales press, 2004, 148 p.
253. Fiedler, F.E. and Garcia, J.E. New Approaches to Leadership, Cognitive Resources and Organizational Performance. – New York: John Wiley and Sons, 1987.
254. Figueredo A., Vásquez G., Brumbach B., Sefcek J., Kirsner B., Jacobs W. The K-factor: Individual differences in life history strategy. //Personality & Individual Differences, December 2005, 39(8), p. 1349-1360.

255. Flavell J.H. Development of children knowledge about the mental world. // International J. of Behavioral Development, 2000, 24, 1, p. 15–23.
256. Fontana B. Hegemony and Power: On the Relation between Gramsci and Machiavell. –Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.
257. Fromm E. The anatomy of human destructiveness. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
258. Further M.R., Rauthmann J.F., Sachse P. The self-loving self-leader: an examination of the relationship between self-leadership and the Dark Triad. //Social Behavior and Personality: An International Journal, 2011, 39(3), p. 369-379. (doi:10.2224/sbp.2011.39.3.369).
259. Gable M., Dangello F. Locus of control, Machiavellianism, and managerial job performance. // Journal of Psychology, 1994, 128, 5, p. 599-609.
260. Gavrilets S., Vose A. The dynamics of Machiavellian intelligence. //PNAS, 2006, 103, 45, p. 16823—16828.
261. Geert Hofstede G.H., Hofstede G. J. Allemaal andersdenkenden: omgaan met cultuur vers chillen, 1983.
262. Geis F., Moon T. Machiavellianism and deception. //Pers. and Soc. Psychol. 1981, 41(4), p. 766-775.
263. Geis F.L. Machiavellianism. Dimensions of personality. – New York: A Wiley-Interscience Publication, 1978 J. P. 7305–364.
264. Giacalone R. A., Knouse S. B. Giacalone R. A., Knouse S. B. Justifying wrongful employee behavior: The role of personality in organizational sabotage. //J. of Business Ethics, 1990, 9, p. 55-61.
265. Gilbet A.H. Machiavelli's 'Prince' and its Forerunners: 'The Prince' as a Typical Book de regimine principium. – Durham, NC: Duke Univeraity Press, 1938.
266. Gilbet F. The humanist concept of the prince and "The Prince" of Machiavelli.// The Journal of Modern History, XI, 1939, p. 449-532.
267. Glad B. Why tyrants go too far: Malignant narcissism and absolute power. //Political Psychol., 2002, 23, p. 1-37.
268. Goldstein K., Scheerer A. Abstract and Concrete Behavior: an Experimental Study: Psychological Monographs. – New York, 1991, 53 p.
269. Gramsci A. Quaderni del carcere, ed. V. Gerratanna (Turin: Einaudi, 1975), 4 vols.
270. Hamilton J.D., Decker N., Rumbaut R.D. The manipulative patient. American Journal of Psychotherapy, 1986, 40(2), p.189-200.
271. Harrell W.A. Retaliatory aggression by high and low machiavellians against remorseful and non-remorseful wrongdoers. //Social Behavior & Personality: An International Journal; 1980, 8, 2, p. 217-421.

272. Hartman F.G.H., Maas V.S. Why business unit controllers create budget slack: involvement in management, social pressure, and Machiavellianism. //Behavioral Research in Accounting, 2010, 22(2), p. 27-49. (doi:10.2308/bria.2010.22.2.27).
273. Hawley P.H. Evolution and personality: A new look at Machiavellianism // Handbook of personality development / Mroczek D. K., Little, T. D. (Eds.). – Mahwah, N.J., 2006.
274. Helvetius C.A. Del'EspritDiscours. À Paris chez Durand Librairie.1758 III. Ch.7. 543 pp. (Электронный ресурс: http://az.lib.ru/a/alekseew_a_s/text_1880_makkiavelli.shtml. (Дата обращении 25. 07. 2014).
275. Horney, K. Neurosis and human growth. – New York: Norton, 1950.
276. Horney, K. Our inner conflicts. – New York: Norton, 1945.
277. Howard M. O., Balster R. L., Cottler L. B. Wu L.-T, Vaughn M. G. Inhalant use among incarcerated adolescents in the United States: Prevalence, characteristics, and correlates of use. // Drug and Alcohol Dependence. 2008, 93, 3, p. 197-209.
278. Hren D., Vujaklija A., Ivanišević R., Knežević J., Marušić M., Maruši A. Students' moral reasoning, Machiavellianism and socially desirable responding: implications for teaching ethics and research integrity. // Medical Education, 2006, 40, 3, p. 269-277.
279. Hubbell A., Chory-Assad R., Medved C. A new approach to the study of deception in organizations. // North American Journal of Psychology, 2005, 6.
280. Hulliung M. Citizen Machiavelli. – Princeton: Princeton University Press, 1983.
281. Jacobitti E. Revolutionary Humanism and Historicism in Modern Italy (New Haven and London: Yale University Press, 1981), p. 5
282. Jakobwitz S., Egan V. The dark triad and normal personality traits. //Pers. and Indiv. Diff. 2006, 40, 2, p. 331-339.
283. Jonason P. et al. The Dark Triad: Facilitating a Short-Term Mating Strategy in Men / P. Jonason, N. Li, G. Webster, D. Schmitt. //Eur. J. Pers. 2009, 23, p. 5-18.
284. Jonason P.K., Li N.P., Webster G.D., Schmitt D.P. The dark triad: Facilitating a short-term mating strategy in men. //European Journal of Personality; Feb2009, 23, 1, p. 5-18.
285. Joule R.V. Tratat de manipulare. – Bucuresti, Editura Antet, 1997.
286. Judge T. A., Bono, J. E., Ilies R., Gerhardt M. W. Journal of Applied Psychology, 2002, Aug, 87(4), p. 765-780. (10.1037/0021-9010.87.4.765.)
287. Kelly H.H. Causal scema and attribution process. //Atribution: perceiving the causes of behavior. – Merrinstown, 1971.

288. Kelly, G. A. A brief introduction to personal construct theory. In: D. Bannister (Ed.), Perspectives in personal construct theory. –New York: Academic Press. Written, 1970, p. 1- 29.
289. Kent R.L., Moss S. E. Effects of se [snd gender role on leader emergence. //Academy of management journal, 1994, 37, 5, p. 1335-1346.
290. Keseling P. Das Problem der Luge adendlandischen Mittelalter. Das Problem der Luge in der Neuzeit // Augustinus A. Die Luge und Gegen Luge. – Wurzburg, 1986; XLII.
291. Kirkpatrick Shelley A. and Locke Edwin A. Leadership: do traits matter? // Academy of Management Executive, 1991, 5, 2, p. 48-60.
292. Kirsch L.G., Becker J.V. Emotional deficits in psychopathy and sexual sadism: Implications for violent and sadistic behavior. //Clin. Psychol. Rev., 2007, 27, 8, p. 904-922.
293. Kohlberg L. The philosophy of moral development. – New York: Harper, Row, 1981.
294. Köhler W. The Task of'Gestalt Psychology. – Princeton University Press. 1969.
295. Kohyar K., Restubog S.L., Zagenczyk T.J., Kiewitz Ch., Tang R.L. In pursuit of power: The role of authoritarian leadership in the relationship between supervisors' Machiavellianism and subordinates' perceptions of abusive supervisory behavior. Journal of Research in Personality, 2010, 44(4), 512-519. (doi:10.1016/j.jrp.2010.06.004).
296. Kraut R.E., Price J.D. Machavellianism in parents and their children. //J. of Pers. And Soc. Psyhol., 1976, 33, 6, p. 782-786.
297. Latif D.A. The relationship between pharmacy students' locus of control, Machiavellianism, and moral reasoning. //American Journal of Pharmaceutical E, 2000, 4 (on line).
298. Lawrence E., Shaw P., Baker D., Baron-Cohen S., David A. Measuring empathy: Reliability and validity of the Empathy Quotient. //Psychological Medicine, 2004, 34(5), p. 911-919.
299. Lee K., AshtonM.C. The personality bases of socio-political attitudes: The role of Honesty-Humility and Openness to Experience. //Journal of Research in Personality, I, 2009 (in press).
300. Lilienfeld S. O. The MMPI-2 Antisocial Practices Content Scale: Construct validity and comparison with the Psychopathic Deviate Scale. //Psychol. Assessment, 1996, 8, 3, p. 281-293.
301. Loas G., Verrier A., Romney C. Relationship between alexithymia and machiavellianism in healthy subjects. //Annales Médico-psychologiques, revue psychiatrique. 2007, 165, 4, p. 254-257.

302. Locke L., Lathman J, Psychology as Common Sense: The Case of Findings Concerning Work Motivation and Satisfaction. //Psychological Science, July 1990, 1, 4, p. 240-246.
303. Loevinger J. Ego development. Conceptions and theories. – San Francisco, Jossey-Bass, 1976.
304. Maccoby E.E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. – Stanford, 1978.
305. MacIntyre A. Truthfulness and Lies: What Can We Learn from Kant? // MacIntyre A. Ethics and Politics: Selected Essays. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
306. Malinowski C. The relationship between Machiavellianism and undergraduate student attitudes about hypothetical marketing moral dilemmas. //Competitiveness Review, 2009, v 19, Issue 5, p. 398-408.
307. Manipularea in posttotaletarism. /Mihai Şleahtiţchi (coord.) – Chisinau: Gunivas, 2008. – 480 p. ISBN 978- 9975-908-67-2.
308. Mann L., Burnett P., Radford M., Ford S. The Melbourne Decision Making Questionnaire: An Instrument of Measuring Patterns for Coping with Decisional Conflict. // Journal of Behavioral Decision Making, 1997, 10(1), p. 1-19.
309. Martin M.M Anderson C.M.Thweatt K.S Aggressive communication traits and their relationships with the Cognitive Flexibilitz Scale and the Cognitive Flexibilitz Scale. //Jurnal of Social Behavior and Rersonality, 1998, 13, 3, p. 531-540.
310. Masfield H. C. Machiavelli's Virtue – Chicago: University Of Chicago Press, 1998.
311. Maslow A. H. Motivation and personality (3rd ed.) – New York: Harper and Row, 1987.
312. Maslow A. H. The farther reaches of human nature. – New York: Viking Press, 1971.
313. Mazza M., Risio A. D., Tozzini C., Roncone R., Casacchia M. Machiavellianism and theory of mind in people affected by schizophrenia. //Brain and Cognition, 2003, 51, 3, p. 262-269.
314. McHoskey J. Machiavellianism and sexuality: on the moderating role of biological sex. // Person. and Individ. Diff. 2001, 31, 5, p. 779-789
315. McHoskey J. W. Machiavellianism, Intrinsic Versus Extrinsic Goals, and Social Interest: A Self-Determination Theory Analysis. // Motivation and Emotion, 1999, 23, 4, p. 267-283.
316. McHoskey J. Machiavellianism and personality dysfunction. / Person. and Individ. Diff. 2001, 31, 5, p. 791-798

317. McHoskey J.W., Worzel W.Q., Szyarto C. Machiavellianism and psychopathy. Journal of Personality and Social Psychology, 1998, 74(1), 192–210. (doi:10.1037/0022-3514.74.1.192).
318. McNamara P., Durso R., Harris E. «Machiavellianism» and frontal dysfunction: evidence from Parkinson's disease. //Cognitive neuropsychiatry, 2007, 12, 4, p. 285—300.
319. Mostafa M. A study of machiavellian orientation among marketing students in Egypt. // College Student Journal, 2007, 14, 1, p. 223-238.
320. Mudrack P.E. Machiavellianism and Locus of Control: A Meta-Analytic Review. // Journal of Social Psychology, 1990,130, 1, p. 125–126.
321. Mussolini B. Măştile puterii, Machiavelli, Principele şi Discursuri, Frederic II, Antimachiavel, Preludiu. – Iaşi, Institutul European, 1996.
322. Nanus B. The Leadir's Edger: The seven Keys to Leadership in a Turbulent World. – New York: Contemporary Boors, 1989.
323. Opere inedite di Francesco Guicardini. Firenze, 1857. Vol. I. p. 22–24, 42–43, 66–67.
324. Osgood Charles E. & Oliver Tzeng (eds), Language, Meaning, and Culture: The Selected Papers of C. E. – Osgood. Praeger Publishers, 1990. ISBN 0-275-92521-8.
325. Pandey J., Singh A.K. Attribution and evaluation of manipulative social behavior. // Journal of Social Psychology, 1986, 126(6), 735-745.
326. Park S. Theory of mind dynamics in children's play: a qualitative inquiry in a preschool classroom: Dissertation submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Child Development, 2001.
327. Paulhus D.L., Delroy L., Williams W., Kevin M. The Dark Triad of Personality: Narcissism, machiavellianism and psychopathy. //J. of Research in Pers, 2002, 36, p. 556-563.
328. Plumb J.H. The Italian Renaissance. – New York: American Heritage Library, 1989, p. 9.
329. Pocock J.G. A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thougbt and the Atlantic Republican Tradition. – Princeton: Princeton University Press, 1975, chs 3.
330. Poddiakov A. «Trojan horse» teaching in economic behavior. [Электронный ресурс] // Social Science Research Network. 2004. URL: http://ssrn.com/abstract=627432. (Дата обращения: 02.01.2010).
331. Racu I. Apariţia şi dezvoltarea formelor iniţiale a conştiinţei de sine în ontogeneză. Psihologie. // Pedagogie Specială. Asistenţă Socială. 12, 2008, p. 37-52. ISSN 1857-0224.

332. Racu I. Profilul psihologic al liderului eficient. //Psihologie. Pedagogie Specială. Asistenţă Socială. № 2, 2006, p. 35-41. ISSN 1857-0224,
333. Racu I., Bucun N., Negura I. Formarea conştiinţei de sine în diferite situaţii sociale de dezvoltare. //Psihologie. Pedagogie Specială. Asistenţă Socială. №1, 2005. ISSN 1857-0224.
334. Raty H., Snellman L., Does gender make any difference? Common-sense conceptions of intelligence. //Social behavior and personality, 1992, 20(1), p. 23-34.
335. Rayburn J.M., Rayburn L.G. Relationship between Machiavellianism and type A personality and ethical orientation. //Journal of business ethics, 1996, 15, 1209-1219.
336. Reese E.P. The analysis of human operant behavior. In: J. Vernon (Ed.), General psychology: A self-selection textbook. – Dubuque, IA: Brown, 1966.
337. Ridolfi R. Vita di Niccol`o Machiavelli. – Firenze, 1978.
338. Riordan C.A., Gross T., Maloney C.C. Self-monitoring gender and the personal consequences of impression management. //American behavioral scientist. 1994, v. 37, №5, p. 715-725.
339. Robins R.W., Paulhus D.L., Delroy L. The character of self-enhancers: Implications for organizations. In: B.W. Roberts, R. Hogan (Eds.), Personality psychology in the workplace. Decade of behavior. Washington, DC: American Psychological Association, 2001, p. 193–222. (doi: 10.1037/10434-008).
340. Rojahn K., Fischer A.H., Willemsen T.M. The social identities of female leaders in different cultural contexts. //Feminism and psychology, 1997, 7, 3, p. 183-207.
341. Sakalaki M., Kanellaki S., Richardson C. Is a Manipulator's Externality Paradoxical? The Relationship Between Machiavellianism, Economic Opportunism, and Economic Locus of Control. // Journal of Applied Social Psychology, 2009, 39, 11, p. 2591-2603.
342. Sartre J. P, Existentialism and human emotions. – New York: Wisdom Library, 1957.
343. Saulsbury M.D., Brown U.J., III, Heyliger S.O., Beale R.L. Effect of dispositional traits on pharmacy students' attitude toward cheating. // American Journal of Pharmaceutical Education, 2011, 75(4), Article 69.
344. Schmitt D.The «Dark Triad» of personality across 57 nations: Evoluation of sex differences and cultural variations of anti-sociality, (http://www.hbes.com/HBES/abst2008.pdf).

345. Shepperd J.A. Socherman R.E. On the manipulative Behavior of Low Machiavellians Feigning Incompetence to «Sandbag» on Opponent. // Journal of Personality and Social Psychology, 1997, 72, 6, p. 1448-1459.
346. Simonton D. K. Presidential personality; biographical use of the gough adjective check list. //J. Pers. and Soc. Psychol. 1986, 51, p. 149-160.
347. Singhapakdi A. Ethical perceptions of marketers: The interaction effects of Machiavellianism and organizational ethical culture. //J. of Business Ethics. 1993, 12, p. 407–418.
348. Singleton C. S. 'The perspective of art', The Kenyon Review, XV. 1953.
349. Skinener Q, 'Machiavelli's Discorsi and the pre-humanist origins of republican ideas', in Bock et al. (eds), Machiavelli's and Republicanism, p. 141
350. Skinner B.F. A matter of consequences. – New York: New-York University Press. – 1984, p. 406-412.
351. Skinner B.F. The steep and thorny way to a science of behavior.// American Psychologiat, 1975, 30, p. 42-49.
352. Skinner N.F. Personality correlates of machiavellianism: V. machiavellianism, extraversion and tough-mindedness in business. //Social Behavior & Personality: An International Journal, 1983, 11, 1, p. 29-33.
353. Sparks J.R. Machiavellianism and Personal Success in Marketing the Moderating Rote of Latitude for Improvisation. //Journal of Academy of Marketing Science, 1994.
354. Spector, P. E. Interactive effects of perceived control and job stressors on affective reactions and health outcomes for clerical workers. – Work & Stress, 1987, 1, p. 155-162.
355. Spitzer M. et al. The neural signature of social norm compliance. /M. Spitzer, U. Fischbacher, B. Herrnberger, G. Grön, E. Fehr. //Neuron, 2007, 56, p. 185-196.
356. Staub E. Helping a distressed person: Social, personality, and stimulus determinants. // Advances in Exp. Soc. Psychol, 1974, 7, p. 293-341
357. Strauss L. Thoughts on Machiavelli. – Chicago and London: University of Chicago Press, 1958.
358. Sullivan R., Allen J. Social deficits associated with schizophrenia defined in terms of interpersonal Machiavellianism. //Acta Psychiatrica Scandinavica, 1999, 99, p. 148-154.
359. Sutton J., Keogh E. Social competition in school: Relationships with bullying, Machiavellianism and personality. //Brit. J. of Educ. Psychol, 2000, 70, 3, p. 443-456.

360. Teven J.J., McCroskey J.C., Richmond V.P. Communication Correlates of Perceived Machiavellianism of Supervisors: Communication Orientations and Outcomes. // Communication Quarterly, 2006, 54, 2, 127-142.
361. Touhy J.C. Intelligence, Machiavellianism and social mobility. //British Journal of the Society of Clinical Psychologists, 1993, 1, 12, 34-37.
362. Viroli M. Machiavelli. – Oxford: Oxford University Press, 1998.
363. Waal de F. Chimpanzee politics: Power and sex among apes. – L.: Jonathan Cape, 1982.
364. Walsh S. J., Cassell C. Ensuring women's psychological well-being at work: integrating clinical and organizational perspectives. //Work and organizational psychology; European contribution of the nineties. Erlbaum, 1995, p. 101-110.
365. Walter H., Anderson C., Martin M. How subordinates' machiavellianism and motives relate to satisfaction with superiors. //Communication Quarterly, 2005, 53, 1, 57-70.
366. Wastell C., Booth A. Machiavellianism: An alexithymic perspective. //J. Soc. and Clin. Psychol. 2003, 22, p. 730-744.
367. Watson P., Biderman M., Sawrie S. Empathy, sex role orientation and narcissism. // Sex Roles, 1994, 30, p. 701-723.
368. Wayne S. J. Liden R. C., Sparrowe R.T. Developing leader-member exchanges. The influence of gender and ingration. //American behavioral scientist. – 1994, 37, 5, p. 697-714.
369. Williams K. et al. The Dark Triad returns: Entertainment preferences and anti-social behavior among narcissists, machiavellians, and psychopaths /K. Williams, A. McAndrew, T. Learn, P. Harms, D. L. Paulhus. http://:// www.psych.ubc.ca/~dellab/RESEARCH/Dark%20Triad/darktriadreturns-apa01poster.pdf.
370. Wilson D.S., Near D., Miller R.R. Machiavellianism: A synthesis of the evolutionary and psychological literatures. //Psychological Bulletin. – 1996, 119, 2, p.285-299.
371. Yong F. Self-concepts, locus of control, and Machiavellianism of ethnically diverse middle school. //Roeper Review. – 1994, 16, 3, p. 192-195.

Ludmila ANȚIBOR

Makiavellismul în structura cunoașterii psihologice contemporane: fundamente teoretice și metodologia de analiză

Monografie

(în limba rusă)

Asistenţă computerizată – *Maria Bondari*

Bun de tipar 20.11.2014. Formatul 70x100 $^{1}/_{12}$.
Coli de tipar 24,0. Coli editoriale 18,0.
Comanda 163/14. Tirajul 100 ex.

Centrul Editorial-Poligrafic al USM
str. Al. Mateevici, 60, Chişinău, MD 2009